

ЭТИ ПИСАТЕЛИ НА ГОЛОВУ ВЫШЕ СВОИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СОПЕРНИКОВ.

Publishers Weekly

ДУГЛАС ПРЕСТОН
ЛИНКОЛЬН ЧАЙЛД

ХОЛОДНАЯ МЕСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

Специальный агент ФБР Алоизий Пендергаст жаждет возмездия за убийство его жены Хелен. Отомстив человеку, отдавшему приказ убить Хелен, Пендергаст решает дать себе небольшую передышку и отправляется поохотиться в Шотландию вместе с братом жены, Джадсоном Эстерхази, не подозревая о его коварных замыслах. Тяжело ранив Пендергаста и загнав его в трясины, Эстерхази напоследок открывает ему ошеломительную правду: Хелен жива! Чудом спасшийся Пендергаст пускается на поиски жены, которые приводят его к очень неприятным открытиям, касающимся прошлого Хелен и ее семьи. Снимая слой за слоем нагромождения чудовищной лжи, он осознает, что правда не менее чудовищна...

Впервые на русском языке!

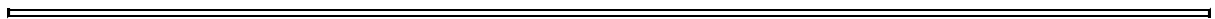
- [Линкольн Чайлд, Дуглас Престон](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)

- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Глава 69](#)
- [Глава 70](#)
- [Глава 71](#)
- [Глава 72](#)
- [Глава 73](#)
- [Глава 74](#)
- [Глава 75](#)
- [Глава 76](#)
- [Глава 77](#)
- [Глава 78](#)
- [Глава 79](#)
- [Глава 80](#)
- [Глава 81](#)
- [Глава 82](#)
- [Глава 83](#)
- \simeq
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)

Линкольн Чайлд, Дуглас Престон

Холодная месть

*Линкольн Чайлд посвящает эту книгу дочери
Веронике*

*Дуглас Престон посвящает эту книгу
Маргарите, Лоре и Оливеру Престон*

Глава 1

Каирн-Бэрроу, Шотландия

Они поднялись на голый хребет, уходящий к вершине Бен-Дерг, и в сумраке уже не смогли разглядеть охотничий домик поместья Килхурн. Сквозь ночной туман лишь слабо пробивался тусклый желтый свет, сочащийся из окон. На гребне Джадсон Эстерхази и специальный агент Алоизий Пендергаст остановились, включили фонари и прислушались. Пять утра, на востоке небо уже сереет, скоро послышится рев оленей-самцов. Идет сезон гона.

Пендергаст и Эстерхази молчали. Ветер шелестел пожухшей травой, стонал над растрескавшимися от морозов камнями. Вокруг — ни единого движения.

— Слишком рано, — произнес наконец Эстерхази.

— Возможно, — пробормотал Пендергаст.

Оба стали терпеливо ждать, пока не наползет с востока предрассветная серость, высветит угрюмые силуэты Грампианских гор, мертвенно и жутко зальет окрестности. Очертания медленно проступали из сумрака. Далеко внизу открылся охотничий домик: немалых размеров особняк с башенками и бастионами из камня, мокрого от ночной сырости, окруженный мрачными темными елями, тяжеловесными, недвижимыми. Впереди вздымались гранитные утесы громады Бен-Дерг, теряясь в сером небе. По склону бежал ручей, срывался каскадом водопадов, устремляясь к черным водам Лох-Дуин тысячью футов ниже. Темная гладь озера едва различалась в зыбком свете. Справа, у подножия, начинались обширные болота, известные как Фоулмайр, «Грязные топи». Над ними расстилался туман. Его колышущиеся языки поднимались вверх, неся слабый запах тления и болотного газа, разбавленный приторным ароматом отцветающего вереска.

Не говоря ни слова, Пендергаст забросил винтовку на плечо и пошел через гребень, постепенно набирая высоту. Эстерхази двинулся следом. Лицо его скрывала тень длинного козырька охотничьей шапки. С высоты открылся вид на весь Фоулмайр,

простирающийся до горизонта, на западе примыкающий к обширной и мрачной заболоченной низине Иниш.

Через несколько минут Пендергаст остановился и предостерегающе поднял руку.

— Что такое? — спросил Эстерхази.

Ответил ему не Пендергаст. Странный, чужеродный, пугающий звук донесся из укрытой меж гор тесной долины: рев благородного оленя во время гона. Рев усиливался и слабел, звук отражался от склонов, эхо дробилось и множилось, жуткое, заунывное, — словно катился над болотами и горами стон проклятой, заблудшей души, полный отчаяния и ярости. В это время года олени носятся по долинам и склонам, отыскивая соперников, дерутся жестоко, иногда и до смерти, за обладание гаремом самок.

В ответ заревели невдалеке, у берегов озера, неукротимо и мощно, затем, уже слабее, послышался рев третьего соперника. От рева и эха, казалось, дрожала земля.

Охотники слушали молча, подмечая направления и особенности рева.

Наконец Эстерхази заговорил еле слышно — слова уносил ветер:

— Тот, в долине, — настоящее чудовище.

Пендергаст не ответил.

— Думаю, нужно выследить именно его.

— Экземпляр из болот еще больше, — пробормотал Пендергаст.

Эстерхази ответил не сразу:

— Тебе ведь известны правила охотничьего домика насчет хождения по болотам?

Пендергаст пренебрежительно махнул холеной рукой:

— Я не из тех, кого волнуют чужие правила. А ты?

Эстерхази поморщился, но смолчал.

Оба выждали, пока серая муть на востоке не окрасилась внезапно алым и настоящий рассветный свет не окатил блеклый пейзаж нагорий. Болота теперь виделись отчетливо: черные «окна» стоячей воды, медленные протоки, торфяники, обманчиво ровные

топкие лужайки, выступы крошащихся скал — унылая сырая пустошь. Пендергаст извлек из кармана складную подзорную трубу, раскрыл, тщательно осмотрел Фоулмайр. Затем протянул трубу Эстерхази:

— Он между первым и вторым пригорками, в полумиле от нас. Одиночка. Самок поблизости нет.

Эстерхази присмотрелся:

— Крона, похоже, с дюжиной отростков.

— Их тринадцать, — уточнил Пендергаст.

— Олень в долине гораздо легче добыть. Проще подобраться незаметно. Мне кажется, на болотах нет ни малейшего шанса. Даже если не принимать во внимание, э-э, некоторый риск блуждания по болотам, олень нас за милю увидит.

— Мы подойдем так, чтобы второй пригорок заслонил нас. Ветер благоприятный — олень нас не учует.

— Пусть так, но топь опасна.

Пендергаст повернулся, взглянул прямо в длинное породистое лицо:

— Джадсон, ты, кажется, боишься?

Тот, захваченный врасплох, выдавил фальшивый смешок:

— Разумеется нет. Но я здраво оцениваю наши шансы на успех. Зачем тратить силы и время на бесплодную погоню в болотах, когда почти такой же отличный олень поджидает нас в долине?

Вместо ответа Пендергаст выудил из кармана монету в один фунт:

— Давай кинем монетку.

— Орел, — неохотно отозвался Эстерхази.

Пендергаст подбросил монету, поймал, прижал к рукаву. Убрал ладонь и сообщил:

— Решка. Первый выстрел — мой.

Он первым направился вниз по склону. Тропы не было, охотники шли по заросшим лишайником, искрошенным скалам, по чахлой траве, где прятались крохотные горные цветы. Ночь отступала, над

болотами сгустился и заклубился туман, скапливаясь в низинах, протягивая языки к пригоркам и скалам. Охотники тихо, крадучись подобрались к оконечности болот. Когда спустились в небольшую крутосклонную ложину у подножия, Пендергаст жестом приказал остановиться. Благородные олени отличаются необыкновенным чутьем, и следовало соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не быть замеченными.

Пендергаст осторожно выглянул за край лощины.

Олень был в тысяче ярдов от охотников и медленно уходил в болота. Словно заметив опасность, он повел головой, принюхался и испустил оглушительный рев. Эхо заметалось в скалах. Зверь встряхнулся и снова принялся обнюхивать почву и щипать редкую траву.

— Господи боже, какой монстр! — прошептал Эстерхази.

— Следует поторопиться, — тихо заметил Пендергаст, — он уходит.

Оба выбрались из лощины и заспешили к оленю, стараясь не попасть в его поле зрения, затем двинулись к пригорку, заслонявшему их от животного. За долгое лето окраины болот подсохли, охотники двигались скоро и бесшумно, шагая с кочки на кочку. К выступу подошли с подветренной стороны. Олень заревел снова — верный признак, что еще не учуял и не заметил людей. Пендергаст вздрогнул: вблизи рев болезненно напомнил львиный. Жестом велел Эстерхази выждать, подобрался к вершине пригорка и осторожно выглянул между лежащими там камнями, пытаясь рассмотреть добычу.

Зверь отошел, оставаясь все так же в тысяче ярдов. Он тревожно поднял голову, принюхиваясь. Встряхнул гривой и снова заревел. Тринадцать отростков. Как минимум пятьсот дюймов общей длины. Странно: гон кончается, а такой красавец не собрал гарем себе под стать. Наверное, некоторые просто рождены оставаться холостяками.

Для точного выстрела далеко. А полагаться на удачу, случайное ранение столь мощного, великолепного животного неразумно. Его следует бить наверняка.

Пендергаст сполз вниз к Эстерхази:

— По-прежнему тысяча ярдов. Далеко.

— Именно этого я и опасался.

— Он чертовски уверен в себе, — заметил Пендергаст. — Никто не охотится в Фоулмайре, вот он и расслабился и за окрестностями почти не следит. Ветер встречный, зверь уходит. Думаю, можно рискнуть, пойти за ним в открытую.

Эстерхази покачал головой:

— Впереди болото, и наверняка не подсохшее.

Пендергаст указал на участок песчаной почвы, где остался олений след:

— Мы пойдем за ним. Он-то уж точно знает надежную дорогу сквозь болота.

— Хорошо, — согласился Эстерхази. — Я за тобой.

Оба взяли ружья на изготовку, осторожно выбрались из-за скалы и двинулись за животным. Олень и в самом деле не обращал особого внимания на окрестности, принюхивался к доносящимся с севера запахам. Происходящее за спиной его, похоже, не интересовало. А фырканье и рев заглушали поступь охотников.

Шли они с чрезвычайной осторожностью. Замирали, как только олень приостанавливался либо сворачивал. Дистанция постепенно сокращалась. Зверь уходил все дальше в топи, очевидно стремясь к источнику уловленного запаха. Охотники двигались пригнувшись, без единого слова. Маскировочные костюмы, приспособленные для шотландских нагорий и болот, идеально скрывали их фигуры. След вел по незаметным участкам твердой почвы, пробирался между вязкими мочажинами, по дрожащим коврам трав над топью, выводил на кочкарник.

То ли от неверной болотистой почвы, то ли от погони — охотники ощутили неловкость и тревогу, словно вблизи зрела опасность.

Наконец приблизились на дистанцию выстрела: триста ярдов. Олень снова замер, повернулся боком, принюхиваясь. Пендергаст едва заметно шевельнул рукой, сигнализируя: время стрелять. Он медленно опустился на колени. Поднял свой штуцер тридцатого калибра, посмотрел в глазок, тщательно прицелился. Эстерхази находился метрах в десяти за его спиной. Сидел на корточках, неподвижный, как камень.

Пендергаст поймал в перекрестье место чуть впереди холки оленя, вдохнул и двинул лежащим на спусковом крючке пальцем.

И вдруг ощутил затылком холодок стали.

— Старина, ты уж прости, — сказал Эстерхази. — Сними палец с крючка. Одной рукой уложи винтовку наземь. Пожалуйста, медленно и спокойно.

Пендергаст опустил винтовку наземь.

— Теперь встань. Медленно.

Пендергаст подчинился.

Эстерхази отступил, не выпуская специального агента ФБР из прицела, и рассмеялся. Эхо разнесло над болотом грубый звук. Краем глаза Пендергаст приметил: напуганный олень вздрогнул и бросился наутек, скрылся в тумане.

— Я надеялся, что до этого не дойдет, — произнес Эстерхази. — Уже двенадцать лет прошло, а ты все не угомонишься, все не хочешь забыть.

Пендергаст промолчал.

— Наверное, ты сейчас спрашиваешь себя: с чего бы это и почему?

— Как ни странно, нет, — бесстрастно ответил Пендергаст.

— Я — тот, кого ты ищешь. Я — неизвестный из проекта «Птицы». Тот, чье имя Чарльз Слейд отказался тебе назвать.

Специальный агент не сказал ничего.

— Я мог бы объяснить, в чем дело, но какой смысл? Мне искренне жаль, поверь. Ничего личного — это просто бизнес.

И снова Пендергаст никак не отреагировал.

— Помолись напоследок, — посоветовал Эстерхази и прицелился.

Затем спустил курок.

Глава 2

В холодной утренней сырости щелчок показался глухим и слабым.

— Боже ж ты мой! — процедил Эстерхази сквозь зубы, выбрасывая затвором негодный патрон и загоняя на место новый.

Щелк!

Пендергаст мигом вскочил на ноги, подхватил винтовку и прицелился.

— Твоя скудоумная уловка провалилась, — сказал он холодно. — Я заподозрил обман, когда ты вздумал спросить в своем чересчур любезном письме, какое оружие я собираюсь взять с собой. Твои патроны не выстрелят. Все возвращается на круги своя. Ты дал Хелен холостые патроны — сейчас такие же и у тебя.

Эстерхази, не отвечая, одной рукой лихорадочно дергал затвор, выбрасывая холостые, а второй полез в сумку за новыми патронами.

— Прекрати, или я выстрелю! — предупредил специальный агент.

Не обращая внимания, Эстерхази выбросил последний холостой, сунул в патронник новый патрон, лязгнул затвором, взводя.

— Отлично! Это за Хелен, — произнес Пендергаст и нажал на спуск.

Винтовка глухо лязгнула.

Мгновенно оценив ситуацию, Пендергаст отпрыгнул и спрятался за скальный выступ, а Эстерхази выстрелил. Пуля попала в камень, срикошетила, брызнув крошкой. Пендергаст откатился, укрывшись надежней, отшвырнул винтовку и выудил кольт тридцать второго калибра — захватил его как резервное оружие. Он вскочил и выстрелил, но Эстерхази успел скрыться за другой стороной выступа. Ответная пуля врезалась в камень рядом с лицом специального агента.

Противники затаились по разные стороны пригорка. Эстерхази засмеялся опять, пронзительно и резко:

— Похоже, и твоя скудоумная уловка провалилась. Думал, я позволю тебе выйти с исправной винтовкой? Прости, старина: я удалил боек.

Пендергаст лежал на боку, тяжело дыша и вцепившись в камень. Ситуация патовая. Враги засели на разных склонах пригорка. Значит, выбравшийся первым на вершину...

Пендергаст вскочил. Цепляясь как паук, вскарабкался наверх — и оказался на вершине в тот же момент, что и Эстерхази. Они столкнулись нос к носу, сцепились и, отчаянно стиснув друг друга, скатились по каменистому склону. Отпихнув родственничка, Пендергаст навел кольт, но Эстерхази ударил стволом по пистолету, словно отбивая клинок клинком. Выстрелы раздались одновременно. Пендергаст ухватил винтовку за ствол и потянул на себя, затем выронил пистолет, чтобы действовать обеими руками.

Враги боролись за винтовку, дергая ее и крутя, пытаясь отбросить друг друга. Пендергаст наклонился и впился зубами в кисть противника. Тот заревел, ударил лбом в лицо специального агента и пнул его с размаху в ребра. Оба снова рухнули на растрескавшиеся камни, раздирая камуфляжные костюмы.

Пендергаст просунул палец к спусковому крючку, дернул, выстрелил и еще раз дернул, стараясь опустошить магазин. Выпустив винтовку, он заехал кулаком в лицо Эстерхази, а тот махнул винтовкой как дубиной и хряснул его в грудь. Ухватившись за приклад, Пендергаст попробовал вырвать оружие, но враг неожиданно дернул его на себя и пнул ногой в лицо, едва не сломав нос. Кровь хлынула ручьем, и Пендергаст отшатнулся, затряс головой, пытаясь прийти в себя, а Эстерхази ткнул его в голову прикладом. Сквозь туман и заливающую глаза кровь специальный агент увидел: враг вытаскивает из сумки патроны, лихорадочно сует в ружье.

Пендергаст ударил снизу по стволу, и пуля ушла в небо. Он бросился к пистолету, перекатился, выстрелил в ответ. Но Эстерхази уже скрылся за пригорком.

Использував передышку, Пендергаст вскочил и устремился прочь. Выстрелил на бегу несколько раз, чтобы не дать противнику высунуться. Сбежав по склону, кинулся прочь, в болота, к низине, где его вскоре поглотил густой туман.

Там он остановился среди чавкающей грязи. Земля под ногами дрожала, будто желе. Пендергаст осторожно нащупал ногой участок твердой почвы и направился вглубь болота, ступая с кочки на кочку, с камня на камень, стараясь не попасть на опасную топь, но в то же время двигаться быстро, чтобы уйти как можно дальше от Эстерхази. Со стороны пригорка донеслись выстрелы, но явно не в нужную сторону. Раздосадованный враг палил наугад.

Пендергаст свернул на тридцать градусов, замедлил шаг. На болотах укрыться негде, разве что за редкими скальными выходами. Туман — почти единственное укрытие. Значит, лучше идти осторожно, пригнувшись.

Пендергаст двигался быстро, хотя и заботился о том, чтобы остаться незамеченным. Часто приостанавливался, пробовал почву. Эстерхази наверняка пойдет следом, иного выбора нет. А он — великолепный следопыт, пожалуй лучший, чем Пендергаст. На ходу специальный агент вынул из рюкзака платок, прижал к носу, чтобы остановить кровь. Он чувствовал, как шевелятся в груди, скребутся друг о друга сломанные ребра. Драка была жестокой. Пендергаст мысленно выругал себя за то, что не проверил винтовку перед выходом, как того требовали правила. Оружие оставалось под замком в оружейной комнате охотничьего домика. Наверное, Эстерхази хитростью заполучил доступ туда. Удалить боек — дело пары минут. Пендергаст недооценил противника. Нельзя снова допустить подобное.

Вдруг он остановился, приглядываясь к земле: на участке, засыпанном мелкими камнями, отчетливо различался след оленя, за которым они и направлялись в болота. Пендергаст прислушался, глядя назад. С болот рваными неровными столбами поднимался туман, то открывая, то закрывая горные вершины и склоны. Пригорок, где они дрались, уже скрылся из виду. Не было заметно и преследователя. Окрестности залил тусклый серый свет, на севере же почернело. Тьму на мгновения рассеивали далекие вспышки молний — надвигалась буря.

Перезарядив кольт, Пендергаст направился в глубину болот, идя по едва заметному оленьему следу. Животное выбирало дорогу, руководствуясь известными ему одному приметам, с беззаботной уверенностью ступая меж топких промоин и полос вязкой грязи.

От врага не скрыться — он идет по следу, не отстает. Из этих

болот живым выберется только один.

Глава 3

Едва заметный олений след вел по зыбким топям, огибая трясину. Пендергаст упорно шел по нему навстречу шторму. Небо потемнело. Над болотами пронесся далекий еще раскат грома. Пендергаст шел быстро, приостанавливаясь лишь затем, чтобы рассмотреть след зверя. В это время года топи были особенно опасны: выросшая долгим летом высокая трава спрятала промоины, озерца липкой грязи, создала обманчиво прочную корку, готовую немедленно проломиться под тяжестью человека.

Сверкнула молния, хлынул ливень. Свинцовое небо обрушило наземь россыпь ледяных брызг. Поднялся ветер, зашелестел в кустах вереска, неся с запада ядовитые миазмы низины Иниш — залитой стоячей водой обширной равнины, где там и сям торчали островки камыша и аира, качающегося на ветру. Пендергаст шел по следу больше мили. След постепенно вывел на возвышение, к почве более сухой и прочной. Внезапно сквозь расступившийся туман Пендергаст увидел руины. Впереди на пологом пригорке виднелись остатки старой пастушьей хижины и загона для скота, резко очерченные блеском молний. За холмом лежал неровный берег Фоулмайра. Изучив примятую поросль дрока, специальный агент выяснил: олень прошел сквозь руины и направился к обширным болотам за ними.

Пендергаст быстро взшел на пригорок и осмотрелся. Крыша хижины обвалилась, камни заросли лишайником и растрескались, среди руин свистел ветер. За ними склон выводил к топям, почти скрытым поднимавшимся плотным туманом. Руины господствовали над местностью. Идеальная оборонительная позиция: обзор во все стороны, возможность для засады и укрытия. Именно потому Пендергаст не остановился, последовал дальше, в сторону низины Иниш. Нашел олений след и на мгновение растерялся: кажется, тот уводил в тупик. Наверное, зверь занервничал, чувствуя погоню. Вернувшись вдоль края трясины, Пендергаст приблизился к густым зарослям камыша, где в воду уходил усеянный камнями длинный выступ берега. Череда валунов давала не слишком надежное, но очевидное укрытие. Пендергаст остановился, обвязал носовым платком камень, уложил на нужное место среди валунов. Затем отправился дальше. За косой обнаружил искомое: плоскую

обширную скалу, чуть прикрытую водой и окруженную зарослями тростника. Заметил: олень тоже проходил здесь, направляясь вглубь топей. На первый взгляд место казалось очевидным тупиком, где нельзя спрятаться и крайне неудобно обороняться. Именно потому оно годилось как нельзя лучше.

Пендергаст прошел по скале, старательно избегая топи по обе ее стороны, и укрылся среди камыша, надежно спрятанный от взгляда со стороны. Там он присел на корточки в ожидании. Небо располосовала молния, громыхнул гром. От болот волнами катился туман, временами закрывая руины на пригорке. Несомненно, Эстерхази не заставит себя ждать. Конец близок.

Джадсон Эстерхази остановился присмотреться к почве. Нагнулся, попробовал пальцами россыпь мелких камней, сдвинутых оленьими копытами. Следы Пендергаста были не столь заметными, но все же различимыми: примятая земля, пригнутые стебли травы. Беглец не решился встретить преследователя лицом к лицу — побежал в топи вслед за оленем, по петляющему следу. Разумно. Туда без проводника не сунется никто в здравом уме, но животное даст фору любому двуногому проводнику. Накатила буря, туман сгустился. Стемнело так, что без фонарика было не пройти. Осторожно прикрывая его рукой, чтобы свет не рассеивался и оставался незаметным, Эстерхази освещал почву, отыскивая следы.

Ясно было, что Пендергаст намеревается заманить его далеко в болота и убить. При всех изысканных манерах джентльмена из южных штатов США специальный агент был самым жестоким, беспринципным, расчетливым и безжалостным бойцом из всех, кого знал Эстерхази.

Молния разорвала тьму над безлюдной пустошью, и сквозь просвет в тумане Эстерхази заметил руины на пригорке в полумиле от себя. Он остановился, размышляя. Отличное место для того, чтобы укрыться и устроить засаду. Потому следует приблизиться неожиданным образом и подстеречь подстерегающего. Но, окинув наметанным глазом строение, Эстерхази решил: Пендергаст едва ли станет прибегать к столь очевидному.

Впрочем, ни в чем нельзя быть уверенным.

Среди пустоши трудно укрыться, но, соизмеряя свои движения с

перемещениями масс тумана, можно использовать для укрытия густые клубы испарений, накатывающие от болот. Словно в ответ на эту мысль пришел туман, густая пелена, будто обернувшая ватой, спрятавшая мир. Эстерхази поспешил к руинам, двигаясь гораздо быстрее на твердой почве. В сотне метров под вершиной пошел кругом, чтобы приблизиться неожиданно, сзади. Ливень усилился, хлестал тяжело, а над болотами катились один за другим тяжкие раскаты грома.

Туман на несколько секунд разнесло. Охотник присел на корточки, всмотрелся в руины наверху. Никаких следов Пендергаста.

Туман пришел снова, и Эстерхази, держа винтовку наготове, поднялся к руинам, к изгороди старого загона. Пригнувшись, двинулся вдоль нее. Новый разрыв в тумане позволил глянуть сквозь щель между камнями.

Никого. Дальше — хижина с обвалившейся крышей.

Он подошел со стороны загона, прячась за изгородью. Кинулся к хижине и прижался к стене. Затем подкрался к пустому окну, подождал просвета в тумане. Задул ветер, вздыхая в камнях и скрадывая звуки. Пользуясь им, Эстерхази приготовился и, когда туман чуть поредел, метнулся к окну, выставил винтовку — нигде в доме не укрыться от пули.

Напрасно. Внутри — никого.

Эстерхази перепрыгнул через подоконник, сел на корточки внутри, лихорадочно соображая. Как он и подозревал, Пендергаст не стал делать очевидного, не занял стратегически выгодную позицию. Но куда же он делся? Эстерхази вполголоса ругнулся. От Пендергаста можно ожидать только неожиданного.

Снова накатил туман, и преследователь, скрытый от взора добычи, обыскал окрестности руин в поисках следов. Нашел не без труда — сильный дождь почти уничтожил их. Эстерхази спустился по склону к топам. Сквозь просвет в тумане рассмотрел местность впереди: тупик, выступ твердой почвы, утыкающийся в низину Иниш. Наверняка Пендергаст укрылся вблизи края топей. Эстерхази ощутил подступающий панический страх. Он еще раз осмотрел местность. Вряд ли хитрая добыча укрылась в камышах среди болота. Но вон полоса твердой почвы вдается в хлябь... Подзорная труба помогла разглядеть невысокую гряду валунов. За ними, несомненно,

можно спрятаться. Господи боже, да вот он: среди камней чуть заметное, крохотное белое пятно.

Альтернативы нет: больше спрятаться негде. Пендергаст залег там и желает подстеречь преследователя, идущего вдоль края топей. Неочевидный, неожиданный ход — как раз в духе специального агента. Но переиграть его нетрудно.

Спасительный туман вернулся, и Эстерхази, спустившись по склону, вскоре опять оказался среди коварных трясин и двинулся по двойному следу — Пендергаста и оленя. У края болот пришлось ступать с кочки на кочку. Почва колыхалась под ногами. Эстерхази вынужден был свернуть, выйти на почву надежнее, откуда бы ясно просматривалась обратная сторона гряды, за которой спрятался противник. Выйти на линию выстрела.

Эстерхази присел за бугром, ожидая, пока туман расступится и даст выстрелить.

Прошла минута, и ожидаемый просвет появился. Вот оно, отчетливо видимое белое пятно — край рубашки Пендергаста. Он залег там и выжидает, ни о чем не подозревая. Цель невелика, но для верного выстрела хватит. Эстерхази прицелился.

— Встань медленно, без резких движений! — приказал бесплотный голос за спиной — как будто заговорило само болото.

Глава 4

Эстерхази застыл на месте.

— Вставая, держи винтовку в левой руке. Вытянутой!

Но Эстерхази все не мог двинуться. Как же так? Невозможно!

П-пинг!

Пуля врезалась в землю между ног, вздыбив фонтанчик грязи.

— Повторять не стану, — предупредил голос.

Держа винтовку в левой руке, Эстерхази встал.

— Выпусти оружие и повернись!

Он выронил ружье, повернулся — и увидел в двадцати ярдах Пендергаста, который поднимался из густого камыша, на первый взгляд растущего из болота. Но Эстерхази тут же заметил лежащую у поверхности воды узкую, неровную гряду оставленных ледником валунов, окруженных липкой грязью.

— У меня лишь один вопрос, — сказал Пендергаст, и его голос едва слышался в завываниях ветра. — Как ты мог убить свою сестру?

Эстерхази молчал.

— Я требую ответа!

Но Эстерхази не мог заставить себя говорить. Он смотрел в лицо Пендергаста и видел свою смерть. Невыносимый страх окутал его холодным мокрым одеялом, рассудок заполонили сожаление, ужас — и облегчение. Теперь уже выхода нет. Но уйти следует достойно, не дать Пендергасту возможности насладиться унижением. Его смерть не избавит специального агента от больших затруднений. В ближайшие месяцы жизнь его будет нелегкой.

— Стреляй скорее! — буркнул Эстерхази.

— Не хотим объяснять? Никаких слезливых оправданий, мольбы о понимании и пощаде? Я разочарован, — объявил Пендергаст, целясь.

Эстерхази закрыл глаза.

И вдруг словно взорвалось: грохот, плеск, топот! Рыжая шерсть, огромные рога — из камышей вырвался олень. Он задел рогом Пендергаста, вышиб оружие, а его самого отшвырнул в болото. Зверь ускорился прочь, а Пендергаст зашатался и заметался, и Эстерхази понял: удар отбросил врага в топь, в липкую, вязкую грязь, едва прикрытую тонким слоем воды.

Подхватив ружье, Эстерхази прицелился и выстрелил. Пуля ударила в грудь, швырнув противника спиной в трясины. Эстерхази прицелился снова, но вовремя опомнился. Если тело найдут, вторую пулю не объяснишь случайностью охоты. Он опустил ружье и стал наблюдать.

Пендергаст барахтался в грязи. Трясина крепко схватила его, он выбивался из сил, но все напрасно. По его груди расплзалось темное пятно. Попадание не смертельное, но достаточное для очень тяжелого ранения. Пендергаст выглядел жалко: одежда изодрана и окровавлена, белесые волосы измызганы грязью, потемнели от влаги. Он закашлялся, и на губах запузырилась кровь.

Ага! Будучи врачом, Эстерхази больше не сомневался: рана все-таки смертельна. Пробитое легкое, пневмоторакс, и, скорее всего, разорвана левая подключичная артерия, быстро заполняющая легкие кровью. Если бы Пендергаст и не тонул в грязи, он все равно умрет через несколько минут.

Уже погрузившись по пояс, специальный агент прекратил барахтаться и молча посмотрел на убийцу. Ледяной блеск в серых глазах говорил о ненависти и отчаянии лучше любых слов. Взгляд этот поразил Эстерхази до глубины души.

— Хочешь ответа на свой вопрос? — спросил он. — Слушай же: я не убивал Хелен. Она жива.

Дождаться, пока несчастный целиком уйдет в грязь, не было сил. Эстерхази отвернулся и зашагал прочь.

Глава 5

Льющийся из окон охотничьего домика свет за пеленой дождя казался мутным и тусклым. Джадсон Эстерхази ухватил тяжелое железное кольцо на двери, потянул на себя и, пошатываясь, ввалился в гостиную, чьи стены были украшены рядами огромных оленьих рогов и средневековыми доспехами.

— Помогите! — крикнул он. — Кто-нибудь, на помощь!

У большого, ярко полыхающего камина столпились постояльцы с полдничным чаем и кофе, а кое-кто уже и с виски. Они обернулись на крик, с удивлением глядя на вошедшего.

— Мой друг застрелен!

Раскат грома заглушил его слова. Задрезжали стекла в свинцовых оконных рамах.

— Застрелен! — прокричал Эстерхази, оседая на пол. — Помогите!

Опомнившись, люди кинулись к нему. Эстерхази лежал на полу, закрыв глаза, и слушал оживленный гомон над собой.

Послышался суровый голос с отчетливым шотландским выговором:

— Расступитесь-ка!

Ага, это Кромарти, хозяин охотничьего домика.

— Отойдите, дайте ему отдышаться!

Эстерхази ощутил прикосновение стакана с виски к губам, отпил немного. Открыл глаза, попытался приподняться.

— Что случилось? О чем вы говорите?

Над ним нависло лицо Кромарти: аккуратно подстриженная борода, очки в тонкой металлической оправе, шевелюра песочного цвета, тяжелая угловатая челюсть. Внушительный тип. Но сыграть обессиленную жертву несчастного случая перед ним — проще простого. К тому же Эстерхази и в самом деле перепугался до полусмерти, вымок и продрог, едва шевелился. Он глотнул еще виски. Крепкий, отдающий торфом солодовый напиток — точно

живительный огонь в глотке.

— Мой зять... мы выслеживали оленя в Фоулмайре...

— В болотах? — спросил Кромарти с неожиданной резкостью.

— Настоящего гиганта, — с усилием выговорил Эстерхази.

— Пойдемте к огню.

Кромарти протянул руку, помог встать. Старый егерь Робби Грант поспешил на помощь, взял Эстерхази под другую руку. Хозяин с егерем сообща стянули пропитанную водой камуфляжную куртку, усадили охотника в кресло у камина. Эстерхази расслабленно откинулся на спинку.

— Рассказывайте! — потребовал Кромарти.

Вокруг столпились изумленные и взволнованные гости.

— Мы поднялись на Бен-Дерг и заметили оленя... внизу, в Фоулмайре.

— Но вам же известны правила!

Эстерхази покачал головой:

— Да, известны. Но тот зверь был настоящим монстром. Тринадцать отростков. Зять настоял. Мы пошли за ним вглубь болот, почти до Иниша. Затем разделились...

— Вы что, совсем не соображаете? — Пронзительный тенорок егеря дрожал от возмущения. — Разделились??

— Нужно было загнать оленя. Прижать его к трясине. Однако нанесло туману, видимость стала почти нулевой, олень бросился наутек. Я заметил движение и выстрелил. — Он замолчал, сделал глубокий вдох. — Попал зятю в грудь. — Всхлипнул и прикрыл лицо руками.

— И вы оставили раненого среди болота? — сурово спросил Кромарти.

— Господи... — Эстерхази заплакал, шмыгая носом. — Он в топь упал... его засосало...

— Погодите-ка, — остановил его Кромарти холодным тоном и медленно произнес, отчетливо выговаривая каждое слово: — Сэр, вы утверждаете, что отправились с зятем в Фоулмайр, случайно

подстрелили зятя и он упал в трясину. Вы именно это утверждаете?

Эстерхази молча кивнул, по-прежнему закрывая лицо ладонями.

— Господи боже... он ведь мог остаться в живых! Хотя малейшую возможность этого вы допускаете?

Эстерхази покачал головой.

— Уверены?

— Уверен, — всхлипнул Эстерхази. — Он утонул. Мне так жаль... Боже! — взвизгнул он неожиданно. — Я убил своего зятя! — И начал раскачиваться, обхватив руками голову. — Простите, простите меня...

Потрясенные постояльцы молчали.

— Он не в себе, — пробормотал старый егерь Робби Грант. — Болотная лихорадка, ясное дело.

— Уведите их отсюда! — рыкнул Кромарти, указывая на гостей. — Робби, звони в полицию. Вы из этой винтовки стреляли? — спросил он у Эстерхази, ткнув пальцем в оружие, валяющееся на полу.

Тот кивнул растерянно и жалко.

— Никому ее не трогать!

Гости покинули гостиную, перешептываясь и качая головами. Сверкнула молния, мощно ударил гром. По окнам хлестал ливень. Эстерхази выпрямился, медленно опустил руки. Сквозь мокрую одежду чувствовалось живительное тепло от близкого пламени. И душу потихоньку заполняло столь же удивительное, спасительное тепло, вытеснявшее ужас. Нахлынуло облегчение, почти радостное возбуждение. Все уже позади. Опасность миновала! Пендергаста больше нечего бояться. Джинн снова в бутылке. Враг мертв. Что же касается его партнера, д'Агосты, и той женщины, нью-йоркского копа, — со смертью Пендергаста змея лишилась головы. Это конец. Настоящий. Судя по всему, шотландская деревенщина поверила. Ничего противоречащего его рассказу здесь не найдут. Эстерхази не поленился заботливо собрать все гильзы, кроме одной, оставленной в нужном месте, — пусть ее найдут местные власти. Винтовка Пендергаста и стреляные гильзы покоятся на дне топи вдалеке от места его гибели. Их никогда не отыщут. Конечно, винтовку будут

искать, но она легко может затеряться в вязкой грязи болота. О пистолете тут никто не знал, а его Эстерхази отправил вслед за винтовкой. Если оленьи следы вопреки ливню уцелеют, то подтвердят рассказанное.

— Черт его раздери, — пробормотал Кромарти.

Он взял с каминной полки бутылку, налил себе порцию виски и принялся расхаживать перед камином, потягивая напиток и не обращая внимания на Эстерхази.

Явился Грант:

— Полиция из Инвернесса уже на пути сюда, сэр. С ними поисковая команда с крючьями.

Кромарти повернулся, залпом допил виски, налил себе еще и свирепо взглянул на Эстерхази:

— Вы, сэр, чертов болван, вы меня поняли? Сидите и ждите, пока констебли не приедут, ясно вам?

Старый охотничий домик дрогнул от очередного громового раската. Над пустошью завыл ветер.

Глава 6

Прошло больше часа, прежде чем явилась полиция — лихо подкатила по гравию к самой двери, сверкая мигалкой. Буря миновала, оставив лишь спешащие по небу свинцовые облака. Полицейские были в синих пластиковых плащах, в сапогах и непромокаемых шапках. Они протопали по каменным ступеням и ввалились в дверь — воплощенная государственная важность. Эстерхази с удовольствием наблюдал за ними, сидя в кресле. С такими нечего бояться. Усердные, основательные служаки без капли воображения.

Последним вошел главный — единственный не в униформе. Эстерхази рассмотрел его украдкой: по меньшей мере шесть футов пять дюймов, лысое темя окаймляет жиденький белобрысый венчик, лицо узкое, нос будто лезвие топора. Идет, чуть наклонившись вперед, словно готов в любое мгновение рассечь носом преграду. Однако сей режущий орган имел двусмысленно красноватый оттенок, портя картину общей серьезности, и полицейский начальник периодически вытирал его платком. Одет начальник был в потертый костюм для охоты: брезентовые штаны с пропиткой, трикотажный свитер в обтяжку, поверх — расстегнутая брезентовая куртка.

— Привет, Кромарти, — произнес он, вяло протягивая руку.

Кромарти зашел навстречу. Оба отошли в угол зала, заговорили вполголоса, изредка поглядывая на Эстерхази.

Затем офицер подошел и уселся в кресло рядом с виновником всей этой суеты.

— Я — главный полицейский инспектор Балфур из Северного управления, — представился он. Руки для пожатия не протянул, но подался вперед, поставив локти на колени. — Вы — Джадсон Эстерхази?

— Да, это я.

Полицейский вытащил небольшой блокнот:

— Хорошо, доктор Эстерхази. Расскажите мне, что случилось.

Эстерхази рассказал в подробностях от начала до конца,

запинаясь, собираясь с мыслями, всхлипывая. Балфур прилежно записывал. Дослушав, захлопнул блокнот и приказал:

— Пойдете с нами к месту происшествия.

— Я не уверен... — Эстерхази судорожно сглотнул. — Я не смогу... опять туда...

— Уверен, что сможете, — сухо заметил инспектор. — С нами пара гончих. И мистер Грант. Он знает болота как свои пять пальцев.

Встал, глянул на часы — большой наручный хронометр, каким пользуются яхтсмены.

— У нас пять часов светлого времени.

Эстерхази неохотно поднялся, изображая уныние и растерянность. Снаружи полицейские нагружали себя веревками, рюкзаками и разным оборудованием. У начала подъездной дороги кинолог выгуливал на газоне пару гончих на поводке.

Часом позже, пройдя вдоль склона Бен-Дерг, команда прибыла к краю Фоулмайра, отмеченному прерывистой линией валунов.

Над болотами лежал туман. Солнце уже клонилось к горизонту, терявшемуся в серой дымке. Ветер стих, стало душно. Болотные «окна» казались черными гладкими зеркалами. Слегка пахло прелью.

— Доктор Эстерхази, куда идти? — хмуро спросил Балфур, сложив на груди руки.

Тот растерянno огляделся:

— Все такое одинаковое...

Нет смысла усердствовать. Пусть выясняют сами.

Огорченный Балфур покачал головой.

— Инспектор, псы взяли след, — донесся из тумана сочный шотландский выговор егеря. — И приметы есть кой-какие.

— Это здесь вы зашли в болота? — спросил Балфур.

— Должно быть...

— Отлично. Собаки пойдут по следу. Мистер Грант, держитесь с ними впереди команды. Мы с доктором Эстерхази — последние. Мистер Грант знает верную тропу, идите по его следам.

Инспектор замолчал, извлек трубку, заранее набитую табаком, закурил.

— Если кто-нибудь завязнет, не мчитесь к нему, будто стадо чертовых болванов. Сами завязнете. У нас есть веревки, телескопические штанги с крючьями, спасательные круги. Можем вытащить любого, угодившего в зыбун. — Он пыхнул трубкой и обвел взглядом остальных. — Мистер Грант, хотите что-нибудь добавить?

— Да, — ответил маленький сморщенный егерь тоненьким, почти девичьим голосом, опираясь на трость. — Если завязнете — не барахтайтесь. Осторожно лягте на грязь, пусть тело плавает на поверхности. — Он пристально посмотрел на Эстерхази из-под косматых бровей: — Мистер доктор, когда вы гонялись по болоту за оленем, вы видели какие-нибудь приметные места?

— Какие места? — спросил Эстерхази конфузливо. — Тут же пустошь, все одинаковое...

— Руины, кучи камней, отдельные валуны — вот я о чем.

— Руины... да, вроде бы мы проходили мимо.

— Как они выглядели?

— Если память не подводит... — Эстерхази наморщил лоб, изображая напряжение памяти. — Кажется, загон каменный и развалины небольшого домика на пригорке, а за ним — болота, влево тянутся.

— Ага, старый загон у лога, — заключил егерь и, не говоря более ни слова, затопал по траве, мху и вереску.

Гончие с кинологом поспешили следом. Егерь ступал уверенно и споро, наклонив голову и крутя на ходу тростью. Косматые седые кудри, выбивавшиеся из-под нахлобученного кое-как твидового кепи, казались нимбом.

С четверть часа двигались в тишине, прерываемой лишь сопением и поскуливанием псов и шепотом кинолога. Небо вновь затянуло плотными облаками. Хотя до заката было еще много времени, смерклось. Полицейские включили мощные фонари, зашарили снопами света в холодном тумане. Изображавший растерянность и невежество Эстерхази слегка испугался: вдруг и в самом деле заблудились? Все выглядело странно и незнакомо.

Спустились в очередную пустынную ложбину — и вдруг собаки замерли. Забегали кругами, приняхиваясь, а затем кинулись вперед, натянув поводки.

— Стоять! — прикрикнул кинолог, дергая поводки.

Псы возбужденно залаяли. Басовитые хриплые звуки, подхваченные эхом, покатались над топами.

— Что с ними? — раздраженно спросил Балфур.

— Не знаю. Стоять! Место!

— Бога ради, оттащите их! — заверещал Грант.

— Ч-черт!!

Кинолог дернул поводки на себя, но собаки изо всех сил рванулись вперед, захлебываясь лаем.

— Осторожно! — вскрикнул егерь.

Испустив полный отчаяния и ужаса вопль, кинолог рухнул в трясины. Проломил тонкий слой мха, забарахтался, замахал руками. Пес угодил в топь рядом с ним, и лай сменился жалобным скулежом. Животное забило лапами, вытянуло шею.

— Не дергайся! — заорал Грант, его тонкий голосок прозвучал как собачий визг. — Ложись на топь спиной, ложись!

Но кинолог, объятый паникой, не обратил внимания на совет.

— Помогите! — завизжал он, расплескивая грязь, трясясь и дергаясь.

— Шест сюда! — скомандовал Балфур.

Полицейский спецкоманды уже сбросил рюкзак и отвязал шест с закругленной рукоятью на одном конце и широкой веревочной петлей на другом. Он раздвинул телескопический шест, стал на колени у края зыбуны, петлю затянул вокруг талии, конец с ручкой протянул над топью.

Пес затыкал, загреб передними лапами.

— Помогите! — завопил утопающий кинолог.

— Болван, хватайся!! — заорал Грант.

Тонкий визгливый голос пробился в затуманенный паникой

рассудок, и кинолог вцепился в ручку.

— Тяни!

Полицейский отклонился назад, используя вес тела, чтобы вытащить утопающего. Кинолог изо всех сил держался за ручку, его туловище постепенно выползло из чавкающей трясины. Наконец беднягу вытянули на твердую почву. Он лежал, покрытый липкой грязью, и судорожно дышал.

Пес же исходил жалобным визгом, молотя передними лапами по грязи.

— Захватите ему лапы петлей! — закричал Грант.

Полицейский уже вытащил веревку и соорудил петлю. Бросил — недолет. Пес брызгал слюной, закатив глаза.

— Еще раз!

Теперь петля упала на собаку.

— Затяни и тащи!

Полицейский затянул, но пес, чувствуя петлю на шее, задержался из стороны в сторону и сбросил веревку.

Эстерхази с ужасом и любопытством наблюдал за погибающим животным.

— Он утонет! — произнес кинолог, немного оправившийся от шока.

Еще один полицейский достал веревку и завязал скользящий узел на манер ковбойского лассо. Присел на корточках у края топи, осторожно кинул — и промазал. Подтянул к себе, расслабил петлю, приготовился кинуть снова.

Но пес быстро уходил в грязь. Теперь над поверхностью торчала только голова, от напряжения жилы на шее вздулись. Разинутая пасть была подобна розовой пещере, из которой неся истощенный захлебывающийся вой.

— Бога ради, сделайте хоть что-нибудь! — завопил кинолог.

— Оооооуууу! — разносилось над болотами.

— Кидай снова! Быстрей!

Полицейский бросил лассо и опять промазал.

И вдруг настала тишина. Даже не булькнуло. Мгновение — и тихо. Последний изданный псом звук прокатился над трясиной и угас. Грязь сомкнулась, поверхность ее выровнялась. Гладь вздрогнула пару раз и успокоилась.

Вставший было кинолог снова опустился на колени и пробормотал:

— Господи боже...

Балфур сурово посмотрел на него и произнес тихо, но непреклонно:

— Сожалею. Но мы должны продолжить поиски.

— Нельзя бросать его тут!

Балфур повернулся к егерю:

— Мистер Грант, ведите нас к руинам. А вы, сэр, лучше позаботьтесь о втором псе. Нам он еще пригодится.

Без лишних слов собрались и отправились дальше. С кинолога капала грязь, она же чавкала под ногами. Оставшаяся гончая тряслась и скулила — проку с нее было немного. Грант снова зашагал с поразительной скоростью, уверенно ступая короткими ногами, крутя тростью, лишь временами приостанавливаясь, чтобы ткнуть ее окончечностью в землю и неодобрительно хмыкнуть.

К удивлению Эстерхази, егерь нашел дорогу. Начался пологий склон, и впереди в слабом вечернем свете обозначились руины загона и хижины.

— Как вы шли? — спросил Грант.

— Мимо руин и спустились с другой стороны, — ответил Эстерхази.

Команда взобралась на пригорок, прошла мимо руин.

— Кажется, здесь мы разделились, — сказал доктор, указывая на место, где он сошел со следа Пендергаста, пытаясь зайти с фланга.

Егерь обследовал землю, буркнул что-то себе под нос и кивнул.

— Ведите! — приказал Балфур.

Эстерхази пошел впереди, Грант — сразу за ним, освещая дорогу мощным фонарем. Сноп желтого света пробивался сквозь туман,

выхватывал из темноты камыши и аир у края топей. Наконец Эстерхази остановился.

— Здесь... он утонул здесь. — Он указал на широкое гладкое «окно» у края топей, закрыл лицо руками и всхлипнул. — Это был кошмар, настоящий ужас. Господи, прости меня!

— Все назад, — приказал Балфур, махнув для убедительности рукой. — Установим фонари. Доктор Эстерхази, вы покажете нам в точности, что здесь случилось. Эксперты обследуют землю, а потом мы прочедем зыбун.

— Прочешете зыбун? — переспросил Эстерхази.

Инспектор сердито посмотрел на него:

— Именно. Чтобы найти тело.

Глава 7

Эстерхази терпеливо ожидал, стоя за уложенной наземь желтой лентой, пока эксперты-криминалисты, по-старушечьи согнувшись, в холодном желтушном свете фонарей шарили в поисках улики. Болото, ночь, туман — и копошащиеся в грязи люди.

Эстерхази наблюдал с удовольствием, потихоньку перерастающим в радость. Все отлично! Они нашли одну-единственную, специально оставленную гильзу и, вопреки ливню, отыскивали едва заметные оленьи следы, а также тщательно отметили примятый вереск там, где Пендергаст и Эстерхази сошлись. Вдобавок обнаружили и место, где олень вырвался из камыша. Все подтверждало рассказанное.

— Ладно, парни, заканчивайте и собирайте оборудование, — приказал Балфур. — Давайте проверим трясину!

Эстерхази содрогнулся от нетерпения и отвращения. Хотя и жутковато, но так хочется увидеть, как тело врага вытаскивают из грязи. Славная жирная точка в финале тяжелого противоборства.

На куске миллиметровой бумаги Балфур набросал контуры топи и размеры: примерно двенадцать на восемнадцать футов. Нарисовал и схему траления.

Его подчиненные прицепили веревку к стальной кошке, зловеще сверкающей острыми зубцами в свете фонарей, прикрепили свинцовые грузила. Двое стали поодаль, держа веревку, третий примостился на самом краю топи. Балфур, сверившись с чертежом, сообщил направление, и полицейский швырнул кошку через колышущуюся трясину. Та шлепнулась у дальнего края и немедленно ушла вниз под весом грузила. Когда она легла на дно, те двое, что держали веревку, потянули ее. Кошка медленно поползла через топь, веревка то провисала, то снова натягивалась. Эстерхази напрягся в ожидании.

Спустя минуту кошку вытащили — ничего, кроме грязи и водорослей. Балфур, не выпуская планшета с чертежом, ухватил кошку рукой, затянутой в резиновую перчатку, осмотрел зубцы и покачал головой.

Сместились на восемнадцать дюймов вдоль берега, снова кинули, протащили. Снова водоросли. Сместились, кинули, протащили.

С каждой новой порцией водорослей, извлеченных кошкой, Эстерхази делалось все сквернее. Все тело ныло, укушенная рука пульсировала болью. Наконец полицейские приблизились к тому месту, где ушел в грязь Пендергаст. Бросили кошку прямо туда, потянули.

Кошка застряла — наверняка зацепилась за что-то большое, лежащее на дне.

— Нашли! — объявил полицейский.

Эстерхази затаил дыхание.

— Не спешить! — приказал Балфур. Он нетерпеливо подался вперед и напрягся, как пружина. — Тяните осторожно, плавно!

К тянущим присоединился третий. Они тащили, перебирая руками веревку, а Балфур то и дело приговаривал, чтобы не торопились.

— Выходит, — проворчал один.

Поверхность трясины вспучилась, грязь растеклась в стороны. На поверхности показался залепленный грязью бесформенный предмет, похожий на бревно.

— Медленно! — предупредил Балфур.

Словно огромную пойманную рыбу, полицейские удерживали труп на поверхности, пропихивая под него нейлоновые стропы.

— Хорошо. Поднимайте!

Единым усилием вырвали труп из трясины, шлепнули на расстеленный пластик. Грязь потекла ручьями, и в ноздри ударила жуткая трупная гниль. Эстерхази отшатнулся назад.

— Какого черта? — пробормотал инспектор.

Он склонился над трупом, дотронулся до него затянутой в перчатку рукой. Махнул полицейскому:

— Обмойте!

Полицейский с подоспевшим экспертом склонились над головой

трупа и, прыскаая из бутылки, смыли грязь. Вонь пошла невероятная. Сделалось дурно, в глотку толкнулся жгуче-кислый комок желчи. Полицейские спешно закуривали.

Балфур выпрямился и сообщил равнодушно:

— Это овца. Оттащите в сторону, это место обмойте как следует, и продолжим поиски.

Полицейские работали молча, и вскоре кошка опять полетела в воду. Прочесывали снова и снова, и всякий раз — одна трава. Вонь гниющей овцы покрывалом легла на окрестности. Снедаемый нетерпением и стрессом, Эстерхази едва держался. Почему они не могут отыскать тело?

Наконец прочесали и дальнюю часть топи. Балфур собрал команду чуть в стороне, полицейские вполголоса посоветовались. Затем Балфур подошел к Эстерхази:

— Вы уверены, что ваш зять утонул именно здесь?

— Конечно уверен! — выпалил Эстерхази на грани истерики, пытаясь совладать с дрожью в голосе.

— Сомневаюсь, что мы здесь что-нибудь найдем.

— Да там он, там! — почти прокричал Эстерхази. — Вы же сами нашли и мою гильзу, и следы в траве! Вы знаете, что это то самое место!

Балфур посмотрел на него пытливо:

— Похоже, что да, но...

— Вы должны его найти! Бога ради, тральте все снова!

— Да, конечно. Однако вы видели, как тщательно мы все обыскали. Если бы тело там было...

— Но ведь течение! — воскликнул Эстерхази. — Его могло унести!

— Там нет никакого течения.

Эстерхази глубоко вдохнул, отчаянно стараясь взять себя в руки. Он попытался говорить спокойно, но голос предательски дрогнул.

— Слушайте, мистер Балфур! Я знаю: тело здесь. Я видел, как он тонул!

Балфур кивнул полицейским и приказал:

— Тральте снова, под прямым углом к прежним направлениям.

Полицейские недовольно забормотали. Но вскоре траление возобновилось, кошка полетела в грязь. Эстерхази наблюдал за работой, и желчь толкалась в самой глотке. Последние отблески солнца угасли, туман сгустился, в свете мощных люминесцентных ламп окружающее стало призрачным, жутким и нереальным. Люди казались тенями, проклятыми душами, бесцельно мечущимися в глубинах ада.

«Невозможно, — подумал Эстерхази. — Пендергаст не мог выжить и выбраться отсюда. Это выше человеческих сил».

И все-таки следовало остаться и увидеть финал собственными глазами. Он обратился к Балфуру:

— Скажите, возможно ли в принципе человеку выбраться из подобной трясины? Самому, без посторонней помощи?

— Но вы же видели, как он ушел в грязь. Или не видели?

В белесом сумраке лицо инспектора казалось острым, как топор.

— Да, конечно, я видел... Но я был так взволнован, растерян, а туман настолько плотный... может, он все-таки выбрался?

— Сильно сомневаюсь, — ответил Балфур, прищурившись. — Однако, если допустить, что вы покинули его, когда он еще барахтался, он мог и выбраться.

— Нет, я же говорил: я до последнего пытался спасти его. Но знаете, мой зять — чрезвычайно изобретательный и предприимчивый человек... — Эстерхази добавил надежды в голос, чтобы скрыть испуг. — Может, он все-таки выбрался... мне так хочется верить, что он выбрался...

— Доктор Эстерхази, не думаю, что на это стоит надеяться всерьез, — сказал инспектор не без сочувствия. — Но вы правы, нам следует уделить внимание и такой возможности. К сожалению, оставшаяся гончая слишком травмирована, но у нас есть два искусных следопыта. Мистер Грант, мистер Чейз! — позвал он.

Из тумана вынырнули егерь и глава команды экспертов.

— Да, сэр?

— Не могли бы вы обследовать окрестности этой трясины? Ищите малейшие приметы того, что жертва сумела выбраться и удалась отсюда. Обыщите как можно бо́льшую площадь, о положительном результате сообщите немедленно.

— Да, сэр!

Пара следопытов растворилась в сумраке, виднелся лишь перемещающийся рассеянный свет их фонарей.

Эстерхази ожидал молча. Туман постепенно стал густым и плотным, почти непроницаемым для света.

Наконец следопыты вернулись.

— Сэр, никаких следов нет, — отрапортовал Чейз. — Конечно, дождь был очень сильным, он мог уничтожить все небольшие отметины. Но раненый человек, скорее всего ползущий, истекающий кровью, покрытый грязью, должен был оставить значительные следы. Он не выбрался из топи, это точно.

— Вот и ответ на ваши сомнения, — подытожил инспектор, обращаясь к Эстерхази. — Думаю, наши сегодняшние поиски можно на этом завершить. Доктор Эстерхази, боюсь, мне придется попросить вас задержаться на время предварительного расследования. — Он вытащил платок, вытер повисшую под носом каплю. — Вы меня поняли?

— Не беспокойтесь! — горячо заверил его Эстерхази. — Я полон решимости оставаться здесь до тех пор, пока не выяснится в точности, что же случилось с моим... с моим дорогим зятем.

Глава 8

Нью-Йорк

Доктор Джон Фелдер следовал за полицейским фургоном, подпрыгивавшим на ухабах однополосной дороги, пересекающей Малый Губернаторский остров. Для начала октября вечер выдался необычно теплым, на заболоченной местности по обе стороны дороги виднелись там и сям островки скапливающегося в низинах тумана. Поездка на юг от «Бедфорд-Хиллс» заняла меньше часа, и цель уже была близка.

Фургон свернул на аллею давно засохших каштанов. Фелдер не отставал. За деревьями виднелись Ист-Ривер и бесчисленные здания манхэттенского Ист-Сайда. Так близко — и все же так недоступно.

Фургон притормозил у высоких ворот кованого железа. Надпись на бронзовой пластине гласила: «Больница „Маунт-Мёрси“ для душевнобольных преступников». Из будки появился охранник, подошел к водителю. Взглянул на протянутый водителем планшет, кивнул и, вернувшись в будку, нажатием кнопки открыл ворота. В последнее время многие считали, что стоит изменить название на что-либо современное и не столь клеймящее несчастных пациентов. Но, судя по виду массивной пластины, рассчитана она была на долгие годы.

Фургон свернул на мощенную брусчаткой небольшую парковку. Фелдер оставил свой «вольво» рядом с полицейским автомобилем. Выйдя из машины, он посмотрел на огромное неоготическое сооружение, чьи высокие стрельчатые окна теперь были забраны решетками. Это был, наверное, самый живописный, если не сказать необычный, приют для умалишенных во всей Америке. Фелдер затратил немало усилий и времени на то, чтобы перевести сюда нужного человека. Теперь его очень злило то, что человек, обещавший «рассказать все» о необычном пациенте как плату за перевод сюда, бесследно исчез.

Фелдер перевел взгляд на полицейский фургон. Тюремный охранник выбрался с пассажирского сиденья, подошел к задним

дверям, вытащил связку ключей на большом кольце и сунул нужный ключ в замок. Из открывшейся двери шагнул наружу полицейский в униформе и с дробовиком. Отошел немного и встал с оружием наготове. Охранник помог выбраться из фургона пациенту.

Глазам Фелдера явилась молодая — лет двадцать с небольшим — женщина с темными волосами, подстриженными коротко и со вкусом. Она поблагодарила охранника за помощь низким, ровным голосом, звучащим сдержанно и старомодно. Женщина была одета в тюремную робу, руки схвачены наручниками за спиной. Но когда охранник повел ее ко входу, она держалась прямо, ступала с достоинством, смотрела гордо и независимо.

Фелдер подошел к ней.

— Здравствуйте, доктор, — приветствовала его пациентка, коротко кивнув. — Я рада видеть вас снова.

— Констанс, я тоже рад.

Входную дверь им открыл чрезвычайно аккуратный и педантичный мужчина в белом халате поверх дорогого костюма.

— Добрый вечер, мисс Грин, — произнес мужчина спокойно и дружелюбно, словно обращался к ребенку. — Мы вас ожидали.

Констанс слегка присела в книксене.

— Я — доктор Остром. Здесь, в «Маунт-Мёрси», я буду вашим лечащим врачом.

— Рада знакомству с вами, — ответила женщина, чуть склонив голову. — Пожалуйста, зовите меня Констанс.

Пациентка и сопровождающие вошли в приемный покой. Там было тепло и слегка пахло дезинфицирующим средством.

— Я знаком с вашим, э-э, опекуном, Алоизием Пендергастом, — сообщил доктор Остром. — Мне очень жаль, что мы не смогли привезти вас сюда раньше, но хлопоты с необходимыми документами, к сожалению, заняли слишком много времени.

Говоря это, Остром многозначительно взглянул на Фелдера. Тот знал: предназначенную для Констанс комнату тщательно обыскали, подвергли основательной чистке — сначала хлоркой, затем бактерицидным антисептиком, а в завершение покрасили трижды масляной краской. Эти меры посчитали необходимыми ввиду того,

что предыдущая обитательница комнаты славилась пристрастием к ядам.

— Я признательна вам за хлопоты, доктор, — чопорным тоном произнесла Констанс.

Доктор Остром заполнил бумаги, необходимые для передачи пациента, и вручил их охраннику со словами: «Теперь можете снять наручники». Полицейский снял их, после чего служащий больницы выпустил охранника и полицейского наружу и тщательно запер за ними дверь.

— Отлично! — сказал Остром, легонько потирая руки, словно перевод Констанс сюда доставил ему особенное удовольствие. — Мы с доктором Фелдером покажем вам комнату. Уверен, что вы найдете ее приятной и уютной.

— Доктор Остром, не сомневаюсь, так оно и будет, — ответила Констанс. — Вы очень любезны.

По пути через долгий, отзывающийся эхом коридор доктор Остром рассказывал о правилах поведения в «Маунт-Мёрси» и выражал надежду, что соблюдение их не причинит Констанс неудобств. Фелдер украдкой взглянул на Констанс. Конечно, любому она покажется необычной: старомодный выговор, непроницаемые глаза, почему-то кажущиеся гораздо старше лица. И ни в ее поведении, ни в лице невозможно угадать признаки страшного недуга. Но Констанс была совершенно безумна. Других подобных случаев Фелдер не знал. Она считала, что родилась в 1870 году, в семье, ныне давно забытой, стертой из человеческой жизни. Ее существование подтверждали только разрозненные оставшиеся документы. Недавно Констанс вернулась на корабле из Англии. По признанию самой женщины, во время плавания она швырнула за борт своего сына-младенца. Утверждала, что малыш — воплощение зла.

За два месяца занятий ее случаем — сначала в больнице Бельвью, потом в исправительной колонии «Бедфорд-Хиллс» — Фелдер уделил немало сил анализу этого расстройств. Интерес оттого лишь укрепился, но доктор ни на йоту не приблизился к пониманию Констанс и ее заболевания.

В конце коридора все подождали, пока служащий отомкнет тяжелую металлическую дверь, затем пошли по другому звучному пустому коридору. Наконец остановились возле никак не помеченной

двери. Служащий повозился с ключами, и взорам предстала небольшая, скудно обставленная комнатка без окон. Мебель — стол, кровать и единственный стул — были прочно привинчены к полу. На прикрепленной к стене книжной полке стояло несколько томов. На столе красовалась небольшая пластиковая ваза с нарциссами из больничного сада.

— Как вам комната? — спросил доктор Остром.

Женщина внимательно осмотрелась и сказала:

— Спасибо, я полностью ею удовлетворена.

— Рад слышать. Привыкайте, обживайте без спешки. Я вскоре пришлю к вам служащую с новой одеждой, более подходящей для вас.

— Буду вам чрезвычайно благодарна, — сказала Констанс и посмотрела на книжную полку. — Боже правый! «*Magnalia Christi Americana*» Коттона Матера,^[1] «Автобиография» Бенджамина Франклина, «Кларисса» Ричардсона. Это ведь книги двоюродной бабушки Корнелии!

— Новые их издания, — подтвердил доктор Остром. — Знаете ли, когда-то это была ее комната, и ваш опекун попросил купить эти книги для вас.

— Ах... — На мгновение щеки Констанс порозовели от неожиданной радости. — Словно вернулась домой! Так чудесно продолжать семейную традицию даже здесь!

В комнате было тепло, но по спине доктора Фелдера пробежали холодные мурашки. Насколько же все безнадежно...

Глава 9

Лейтенант Винсент д'Агоста сидел, уткнувшись взглядом в письменный стол, и боролся с подступающей депрессией. Как только он вернулся из отпуска по болезни, его босс, капитан Синглтон, отправил его заниматься канцелярской работой. Всех-то дел — перекладывать бумаги с одного края стола на другой. Д'Агоста бросил взгляд за дверь, на комнату участка. Там деловито сновали люди, звенели телефоны, происходило оформление преступников. Там делали настоящее дело. Лейтенант вздохнул, снова посмотрел на бумаги. Д'Агоста их ненавидел. Но ведь Синглтон старался ради блага лейтенанта. Всего полгода назад врачи госпиталя в Батон-Руже боролись за жизнь Винсента д'Агосты, прикованного к больничной койке. Пуля зацепила сердце. Еще повезло, что он способен ходить и к тому же вернулся на работу. Да и не вечно ему сидеть за бумагами. Нужно всего лишь поправиться в полной мере, вернуть прежние силы.

Д'Агоста напомнил себе: в жизни есть повод для оптимизма, и еще какой. Отношения с Лорой Хейворд стали чудесными. Она по-настоящему встревожилась, испугалась его потерять — и смягчилась, стала заботливее, нежнее. Лейтенант всерьез рассчитывал, полностью оправившись, сделать ей предложение. Конечно, обычный консультант по семейным вопросам вряд ли посоветовал бы получить в грудь пулю, чтобы улучшить отношения, но ведь сработало!

Ощутив чужое присутствие, лейтенант поднял голову и встретил взгляд молодой женщины. Лет девятнадцать-двадцать, невысокая, одета в джинсы и застиранную футболку с «Рамоунз». На плече висит черная кожаная сумка, усаженная мелкими металлическими заклепками. Волосы перекрашены в жгуче-черный цвет, на предплечье заметна татуировка — копия рисунка Эшера.^[2]

Девушка-гот.

— Чем могу помочь, мэм? — раздраженно спросил д'Агоста.

И отчего чертов секретарь не вышибает такую публику?

— Я что, выгляжу как «мэм»? — ответила девушка.

— Чем могу быть полезен? — исправился лейтенант, вздохнув.

— Вы — Винсент д'Агоста, правильно?

Он кивнул.

Девушка шагнула в офис.

— Он упоминал вас несколько раз. У меня память на имена никудышная, но ваше запомнила — такое уж итальянское, звучное.

— Такое уж итальянское, — повторил лейтенант.

— Да я ничего плохого не имела в виду. Просто на моей родине, то есть в Канзасе, ни у кого таких имен нету.

— Итальянцы так далеко в глушь не забирались, — ответил д'Агоста сухо. — Не поясните ли, кто такой «он», о котором вы говорите?

— Агент Пендергаст.

— Пендергаст? — спросил лейтенант, невольно выдав удивление.

— Угу. Я была его ассистенткой в Медсин-Крике, в Канзасе. Помните серийные убийства, «натюрморты»?

Лейтенант в недоумении уставился на девушку. Ассистентка Пендергаста? Да что такое она несет?

— Неужели он обо мне не говорил? Я — Кори Свенсон.

— Я слегка знаком с «натюрмортами», но не припомню, чтобы Пендергаст называл ваше имя.

— Он про свои дела никогда не рассказывает. Я его возила, помогала обследовать город. Он же у нас как белая ворона был — в черном костюме и всякое такое. Без меня, местной, не обошелся бы.

Лейтенант удивился еще больше, но понял, что она говорит правду, хотя, возможно, несколько преувеличивает. Ассистентка? Хм... Раздражение вдруг сменилось подозрением.

— Заходите! — предложил он запоздало. — Садитесь!

Кори Свенсон уселась, звякнув металлом, отбросила назад челку, открыв фиолетовую и желтую пряди.

Д'Агоста откинулся на спинку кресла и спросил, стараясь не показывать свои эмоции:

— Итак, в чем дело?

— Я в Нью-Йорке уже год. Как раз в сентябре и приехала. Учусь на втором курсе и только что перевелась в колледж уголовного права имени Джона Джея.

— Продолжайте, — сказал лейтенант.

Известие о колледже его впечатлило. Девушка явно не дура, хотя и прилагает все усилия, чтобы выглядеть таковой.

— У меня курс по девиантному поведению и социальному контролю.

— Девиантное поведение и социальный контроль, — задумчиво повторил лейтенант.

Такой курс Лора, наверное, прослушала бы с удовольствием. Она равнодушна к социологии.

— Как часть обучения нам нужно написать курсовую работу по какому-нибудь делу. Вот я и выбрала для работы тему серийных убийств «натюрмортов».

— Не уверен, что Пендергаст одобрил бы такой выбор, — осторожно заметил лейтенант.

— Он-то как раз одобрил. Тут и зарыта собачка. Я ж, когда только приехала, договорилась с ним пообедать. Вчера был назначенный день, а Пендергаст не появился. Я пришла в его квартиру в «Дакоте», но портье меня завернул, и дело с концом. А ведь у Пендергаста есть номер моего телефона. Мог бы и позвонить, отменить обед. Он будто сквозь землю провалился.

— Странно. Быть может, вы ошиблись с датой?

Девушка покопалась в сумочке, выудила конверт и протянула полицейскому. Тот вынул письмо, начал читать.

«Дакота»

Западная 72-я улица, д. 1

Нью-Йорк, NY 10023

5 сентября

Мисс Кори Свенсон

Амстердам-авеню, д. 844, кв. 30Б
Нью-Йорк, NY 10025

Дорогая Кори!

Рад узнать о Ваших успехах в учебе. Выбор курсов всецело одобряю. Полагаю, «Введение в криминалистическую химию» покажется наиболее интересным. Я поразмыслил над Вашей идеей курсового проекта. Да, я согласен с его темой и приму посильное участие — при условии, что Вы ознакомите меня с окончательным вариантом работы и не станете разглашать определенные, не слишком значительные подробности.

Кори, не согласитесь ли отобедать со мной? Вскоре я уеду за пределы страны, но вернусь к середине октября. 19 октября могу пригласить вас на обед. Позволю себе предложить «Ле Бернардин» на Западной 51-й улице. Зарезервирую столик на свое имя.

Буду очень рад с вами повстречаться.

С наилучшими пожеланиями,

А. Пендергаст

Винсент д'Агоста дважды перечитал письмо. Действительно, пару месяцев от Пендергаста не поступало никаких известий. Само по себе это не слишком удивительно: агент нередко пропадал подолгу. Но слово он держал всегда. Не явиться, пригласив заранее девушку, уж точно не в его характере.

— Столик был зарезервирован? — спросил лейтенант, возвращая письмо.

— Да. Причем в день отсылки письма. Пендергаст заказа не отменял.

Д'Агоста кивнул, уже не на шутку встревоженный.

— Я надеялась, хоть вам что-то известно. Мне как-то не по себе. Это на него не похоже.

— Я уже давно не разговаривал с Пендергастом, но уверен: его отсутствию есть объяснение, — сказал лейтенант и попытался ободряюще улыбнуться. — Наверное, он занят очередным сложным делом. Я проверю и немедленно с вами свяжусь.

— Ага, вот мой номер. — Она придвинула к себе блок бумаги для заметок, черкнула быстренько ряд цифр.

— Я вам позвоню, мисс Свенсон.

— Спасибо. Зовите меня Кори.

— Отлично, Кори, — проговорил лейтенант задумчиво.

Чем больше он размышлял над исчезновением Пендергаста, тем непонятнее оно казалось. Погруженный в раздумья лейтенант и не заметил, как девушка подхватила сумку и направилась к дверям.

Глава 10

Каирн-Бэрроу

Хай-стрит проходила через центр деревни, за площадью чуть сворачивала на восток и дальше превращалась в дорогу, теряющуюся среди заросших травой холмов у озера Лох-Ланарк. Все дома и магазины в деревне были выстроены из камня серо-глинистого цвета, на крутых высоких кровлях тускло поблескивал шиферный сланец. Из свежеевыкрашенных цветочных ящиков на окнах выглядывали нарциссы и первоцвет. Колокола на приземистой колокольне Уи-Кирк сонно прозвонили десять утра. Даже на раздраженный взгляд старшего инспектора Балфура, картина невероятно живописная.

Инспектор быстро шел по улице. У деревенского паба «Старая колючка» стояло с десятков машин. По местным меркам почти транспортный затор — сезон-то уже прошел, отпускники и туристы давно разъехались. Балфур шагнул за порог, кивком приветствовал Филиппа, хозяина паба, ступил в дверь у телефонной будки и поднялся по скрипучей деревянной лестнице в зал — самое большое место собраний на двадцать миль вокруг. Теперь оно заполнилось целиком. Мужчины и женщины — свидетели и просто любопытствующие — сидели на длинных скамьях лицом к дальней стене и большому дубовому столу перед нею. За столом восседал местный коронер, доктор Айнсли, одетый в черное. Иссохшее его лицо бороздили глубокие морщины, выдававшие постоянное недовольство их носителя мирозданием и делами, происходящими в этом мироздании. Рядом за столом гораздо меньших размеров сидел Джадсон Эстерхази.

Айнсли чуть шевельнул подбородком — заметил инспектора, усевшегося на скамью. Осмотревшись, он прокашлялся и начал:

— Данный коронерский суд собран, дабы прояснить и оценить обстоятельства исчезновения и возможной смерти мистера Алоизия Ка-Эл Пендергаста. Возможной — поскольку тело не было найдено. Единственный свидетель гибели мистера Пендергаста — тот, кто, возможно, и стал причиной гибели, его зять Джадсон Эстерхази.

Угрюмый оскал коронера так натянул иссохшую кожу, что казалось, еще немного — и она полопается и обсыплется лоскутами.

— Поскольку у мистера Пендергаста нет живых кровных родственников, можно утверждать, что Джадсон Эстерхази не только причина инцидента, повлекшего возможные неприятные для мистера Пендергаста последствия, но и представитель его семьи. Как следствие, данное заседание не может де-факто следовать обычной процедуре, поскольку тело отсутствует и факт смерти не может быть утвержден достоверно. Тем не менее мы де-юре последуем установленной практике. Эрго, наша цель — установить факты и определить обстоятельства исчезновения мистера Пендергаста, а также установить возможность утверждения факта смерти. Мы выслушаем все относящиеся к делу показания и вынесем определение.

Затем Айнсли обратился к Эстерхази:

— Доктор Эстерхази, вы не станете отрицать, что в данном случае вы — заинтересованное лицо?

— Да, я заинтересованное лицо, — подтвердил тот.

— И вы по собственной воле отказываетесь от адвоката?

— Именно так.

— Хорошо. Перед началом слушания позволю себе напомнить присутствующим пункт тридцать шесть Уложения о деятельности коронеров: целью процедуры не является установление того, в какой мере должна быть применена административная либо уголовная ответственность, хотя мы и можем определить, в какой мере открывшиеся обстоятельства совместимы с предусмотренными законом нормами признания виновным. Определение виновности — прерогатива суда, буде таковой произойдет в данном случае. По этому поводу есть вопросы?

Ответом было молчание.

— В таком случае перейдем к опросу свидетелей. Начнем с Йона Кромарти.

Инспектор Балфур без особого интереса выслушал рассказ хозяина охотничьего домика о Пендергасте и Эстерхази: первые впечатления о гостях, совместный ужин накануне, ошалевший Эстерхази на следующее после ужина утро, явившийся с криками,

что подстрелил зятя. Затем Айнсли опросил нескольких постояльцев Килхурна, наблюдавших возвращение растерянного, изнеможенного Эстерхази. После обратился к егерю Гранту. Все это время на лице коронера читалось лишь недоверие и раздражение.

— Если не ошибаюсь, вы Роберт Грант, так?

— Ну да, сэр, — ответил старый егерь.

— Как долго вы работаете егерем в Килхурне?

— Уже тридцать пятый год, сэр.

По просьбе Айнсли егерь описал в подробностях поход к месту происшествия и смерть гончей.

— Насколько обычно для охотников, гостящих здесь, заходить в топи Фоулмайр?

— Обычно? Ну какое ж обычно. Это против правил.

— Значит, Пендергаст и доктор Эстерхази нарушили правила?

— Ну да.

Балфур заметил, как Эстерхази заерзал, очевидно нервничая.

— Подобное поведение свидетельствует о некомпетентности. Почему вы позволили им идти?

— Да я ж помню, они раньше бывали. Хорошие охотники.

— Рассказывайте дальше, прошу вас.

— Была уже эта парочка, лет десять-двенадцать тому. Я их тогда и водил, точно я. Чертовски хорошо стреляли и знали в точности, что делать и как, в особенности доктор Эстерхази. — Грант кивнул в сторону доктора. — Да если б я вообразить-то мог, что они в болота, — без проводника не выпустил бы!

Балфур напрягся. Конечно, он уже знал, что Пендергаст и Эстерхази прежде охотились в Килхурне, — про это Эстерхази рассказывал на допросе. Но известие о том, что егерь сам водил их и считает Эстерхази отличным стрелком, оказалось новостью. Доктор всегда приуменьшал свои таланты стрелка. Балфур обругал себя за неспособность выявить такое простое и важное обстоятельство.

Наступила его очередь давать показания. Балфур описал свое прибытие в охотничий домик, эмоциональное состояние Эстерхази,

поиски тела и прочесывание топи, последующие бесплодные поиски среди окрестных гор, пустошей и деревень. Инспектор говорил медленно, осторожно подбирая слова. Айнсли слушал очень внимательно, изредка прерывая его вопросами.

Когда инспектор закончил, Айнсли пристально взглянул на него и спросил:

— Полиция продолжала поиски в течение десяти дней после сообщения о происшествии?

— Это верно, — подтвердил Балфур. — Мы прочесали топь не единожды, а дважды и затем еще дважды. Мы прочесали и все окрестные топи. Мы использовали поисковых собак, чтобы обнаружить след, ведущий от места происшествия. Следа так и не нашли. Хотя в его отсутствии нельзя быть уверенным: шел сильный дождь.

— Таким образом, вы не нашли ни свидетельств в пользу смерти мистера Пендергаста, ни свидетельств о том, что он остался жив?

— Именно так. Мы не отыскиали ни его тела, ни личных вещей, включая винтовку.

— Инспектор, считаете ли вы поведение доктора Эстерхази полезным в проведении розысков?

— Большей частью — да. Хотя он определил свои навыки в стрельбе иначе, чем их определил мистер Грант.

— И как же доктор Эстерхази определил свои стрелковые навыки?

— Он назвал себя неопытным стрелком.

— Соответствуют ли его поступки и утверждения типичному образу действий человека, вовлеченного в подобный инцидент?

— Насколько я могу судить, да.

Несмотря на свои подозрения, Балфур не мог вспомнить ни единого поступка или высказывания Эстерхази, которые нельзя было бы объяснить стыдом, горем либо чувством вины.

— Можете ли вы утверждать, что его допустимо рассматривать как надежного и компетентного свидетеля?

Балфур замялся:

— Я бы сказал, по сей день не обнаружилось ничего противоречащего утверждениям доктора Эстерхази.

После недолгих раздумий коронер сказал:

— Спасибо, инспектор.

Следующим давал показания сам Эстерхази. За десять дней после происшествия он в значительной мере вернул прежнюю уверенность и способность держать себя в руках. Но на лице его, осунувшемся от переживаний, по-прежнему читались тревога и озабоченность, лишь усилившиеся со временем. Говорил он тихо, искренне, уверенно. Рассказал о дружбе с Пендергастом, начавшейся, когда агент ФБР женился на его сестре. Кратко упомянул ее жуткую смерть в пасти льва-людоеда, вызвав удивленные восклицания публики. Затем — при мягком подталкивании со стороны coronera — рассказал о событиях, приведших к смерти Пендергаста: охота в горах, спор о том, какого оленя отслеживать, погоня в Фоулмайре, поднявшийся туман, дезориентация, внезапное появление оленя, выскочившего из тумана, инстинктивный выстрел, отчаянные попытки спасти зятя, утопление того в болоте. Когда Эстерхази рассказывал о смерти зятя и о своем возвращении в охотничий домик, самообладание оставило его, он заволновался, заговорил сбивчиво, путано. Публика сочувственно закивала: такое ведь горе у человека! Но Балфур с удовлетворением отметил, что лицо coronera по-прежнему выражает лишь унылое раздражение и недоверие. Айнсли задал несколько вопросов, в основном о мелочах вроде последовательности событий и оценки доктором Эстерхази раны Пендергаста. Опрос Эстерхази занял всего четверть часа. Все ясно, понятно, никаких недомолвок. Чудесный спектакль.

Спектакль, хм. Почему в голову пришло именно это слово?

А потому, что, вопреки всем свидетельствам, Балфур продолжал подозревать Эстерхази. Уличить его он ни в чем не мог. Все говорило в пользу доктора. Но если бы инспектор хотел кого-либо убить и представить убийство несчастным случаем, он действовал бы в точности как Эстерхази.

Инспектор размышлял над этим, пока чередой проходили второстепенные свидетели. Он искоса посмотрел на Эстерхази — тот прикладывал все усилия, чтобы казаться простодушным, искренним, даже простоватым, эдаким типичным заторможенным американцем.

Но заторможенным и уж тем более глупым он никак не мог быть. Настоящее медицинское образование, диссертация. Инспектор проверил подлинность и того и другого.

— Как я и оповещал о том в начале слушаний, цель их — установить факт смерти либо ее отсутствия, — сухо и раздраженно изрек коронер. — Свидетельства таковы: по словам доктора Эстерхази, он случайно ранил Алоизия Пендергаста выстрелом из ружья. По мнению доктора Эстерхази как медика, ранение смертельное. Эстерхази наблюдал, как мистер Пендергаст погрузился в топь. По словам инспектора Балфура и прочих, место происшествия было тщательно обследовано и немногие найденные следы говорят в пользу показаний доктора Эстерхази. Инспектор также свидетельствует, что ни тело, ни личные вещи мистера Пендергаста не отыскились на месте происшествия и в его окрестностях. Далее, инспектор Балфур утверждает, что, несмотря на тщательные розыски в окрестных деревнях, следов мистера Пендергаста найдено не было. Также не нашлось и свидетеля, видевшего мистера Пендергаста живым либо мертвым.

Коронер обвел взглядом собравшихся:

— В свете этих обстоятельств возможны два вердикта, согласующиеся с изложенными здесь показаниями: непреднамеренное убийство либо «открытый вердикт». Непреднамеренное убийство квалифицируется как убийство без предварительного преступного умысла. «Открытый вердикт» подразумевает, что причина и обстоятельства смерти, а в данном случае еще и самый факт смерти в настоящее время установлены быть не могут.

Он замолчал и снова обвел комнату циничным раздраженным взглядом:

— Основываясь на данных сегодня свидетельских показаниях, я объявляю в данном случае «открытый вердикт».

— Простите, сэр! — Балфур невольно вскочил на ноги. — Я должен опротестовать этот вердикт!

— В чем дело, инспектор? — спросил Айнсли, хмурясь.

— Несмотря на то что... — Инспектор помедлил, собираясь с мыслями. — Несмотря на то что рассматриваемый случай, возможно, и нельзя классифицировать как убийство, тем не менее он произошел

вследствие преступной небрежности. Это решительно говорит в пользу вердикта о непреднамеренном убийстве. Показания самого доктора Эстерхази подтверждают это. Нет ни малейшего свидетельства о том, что жертва выжила, и есть убедительнейшие свидетельства в пользу ее гибели.

— Да, они есть, — согласился Айнсли. — Но, инспектор, позвольте вам напомнить: тела нет. Подтверждения свидетельствам нет. У нас есть лишь показания единственного человека. Независимых свидетельств смерти нет. Мы не можем быть уверенными в том, что убийство вообще имело место. Потому единственно возможный вердикт в данном случае — «открытый».

Балфур, однако, не сдавался:

— Но в случае «открытого вердикта» я не могу предотвратить отъезд доктора Эстерхази из Шотландии!

— Если возражаете, можете обратиться в суд графства с просьбой о пересмотре вердикта.

Собравшиеся начали перешептываться. Балфур искоса взглянул на доктора. Увы, ничего не поделаешь.

— Если больше вопросов нет, объявляю слушание закрытым! — возвестил суровый коронер.

Глава 11

Инверкирктон, Шотландия

Одинокий велосипедист усердно крутил педали, двигаясь по узкой, извилистой дороге. Черный трехскоростной велосипед имел усиленный багажник, на котором размещалась пара боковых седельных сумок из кожи, закрепленных резиновыми тяжами. Ездок был одет в темно-серую ветровку и светло-серые брезентовые брюки. Светло-серое, темно-серое и черное — на фоне заросшего вереском и дроком склона велосипедист казался забавной монохромной картинкой.

На вершине холма, где россыпь валунов торчала клыками из зеленых зарослей дрока, дорога раздвоилась. Ездок остановился, слез с велосипеда и, весьма довольный передышкой, вытянул из внутреннего кармана карту, расправил на сиденье и неторопливо и безмятежно занялся ее изучением.

Но спокоен и безмятежен Джадсон Эстерхази был только наружно. Он потерял аппетит. Заталкивать пищу в глотку стало пыткой. Постоянно хотелось оглянуться, не подкрадывается ли кто сзади. Мучила бессонница. Едва он смыкал веки, память с ужасающей ясностью рисовала смертельно раненного Пендергаста, глядящего из трясины. Жуткий взгляд, острее и ярче отточенного лезвия.

В тысячный раз доктор проклял себя за слабость. Нельзя было уходить, оставлять Пендергаста живым. Следовало дождаться, пока грязь не поглотит его. Так почему же не дождался? Из-за взгляда. Ни секунды более не мог он смотреть в прищуренные серебристо-серые глаза, пронзающие душу с остротой скальпеля. Жалкая, прискорбная слабость в момент, требовавший наибольшего присутствия духа. А ведь он знал, что Пендергаст в высшей степени изобретателен и находчив. «Вы не имеете представления, ни малейшего представления о том, насколько опасен Пендергаст». Разве не сам Эстерхази изрек это всего полгода назад? «Он упорен и умен, и сейчас он заинтересован, чрезвычайно заинтересован». Эстерхази так тщательно все спланировал — и не смог довести свой план до конца.

Неизвестность — страшное проклятие.

Пока Эстерхази стоял у велосипеда, притворяясь, что изучает карту, и ощущая, как сырой ветер треплет брючины, он в который раз напомнил себе: рана была смертельная, это точно. Даже если Пендергасту как-то удалось вылезти из трясины, за несколько суток скрупулезных поисков они обязательно нашли бы его тело. Логичное объяснение неудачи с прочесыванием болота лишь одно: Пендергаст смог выбраться из этой топи и умер, забившись в густые заросли поодаль, либо утонул на другом участке болота.

Но ведь наверняка не знаешь, и это сводит с ума. Нужно узнать правду, необходимо! Альтернатива — жизнь, наполненная паранойей и ужасом, — просто неприемлема.

После слушания, окончившегося «открытым вердиктом», Эстерхази покинул Шотландию, причем самым заметным образом: в Глазго его отвез сам инспектор Балфур, сердитый до невозможности.

А неделю спустя Эстерхази вернулся. Он коротко подстригся, выкрасил шевелюру в черный цвет, нацепил толстые очки в роговой оправе, под носом прилепил дорогостоящие, отличного качества накладные усы. При маловероятной встрече с инспектором либо его подчиненными шанс быть узанным практически нулевой. Эстерхази стал обычным американским туристом, вздумавшим прокатиться поздней осенью по шотландским горам.

С перестрелки на болотах прошло три недели. Следы искать практически бесполезно. Но раньше он не мог приступить к поискам: во время дознания находился под пристальным наблюдением. Теперь нужно двигаться как можно быстрее, не теряя ни минуты. Необходимо твердо установить факт гибели Пендергаста, то, что он не сумел выползти из болот. Если удастся, тогда, возможно, вернется и душевный покой.

Наконец Эстерхази сумел сосредоточиться на карте. Он определил свое положение, нашел пик Бен-Дерг и Фоулмайр, деревню Каирн-Бэрроу, самую большую в округе. Уставив кончик пальца в место, где подстрелил Пендергаста, тщательно изучил окрестности. Ближайшая деревня — Инверкирктон, три мили от этого места. Ближе человеческого жилья нет, если не считать охотничий домик поместья Килхурн. Если Пендергаст выжил, он неизбежно направился в Инверкирктон. Поиски следует начать там.

Эстерхази сложил карту, посмотрел вдаль с высоты и различил у горизонта несколько строений. Инверкирктон. Ездок откашлялся, оседлал велосипед и мгновение спустя покатил вниз, на восток, подгоняемый в спину послеполуденным солнцем, не замечая сладкого верескового запаха, несомого ветром.

Инверкирктон оказался всего лишь тесной группкой ухоженных домов у поворота дороги, но в нем имелись две вещи, обязательные для каждого шотландского поселения: паб и гостиница. Эстерхази подрулил к гостинице, слез с велосипеда и прислонил его к стене, выбеленной известкой. Затем достал из кармана носовой платок и шагнул за порог.

Маленький вестибюль был живописно украшен: кроме тартанов и карты местности, на стенах висели в рамках фотографии Инвернесса и мыса Кинтайр. Здесь никого не было, за исключением мужчины лет шестидесяти с небольшим, очевидно хозяина, который стоял за стойкой полированного дерева и читал газету. Он внимательно, оценивающе посмотрел на вошедшего ярко-голубыми глазами. Эстерхази тут же принялся вытирать пот, потом громко высморкался в платок. Наверняка в крошечной деревушке случай на болоте обсуждали не раз, и Эстерхази остался очень доволен тем, что хозяин явно не узнал гостя.

— Добрый вечер, — пророкотал хозяин густо и басовито.

— Добрый... — ответил Эстерхази, стараясь отдышаться.

Хозяин взглянул на раскрытую дверь — в просвет виднелось переднее колесо велосипеда.

— В отпуске?

— Ну да. Мне бы комнату, если есть свободная.

— Есть одна. Как вас величать, сэр?

— Эдмунд Дрейпер. — Эстерхази снова глубоко задышал, отер лицо платком.

Хозяин снял с полки большую конторскую книгу в кожаном переплете.

— Эк, парень, запыхался ты.

— От Фрейзербурга педали крутил.

Старик замер над полуоткрытой книгой.

— Фрейзербург? Да это ведь сорок миль! И бо́льшая часть — по горам...

— Я уже знаю. Собственными ногами выяснил. Второй день отпуска всего... кажется, я малость переусердствовал. Но у меня всегда так: гоню до упора.

Хозяин покачал головой:

— Ну что же, зато спать сегодня будешь отлично. А завтра уж не гони, расслабься.

— Думаю, по-другому и не получится. — Эстерхази замолчал, задышал глубоко и шумно. — Кстати, я видел паб по соседству. Наверно, там можно пообедать?

— Угу, и притом чудесно! И если ты не прочь запить чудесным чудесное, я бы посоветовал местное солодовое виски, «Глен»... — Хозяин умолк, видя гримасу боли на лице гостя. — В чем дело-то?

— Не знаю, — растерянно ответил Эстерхази, запинаясь. — В груди вдруг сдавило... боль такая...

Старик встревожился. Чуть не подбежал к гостю, взял под руку, провел в небольшую комнату, смежную с вестибюлем, усадил в кресло, изготовитель которого явно переборщил с набивкой.

— В руку стреляет... Боже, больно-то как... — проговорил Эстерхази сквозь стиснутые зубы, прижав правую руку к груди.

— Выпить чего-нибудь? — озабоченно спросил хозяин, склоняясь над гостем.

— Нет... врача, скорее...

Эстерхази обмяк и закрыл глаза.

Глава 12

Подъездная дорожка, ведущая к портику дома 891 по Риверсайд-драйв, теперь выглядела гораздо лучше. Когда Винсент д'Агоста впервые пришел сюда, двор был усыпан мусором, высаженные вдоль дорожки кусты барбариса и айланта пребывали в жалком состоянии, чахли и сохли. Сам особняк в стиле боз-ар, разваливающийся и заброшенный, испещряли граффити уличных банд. А ныне и окрестности, и сам дом выглядели чистыми, ухоженными. Четырехэтажное каменное строение полностью восстановлено, крыша с мансардой, башенки и площадка на крыше возвращены к первоначальному состоянию. И все-таки, даже не ступив за порог, лейтенант ощутил странную холодность и пустоту.

Вообще-то, Винсент д'Агоста не совсем понимал, зачем приехал сюда. Не раз он уговаривал себя не быть параноиком, не тревожиться по пустякам, будто старая баба. Но визит Кори Свенсон оставил глубокое — и неприятное — ощущение беды. Он и подтолкнул в конце концов поддаться порыву и навестить особняк Пендергаста.

Лейтенант постоял с минуту, переводя дух. Он доехал по первой линии до 137-й улицы, пешком добрался до реки — и этот короткий переход забрал все силы.

Черт, как же Винсент д'Агоста ненавидел свою немошь, ненавидел пулю, заставившую заменить клапан сердца на свиной. Медленное, мучительное выздоровление, слабость, бессилие. Одно хорошо: сбросил вес. Но это поначалу. Теперь жир снова накапливался, причем быстро, а тренировками его не сгонишь — как сейчас тренироваться?

Отдышавшись, д'Агоста подошел к дубовой парадной двери, взялся за бронзовый дверной молоток, грохнул хорошенько.

Тишина.

Он выждал минуту, другую. Наклонился к двери, прислушиваясь, но толстые стены и двери не пропускали звуков. Лейтенант грохнул снова. Возможно, особняк и вправду пустует, ведь Констанс Грин в психиатрической больнице. Нет, невозможно. Пендергаст держит прислугу и здесь, и в «Дакоте».

Тихо зашелестел ключ, поворачиваясь в хорошо смазанном замке, и массивная дверь открылась. Коридор за нею был погружен в сумрак, но д'Агоста узнал Проктора, работавшего у Пендергаста шофером и временами изображавшего дворецкого. Обычно бесстрастное и непроницаемое лицо Проктора выглядело теперь суровым, почти неприязненным.

— Мистер д'Агоста, сэр, не хотите ли зайти?

Лейтенант шагнул за дверь, и шофер сразу тщательно ее запер. Затем предложил:

— Не изволите ли подняться в библиотеку?

Лейтенант ожидал ощущения жути — и не удивился ему, идя по длинному коридору, где звук шагов возвращался эхом, в гостиную со сводчатым потолком бледного серо-голубого цвета. В тусклом свете виднелись ряды шкафов с дверцами узорного стекла, за которыми угадывались весьма любопытные предметы.

— Пендергаст дома? — осведомился полицейский.

Проктор замер, обернулся:

— Мне очень жаль, но его здесь нет.

— А где он?

Невозмутимое лицо шофера чуть дрогнуло.

— Сэр, он умер.

Комната поплыла перед глазами лейтенанта.

— Умер? Как??

— Отправился на охоту в Шотландию. С доктором Эстерхази.

— С Джадсоном Эстерхази? Своим зятем?

— Да. Они охотились на оленя. На болоте. Доктор нечаянно застрелил мистера Алоизия. Тот утонул в болоте.

Д'Агоста не поверил своим ушам. Может, ослышался?

— Да что за чушь вы городите?

— Три недели назад мистер Алоизий погиб.

— А как с похоронами? Где Эстерхази? Почему меня не известили?

— Сэр, тела так и не нашли. А доктор Эстерхази исчез.

— Боже правый... вы говорите мне: Эстерхази случайно застрелил Пендергаста, тела нет, а Эстерхази взял и так запросто исчез?

Винсент д'Агоста вдруг понял, что кричит во весь голос. Ну и черт с ним!

Проктор ответил невозмутимо:

— Местная полиция искала много дней. Тралили болото, обыскивали окрестности. Не отыскали ничего.

— Тогда почему вы говорите, что Пендергаст мертв?

— Потому что так говорил доктор Эстерхази на следствии. Он выстрелил и попал в грудь. Потом видел, как мистер Алоизий утонул в топи.

Лейтенант почувствовал, что задыхается.

— Эстерхази сам рассказал вам это?

— Нет, сообщил по телефону инспектор, расследовавший происшествие. Хотел задать мне пару вопросов о мистере Алоизии.

— И больше никто вам ничего об этом не говорил?

— Нет, сэр.

— Где это случилось?

— В охотничьем домике поместья Килхурн в шотландских горах.

Винсент д'Агоста стиснул зубы и процедил:

— Люди просто так не исчезают. Скверно пахнет от этой историйки.

— Простите, сэр, это все, что мне известно.

Лейтенант несколько раз глубоко, до боли в груди, вдохнул.

— Господи боже... ладно. Спасибо, Проктор. Простите, я наорал тут. Уж очень разволновался.

— Не хотите ли зайти в библиотеку? Угостить вас стаканчиком шерри напоследок?

— Шутите? Ну, это нельзя просто так оставить, точно!

— Что вы намерены делать, сэр? — спросил Проктор, пристально глядя на полицейского.

— Еще не знаю. Но можете ставить сто против одного, уж что-нибудь да сделаю.

Глава 13

Инверкирктон

Джадсон Эстерхази сидел у исцарапанной стойки бара в пабе «Полумесяц», уныло потягивая пинту «Гиннеса». Паб был крошечный, под стать деревушке: три стула у стойки, четыре стола, по паре с каждой стороны. Пока в пабе никого не было, кроме Эстерхази да хозяина, старика Макфлекно, но пять часов вечера не за горами, а там и посетителей прибавится.

Эстерхази допил «Гиннес», и старик тут же предложил:

— Еще кружку, сэр?

Гость изобразил сомнение.

— Почему бы и нет? — проговорил он задумчиво. — Надеюсь, доктор Роскоммон будет не против...

— Само собой, ведь мы ему и не скажем! — хихикнул бармен.

Помянули доктора — а вот и он, виден сквозь большое круглое окно в двери паба. Роскоммон быстро шагнул по улице. Остановившись у двери своей приемной, он ловко, привычным движением кисти повернул ключ в замке, зашел внутрь и закрыл дверь за собой.

Разыгрывая днем раньше сердечный приступ, Эстерхази отчетливо представлял себе типичного деревенского доктора: простодушный и грубоватый, краснолицый, пожилой, но мускулистый, привыкший управляться с людьми, а заодно с больными коровами и лошадьми. Но Роскоммон его удивил. Доктор оказался худощавым человеком немного за сорок, с умным пронизательным взглядом. Пациента он осмотрел с холодным отстраненным профессионализмом, чему Эстерхази мог только позавидовать. Быстро определив, что в болях ничего страшного нет, Роскоммон тем не менее посоветовал несколько дней отдыха. Эстерхази ждал такого совета и обрадовался сбывшимся ожиданиям: прекрасный повод застрять в деревне и обследовать ее. И главное, удалось встретиться с местным доктором. Эстерхази надеялся

подружиться с ним и выудить кое-какую информацию, но тот проявил себя воплощением шотландской сдержанности и не отклонялся от медицинской темы. Возможно, он такой по натуре. Или скрывает что-то, не желает выдавать чужаку?

Принявшись за новую пинту «Гиннеса», Эстерхази задумался. Что делает человек, подобный Роскоммону, в удручающе захолустном Инверкирктоне? Несомненно, он мог бы открыть преуспевающую практику в большом городе. Если Пендергаст совершил невозможное и сумел выжить, он наверняка обратился к Роскоммону. Больше никто здесь не смог бы помочь раненому.

Дверь паба открылась, и зашла женщина, Дженни Протеро. Эстерхази казалось, что он уже повидал практически весь чертов городишко. Миссис Протеро держала сувенирную лавку, а заодно — поскольку сувениры особых денег не приносили — обстирывала весь Инверкирктон. Толстенькая, добродушная, с лицом краснее вареного рака. Хотя день выдался теплый, она обмотала шею толстым шерстяным шарфом.

— Эй, Пол, привет! — бросила она хозяину, усаживаясь на стул у стойки со всей возможной при ее двухстах фунтах грацией.

— Добрый вечер, Дженни! — ответил Макфлекно, вытирая перед гостьей исцарапанную стойку.

Он нацедил пинту горького и поставил на картонный кружок перед Дженни.

— Мистер Дрейпер, как вы сегодня? — спросила та у Эстерхази.

— Спасибо, гораздо лучше вчерашнего, — ответил он, улыбнувшись. — Кажется, просто потянул мышцу.

— Рада слышать, — понимающе кивнула женщина.

— Вашему доктору Роскоммону надо сказать огромное спасибо.

— Да, он отличный спец, — вставил хозяин. — Повезло нам с ним.

— Он кажется великолепным врачом.

— В Лондоне учился, и всякое такое, — подтвердил Макфлекно.

— Честно говоря, мне удивительно, что его здесь держит? Кажется, тут и работы ему нет.

— Он единственный на двадцать миль в округе, кто может лечить, — сообщила Протеро. — По крайней мере, с прошлой весны, когда старый Грастнер помер.

— Значит, доктор сильно занят? — спросил Эстерхази как бы между прочим, потягивая «Гиннес».

— Ну да, — ответил бармен. — Всегда к нему посетители. Он их в любое время принимает.

— В любое время? Удивительно. Для провинции странно, правда?

— Отчего же? У нас, как и везде, разные случаи бывают, — ответил старый Макфлекно. Он кивком указал на докторскую приемную. — Иногда и за полночь свет в окнах. Работает.

— Да неужели? И когда такое в последний раз случилось?

Старик задумался.

— Хм, три недели тому. Или больше? Не помню точно. Однако оно не слишком часто случается. Я запомнил еще и потому, что он на машине выезжал, два раза. Поздно — уже за девять было.

— Должно быть, это бедняжка миссис Блур, — предположила Дженни Протеро. — Она в последние месяцы совсем плоха.

— Доктор ехал не в сторону Хифа, — возразил бармен. — На запад держал, я слышал.

— Но в той стороне одни болота, — удивилась женщина.

— Может, с гостем в охотничьем домике что случилось, — сказал Макфлекно.

Дженни отхлебнула горького:

— Ага, вот вы сказали, и я припомнила: как раз в то время белье в стирку от доктора оказалось все в кровавых пятнах. Из его кабинета, точно.

— Правда? Какое белье? — спросил Эстерхази, чье сердце лихорадочно заколотилось.

— Обычное. Простыни, наволочки.

— Ну, Дженни, тут ничего странного, — возразил старик. — У здешних фермеров постоянно беды: то побьются, то покалечатся.

— Да, но не в середине же ночи, — подумал вслух Эстерхази.

— Мистер Дрейпер, это вы про что? — озадаченно спросил бармен.

— Да так, пустяки, — поспешно ответил Эстерхази и залпом допил пиво.

— Еще одну?

— Нет, спасибо. Но позвольте мне угостить вас и миссис Протеро.

— С радостью, сэр, и большое спасибо!

Эстерхази кивнул, не глядя на старика. Взгляд доктора устремился через улицу, за круглое окно в двери, к выкрашенной в кремовый цвет приемной Роскоммона.

Глава 14

Мэлфорш, штат Миссисипи

Нед Беттертон остановился у пыльной витрины кафе «Идеал», зашел внутрь, вдохнул полной грудью аромат жареного лука и бекона и заказал чашку некрепкого сладкого кофе. Звания «кафе» место вряд ли заслуживало, но и Мэлфорш едва ли мог называться городом — бедней церковной крысы, грязный, разваливающийся и наполовину заброшенный. Молодые, кто мог блеснуть хоть каким-то талантом, стремились уехать поскорее в большие оживленные города. И оставляли неудачников дома. Четыре поколения неудачников — и вот он, нынешний Мэлфорш. Черт, ведь Нед вырос в таком городишке. И к несчастью, бежал оттуда не слишком резво. В результате бежит до сих пор, изо всех сил, но прибежать никуда так и не смог.

Впрочем, кофе тут не совсем дрянной, да и внутренность напоминает родное кафе. Крути не крути, а Неду нравились простодушные забегаловки такого пошиба, с крепкомясыми официантками, с дальнобойщиками, мощно налегающими ожирелыми животами на столы, с сочащимися жиром гамбургерами, с заказами, сообщаемыми криком во весь голос, с крепким горьким кофе.

Нед первым в семье окончил школу, не говоря уже про колледж. В детстве он был мелкий, тощий. Мать растила его одна. Отец сидел в тюрьме за грабеж заводика по разливу кока-колы. Карьерист-прокурор, безжалостный судья — в итоге двадцать лет. Отец умер от рака за решеткой. Беттертон знал, что отец умер от безнадежности и отчаяния. А смерть отца убила мать.

В результате Беттертон привык считать, что у власти всегда лживые и эгоистичные до мозга костей сукины дети. Потому и пошел в журналисты. Думал, что сможет бороться с такими без пистолета в руках. Одна беда: с дипломом заурядного колледжа по специальности «Медиа и коммуникации» он сумел устроиться лишь в «Эзервилльскую пчелу». Торчал в ней уже пять лет, тщетно стараясь перевестись в газету побольше. «Пчела» — по сути макулатура,

предлог бесплатно и назойливо загрузить обывателя рекламными объявлениями. Выпуски «Пчелы» стопками лежали на бензоколонках и в супермаркетах, бери — не хочу. Владелец Зик Крэнстон, издатель и редактор в одном лице, смертельно боялся обидеть любого, кто с минимальной вероятностью мог бы дать рекламное объявление. Потому никаких расследований и обличений, никаких злободневных рассуждений о политике.

— Работа «Пчелы» — продавать место под рекламу, — говаривал Крэнстон, отлепив разжеванную зубочистку от нижней губы.

Отчего-то зубочистка всегда прилипала и болталась на его губах.

— Не пытайся раскопать новый «Уотергейт», — поучал Зик. — Только читателей распугаешь, и рекламодателей тоже.

В результате портфолио у Неда было как у сотрудника «Женского мира». Заметки о повседневной чепухе: спасенных песиках, благотворительных распродажах церковной выпечки, школьном футболе и посиделках местного бомонда. Неудивительно, что с таким багажом Неда не приглашали на интервью в настоящие газеты.

Беттертон покачал головой. Черта с два он останется в Эзервилле на всю жизнь! Но чтобы выбраться, нужен настоящий хит. Неважно какой: жуткое преступление, скандальная история из жизни знаменитостей или пришельцы с лазерами. Настоящий ходкий сюжет — вот что надо.

Он допил кофе, расплатился и вышел наружу, под утреннее солнце. Повеяло ветром с «Черной трясины», неприятно теплым, вонючим. Беттертон забрался в машину, завел мотор и включил кондиционер на полную мощность. Но с места не тронулся. Прежде чем ввязываться в сюжет, нужно все хорошенько продумать. Стоило невероятного труда и множества обещаний убедить Крэнстона и получить разрешение на этот сюжет. Сюжет по-настоящему любопытный, обреченный вызвать интерес публики — и стать первым настоящим материалом в его портфолио. Уж из этой возможности надо выдавить все до последней капли.

Беттертон сидел в остывающем авто, прокручивая в голове свои вопросы и реплики, вероятную реакцию, возражения. Несомненно, возражения будут. Спустя пять минут он счел себя готовым. Бросил

взгляд на распечатанную карту, найденную в Интернете, тронулся с места, развернулся и направился по неприглядной улице назад, к окраине городка.

Готовя репортажи о всякой невинной чепухе, Нед приучился внимательно выслушивать самые пустяковые слухи и сплетни, пусть сколь угодно банальные и скучные. Так он и узнал о таинственной паре, пропадавшей много лет и объявившейся всего несколько месяцев назад. Эта парочка инсценировала самоубийство. Утренний визит в местный полицейский участок подтвердил: слух правдивый. А дело в полиции оказалось оформленным ужасно небрежно и формально и заинтриговало еще больше.

Нед глянул на карту, затем на ряды убогих дощатых хибар вдоль улицы, усеянной рытвинами. А-а, вот оно, небольшое бунгало, выкрашенное в белый цвет, по сторонам — магнолии.

Беттертон подрулил к тротуару, заглушил мотор и посидел минуту, собираясь с духом. Наконец вышел наружу, стряхнул пылинку с блейзера и решительным шагом направился к двери. Звонка не было, лишь дверной молоточек. Нед ухватился за него и уверенно постучал.

Звук разнесся по дому. С минуту ничего не происходило. Затем послышался звук приближающихся шагов. Дверь открылась, и высокая стройная женщина спросила:

— Что такое?

Конечно, Беттертон не представлял, кого встретит, но уж красивой хозяйку дома точно не ожидал найти. Немолода, разумеется, но поразительно симпатичная.

— Миссис Броди? Джун Броди?

Женщина смерила его взглядом холодных голубых глаз:

— Да, это я.

— Меня зовут Беттертон. Я работаю на «Эзервилльскую пчелу». Не могли бы вы уделить мне пару минут?

— Джун, кто это? — раздался из дома визгливый мужской голос.

«Отлично! — подумал Нед. — Оба дома».

— Нам нечего сказать прессе, — отрезала Джун Броди, отступая

на шаг и закрывая дверь.

Беттертон в отчаянии выставил ногу, мешая двери захлопнуться.

— Миссис Броди, пожалуйста! Я уже почти все знаю. Я побывал в полиции, дело доступно для публики. Так или иначе, я об этом напишу. Но я подумал, вы же захотите, чтобы и ваша точка зрения прозвучала, правда?

Она с минуту молча сверлила его взглядом, холодным и пронизательным.

— О каком деле идет речь?

— О том, как вы двенадцать лет назад инсценировали самоубийство и сбежали.

Молчание.

— Джун? — позвал мужчина.

Миссис Броди распахнула дверь и отступила, освобождая проход. Беттертон поторопился шагнуть внутрь — а вдруг передумает?

Перед ним открылась уютная гостиная, слегка пахнувшая нафталином и паркетным лаком. Комната была почти пуста: диван, пара кресел, персидский коврик, на нем журнальный стол. Шаги Неда по деревянному полу гулко отдавались эхом. Создавалось впечатление, что дом только что заселили. Ну конечно, так ведь оно и есть.

Из сумрачного коридора вышел сухощавый невысокий бледнолицый мужчина с тарелкой в одной руке и полотенцем в другой.

— Кого это принесло... — заговорил он и осекся, заведя Неда.

— Это мистер Беттертон, — сообщила миссис Броди. — Он репортер из газеты.

Мужчина перевел взгляд на жену, потом снова уставился на гостя. Лицо его приобрело враждебное выражение.

— Чего он хочет?

— Он пишет статью о нас. О нашем возвращении.

В ее голосе прозвучала странная интонация — не то ирония, не

то насмешка, — отчего Неду захотелось поежиться.

Мужчина поставил тарелку на столик. Мистер Броди был неприятен на вид в той же степени, в какой его жена — красива.

— Вы — Карлтон Броди? — спросил Беттертон.

Тот кивнул.

— Почему бы вам сначала не рассказать, что вы знаете или, по крайней мере, что напридумывали? — спросила Джун Броди, не предлагая гостю ни выпить чего-нибудь, ни даже присесть.

Беттертон облизал внезапно пересохшие губы:

— Я знаю, что двенадцать лет назад вы оставили машину на мосту Арчер. В машине обнаружилась записка, написанная вашим почерком: «Больше не могу терпеть. Я виновата во всем. Прости меня». Дно реки обыскали, но отыскать ничего не смогли. Спустя пару недель полиция захотела нанести визит вашему мужу, но обнаружила, что он отбыл непонятно куда. Больше здесь никто ничего о супругах Броди не слышал — до тех пор, пока несколько месяцев назад вы не объявились непонятно откуда, неожиданно и странно для всех.

— Собственно, вы все и рассказали, — заметила Джун Броди. — Не слишком похоже на сенсацию, правда?

— Миссис Броди, напротив, это чрезвычайно увлекательный сюжет. Уверен, читателям «Пчелы» он тоже покажется интересным. Что может подвигнуть женщину сделать такое? Куда она отправилась, где была? И почему вернулась спустя десятилетие с лишним?

Джун нахмурилась, но промолчала. В комнате повисло напряженное, неприятное молчание.

Наконец мистер Броди вздохнул и сказал:

— Послушайте, молодой человек, наша история и вправду куда скучнее, чем вам показалось.

— Карлтон, не пытайся его ублажить! — посоветовала Джун Броди.

— Нет, дорогая, пожалуй, лучше нам рассказать один раз и больше не повторять. Секретов здесь нет, а если будем запираться,

только разожжем нездоровое любопытство. Послушайте, молодой человек, у всякой семьи бывают сложности. Были и у нас.

Беттертон кивнул, весь внимание.

— Мы ссорились. Потом случился пожар, и подчиненный Джун погиб. «Лонжितьюд фармасьютиклз» обанкротилось, и Джун лишилась работы. Она впала в отчаяние, была на грани помешательства. Хотела сбежать от всего, скрыться от бед. Я тоже сбежал. Глупо, конечно, инсценировать самоубийство, но тогда казалось, что другого выхода нет. Позже я нашел ее, и мы решили путешествовать. Однажды остановились на ночь в небольшой уютной гостинице. Нам очень понравилось там. Оказалось, гостиница продается. Мы ее купили и работали в ней несколько лет. А потом стали старше, мудрее, старые беды забылись, боль утихла. Мы решили вернуться домой. Вот и все.

— Вот и все... — повторил Беттертон рассеянно.

— Если вы читали материалы дела, вам все это уже известно. Конечно, было расследование. Но все случилось так давно, никакого мошенничества, ни бегства от долгов, ни махинаций со страховкой. Закон не нарушен, и мы перед ним чисты. Полиция исполнила свою работу и позволила нам жить здесь мирно и спокойно.

Беттертон задумался. В материалах дела упоминалась гостиница, но где она, не уточнялось.

— И где эта гостиница?

— В Мексике.

— Где именно?

Чуть замявшись, Карлтон ответил:

— В Сан-Мигель-де-Альенде. Мы влюбились в этот город с первого взгляда. Это пристанище художников и ремесленников в горах Центральной Мексики.

— Как называлась гостиница?

— «Каса магнолия». Чудесное место. От нее рукой подать до местного рынка, «Меркадо де артезанаис».

Беттертон вдохнул глубоко. Вроде и спрашивать больше нечего. Мистер Броди рассказал все так искренне и простодушно. Да, вот и

конец поискам сенсации.

— Спасибо большое за откровенность...

Броди пожал плечами, взял со стола тарелку и полотенце.

— А мне можно вам позвонить? Ну, если возникнут вопросы...

— Нельзя! — отрезала миссис Броди. — Всего хорошего.

По пути к машине Беттертон почувствовал себя чуть лучше. Все-таки сюжет очень даже неплохой. Конечно, не уникальная сенсация, но обратит на себя внимание, заставит людей задуматься. И в портфолио будет неплохо смотреться. Женщина, инсценировавшая самоубийство, муж, последовавший за ней в изгнание, их возвращение домой через дюжину лет. Простая история человеческой жизни, но с эдаким вывертом, двойным дном. Глядишь, если повезет, ее подхватит телевидение, Интернет.

— Эх, Нед, шакал ты пера, — сказал он себе, открывая дверцу машины. — Это не «Уотергейт», но вполне может вытащить твою унылую задницу из Эзервилля.

Джун Броди проводила машину репортера холодным, безучастным взглядом. Затем повернулась к супругу и столь же холодно и равнодушно спросила:

— Думаешь, он поверил?

Карлтон Броди ответил, задумчиво протирая фаянсовую тарелку:

— Полиция поверила. Отчего же ему сомневаться?

— Тогда у нас не было выбора. А сейчас о нас узнают многие.

— А раньше не знали?

— Но в газетах не печатали!

Броди рассмеялся:

— Ты переоцениваешь «Эзервилльскую пчелу». — Но, глянув на лицо жены, замер и спросил тревожно: — Джун, в чем дело?

— Ты уже забыл, что сказал Чарли? Насколько он был перепуган? Постоянно повторял: «Нужно прятаться, всегда скрываться! Они не должны знать, что мы живы. Иначе они придут за нами».

— И что?

— А если они прочитают газету?

Броди опять рассмеялся:

— Джун, бога ради! Больше нет никаких «они». Агент Слейд был дряхлым стариком, больным и телом и рассудком, параноиком до мозга костей. Поверь мне: все обернется к лучшему. Нужно было сказать — мы и сказали, представили дело как хотели, без лишних подробностей. Все, больше спрашивать нечего, история исчерпана. Совать любопытный нос некуда. Финиш.

И мистер Броди удалился на кухню, продолжая протирать тарелку.

Глава 15

Каирн-Бэрроу

Сидя за рулем взятого напрокат «форда», д'Агоста уныло смотрел в окно на бесконечные серо-зеленые болота, поросшие вереском. С высоты холма они казались уходящими в бесконечность, в серый туман на краю мира. Да, если судить по везению, уготованному лейтенанту Винсенту д'Агосте, они и есть тоскливая бесконечность, навсегда спрятавшая свои жутковатые тайны.

Лейтенант устал, как никогда в жизни. Семь месяцев прошло, а рана по-прежнему как гиря на плечах. Поднялся по лестнице всего на один пролет, прошел сквозь терминал аэропорта — и невозможно отдышаться. Эти последние три дня в Шотландии стали невыносимой пыткой. Спасибо доброжелательному, искренне желающему помочь главному инспектору Балфуру, показавшему все, что можно увидеть. Д'Агоста познакомился со всеми материалами дела, показаниями свидетелей, записями допросов. Побывал на месте происшествия. Поговорил с персоналом охотничьего домика в Килхурне. Посетил все дома, фермы, сараи, хижины, озера, болота, скалы, долины и лощины в радиусе двадцати миль от этого богом проклятого места. Все напрасно. Но как утомительно! Выше всяких сил...

А еще промозглая шотландская сырость. Конечно, он знал, что Британские острова славятся непогодой. Но настолько... С самого Нью-Йорка д'Агоста не видел солнца. Еда — сущее дерьмо, тарелки с приличными макаронами в радиусе сотни миль не найти. Вечером первого дня позволил себя уговорить, отведал местного блюда под названием «хаггис», и с тех пор не ладилось с желудком. Охотничий домик поместья Килхурн показался местом изысканным, стильным, но изобиловал сквозняками. Лейтенант промерз до костей, и рана заныла от холода.

Он снова взглянул в окно и тяжело вздохнул. Чем угодно бы занялся, лишь бы не тащиться снова на болота. Но в пабе прошлым вечером он случайно подслушал разговор о паре стариков, то ли совсем безумных, то ли слегка не в себе (мнения разнились), живущих в доме прямо среди болот, поблизости от низины Иниш.

Старики держали овец, пропитание сами выращивали и собирали, в город почти не наведывались. К их жилью и дороги-то не было, только отмеченная кучками булыжников тропа. Место воистину посреди нигде — и в двенадцати милях от топи, где тонул Пендергаст. Д'Агоста не верил в то, что тяжелораненый агент смог бы добраться туда. Тем не менее долг перед собой и старым другом обязывал перед возвращением в Нью-Йорк проверить все до последнего.

Д'Агоста бросил последний взгляд на припасенную карту, свернул ее и сунул в карман. Надо торопиться: небо подозрительно нахмурилось, на западе собираются мрачноватые тучи. Но так не хочется... Он вздохнул и, с усилием распахнув дверь, заставил себя шагнуть наружу. Завернулся плотнее в непромокаемую куртку и отправился в путь.

Тропинка виднелась хорошо: полоска гравия, вьющаяся между кочками. Д'Агоста заметил первый каирн, не обычную пирамидку из камней, а длинный узкий брусок гранита, вкопанный в землю. Приблизившись, увидел надпись на нем: «Глимсхолм, 4 мили». Да, про Глимсхолм и говорили в пабе. Д'Агоста ухмыльнулся: всего-то четыре мили. Если не гнать, за пару часов доберешься без проблем. Воодушевившись, лейтенант зашагал по гравию, хрустя подошвами новеньких ботинок. Ветер хлестал по лицу. Но д'Агоста тепло оделся, и в запасе у него было еще семь часов до темноты.

Первую милю тропа шла по твердой почве, вдоль невысокого отрога, вдававшегося в болота. Лейтенант шагал, глубоко дыша, удивленный и обрадованный тем, что хлопоты и суeta последних дней вовсе не обессилили его, а, напротив, сделали сильнее, несмотря на усталость и боль. Тропа неплохая, вдоль нее — вкопанные гранитные брусья. Торчат, будто копы из земли, указывая дорогу.

В глубине болот тропа стала менее заметной, но каирны виднелись отчетливо, за сотни ярдов. У каждого лейтенант останавливался, высматривал следующий и лишь затем шел дальше. Хотя местность казалась равнинной, д'Агоста скоро понял: здесь полно покатых холмов и ложбин, дорогу и ориентиры потерять нетрудно, а вот прокладывать курс напрямик едва ли возможно.

К одиннадцати часам тропа начала очень полого спускаться вниз, к настоящему болоту, зыбкому и топкому. Справа вдали рисовалась темная линия. Судя по карте — граница низины Иниш.

Ветер улегся, в безветрии над ложбинами и впадинами за клубился туман, щупальца его потянулись над темными топиями. Небо почернело, собрались тучи.

Лейтенант посмотрел вверх и выругался. Опять эта чертова шотландская морось.

Он упорно шагнул вперед. Внезапно тишину разорвал мощный порыв ветра. Приближение его д'Агоста ощутил заранее: над болотами прокатился гул, вереск впереди прильнул к земле — и вот ветер затряс лапами лейтенантского плаща, дернул за шляпу, норовя унести. На землю обрушились тяжелые капли настоящего ливня. Скопившийся в низинах туман, казалось, прыгнул к небу и превратился в несущиеся облака, — а может, свинцовое небо упало на топи?

Д'Агоста взглянул на часы: полдень.

Он присел отдохнуть на камень. Больше указателей нигде не было, но, похоже, он прошел мили три. Должно быть, до Глимсхолма еще с миле. Лейтенант осмотрелся: впереди ничего похожего на строения. Прилетел новый порыв, хлестнул дождем по щекам.

Вот же безобразник!

Лейтенант встал, развернул карту. Бесполезно: никаких ориентиров не видно, свое положение не определишь.

И как здесь могут жить люди? Живущие здесь не просто безумны — они законченные, кошмарные психи. Идти к их обители было лютой глупостью. Шанс Пендергаста добраться до них — чистый ноль.

Ливень бил по земле, ровный и плотный. Смеркло до того, что день стал похожим на ночь. Тропинка была уже не столь заметной, сбоку подступили черные мочажины, тропка временами шла по гати либо по уложенным в ряд плоским камням. Среди тумана, дождя и темени отыскать следующий каирн оказывалось все труднее. Д'Агоста подолгу вглядывался в сумрак, высматривая торчащие камни.

Сколько еще осталось? Он проверил время: половина первого. Уже два с половиной часа он в пути. Коттедж безумных стариков должен быть рядом. Но впереди сквозь дождь и туман виднелось лишь серое унылое болото.

Здорово было бы застать стариков дома, чтобы и камин растопленный, и горячий кофе или хотя бы чай. Стало холодно, влага потихоньку пробиралась в одежду. Все же зря он пошел: к боли в ране добавилась острая стреляющая боль в ноге. Может, передохнуть снова? Но нет, лучше не задерживаться, ведь цель близка. Сидя неподвижно под дождем, зачленеешь.

Д'Агоста остановился в недоумении. Тропа уперлась в озерцо булькающей грязи. Он осмотрелся: где же каирны? Не видать. Проклятье, он отвлекся и перестал следить за дорогой. Д'Агоста обернулся, высматривая тропинку позади. Но теперь она и тропинкой не казалась, всего лишь череда небольших ложбин между кочками. Д'Агоста попытался вернуться — и уперся в развилку. Тропы расходились в стороны, на твердой почве следов не видно, только лужицы от дождя. Он присмотрелся, отыскивая торчащий гранитный брус, — ничего. Куда ни глянь, серая топь и клочья тумана.

Лейтенант сделал глубокий вдох. Так, спокойно. Каирны всего в паре сотен ярдов друг от друга. Отсюда до ближайшего не больше ста ярдов. Нужно не торопясь, осторожно вернуться к нему. И без паники!

Д'Агоста шагнул на правую тропинку и медленно двинулся вперед, то и дело останавливаясь и оглядывая местность. Через полсотни ярдов понял: тропа не та, иначе бы он уже увидел гранитный брус. Отлично, значит, другая тропа — верная.

Он пошел назад, но отчего-то не нашел развилку через полсотни ярдов. Наверное, неправильно оценил расстояние. Прошел еще немного — и уперся в очередную мочажину.

Д'Агоста остановился, перевел дыхание. Ладно, он заблудился. Но это не страшно. Вряд ли отсюда до каирна больше сотни-другой ярдов. Нужно осмотреться как следует и не двигаться с места, пока не станет ясно, где он находится и куда идти.

Ливень хлестал вовсю. Меж лопаток пробирался неторопливый холодный ручеек. Стараясь не обращать на это внимания, лейтенант оценил обстановку. Он находился в чашеобразной низине. Горизонт со всех сторон был примерно в миле, но точнее определить было трудно из-за тумана, который постоянно перемещался. Д'Агоста вынул карту — и снова запихал в карман. Какой сейчас от нее прок? А компас он взять не додумался, вот досада! Д'Агоста посмотрел на

часы: половина второго. До настоящих сумерек три часа.

— Черт! — проговорил он громко и повторил еще громче: — Черт!

От этого стало немного лучше. Он выбрал направление и всмотрелся в ту сторону. Ага, вот и вертикальная черточка среди плывущего тумана, наверняка каирн.

Д'Агоста пошел к нему, ступая с одного засыпанного камешками участка на другой. Но промоины и мочажины упорно загораживали путь. Приходилось сворачивать то влево, то вправо, а то и вовсе возвращаться. В конце концов он понял, что застрял на длинном извилистом острове посреди трясины. Господи боже, да ведь этот дурацкий гранитный брус ясно виден всего в двухстах ярдах!

Он вышел к месту, где мочажина делалась узкой, и заметил тропинку с другой стороны, песчаную извилистую полосу, ведущую к ориентиру. Фу ты, наконец-то! Д'Агоста попробовал отыскать переправу через топь и немного погодя обнаружил место, где через трясины шла череда кочек. Они находились на небольшом расстоянии друг от друга, и можно было прошагать по ним. Сделав глубокий вдох, полицейский поставил ногу на первую кочку, надавил на нее — кажется, надежно — и перенес на ногу вес тела. Затем ступил на следующую кочку и так, шаг за шагом, пересек большую часть трясины. Черная грязь, потревоженная вибрацией от шагов, хлюпала у ног, иногда пузырилась, выпуская болотный газ.

Оставалось пройти немного, когда потребовалось сделать особенно широкий шаг. Д'Агоста ступил на кочку, оттолкнулся другой ногой — и потерял равновесие. Невольно издав вопль, он попытался перепрыгнуть через узкую полосу топи к желанному берегу, но не долетел и тяжело плюхнулся в грязь.

Когда липкая холодная жижа обволокла бедра, лейтенант впал в безотчетную панику. Снова завопив, он дернулся, чтобы высвободить ногу, но погрузился еще глубже. Животный страх возобладал над рассудком. Попытка вытащить другую ногу окончилась с аналогичным результатом. С каждым рывком тело все больше засасывало в ледяные тиски грязи, вокруг лопались пузыри, испуская газ и обволакивая смрадом болотной гнили.

— Помогите! — отчаянно заголосил д'Агоста, хотя крошечная часть рассудка, пощаженная страхом, тут же подсказала, что звать

здесь кого-то очень глупо. — По-мо-ги-те!

Грязь уже поднялась выше талии. Д'Агоста судорожно задвигал руками, чтобы высвободить их из топи, но руки увязли прочно, а он сам погрузился еще глубже. Его будто сунули в смирительную рубашку. Он забился, стараясь вытащить хотя бы одну руку, — напрасно. Д'Агоста застыл, будто муха в меду, бессильный, беспомощный, неотвратимо погружаясь в топь.

— Бога ради, помогите!! — пронзительно закричал он, и эхо покатилося над пустынными болотами.

«Ты, идиот, не шевелись!» — приказала наконец та часть рассудка, что убереглась от паники. Каждое движение загоняло его вглубь. Нечеловеческим усилием он обуздал страх, принудил себя замереть.

«Вдохни глубоко. Не двигайся. Выжди».

Дышалось тяжело — грязь тисками сдавила грудь. Она уже дошла до плеч. Но, не двигаясь, д'Агоста, похоже, сумел остановить погружение. Он выжидал, стараясь не поддаваться страху, ведь ледяная жиха уже подкралась к шее. Но дальше почти не ползла. Д'Агоста ждал под хлещущим дождем, пока не убедился: действительно, больше не погружается. Он достиг равновесия, застыл на плаву.

А заодно и подметил: до берега всего пять футов.

Медленно и плавно он стал поднимать руку, высвобождать из грязи, растопырив пальцы, стараясь избегать засасывания, чтобы грязь успевала обтекать движущуюся конечность.

Чудо! Рука на поверхности, свободна. Держа ее над грязью, д'Агоста медленно наклонился вперед. Когда грязь подкралась к шее, он с трудом подавил панику. Но, погрузив верхнюю часть тела, ощутил: сработал эффект поплавок, ноги приподнимаются. Наклонился вперед больше — и нижняя часть тела немного всплыла. Д'Агоста осторожно опустил в грязь подбородок, тем самым усилив эффект, и приподнял ноги чуть больше, наклоняя тело в сторону берега. Расслабившись, двигаясь с мучительной медлительностью, он клонился вперед — и, когда грязь подступила к носу, умудрился ухватиться за ветку вереска.

Постепенно он смог подтянуться к берегу, уперся подбородком в

траву. Закрепившись, очень плавно вытянул вторую руку, ухватился ею за другой куст вереска — и наконец сумел выволочь себя на твердую почву.

Д'Агоста лежал, ощущая безграничную, необъятную радость. Сердце потихоньку успокоилось, перестало колотиться. Ливень смывал грязь.

Спустя несколько минут ему удалось подняться на ноги. Он продрог до костей и стучал зубами, с него капала грязь. Д'Агоста приподнял левую руку, позволил дождю омыть циферблат часов: четыре часа.

Четыре часа пополудни!

Неудивительно, что вокруг так темно. Здесь ведь север, в октябре солнце садится рано.

Винсента д'Агосту била дрожь. Ветер валил с ног, ливень хлестал, издалека доносились раскаты грома. Он не взял с собой ни фонаря, ни даже зажигалки. Вот же угодил! Так можно и умереть от переохлаждения. Слава богу, хоть тропу нашел.

Вглядываясь в сумрак, лейтенант различил впереди каирн, который так долго и безуспешно искал.

Он как мог счистил с себя грязь и осторожно пошел вперед. Приблизившись, заподозрил неладное: каирн выглядел уж очень тонким. И точно, это оказался сухой ствол мертвого дерева, ободраный, отполированный ветром.

Д'Агоста не поверил своим глазам. Чертово деревце, да как оно тут оказалось, посреди пустоши, во многих милях от живого леса? Если бы д'Агоста проходил здесь раньше, уж точно бы подметил такой курьез.

Господи, неужели он так и не вышел на тропу?

Лейтенант осмотрелся в сгущающихся сумерках и понял: то, что он принимал за тропу, на самом деле всего лишь несколько небольших участков песка и гальки, хаотично разбросанных по трясине.

Стемнело по-настоящему. И похолодало. Возможно, температура опустилась ниже нуля.

Д'Агоста наконец понял, какой непростительной глупостью

было идти через болота в одиночку. Не оправившийся от раны, без фонаря, без компаса, с одним-единственным давно съеденным бутербродом. Желание выяснить, что произошло с Пендергастом, нетерпение и неосмотрительность не дали правильно оценить риск — и вот результат.

И что теперь? Темень крошечная, идти без фонаря — самоубийство. Вокруг сплошь мутная темно-серая пелена, ориентиров не видно, и надежды их отыскать нет. Еще никогда в жизни д'Агосте не было так холодно. Он промерз до мозга костей.

Видно, придется ночевать среди топей.

Он огляделся и заметил невдалеке пару валунов. Дрожа, выстукивая зубами чечетку, скорчился между ними, закрывшись от ветра. Съежился, уткнул голову в колени, спрятал ладони под мышками. Дождь барабанил по спине, ручейки текли по шее, сбегали на лицо. Дождь сменился мокрым снегом, тяжелые комья расплескивались о плащ, сползали вниз.

Когда холод сделался невыносимым, внезапно пришло спасение. Стало теплее. Невероятно, но попытка спрятаться дала результат, тело побороло холод, приспособилось. Внутри, в самом средоточии родилось дремотное тепло, медленно поползло к рукам и ногам. С ним пришла и странная благодушная легкость. Лейтенант успокоился, ему захотелось закрыть глаза, поддаться сну. Ничего страшного, можно переночевать и здесь. С рассветом станет теплее, солнце пригреет, тропа отыщется, и все будет хорошо.

Так славно стало, тепло и приятно. И радостно. Дождь и холод — какая чепуха! И рана больше не болит.

Темнота заволокла все кругом. Очень хочется спать! Если удастся заснуть, ночь пройдет намного скорее. С темнотой и мокрый снег прекратился — снова везение. Хотя, нет, пошел настоящий, сухой снег. Ну, хотя бы ветер улегся. Господи, дремотно как, словно наелся снотворного...

Д'Агоста пошевелился, устраиваясь поудобнее, и вдруг заметил желтый огонек — дрожащую, зыбкую искру среди черноты. Что это? Галлюцинация? Нет, наверняка Глимсхолм — откуда еще тут огни? И ведь невдалеке. Нужно встать и пойти туда.

Но зачем? Сейчас так тепло, так хочется спать... лучше переночевать здесь, а пойти утром. Хорошо, что цель оказалась так

близка. Теперь можно заснуть спокойно...

Лейтенант медленно уплыл в чудесное теплое беспамятство.

Глава 16

Антигуа, Гватемала

За небольшим столиком на веранде ресторана сидел мужчина в белом льняном костюме и белой же соломенной шляпе, поглощая huevos rancheros — яичницу по-мексикански — со сметаной и соусом халапеньо. С веранды открывался приятный вид на окаймленную деревьями площадь Парко-Централ с недавно отстроенным фонтаном посередине. Вокруг фонтана толпились ребятишки и туристы. За площадью виднелась знаменитая арка монастыря Санта-Каталина, чьи очертания, насыщенный желтый цвет и колокольня смотрелись бы куда более естественно в Венеции, нежели в Центральной Америке. Дальше, за чередой домов со стенами пастельных тонов и бурыми крышами, возвышались огромные вулканы. Их темные вершины скрывались за клубящимися облаками.

Несмотря на утро, из открытых окон уже неслась музыка. Проезжающие по улице автомобили расшвыривали валяющийся мусор.

Утро выдалось пасмурным. Мужчина снял шляпу, положил рядом с собой.

Он производил внушительное впечатление: высокий, импозантный, под льняным костюмом угадываются рельефные мышцы и стать атлета. Движения медленные, плавные, обманчиво расслабленные, взгляд светлых глаз цепок и внимателен, от них не ускользнет ни единая мелочь. Волосы белым-белы, а кожа смуглая, покрытая глубоким загаром и странно гладкая, почти шелковистая на вид. Оттого трудно определить возраст мужчины: ему может быть едва за сорок или уже за пятьдесят.

Официантка унесла опустевшую тарелку. Мужчина поблагодарил на хорошем испанском. Еще раз окинув взглядом окрестности, он вынул из стоящего у ног потертого портфеля тонкую папку. Глотнул черного кофе со льдом, щелкнул золотой зажигалкой, раскуривая тонкую сигару, и открыл папку, размышляя над тем, почему ее прислали как нечто исключительно важное и

конфиденциальное. Как правило, даже требующие особой секретности дела шли по обычным, вполне безопасным каналам: через переадресаторы электронной почты или закодированные файлы, надежно спрятанные на особо секретных серверах в Интернете. Но это послание прибыло с курьером, одним из немногих используемых организацией.

Впрочем, это единственный способ удостовериться на все сто процентов, что письмо дошло по назначению.

Мужчина отхлебнул кофе еще раз, уложил сигару в стеклянную пепельницу, вынул из кармана пиджака шелковый платок и промокнул лоб. Столько лет прожил в тропиках, а к жаре привыкнуть так и не смог. Ему часто снились очень странные сны о детстве, о летних месяцах, проводимых в охотничьем домике возле города Кёнигсвинтер, с его коридорами-лабиринтами, видами на хребет Зибенгебирге и долину Рейна.

Он сунул платок в карман и открыл папку. Там лежала вырезка из газеты, напечатанной до крайности скверно и на самой дешевой бумаге. Газету напечатали всего несколько дней назад, а бумага уже пожелтела. Американская газетенка с нелепым названием «Эзервилльская пчела». Заголовок крупными буквами:

***Таинственная пара возвращается после многих лет
добровольного изгнания***

Нед Беттертон

Мэлфорш, штат Миссисипи. Двенадцать лет назад женщина по имени Джун Броди, разочаровавшись в жизни после потери работы исполнительного секретаря в компании «Лонжитьюд фармасьютиклз», покончила с собой, прыгнув с моста Арчер-бридж. Она оставила в машине предсмертную записку. Но самоубийство было всего лишь инсценировкой...

Мужчина спокойно положил вырезку в папку. Процедил сквозь зубы:

— Scheisse!^[3]

Снова взялся за вырезку и дважды внимательно перечитал. Свернул, положил на стол, внимательно осмотрел площадь. Вынул зажигалку, поджег край вырезки, уронил горящую бумагу в пепельницу. Тщательно проследил за тем, чтобы не осталось несгоревших клочков, потом раздавил пепел концом сигары. Вдохнул глубоко, вытащил мобильный телефон и набрал длинную последовательность цифр.

После первого же звонка в трубке раздалось резкое:

— Ja?^[4]

— Клаус? — осведомился мужчина.

Собеседник узнал голос и ответил дружелюбно:

— Buenos dias, Señor Fischer.^[5]

— Клаус, для тебя есть работа, — сказал Фишер по-испански.

— Я готов, сэр.

— Работа из двух частей. Первая — сбор информации, расследование. Вторая подразумевает физический контакт. Начинать немедленно.

— Я в вашем распоряжении.

— Хорошо. Сегодня вечером я позвоню из Гватемала-сити, дам подробные инструкции.

Хотя линия была безопасной, Клаус задал вопрос, используя условный код:

— Каков цвет задания?

— Синий.

— Можете считать работу успешно завершенной, сеньор Фишер! — отрапортовал Клаус по-солдатски.

— Не сомневаюсь, что на тебя можно положиться, — ответил Фишер и отключил связь.

Глава 17

Фоулмайр, Шотландия

Лейтенанта будто обволокло пуховое одеяло — уютное, теплое, убаюкивающее... Но среди блаженного забытья снова заговорил крошечный участок рассудка, не поддавшийся дреме. Выговорил одно слово: «Гипотермия».

Ну и что?

«Ты умираешь!» — предупредила часть рассудка, еще способная мыслить логически.

Голос ее был как болтовня назойливого собеседника, которого не уймешь и тему не сменишь — упорно твердит об одном и том же. Но жутковатое слово «гипотермия» впечаталось крепко, потащило назад, к реальности. Ведь все симптомы налицо: ощущение невыносимого холода вдруг сменяется теплом, хочется спать, вялость, апатия.

Господи боже, и он, Винсент д'Агоста, почти сдался!

— Идиот, ты же умираешь! — крикнул он себе.

Зарычал, напряг все силы, чудовищным напряжением воли заставил себя встать. Заколотил по непослушному телу, зашлепал, стараясь пробудить чувствительность. Дважды сильно ударил по лицу — и снова ощутил укол холода. Ударил себя так, что не устоял на ногах, поднялся снова, трясаясь, будто раненое животное.

От слабости д'Агоста едва держался на ногах. Ноги пылали болью. Голова раскалывалась, в рану словно тыкали железом. Лейтенант затопал, заходил кругами, то обнимая себя, то охлопывая, стряхивая снег, вопя во всю глотку, призывая боль вернуться. Теперь она значила выживание. Потихоньку вернулась ясность рассудка. Д'Агоста топал, подпрыгивал. И не сводил глаз с желтого огонька, подрагивающего в темноте. Как же подойти к нему?

Он шагнул вперед, снова упал и увидел трясину в паре дюймов от себя.

Лейтенант сложил руки рупором и прокричал:

— Помогите! Помогите мне!

Над мертвыми пустошами покатилося эхо.

— Я заблудился! Я шел к Глимсхолму!

Крик очень помог. Лейтенант ощутил, как быстрее побежала по жилам кровь, как забилося живее сердце.

— Пожалуйста, помогите!

И вдруг заметил второй огонек, поярче, рядом с первым. Похоже, он двигался, приближался!

— Я здесь! — закричал полицейский.

Свет двинулся к нему. Но он оказался дальше, чем виделось поначалу. Двигался причудливо: то пропадал, то появлялся снова. Наконец пропал совсем.

Д'Агоста ждал. Не утерпев, закричал, сжимаясь от страха:

— Я здесь!

А вдруг его не слышали? Вдруг человек с фонарем движется вовсе не к замерзающему полицейскому?

— Здесь!

Почему тот человек не откликается? Может, угодил в трясину?

И вдруг свет вспыхнул прямо перед носом д'Агосты. Несший фонарь человек посветил ему в лицо, затем поставил фонарь наземь. Когда глаза привыкли, лейтенант увидел диковато выглядящую женщину с отвисшими губами, в просторном макинтоше, сапогах, перчатках и шляпе, с шарфом на шее, с клоком седых волос, выбивающимся из-под шляпы, с крючковатым носом и голубыми глазами, глядящими ошалело. Среди темноты и шевелящегося тумана она казалась привидением.

— Что за черт? — резко спросила она.

— Я ищу Глимсхолм!

— Уже нашел, — объявила женщина и добавила насмешливо: — Ну, почти.

Взяла фонарь и пошла, посоветовав:

— Осторожнее ступай-то!

Д'Агоста поковылял за нею. Спустя десять минут свет фонаря очертил контуры дома с шиферной крышей и высокой трубой. Каменные стены строения, когда-то беленые, заросли мхом и лишайником.

Женщина открыла дверь, и лейтенант оказался в изумительном тепле уютного коттеджа, с огнем, пылающим в огромном камине, со старомодной эмалированной плитой, плетеными коврами на полу, мягким диваном и креслами. На полках вдоль стен стояло множество книг, на стенах висели пара картин и ряд внушительных оленьих рогов. Комната освещалась керосиновыми лампами.

Такого чудесного тепла д'Агоста не ощущал никогда в жизни.

— Раздевайся! — бесцеремонно приказала седовласая женщина, подходя к огню.

— Да я...

— Святые угодники, да раздевайся же! — Она принесла стоявшую в углу плетеную корзину. — Одежду сюда!

Лейтенант снял плащ, бросил в корзину. За ним последовали промокший свитер, ботинки, носки, рубашка, майка и брюки. Полицейский остался стоять в испачканных грязью трусах.

— Исподнее тоже! — буркнула женщина.

Она завозилась у плиты, сняла с конфорки большой чайник, вылила кипяток в оцинкованный таз, поставила у камина, рядом положила мочалку и полотенце.

Прежде чем снять трусы, д'Агоста выждал, пока женщина отвернется. Тепло от камина было чудесным.

— Звать как?

— Д'Агоста. Винсент д'Агоста.

— Мойся. Сейчас одежонку свежую принесу. Широковат мистер для тряпок старика моего, но уж отыщем что-нибудь.

Она поднялась по узкой лестнице, затопала наверху, зашуршала. Послышался стариковский кашель и сварливый голос — кажется, хозяину дома внезапные хлопоты пришлись не по нраву.

Женщина вернулась с ворохом одежды, когда д'Агоста растирался мочалкой. Он оглянулся и обнаружил, что женщина без

стеснения разглядывает гостя.

— У, что за радость посмотреть старухе, — хихикнула она, положила одежду и повернулась к огню подбросить поленце-другое, затем снова захлопотала у плиты.

Смущенный д'Агоста поскорее смыл грязь, вытерся и оделся. Вещи предназначались для человека гораздо выше и стройнее, но лейтенант умудрился их натянуть. Вышло неплохо, разве что пуговицы на брюках не застегивались. Пришлось стянуть брюки ремнем. Старуха помешивала в котелке, и ноздри лейтенанту защекотал неопишимо вкусный запах бараньей похлебки.

— Садись! — велела женщина. Она налила большую миску похлебки, откромсала несколько ломтей от большой буханки хлеба, поставила миску перед гостем и положила хлеб рядом. — Ешь!

Д'Агоста жадно отправил в рот полную ложку, обжигая рот.

— Похлебка просто замечательная, — сказал он искренне. — Не знаю, как и благодарить...

— Ты нашел Глимсхолм, — перебила его старуха. — Зачем ты сюда явился?

— Я ищу друга.

Старуха посмотрела пристально.

— Около четырех недель назад мой лучший друг пропал вблизи низины Иниш, где загон у лога. Знаете это место?

— Ну да.

— Мой друг — американец, как и я. Он пошел на охоту из охотничьего домика в Килхурне и пропал. Его ранили, подстрелили случайно. Полиция прочесала топи, но тела не нашла. Зная его, я готов предположить, что он мог выбраться из трясины и спастись.

Женщина поморщилась, глядя на лейтенанта с нескрываемым подозрением. Хотя казалось, что она слегка тронутая, природной сметки и хитрости ей было не занимать.

— До загона у лога двенадцать миль, и все по болотам.

— Я знаю. Но Глимсхолм — моя последняя надежда.

— Не видела я никакого американского друга. Вообще никого не

видела.

Д'Агоста знал, что вероятность отыскать Пендергаста в Глимсхолме крайне мала, но все равно расстроился. Значит, надежды нет. Совсем.

— Может, ваш муж видел...

— Не видел. Он никуда не ходит. Инвалид.

— Может, вы вдалеке замечали что-то движущееся...

— Уж сколько недель ни души не примечала.

Сверху донесся раздраженный, дрожащий голос. Он выговорил что-то с таким густым акцентом, что лейтенант ничего не разобрал. Женщина поморщилась и затопала вверх по лестнице. Старик пожаловался неразборчиво, женщина ответила резко, сварливо. Вернулась, все еще скалясь.

— Время спать! Я у плиты себе постелю. А ты на втором этаже, с хозяином рядом ляжешь. Там на полу одеяла.

— Огромное спасибо за помощь!

— Только старика не тревожь, он не в себе.

— Я тихонько, обещаю.

— Тогда спокойной ночи!

Д'Агоста поднялся по крутой скрипучей лестнице. Наверху оказалась комната с очень низким двускатным потолком, освещенная маленькой керосиновой лампой. У дальней стены, под скатом, стояла деревянная кровать, и на ней различалась нелепо скрюченная человеческая фигура. Хозяин дома оказался настоящим пугалом. Тощий, длинный, с красным носом картошкой и растрепанными седыми волосами. Старик уставился на гостя единственным здоровым глазом, и его выражение было явно недружелюбным.

— Э-э, здравствуйте, — неуверенно произнес д'Агоста. — Простите за беспокойство.

— И тебе здравствуйте, — пробурчал старик. — Не шуми только, а?

Он демонстративно повернулся к гостю спиной.

Д'Агоста с облегчением стянул одолженные рубашу и штаны и

забрался под одеяло, постеленное на грубом дощатом лежаке. Потом загасил керосиновую лампу. Так чудесно было лежать в тепле и уюте, слушая завывающий снаружи ветер.

Уснул лейтенант быстро и крепко.

Проснулся он среди ночи, в крошечной тьме. Спал крепко, потому не сразу вспомнил, где находится, и поначалу испугался. А когда вспомнил, то удивился тишине. Буря улеглась, и воцарилась мертвая, жуткая тишина. Сердце лейтенанта судорожно заколотилось. Ему представилось, что рядом, в темноте, кто-то стоит.

Д'Агоста лежал, окутанный непроницаемым сумраком, и пытался успокоить себя. Это всего лишь дурной сон, не больше. Но почему чудится, что кто-то стоит рядом, наклоняется, тянется к нему?

Тихо скрипнул пол.

Господи боже!

Закричать? Кто это рядом? Не старик же? Может, кто-то пришел в ночи?

Половица скрипнула снова — и руку лейтенанта сдавило железной хваткой.

Глава 18

— Дорогой Винсент, — донесся из темноты шепот. — Я тронут вашей заботой. Весьма. Но в гораздо большей степени недоволен фактом вашего пребывания здесь.

Д'Агоста оцепенел от изумления. Невероятно. Это все еще сон, не иначе. Послышался шорох спички, и темноту рассеяла вспышка. Зажглась керосиновая лампа.

Рядом стоял старик — скрюченный, явно больной. Лейтенант глядел в изумлении на желтушную морщинистую кожу, редкую бороду и сальные седые волосы до плеч, красный шишкообразный нос. Но голос, пусть слабый, и знакомый хищный блеск глаз, хотя, казалось, и подернутых мутной пеленой, указывали именно на того, за кем Винсент д'Агоста пошел через болота.

— Пендергаст? — прошептал наконец полицейский.

— Вам не следовало приходить сюда.

— Но как же? Как?

— С вашего разрешения, я снова прилягу. Я еще слишком слаб, чтобы подолгу стоять.

Д'Агоста сел. Старик повесил лампу, медленно, с трудом улегся на кровать.

— Друг мой, возьмите стул.

Лейтенант встал, напялил одолженную одежду, снял табуретку, подвешенную за вбитый в стену крюк. Сел рядом со стариком, совершенно непохожим на агента ФБР.

— Господи, я так рад! Вы живы! А я уж думал... — Обуреваемый эмоциями, д'Агоста не смог договорить.

— Мой друг, вы все такой же порывистый и прекрасодушный. Но давайте не тратить время на изъявление чувств. Я должен многое рассказать.

— В вас стреляли! — пробормотал лейтенант, снова обретя голос. — Какого дьявола вы сюда забрались? Вам нужно в больницу, к врачам!

— Нет, Винсент, не спешите с выводами. Я получил высококвалифицированную помощь, и пока мне лучше оставаться в убежище.

— Почему? Что за чертовщина происходит?

— Я расскажу, если вы пообещаете как можно скорее вернуться в Нью-Йорк и никому не говорить обо мне.

— Вам нужна помощь, и я вас не оставлю. В конце концов, я ваш партнер!

С очевидным усилием Пендергаст приподнялся:

— Вы должны уехать! Я хочу выздороветь, оставаясь для всех мертвым, а затем найти того, кто хотел меня убить. — Агент медленно опустился на подушку.

— А, так этот мерзавец и в самом деле пытался убить вас? — изумленно выдохнул д'Агоста.

— И не только меня. Полагаю, он же стрелял и в вас, когда мы покидали Пенумбру. Он же пытался убить Лору Хейворд во время нашего с нею визита к вам в больницу в Бастропе. Этот человек — недостающее звено, таинственный незнакомец, вовлеченный в проект «Птицы».

— Невероятно! Так это он — убийца вашей жены? Ее собственный брат?

Неожиданно наступила тишина.

— Он не убивал Хелен, — наконец ответил Пендергаст.

— Тогда кто же?

— Она жива.

Лейтенант не поверил своим ушам. Не мог поверить. Это же абсурд! Он не знал, что и сказать на такое.

Твердые, как сталь, пальцы опять стиснули его руку.

— Когда я, раненный, погружался в трясину, Эстерхази сказал, что Хелен жива.

— Но разве вы не видели своими глазами ее смерть? Разве вы не сняли кольцо с ее отделенной от тела руки? Вы ведь показали мне!

В комнате повисло молчание.

— Этот кусок дерьма захотел помучить вас перед смертью, — сказал в конце концов д'Агоста. Он посмотрел на человека, лежащего на кровати, заглянул в его серебристые глаза и прочел в них упорное желание верить в невероятное. — И каков же ваш, э-э, план?

— Я найду его. Приставлю ствол к его голове и заставлю привести меня к Хелен.

Лейтенант пришел в смятение. Эта одержимость в голосе, это безрассудство были так нехарактерны для его старого друга.

— А если он не захочет подчиниться?

— Винсент, он захочет. Уж поверьте мне, я об этом позабочусь.

Лейтенант решил не уточнять, как Пендергаст собирается добиться признания. Он сменил тему:

— Как вы смогли выбраться, раненный?

— Когда переданный пулей импульс столкнул меня в трясину, я начал погружаться. Но вскоре мои ноги уперлись в нечто находившееся всего в нескольких футах от поверхности. Мягкий, упругий объект. Похоже, труп животного. Он не дал мне погрузиться дальше. Чтобы создать иллюзию погружения, я постепенно сгибал колени. Мне очень повезло, что Джадсон решил покинуть место преступления, не дожидаясь, пока... меня полностью засосет.

— Да уж, повезло так повезло, — пробормотал д'Агоста.

— Я выждал четыре, возможно, пять минут. Больше не мог — кровотечение было сильным. Затем встал и, оттолкнувшись от затонувшего трупа, выбрался из топи. Соорудил из подручных средств давящую повязку. Я был в милях от возможной помощи, от ближайшего жилья.

Пендергаст пару минут молчал. Когда он заговорил снова, голос его показался чуть крепче, уверенней.

— Мы с Джадсоном охотились здесь лет десять назад. Еще тогда я познакомился с местным доктором по фамилии Роскоммон. У нас обнаружили общие интересы. Он практиковал в деревеньке Инверкирктон, в трех милях отсюда. По прямой эта деревня — ближайшая к месту, где я был ранен.

— Как же вам удалось добраться дотуда и при этом не наследить?

— Повязка вышла неплохой, и я не оставил кровавых пятен на земле. Двигался осторожно. Об остальном позаботился ливень.

— Вы шли к дому этого врача три мили в бурю, с открытой раной в легком?

— Да, — ответил Пендергаст, глядя в упор на друга.

— Господи милостивый... как же вы смогли?!

— У меня внезапно появилась причина жить.

Д'Агоста лишь покачал головой.

— Роскоммон необыкновенно умен и проницателен. Для него не составило труда поставить диагноз и определить лучший способ лечения. Мне дважды повезло. Во-первых, пуля все-таки миновала подключичную артерию, пройдя на волосок от нее. Во-вторых, ранение оказалось практически сквозным, операция по извлечению пули не потребовалась. Роскоммон удалил воздух из плевральной полости и сумел остановить кровотечение. А ночью перевез меня сюда. Его тетушка заботится обо мне с тех пор.

— Тетушка?

— Забота о ней — единственное, что удерживает доктора в здешних краях. Хотя, полагаю, он мог бы иметь блестящую практику на Харли-стрит. Он знал, что с тетушкой я буду в безопасности.

— Значит, весь прошлый месяц вы провели здесь?

— И проведу здесь еще столько времени, сколько потребуется, чтобы встать на ноги и закончить дело.

— Я вам понадоблюсь здесь!

— Нет! — с силой произнес Пендергаст. — Нет же! Чем скорее вы вернетесь домой, тем лучше. Господи, Винсент, вы практически раскрыли мое убежище!

Лейтенант смолчал.

— Самое ваше присутствие поблизости подвергает меня ненужному риску. Несомненно, Джадсон сейчас в Шотландии, и он в панике. Он не знает, погиб я или выжил. И когда он заметит вас, а в особенности вблизи этого коттеджа...

— Я могу помочь вам иными способами.

— Ни в коем случае. Из-за меня вы уже чуть не погибли. Капитан Хейворд не простит мне, если подобное случится опять. Лучшее, что вы можете для меня сделать, и единственно подходящее — вернуться в Нью-Йорк, заниматься своей работой и молчать о том, что здесь произошло. Я должен завершить дело в одиночку. Не говорите никому: ни Проктору, ни Констансу, ни Хейворду. Вы поняли? Чтобы покончить с Джадсоном, мне нужно набраться сил. И я с ним покончу — конечно, если он раньше не покончит со мной.

Последняя фраза больно ранила лейтенанта. Он посмотрел на Пендергаста, столь ослабевшего телом, но не утратившего ни решимости, ни душевной силы. И какая фанатическая одержимость в глазах! Господи, как же сильно он любил эту женщину...

— Хорошо, — неохотно согласился д'Агоста. — Я поступлю, как вы советуете. Но мне придется рассказать Лоре. Я пообещал никогда больше ей не лгать.

— Хорошо. Кто еще знает о ваших розысках?

— Инспектор Балфур. И немало других людей. Я ведь расспрашивал многих.

— Значит, Эстерхази уже известно о вас. И это можно обратить в нашу пользу. Расскажите по возвращении в охотничий домик, что поиски оказались бесплодными и вы убедились в моей смерти, а потом с горестным видом отправляйтесь домой.

— Ну, если вы этого хотите...

— Я на этом настаиваю! — прошептал Пендергаст.

Глава 19

Нью-Йорк

Доктор Фелдер шел по гулкому залу больницы «Маунт-Мёрси», сунув под мышку тонкую папку с документами. Рядом вышагивал лечащий врач пациентки, доктор Остром.

— Доктор, спасибо большое за разрешение посетить ее, — сказал Фелдер.

— Пожалуйста, я всегда рад. Полагаю, ваш интерес к ней не сиюминутен?

— Да. Ее случай, хм... уникален.

— Это можно сказать о многом, относящемся к семейству Пендергаст... — начал было Остром, но внезапно умолк, будто осознав, что наговорил лишнего.

— А где ее опекун, Алоизий Пендергаст? Я пытался связаться с ним, но безуспешно.

— К сожалению, он для меня — полная загадка. Является неожиданно, в самое неподходящее время, требует, приказывает и снова исчезает. Общаться с ним тяжело.

— Я вас понимаю. Значит, вы не против того, чтобы я продолжал навещать пациентку?

— Конечно же нет. Если желаете, я поделюсь своими наблюдениями.

— Спасибо, доктор.

Они подошли к двери, и доктор Остром постучал.

— Пожалуйста, заходите! — донеслось из комнаты.

Остром открыл дверь и посторонился, приглашая Фелдера зайти первым.

Комната осталась такой же, какой Фелдер запомнил ее с первого посещения, — за исключением книг. Их стало гораздо больше. Прежняя дюжина томов увеличилась в несколько раз. Фелдер

заметил «Стихотворения» Китса, «Символы трансформации» Юнга, «120 дней Содомы» маркиза де Сада, «Четыре четверти» Элиота, «Сартор Резартус» Томаса Карлейля. Несомненно, книги из библиотеки «Маунт-Мёрси». Фелдер был слегка шокирован тем, какие книги свободно выдают пациентам.

Да, и еще одно отличие: на столе были разложены листы бумаги, исписанные густо и ровно. В тексте то и дело встречались искусные наброски, зарисовки, уравнения и диаграммы — все разом напоминало рукописи Леонардо да Винчи. Констанс сидела за столом лицом к двери и писала пером, которое окунала в бутылочку с иссиня-черными чернилами.

— Доброе утро, доктор Остром. Доброе утро, доктор Фелдер, — сказала она, посмотрев на вошедших.

Затем сложила листы стопкой, причем верхний перевернула чистой стороной вверх.

— Доброе утро, Констанс, — поздоровался доктор Остром. — Хорошо ли вы спали?

— Спасибо, очень хорошо.

— Отлично! Тогда я оставлю вас вдвоем. Доктор Фелдер, служащий будет ждать снаружи у дверей. Когда захотите уйти, постучите.

Остром вышел, и Фелдер услышал, как поворачивается в замке ключ.

Обернувшись, Фелдер посмотрел в странные глаза Констанс, казавшиеся удивительно старыми.

— Пожалуйста, садитесь, — предложила она.

— Спасибо, — ответил доктор Фелдер, сядя на единственное в комнате свободное кресло, пластиковое, с привинченными к полу стальными ножками.

Доктора очень заинтересовала рукопись Констанс, но расспросы об этом он решил отложить до следующего визита. Фелдер положил папку на колени и заметил, кивком указав на перо:

— Любопытный инструмент для письма.

— Мне пришлось выбирать между пером и цветными

карандашами... Доктор, я не ожидала увидеть вас так скоро.

— Надеюсь, вам не слишком неприятны наши беседы?

— Что вы, напротив.

Фелдер поерзал в кресле:

— Констанс, если вы не возражаете, я хотел бы снова поговорить о вашем детстве. Прежде всего давайте уточним, правильно ли я понял. По вашим словам, родились вы на Уотер-стрит в тысяча восемьсот семидесятых годах. Родители умерли от туберкулеза, затем в течение нескольких лет умерли братья и сестры. Получается, что вам... — доктор замолчал, считая в уме, — больше ста тридцати лет?

Констанс ответила не сразу. Она спокойно смотрела на доктора, как будто оценивая его. Фелдера снова поразила ее красота, умное тонкое лицо, пышная копна каштановых волос. Ее выдержка и самообладание казались невероятными для женщины, выглядящей на двадцать два года.

— Доктор, я за многое вам очень благодарна, — произнесла она наконец. — Вы отнеслись ко мне с добротой и уважением. Но если вы решили подшутить надо мной, боюсь, мне трудно будет сохранить доброе мнение о вас.

— Я отнюдь не желаю шутить над вами! — возразил Фелдер искренне. — Я здесь для того, чтобы помочь. Но для этого мне нужно понять вас.

— Я сказала вам правду. Ваше дело, верить либо нет.

— Констанс, я хочу верить. Но пожалуйста, поставьте себя на мое место. С биологической точки зрения невозможно признать, что вам сто тридцать лет. И потому я вынужден искать другие объяснения.

И вновь она ответила не сразу:

— Невозможно? Доктор, вы же ученый. Вы верите, что сердце можно пересадить от одного человека другому?

— Конечно.

— И вы верите, что рентгеновские аппараты и ультразвуковые сканеры способны воспроизводить очертания внутренних органов, не нарушая целостности тела?

— Естественно.

— Во времена, когда я родилась, подобное, не колеблясь, назвали бы невозможным. Действительно ли «невозможно» с научной точки зрения замедление старения и продление жизни за пределы ее естественной продолжительности?

— Продлить... наверное, возможно. Но сохранить вид двадцатилетней целое столетие? Извините, я никак не могу признать это возможным.

Еще произнося эти слова, Фелдер вдруг засомневался. Он осторожно спросил:

— Вы хотите сказать, именно это с вами и случилось? Вы были объектом медицинского эксперимента по продлению жизни?

Констанс не ответила. Фелдер вдруг почувствовал, что он на верном пути.

— Как это случилось? Что послужило причиной? Кто проводил эксперимент?

— Рассказать значило бы предать доверившихся мне. — Констанс машинально разгладила юбку на коленях. — Я уже сказала вам больше, чем следовало. Единственная причина этому — ваше желание мне помочь. Я не сомневаюсь в вашей искренности. Но более ничего сказать об этом не могу. Доктор, верить или нет — дело целиком ваше.

— Вот как... Спасибо, что сочли возможным поделиться со мной. — Помедлив, Фелдер попросил: — Не окажете ли вы мне любезность?

— С удовольствием.

— Пожалуйста, постарайтесь вспомнить свои детские годы на Уотер-стрит. Опишите окрестности вашего дома, какими их помните.

Констанс внимательно взглядела в его лицо, будто отыскивая признаки несерьезности либо лжи. Затем кивнула, соглашаясь.

— Ясны ли ваши воспоминания об Уотер-стрит?

— Да, вполне.

— Если я не ошибаюсь, вы сказали, что дом был под номером шестнадцать на Уотер-стрит.

— Верно.

— Ваши родители умерли, когда вам было около пяти лет.

— Да.

— А теперь расскажите, пожалуйста, о ближайших окрестностях вашего дома.

На мгновение взгляд женщины стал отстраненным, словно устремленным вдаль.

— В соседнем доме была табачная лавка. Я помню запахи «Кавендиша» и «Латакии», проникавшие в окно, выходившее на улицу. По другую сторону находилась рыбная лавка. На ее задворках, на кирпичной стене, любили собираться окрестные коты.

— Помните что-нибудь еще?

— Магазины мужской одежды через улицу, напротив нас. Назывался он «Лондон-таун». Помню выставленную в витрине одежду. А дальше по улице была аптека, «Хадделс». Хорошо ее помню. Отец как-то завел нас внутрь купить пакетик шоколада за пенни.

Ее лицо осветилось радостью.

Фелдера ее рассказ встревожил не на шутку.

— Вы помните учебу? Вы ходили в школу на Уотер-стрит?

— Да, на углу была школа, но я ее не посещала. Родители не могли оплатить обучение. Тогда еще не существовало всеобщего бесплатного образования. Как я уже говорила, я самоучка. — Констанс немного помолчала, затем спросила: — Доктор Фелдер, зачем вы задаете мне эти вопросы?

— Мне любопытно, насколько ясны ваши самые первые воспоминания.

— Зачем вам это? Чтобы с удовлетворением отметить, насколько они абсурдны?

— Вовсе нет, — поспешно ответил доктор, стараясь не показывать, как сильно он взволнован и смущен.

Констанс пристально посмотрела ему в глаза и, похоже, заметила его растерянность.

— Доктор, прошу меня извинить, но я устала.

Он встал, взявшись за папку обеими руками.

— Констанс, спасибо огромное! Я очень ценю ваше расположение и искренность.

— Я всегда рада беседе с вами.

— И если уж начистоту, — внезапно сказал он, — я вам верю. Не знаю почему, но верю.

Выражение ее лица чуть смягчилось, и она слегка наклонила голову в знак прощания.

Доктор постучал в дверь, недоумевая, что побудило его сделать столь опрометчивое признание. В замочной скважине повернулся ключ, и служащий распахнул дверь.

Когда она снова была заперта, Фелдер открыл папку. Там лежала свежая вырезка из утренней «Нью-Йорк таймс». В статье давалось первое доступное публике описание исторической находки — дневника юноши Уитфрида Спида, жившего на Кэтрин-стрит с 1869 года до трагической смерти под колесами экипажа в 1883-м. Восторженный патриот Нью-Йорка и, по-видимому, любитель «Обзора Лондона» Джона Стоу, Уитфрид Спид задался целью описать в таких же подробностях улицы и магазины Манхэттена. Но до своей гибели успел заполнить одну-единственную тетрадь. Вместе с другими вещами погибшего она осталась запертой в ящике на чердаке. Нашли ее лишь недавно. Находку превознесли как ценнейший документ об истории города, ведь Спид подробно описал современные ему кварталы вблизи своего жилища, а такую информацию невозможно почерпнуть ни из какого другого источника.

Жилище Спида находилось рядом с Уотер-стрит. «Нью-Йорк таймс» воспроизвела один рисунок из тетради Спида — тщательно выполненный подробный план района вблизи перекрестка Кэтрин-стрит и Уотер-стрит. До сегодняшнего утра никто из ныне живущих людей не мог знать расположение магазинов на этих улицах в 1870-х годах.

Как только Фелдер прочел эту статью за утренним кофе, он немедленно загорелся идеей. Конечно, идея безумная, ведь, по сути, такими расспросами он даст новую пищу психическому расстройству

Констанс. Но ведь это уникальная возможность удостовериться в правдивости ее слов. Перед лицом реальности — правдивых сведений о том, какой была Уотер-стрит, — мир фантазий и самообмана может распасться и Констанс наконец осознает болезненность своего состояния.

Стоя в коридоре, Фелдер попытался разобрать старомодный почерк надписей на карте... и обомлел. Вот она, табачная лавка. И аптека «Хадделс» за два дома от нее. Вот и магазин мужской одежды «Лондон-таун» через улицу, а на углу «Академия миссис Саррет для маленьких детей».

Фелдер медленно закрыл папку. Конечно, объяснение очевидно: Констанс уже видела газету. Ее пытливому разуму наверняка интересны новости окружающего мира.

Придя к такому умозаключению, доктор направился к выходу. По дороге он заметил доктора Острома, который стоял в дверях открытой палаты и беседовал с медсестрой.

— Доктор... — торопливо позвал его Фелдер.

Остром повернулся к нему, вопросительно подняв брови.

— Констанс ведь уже видела утреннюю газету? В смысле, «Таймс».

Остром покачал головой.

— Вы... вы уверены? — пролепетал Фелдер.

— Конечно. Читать газеты, слушать радио и смотреть телевизор пациенты могут лишь в библиотеке. Констанс все утро находилась в своей комнате.

— И никто не видел ее снаружи? Ни охранники, ни медсестры?

— Никто. Ее комнату не открывали со вчерашнего вечера. В учетной книге это зафиксировано. — Доктор нахмурился. — А в чем, собственно, дело?

Фелдер вдруг понял, что затаил дыхание. Он медленно выдохнул, сказал:

— Да ничего. Спасибо, — и вышел наружу, под яркое солнце.

Глава 20

Кори Свенсон установила обычное «гугл»-оповещение на все новости, содержащие имя «Алоизий Пендергаст». Но это имя было не слишком частым гостем новостных полос.

В два часа пополудни, включив ноутбук и просмотрев электронную почту, она вдруг увидела сообщение о полном соответствии запросу. Сеть выдала неудобоваримый документ о результатах расследования, проведенного в месте под названием Каирн-Бэрроу в Шотландии. Документ был создан пару месяцев назад, но в Сеть выложен только сегодня.

Кори читала его, продираясь сквозь сухую юридическую терминологию, и не верила своим глазам. В документе не содержалось ни комментариев, ни анализа, ни заключения, он целиком состоял из дословно записанных свидетельских показаний тех, кто имел отношение к несчастному случаю во время охоты в горах Шотландии. Случаю ужасному и абсолютно невероятному.

Кори перечитала этот документ дважды, трижды, и с каждым разом ощущение нереальности и абсурда возрастало. Несомненно, эта странная история со стрельбой — лишь верхушка айсберга. Настоящее спрятано глубоко под поверхностью. Содержимое документа не совмещалось со здравым смыслом. Ее недоверие и недоумение сменилось отчаянием. Пендергаст погиб от случайного выстрела на охоте? Невозможно!

Слегка дрожащими руками Кори выудила из сумки записную книжку и отыскала телефонный номер. Она немного поколебалась, затем выругалась сквозь зубы и набрала домашний телефон Винсента д'Агосты. Конечно, вряд ли коп обрадуется звонку в такое время, но, черт побери, он ведь так и не позвонил, хотя и обещал разобраться и оповестить о результатах.

Кори выругалась снова, уже громче: ошиблась при наборе и пришлось набирать заново.

После пятого длинного гудка трубку сняли, и женский голос сказал:

— Алло?

— Мне нужно поговорить с Винсентом д'Агостой, — ответила Кори, не в силах унять дрожь в голосе.

— С кем я говорю? — выдержав паузу, осведомилась женщина.

Кори глубоко вдохнула. Если не хочешь, чтобы собеседница бросила трубку, надо придержать эмоции.

— Это Кори Свенсон. Мне нужно поговорить с лейтенантом д'Агостой.

— Лейтенанта здесь нет, — холодно ответила женщина. — Вы хотите оставить для него сообщение?

— Пожалуйста, попросите его позвонить мне. Кори Свенсон. У него есть мой номер.

— И по какому вопросу?

Кори вовремя сдержалась. Кем бы ни была эта женщина — любовницей либо женой лейтенанта, — хамить ей не слишком разумно.

— Это касается агента Пендергаста. Мне нужно узнать о нем. Мы работали с ним вместе над делом.

— Простите, но агент Пендергаст мертв.

Кори словно онемела. Она судорожно сглотнула, не в силах отыскать слова. Наконец выговорила:

— Как?

— Несчастный случай на охоте в Шотландии.

Вот он, абсурд, ставший реальностью. Надо спросить еще что-нибудь, уточнить, выяснить... но в голове пусто. Почему лейтенант так и не позвонил? Да, с этой женщиной говорить больше не о чем.

— Слушайте, пусть лейтенант позвонит мне. Как можно скорее.

— Хорошо, я ему непременно сообщу, — ответила женщина так же холодно.

И повесила трубку.

Кори сгорбилась, уныло глядя на экран компьютера. Какое безумие! И что теперь делать? Ее захлестнуло такой тоской и горем, словно она потеряла отца. И поговорить, разделить скорбь не с кем. Ее настоящий отец за сотню миль, в Аллентауне, штат Пенсильвания.

Кори вдруг ощутила себя беспросветно, отчаянно одинокой.

Она кликнула мышкой на экран, открывая сайт о Пендергасте, который сама создала и с любовью поддерживала: www.agentpendergast.com. Быстро, почти машинально стуча по клавишам, создала черную траурную рамку и набрала:

Я только что узнала: агент П. — специальный агент А. К. Л. Пендергаст — погиб в результате нелепого, трагического несчастного случая. Это ужасно. Я не могу в это поверить. Не может быть, чтобы жизнь без него оставалась такой же, как раньше.

Это произошло во время поездки на охоту в Шотландию...

Но пока Кори печатала, стараясь сдержать наворачивающиеся слезы, она все больше ощущала абсурдность случившегося. А когда закончила набирать и отправила на сайт, то уже и сама не верила в написанное.

Глава 21

Фоулмайр

Джадсон Эстерхази остановился перевести дыхание. Утро выдалось необычно солнечное, и болотистые низины вокруг казались яркими — сочно-зелеными, густо-коричневыми. Вдали различалась темная черта — край низины Иниш. А между пригорками в нескольких сотнях ярдов впереди стоял маленький каменный коттедж, известный как Глимсхолм.

Эстерхази давно прослышал о нем, но поначалу исключил его из поисков. Слишком удален этот домишко от места, где Пендергаст был подстрелен. К тому же едва ли в месте настолько примитивном и грубом агент смог бы получить необходимое лечение. Но затем явился лейтенант д'Агоста, расспрашивал в Инверкирктоне про Пендергаста, а потом выяснилось, что последним местом, которое лейтенант посетил перед возвращением в Америку, был именно Глимсхолм.

Якобы лейтенант вернулся ни с чем. Но правдиво ли его показное разочарование?

Чем больше Эстерхази размышлял над этим, тем больше сомневался. По извращенной логике Пендергаста, именно такое место лучше всего подходит для тайного лечения и отдыха.

Окончательно убедило Эстерхази исследование архивов графства Сазерленд. Он узнал, что эксцентричная старуха, живущая в Глимсхолме, — родная тетя доктора Роскоммона. И этот факт почтенный доктор, очевидно привыкший к скрытности, утаил от добропорядочных обывателей Инверкирктона.

Укрывшись за кустом дрока, Эстерхази наблюдал за коттеджем в бинокль. Сквозь окно первого этажа он видел старуху, хлопчущую у плиты, снующую по дому. Вот она прошла мимо окна, скрылась из виду — и показалась в окне второго этажа, неся что-то похожее на кружку. Сквозь окно верхнего этажа видимость плохая, но, кажется, старуха наклонилась над кем-то, лежащим на кровати. По-видимому, над больным. Помогла ему сесть, поднесла кружку ко рту.

Сердце Эстерхази забилося учащенно. Он тихо обошел коттедж, от волнения сильнее, чем нужно, втыкая трость в мягкую почву. На задворках дома обнаружились сарай, каменный загон для овец, небольшой огород и выходящая к нему маленькая, грубо сколоченная деревянная дверь. С задней стороны дома окон не было.

Эстерхази осмотрелся. Вокруг — необъятный простор болот и холмов, никаких признаков жизни. Он вытащил из кармана небольшой пистолет, убедился, что патрон в патроннике. Очень осторожно приблизился к задней двери.

Присел на корточки близ нее. Ногтем осторожно поскреб по дереву и замер в ожидании.

Как он и ожидал, старая карга отличалась завидным слухом. За дверью послышались шаги и нечленораздельное бормотание. Отодвинулся засов, дверь приоткрылась. Старуха выглянула наружу.

Выругалась вполголоса.

Хорошо рассчитанным движением Эстерхази выпрямился, ладонью закрыл женщине рот и одной рукой вытащил ее наружу. Ударил по затылку рукоятью пистолета, уложил обмякшее тело наземь и неслышно проскользнул в коттедж. Первый этаж — одна большая комната. Эстерхази быстро осмотрелся, запоминая эмалированную плитку, потертые кресла, оленьи рога на стенах, крутую лестницу наверх. Оттуда слышалось хриплое, одышливое дыхание. Звук был ровным и постоянным — незваного гостя пока не заметили.

А тот двинулся через комнату с чрезвычайной осторожностью, всякий раз ставя ногу, словно жрец на священной церемонии. Проверил комод, платяной шкаф — никто не прячется. Затем, сжимая пистолет, пошел к лестнице. Та была сколочена из толстых досок. Конечно, могла заскрипеть от шагов. А могла и не заскрипеть.

Эстерхази замер у основания лестницы, прислушиваясь. Дыхание казалось прежним, хотя теперь в нем сильнее слышались болезненные нотки. Человек наверху охнул, пошевелился на кровати — наверное, стало неудобно. Эстерхази выжидал целых пять минут. Наконец решил: все нормально.

Он осторожно поставил ногу на нижнюю ступеньку и медленно перенес на нее вес. Доска не заскрипела. С той же осторожностью он поставил другую ногу на следующую ступень. Таким же образом, с

почти невыносимой медлительностью, тратя по минуте на ступеньку, поднялся почти до самого верха. В пяти футах от него стояла грубо сколоченная кровать. Эстерхази медленно поднялся на верхнюю ступеньку, посмотрел на кровать сверху. Там, скорчившись, лежал спиной к вошедшему укрытый одеялом человек. По-видимому, он спал: дыхание, хотя и затрудненное, было ровным. Истощенный долговязый старик в толстой ночной рубаше, седые волосы едва ли не длиннее, чем у старухи, и растрепаны.

Старик, как же, как же. Уж Эстерхази-то прекрасно знал, кто перед ним.

У изголовья лежала еще одна подушка. Эстерхази спрятал пистолет и, не отрывая взгляда от спящего, поднял подушку. Сжимая ее обеими руками, он напрягся, словно тигр перед прыжком, и вдруг бросился вперед, прижал подушку к лицу лежащего и надавил изо всех сил.

Снизу послышался приглушенный крик, взметнулась рука, колотя и царапая, но оружия в этой руке не было, и Эстерхази понял: нападения не ожидали. Он надавил еще сильнее, и крик утих. Жертва сопротивлялась молча, молотила руками, цеплялась за рубашку. Тело выгнулось с силой, удивительной в раненом столь недавно и тяжело. Большая исхудалая рука ухватила за одеяло, потянула, словно человек принял его за одежду убийцы. Руки и ноги взметнулись, отшвырнув одеяло. Но Пендергаст стремительно ослабевал, и конец был близок.

Внезапно Эстерхази обратил внимание на старые узловатые руки жертвы, на тощие паучьи ноги, пергаментную кожу, варикозные вены. Но это тело настоящего старика, никто не может так замаскироваться! К тому же никаких бинтов, шрамов, ничего даже отдаленно похожего на месячной давности пулевое ранение.

Эстерхази лихорадочно соображал, пытаясь справиться с замешательством и яростью. Он был так уверен...

Он быстро поднял подушку, открыв перекошенное морщинистое лицо, высунутый язык, выпученные в ужасе глаза. Старик кашлянул раз, другой, судорожно втянул воздух.

Не помня себя от нахлынувшего страха, Эстерхази отшвырнул подушку и, шатаясь, сбежал по лестнице. В заднюю дверь ввалилась старая карга. По ее лицу струилась кровь.

— Дьявол! — заорала она, протягивая к Эстерхази костлявые пальцы.

Но он уже пробежал мимо, выскочил в переднюю дверь и понесся по обширным безлюдным болотам.

Глава 22

Мэлфорш

Ночной ветер, проникая в распахнутое окно, шевелил тюль занавесок в гостиной. Ощувив, как он коснулся ее лица, Джун Броди оторвалась от заявления в Совет медицинских сестер штата Миссисипи. Прислушалась: нет, кроме тихого шороха ветра, ничего. Посмотрела на часы: два пополудни. Из спальни доносился басовитый монотонный говорок. Несомненно, Карлтон опять смотрел одно из тех военно-исторических шоу, которые просто обожал.

Джун отхлебнула из бутылки с кока-колой, стоявшей у локтя, в выемке на ручке кресла. Она всегда любила колу из стеклянных бутылок, которые напоминали детство и старые торговые автоматы, где приходилось самому открывать окошко и выуживать бутылку за горлышко. Джун искренне считала, что у колы из бутылки особый вкус. Но последние десять лет, живя среди трясины, она пила лишь из алюминиевых банок. Пришлось смириться. Чарльз Слейд не выносил того, как свет блестит на стекле, и на Испанском острове стекло, за малыми исключениями, не позволялось. Даже шприцы были пластиковыми.

Джун поставила бутылку на место. Возвращение к нормальной жизни принесло немало приятного. Например, Карлтон может смотреть любимые программы по телевизору без наушников. Можно открыть жалюзи, впуская свет и свежий воздух. Можно украсить дом свежими цветами: розами, гардениями и любимыми каллами, не опасаясь, что запах вызовет у кого-нибудь приступ ярости. Джун любила одеваться элегантно, делать красивые прически, любила хорошие платья. Теперь появился шанс показать их многим. Конечно, пришлось вытерпеть немало кривотолков и косых взглядов, но люди уже привыкают понемногу. Полиция расследовала и закрыла дело. Надоедливый репортер из «Эзервилльской пчелы» больше не возвращался. Хотя его статью заметила хьюстонская газета и напечатала короткую заметку, дальше новость не распространилась. После смерти Слейда они выжидали достаточно, почти пять месяцев, чтобы удостовериться: никто не знает и не узнает, как они жили это

время, что делали. Лишь затем вернулись, показались людям. Тайна жизни на болоте должна остаться тайной навсегда.

Джун Броди задумчиво и чуть печально покачала головой. Говори себе, не говори, а иногда, в особенности среди ночной тишины, тоска по Чарльзу Слейду делалась невыносимой. Конечно, за многие годы ухода за истерзанным человеком, чье тело и разум изувечила болезнь и кто реагировал почти на любой внешний раздражитель как на жгучий яд, ее чувство притупилось. Но ведь когда-то она любила так страстно. Конечно, это было неправильно, а по отношению к мужу попросту подло. Но прежний босс «Лонжитьюд» Чарльз Слейд когда-то был таким сильным, обаятельным, красивым — и по-своему таким добрым к ней... Она бы с радостью бросила работу — да что угодно бросила бы, — чтобы оставаться подле него весь день... а то и всю ночь.

В спальне стало тихо. Наверное, Карлтон выключил телевизор и предался другому любимому занятию: решению кроссвордов из лондонской «Таймс».

Джун вздохнула, посмотрела на кипу бумаг перед собой. Работы ради нужно управиться с бумагами. Лицензия на практику высококвалифицированной медсестры истекла еще в 2004 году, по закону штата Миссисипи требовалось...

Что такое? Она оторвалась от бумаг, глянула в сторону спальни.

Карлтон стоял в дверях, и на его лице было очень странное выражение.

— Карлтон? Что с тобой? Ты...

В этот момент из сумрака за спиной мужа шагнул к свету человек. У Джун перехватило дыхание. Высокий худощавый мужчина, одетый в дорогой элегантный плащ. Черная кожаная шляпа надвинута низко, почти закрывает глаза, глядящие с холодной отстраненностью. Руки в перчатках, в правой — пистолет, чей ствол утыкается Карлтону в основание черепа. На удивление длинный ствол... Джун не сразу поняла, что это глушитель.

— Садись! — приказал мужчина и пихнул Карлтона на диван рядом с Джун.

Несмотря на волнение и растерянность, на судорожное сердцебиение, она распознала в его голосе иностранные интонации.

Европейский акцент, голландский или, скорее, немецкий.

Мужчина осмотрелся, закрыл окно и задернул шторы. Снял плащ, уложил на ближайший стул. Другой стул подвинул ближе к сидящей на диване чете, уселся и скрестил ноги. Небрежно опустил пистолет, поддержал брюки, встряхнул руками, чтобы манжеты рубашки показались из рукавов пиджака — словно был в вечернем фраке за тысячу долларов, а не в облачении квартирного вора. Наклонился, глядя на Джун. Под глазом мужчины виднелась тонкая, похожая на червя бородавка. У Джун промелькнула несуразная мысль: «И отчего он не сведет эту гадость?»

— Не проясните ли кое-что для меня? — любезно спросил пришелец.

Джун Броди украдкой взглянула на супруга.

— Не объясните ли мне, что такое «лунный пирог»?

В комнате повисло молчание. Джун подумала, что ослышалась.

— Я интересуюсь местными блюдами и деликатесами, — пояснил мужчина. — Я уже целый день в этой любопытной части вашей страны. Выяснил разницу между креветками и крилем — она практически отсутствует. Попробовал кукурузную кашу, «грит». И даже эти, как бишь они называются... а, «хаш паппис». Но так и не смог обнаружить, что за пирог зовется «лунным».

— Это не пирог, — ответил Карлтон тоненьким, напряженным голосом. — Это большое печенье, сделанное из суфле и крекеров. И, хм, шоколада.

— А, вот в чем дело. Спасибо. — Мужчина по очереди внимательно осмотрел супругов. — А теперь не расскажете ли мне, где вы были последние двенадцать лет?

Джун Броди сделала глубокий вдох и заговорила, удивляясь спокойствию в своем голосе:

— Секрета в этом нет. Все опубликовано в газетах. Мы купили гостиницу в Сан-Мигеле, в Мексике. Называлась гостиница «Каса магнолия», и мы...

Плавным, точным движением мужчина поднял пистолет и нажал на спуск. Раздался приглушенный хлопок. Пуля раздробила левую коленную чашечку Карлтона Броди. Он дернулся, словно от

прикосновения раскаленного железа, завыл яростно и жалко, согнулся вдвое, прижав ладонь к колену. Между пальцами хлестала кровь.

— Если не заткнешься, следующая пуля разнесет тебе череп, — спокойно сообщил мужчина.

Карлтон сунул в рот кулак второй руки. Из его глаз покатались слезы. Джун вскочила, чтобы помочь, но мужчина повел стволом, приказывая ей сесть на место.

— Я расцениваю ложь как личное оскорбление, — заявил мужчина. — Не пытайтесь больше лгать мне.

В комнате повисла тишина. Мужчина аккуратно, неторопливо поддернул перчатки. Передвинул шляпу на затылок, открыв породистые изящные черты: тонкий нос, высокие скулы, узкий подбородок, холодные голубые глаза, чуть опущенные уголки губ. Светлые волосы были коротко подстрижены. Незванный гость снова осмотрел супругов, небрежно опустив пистолет.

— Миссис Броди, нам известно, что ваша семья владеет охотничьим домиком на болоте «Черная топь» неподалеку отсюда. Это место известно под названием «Испанский остров».

Джун Броди глядела на пришельца, и сердце болезненно сжималось в груди. Рядом на диване стонал и дрожал муж, стискивая раздробленное колено.

— Недавно — вскоре после вашего возвращения — в болоте неподалеку от Испанского острова был обнаружен труп человека по имени Майкл Вентура. Когда-то Майкл Вентура был главой службы безопасности «Лонжितюд фармасьютиклз». Нас интересует этот человек. Вы знаете о его гибели?

Джун Броди отметила, что он говорит «нам известно», «нас интересует». И вспомнила, что увечный Слейд часто и упрямо твердил горячечным шепотом: «Прячьтесь, не высывайтесь. Они не знают, что мы живы. Если узнают — придут за нами». Ну кто бы мог подумать, что это не бред параноидального, полубезумного калеки!

— Нет, не знаем, — сказала Джун. — Испанский остров обанкротился десятилетия назад, и с тех пор он закрыт, пустует...

Человек равнодушно выстрелил Карлтону Броди в пах. На диван брызнула кровь, телесные жидкости. Броди завыл, опять согнулся

вдвое и рухнул на пол, корчась.

— Я все скажу, все! — завизжала Джун. — Господи боже, прекратите, пожалуйста! Я все скажу!

— Заткните его. Или это сделаю я, — приказал мужчина.

Джун кинулась к мужу, плачущему от боли на полу, схватила его за плечо. Кровь струилась из колена Карлтона, текла между ног. Его вытошнило прямо на брюки и туфли, блевотина изверглась с омерзительным звуком.

— Говорите, — все так же равнодушно приказал мужчина.

— Мы там были все время, — выговорила Джун, запинаясь от страха. — На болоте, да. На Испанском острове.

— Как долго?

— С пожара.

— Пожара в «Лонжитьюд»? — нахмурился мужчина.

Она торопливо, почти услужливо закивала.

— И что вы делали на болоте?

— Заботились о нем.

— О ком?

— О Чарльзе. Чарльзе Слейде.

Впервые маска равнодушия и спокойствия покинула лицо мужчины, сменившись недоверием и удивлением.

— Невозможно! Слейд погиб в пожаре...

Он замолчал, осклабился, и глаза его хищно заблестели.

— Он не погиб, — робко объяснила Джун. — Пожар был инсценирован.

— Зачем? — спросил мужчина резко. — Чтобы уничтожить свидетельства, лабораторию?

— Я не знаю, — покачала головой Джун. — Большая часть исследований проводилась на Испанском острове.

Мужчина снова посмотрел на нее с удивлением. А Джун глядела на мужа, стонавшего и непроизвольно дергавшегося на полу.

Кажется, он терял сознание. Может, умирал. Джун всхлипнула, поперхнулась слезами.

— Пожалуйста... — взмолилась она, пытаясь взять себя в руки.

— Почему вы прятались именно там? — спросил мужчина прежним равнодушным тоном, но глядя все так же хищно и нетерпеливо.

— Чарльз заболел. Он подхватил птичий грипп, и болезнь... она изменила его.

— Так, и вы с мужем остались ухаживать за ним?

— Да. Он остался на болоте, где никто бы его не искал. Где он мог бы работать и, когда болезнь сделает калекой, получить должный уход.

Джун почти задыхалась от ужаса. Этот человек — настоящее чудовище. Но если она расскажет все без утайки, в мельчайших подробностях, может, он пощадит? И тогда Джун отвезет мужа в больницу...

— Кто еще знал об Испанском острове?

— Только Майк. Майк Вентура. Он привозил все нужное, обеспечивал нас.

— Но Вентура мертв, — немного помедлив, заметил мужчина.

— Это он убил его.

— Кто? Кто его убил?

— Агент ФБР Пендергаст.

— ФБР? — Мужчина впервые чуть повысил голос.

— Да. А с ним капитан из нью-йоркской полиции. Женщина по фамилии Хейворд.

— Что они хотели?

— Агент ФБР искал убийцу своей жены. Это как-то связано с проектом «Птицы» — секретной лабораторией по изучению птичьего гриппа в «Лонжитюд». Слейд убил ее много лет назад.

— А-а, — изрек мужчина, будто понял что-то новое.

Он замолчал, разглядывая ногти на левой руке, затем спросил:

— ФБР знало, что Слейд был жив столько времени?

— Нет — до тех пор, пока агент не явился на Испанский остров и не увидел Слейда.

— И что потом? Агент убил и Слейда?

— В некотором смысле да. Слейд умер.

— Почему это не появилось в новостях?

— Агент хотел, чтобы вся эта история так и осталась в болоте.

— Когда это случилось?

— Больше полугода назад, в марте.

— Что еще расскажете? — спросил мужчина после паузы.

— Это все, что мне известно. Пожалуйста, прошу вас! Умоляю! Я все сказала! Отпустите нас! Мужу нужна помощь, срочно!

— Вы все сказали? — Голос мужчины прозвучал недоверчиво и чуть насмешливо.

— Все!

В самом деле, что еще? Рассказала про Испанский остров, Слейда, птичий грипп. Больше ничего.

— Да, — согласился мужчина, внимательно взглянув на нее.

И аккуратно выстрелил Карлтону Броди между глаз.

— Господи, нет!

Тело дернулось у нее в руках. Джун закричала.

Мужчина медленно опустил пистолет.

— О нет! — выдохнула Джун сквозь слезы. — Карлтон!

Она чувствовала, как медленно обмякает тело мужа, как из легких, словно из опадающих мехов, уходит последний долгий выдох. Из затылка Карлтона ручейками струилась кровь, окрашивая темным ткань дивана.

— Подумайте как следует, — посоветовал мужчина. — Вы точно сказали мне все?

— Да! — всхлипнула она, качая труп на руках. — Все!

— Отлично.

Мужчина пару секунд сидел молча, затем хихикнул себе под нос:

— «Лунный пирог». Какая гадость, надо же!

Он встал и неторопливо подошел к креслу, сидя в котором Джун заполняла документы. Нагнулся над столом, просматривая бумаги и одновременно засовывая пистолет в кобуру на поясе. Потом взял полупустую бутылку кока-колы, вылил содержимое в горшок с цветами и, резко ударив бутылкой о край стола, отбил горлышко.

Повернулся к Джун, держа бутылку на уровне бедер иззубренным краем вперед. Женщина, будто замороженная, глядела на острые сколы, блестевшие в свете лампы.

— Но я же рассказала все, — прошептала она чуть слышно.

— Я понимаю, — сочувственно произнес мужчина. — Однако нужно удостовериться.

Глава 23

Инверкирктон

— Добрый день, мистер Дрейпер. И впрямь прекрасный денек, правда?

— Так оно и есть, Робби.

— Хорошо поутру прокатились?

— Отлично! До Фенкирка и обратно.

— Немало, однако.

— Не хотелось упускать погоду. Ведь завтра я уезжаю.

— Мистер Дрейпер, какая жалость! Такого клиента, как вы, еще поискать надо. Но я так и думал, что на днях вы покинете нас. Здорово, что столько пробыли.

— Если приготовите мне счет, я прямо сейчас и рассчитаюсь.

— Прямо сейчас и сделаю, сэр!

— Вы чудесный, гостеприимный хозяин. Поднимусь к себе, умоюсь, а потом заверну в «Полумесяц» на последний кусок пудинга с потрохами.

— Хорошо, сэр.

Наверху Эстерхази вымыл руки под краном и вытер их полотенцем. Впервые за многие недели он почувствовал облегчение — словно тяжкие колодки упали с плеч. Столько времени он не мог убедить себя, что Пендергаст мертв. Поиски Пендергаста стали манией, целиком занимая разум в бодрствовании, приходя кошмарами во сне. Но визит в Глимсхолм странным образом убедил его — наконец-то! — в смерти агента. Если бы тот остался в живых, долгие изнурительные поиски непременно бы вывели на след. Если бы агент выжил, доктор Роскоммон обязательно выдал бы это хоть чем-то во время трех визитов Эстерхази в его приемную. Если бы агент выжил, то непременно отыскался бы в Глимсхолме. Все, больше нечему давить на сердце. Эстерхази свободен и может заново

начать жизнь, перекошенную с того момента, как в нее вошли Пендергаст и полицейский д'Агоста.

Насвистывая, Эстерхази закрыл дверь в комнату и спустился по лестнице. Вряд ли старуха явится в деревню сообщать о нападении. А если и явится — кто ей поверит, этой ненормальной? Поездка на велосипеде и восьмимильная прогулка пешком до Глимсхолма по болотам и взгорьям пробудили здоровый аппетит, и теперь его не заглушали тревога и озабоченность.

Эстерхази вошел в сумрачные, благоухающие чем-то вкусным недра «Полумесяца» и с удовольствием уселся на стул у стойки бара. Дженни Протеро и Макфлектно занимали свои обычные места: она — перед стойкой, он — за нею.

— Мистер Дрейпер, добрый день, сэр! — поприветствовал его Макфлектно, нацеживая обычную пинту для гостя.

— Дженни, Пол, добрый день!

Множество бокалов пива, купленных за прошлую неделю Эстерхази для этой парочки, заработали ему право обращаться к ним по имени.

— Привет, красавчик, — откликнулась Дженни, улыбаясь.

Бармен поставил бокал перед гостем и снова обратился к миссис Протеро:

— Странно, раньше-то мы его здесь не примечали.

— Ну, он говорит, раньше возле Гленливета лазал. — Женщина сделала глоток пива и спросила: — Думаешь, он констеблям хоть что рассказал?

— А что он им расскажет? И к чему ему мешаться в чужое, портить себе отпуск?

Эстерхази с тревогой прислушался к их разговору и спросил:

— Что-то случилось?

Бармен переглянулся с хозяйкой сувенирной лавки и прачкой по совместительству.

— Святоша случился. Вы с ним разминулись — он заглянул на стопочку крепкого.

— На несколько стопочек, — поправила Дженни, значительно улыбаясь.

— А ничего старина, для уэльсца, конечно, — заметил Макфлекно. — Церквушка у него в Англези. По Хайленду уже месяц слоняется.

— Могильные камни копирует, надо же, — сообщила Дженни, скорбно качая головой.

— Зачем ты так, Дженни, — пожурил ее бармен. — Это уважаемое занятие, в особенности для духовного лица.

— Ну, не знаю, — ответила та. — Сказал, он — аквариум.

— Антиквариус, — поправил бармен.

— Пол, если можно, мне пудинг с потрохами, — деликатно перебил его Эстерхази и добавил с притворным равнодушием: — А что там насчет констебля?

— Ну, мистер Дрейпер, сэр, я и не знаю, как сказать... — Макфлекно заколебался. — Преподобный этот, он уже три стопки пропустил, когда начал рассказывать...

— Пол, не глупи! — упрекнула его Дженни Протеро. — Мистер Дрейпер не того сорта человек, чтобы старику преподобному навредить.

Бармен немного поразмыслил.

— Ну ладно, расскажу. Это случилось сколько-то недель тому назад. Преподобный как раз тут проезжал, направляясь в Аучиндон, и заметил башню Боллбриджской часовни — она почти развалилась, торчит рядом с низиной Иниш. Подъехал взглянуть на тамошние могильные камни. Только зашел на погост, смотрит — из тумана человек выходит. Вроде пьяный, больной, дрожит весь, в крови и грязище с головы до ног.

— Бедняга преподобный точно решил, что на беглого злодея наткнулся, — заметила Дженни, колупая в носу.

Эстерхази знал о заброшенной часовне — она была на полпути от Фоулмайра к Инверкирктону.

— И как этот беглый злодей выглядел? — спросил он непринужденно, хотя сердце заколотилось, словно пойманная в

консервную банку крыса.

— Преподобный не сказал, — сообщил Макфлектно, поразмыслив. — Но тот бормотал бессвязно, очень хотел что-то рассказать. Священник подумал: исповедаться хочет, вот и выслушал. Нам он сказал, что бедолага совсем безумный был, дрожал, клацал зубами. Наговорил чего-то и попросил показать дорогу через болота. Викарий ему и нарисовал что-то вроде карты. А тот потребовал никому на свете про встречу не рассказывать. Преподобный к машине пошел, одеяло принести, а то смотреть жалко. Но когда вернулся во двор часовни, беглеца уже и след простыл.

— Ну, я сегодня и дверь на ночь замкну, и все такое, — заверила его Дженни Протеро.

— А что тот человек рассказал священнику? — спросил Эстерхази.

— Мистер Дрейпер, вы же знаете святош. Тайна исповеди, всякое такое, — ответил бармен.

— Вы сказали, его приход в Англези? Он домой возвращался?

— Нет. У него еще несколько дней отпуска осталось. Сказал, что собирается заехать в Лохморэй. Местечко небольшое, но вполне ничего.

По тону бармена было ясно: Инверкирктон по сравнению с Лохморэем — просто столица.

— И камней могильных поскрести в Сент-Мун — просто бездна, — добавила Протеро, энергично кивнув.

— Сент-Мун, — проговорил Эстерхази медленно, будто про себя.

Глава 24

Лохморэй, Шотландия

Джадсон Эстерхази яростно крутил педали, поднимаясь вверх по склону. Инверкирктон остался далеко за спиной. Дорога петляла меж голых гранитных гор, окружающая местность не обнаруживала следов человеческого присутствия. Только через полтора часа вдали выглянул из-за гребня серый каменный шпиль.

Несомненно, это та самая часовня Сент-Мун с ее историческим погостом, где, если повезет, отыщется и уэльский священник.

Эстерхази посмотрел на серпантин, протянувшийся впереди, и глубоко вдохнул. Подниматься еще долго.

Дорога прошла через негустой лесок из сосен и елей, обогнула вершину по отрогу, нырнула в узкую долину, затем снова пошла вверх, к одинокой часовне. На гребне отрога Эстерхази остановился, чтобы изучить подходы к цели. Задул холодный ветер, погнал рассеянные облака.

Сомнений нет: священник на погосте у часовни, один, одет не в черное, а в твид, лишь воротничок выдает профессию. Приехал на велосипеде — вон стоит, прислоненный к могильному камню. Преподобный склонился над лежащим надгробием, перенося его рельеф на кальку. Чувствуя себя отчасти глуповато, Эстерхази потянулся за пистолетом, ощутил его успокаивающую твердость. Вытаскивается по-прежнему легко, без помех. Успокоившись, он уселся на велосипед и направился к цели.

Поразительно! Ублюдок Пендергаст даже с того света не дает покоя. Наверняка это именно чертов агент наткнулся на священника, кто же еще? Ослабевший от потери крови, обезумевший от боли, за минуты до смерти. Что он успел рассказать святоше? Нельзя покидать Шотландию, не вызнав всего в точности.

При появлении Эстерхази священник неуклюже поднялся с колен, отряхивая прилипший к брюкам мусор. На камне лежал большой лист кальки, и половина плиты была уже скопирована. Рядом на расстеленном брезенте лежали завершенные копии, а также

карандаши, цветные мелки и уголь.

— Уфф! — пробормотал священник, отряхиваясь и приводя себя в порядок. — Доброго вам дня!

Эстерхази внимательно посмотрел в покрасневшее, испещренное сеточкой вен лицо, отметил сильный уэльский акцент. Приветствуя, протянул гостю руку. Ладонь оказалась неприятно влажной и не очень чистой.

Эстерхази решил, что особо осторожничать тут нечего.

— Наверное, вы и есть тот самый священник из Англеси? — спросил он.

— Да. — Улыбка на лице преподобного сменилась растерянностью. — А откуда, простите, вам это известно?

— Я только что из паба в Инверкирктоне. Там сказали, вы неподалеку камни могильные копируете. — Эстерхази кивком указал на могилу.

— Правильно! — воскликнул старик благодушно. — Именно так!

— Какой счастливый случай повстречать вас за таким занятием! Мое имя Уикхем.

— Счастлив познакомиться!

Они постояли немного молча, рассматривая друг друга.

— В пабе сказали, вы преподнесли им удивительную историю, — нарушил молчание Эстерхази. — Про странного растрепанного парня, которого повстречали на болотах.

— Именно так! — радостно подхватил священник, и Эстерхази тут же определил в нем тип людей, всегда готовых давать советы кому угодно и по любому поводу.

Он бросил взгляд на погост и сказал с деланным равнодушием:

— Интересно бы услышать, как оно случилось.

— Охотно расскажу! Это случилось... хм, постоит... а, в начале октября!

Эстерхази терпеливо ждал — нельзя слишком уж давить на старика.

— Да, я наткнулся на странного парня. Он брел по болоту.

— Как он выглядел?

— Да ужасно! Больной. Сам сказал: плохо ему. А по мне, так он скорее пьяный был совсем или от полиции убежал. Свалился на камни, не иначе. Лицо в крови. Очень бледный, мокрый насквозь, в грязи. Помню, тем вечером дождь хлестал вовсю. К счастью, я надел свой двойной плащ, отличный против дождя...

— А можете описать его точнее? Цвет волос, например?

Священник замолк и задумался, словно впервые заметив что-то важное.

— Простите за нескромный вопрос, а отчего это вас так интересует?

— Я... я пишу детективные романы... всегда ищу новые идеи...

— А, вот как. Сейчас вспомню, погодите... Волосы светлые, лицо тоже очень светлое, высокий. Одет в твид, как охотник. — Священник покачал головой и хохотнул, словно заклекотал индюк. — Бедолага был явно подшофе, это уж точно.

— Он что-нибудь рассказал?

— Ну да. Но вы же понимаете, про это я рассказать не могу. Признания человека Богу — нерушимое таинство.

Священник выговаривал слова так медленно, значительно, что Эстерхази едва сдерживался.

— Какая удивительная история! А что-нибудь еще можете рассказать про него?

— Он спросил меня, как выйти из болот на другую сторону. Я ответил, что тут несколько миль ходу. — Священник недовольно вздохнул. — Он настаивал. Пришлось начертить для него карту.

— Карту??

— Да, я хоть это смог для него сделать — обозначить путь через болота. Здесь опасно, повсюду страшные топи.

— Но вы из Англии. Как же вы сумели?

Священник рассмеялся:

— Я сюда не первый год приезжаю. Десятилетиями блуждал по

здешним взгорьям. Все погосты знаю отсюда и до Лох-Линн. У этой местности такая богатая история! Я снял копии с сотен могильных камней, включая надгробия лэрдов...

— Да, я не сомневаюсь. Но не могли бы вы рассказать про нарисованную карту? Можете нарисовать такую же для меня?

— Конечно! С удовольствием! Знаете, я отправил его вокруг болота, поскольку путь до Килхурна очень опасен. Честное слово, я и понятия не имею, как он дошел тогда ко мне.

Священник снова рассмеялся, рисуя. Карта вышла до крайности грубая, небрежная и маленькая, переполненная деталями.

— Вот где мы теперь, — ткнул он пальцем в место, помеченное крестом.

Эстерхази пришлось нагнуться, чтобы рассмотреть.

— Где же?

— Здесь!!

Эстерхази не успел понять и среагировать. Его тряхнули, швырнули наземь, мгновенно выкрутили руку, вдавили лицом в траву — и холодная сталь пистолетного дула врезалась в ухо с такой силой, что брызнула кровь.

— Говори! — приказал священник голосом Пендергаста.

Ошалевший Эстерхази задергался, но ствол врезался в ухо еще сильнее. Рассудок захлестнула волна ужаса. Только-только он уверился, что дьявол погиб, исчез навсегда, — а он объявляется снова. Это конец. Пендергаст выиграл. Чудовищно, непостижимо... Страх ядом разлился по телу, обессиливая.

— Ты сказал, Хелен жива, — раздался тихий голос, почти шепот. — Теперь расскажи и все остальное. Без утайки.

Эстерхази попытался собраться с мыслями, преодолеть шок, сообразить, что говорить и как. Тяжелый запах земли забивал ноздри, мешал дышать.

— Подожди минутку! — взмолился Эстерхази. — Позволь мне объяснить с самого начала. Разреши встать, пожалуйста!

— Нет. Лежи. У нас достаточно времени. И совершенно отсутствует то, что могло бы меня сдержать. Ты заговоришь. Я

заставлю тебя заговорить. Но если солжешь хотя бы раз — убью. Без предупреждения.

Ужас затопил рассудок. Сражаясь с ним, Эстерхази выдавил:

— Но тогда... ты никогда не узнаешь...

— Узнаю. Я уже знаю, что она жива, и найду ее обязательно. Но ты можешь сэкономить мне много усилий и времени. Я повторяю: правда или смерть.

Эстерхази услышал тихий щелчок сдвинутого предохранителя.

— Да, я понимаю... — Он снова попытался сосредоточиться, успокоиться. — Ты не представляешь... честное слово, не представляешь, чего коснулся. Это уходит дальше «Лонжитьюд», гораздо дальше... — Он выгнулся, стараясь чуть приподнять лицо над мокрой травой, мешавшей дышать. — Это началось еще до нашего рождения.

— Я весь внимание.

Эстерхази с усилием вдохнул. Рассказывать об этом... как же страшно и тяжело! Правда воистину жутка.

— Начни с самого начала.

— То есть с апреля тысяча девятьсот сорок пятого года...

Уткнувшаяся в ухо сталь вдруг исчезла.

— Дорогой мой друг, как неудачно вы упали! Позвольте, я вам помогу! — воскликнул Пендергаст прежним голосом уэльского священника, дружелюбным, с сильным акцентом.

На мгновение Эстерхази растерялся.

— О боже! Вы оцарапали ухо!

Пендергаст дотронулся до его уха, и Эстерхази вновь ощутил, как в его бок вдавливается ствол пистолета, спрятанного в кармане агента. Одновременно он услышал лязг дверцы автомобиля и разноголосый гомон.

Эстерхази приподнялся, моргая. К ним приближалась шумная группа туристов, все с тростями, в водонепроницаемых куртках, с фотокамерами, блокнотами и ручками. Привезший их фургон припарковался прямо за стеной, огораживающей двор часовни.

Противники, озабоченные лишь друг другом, прозевали его приближение.

— Привет! — вскричал глава группы, низкорослый энергичный толстяк, и решительно устремился навстречу, размахивая сложенным зонтом. — С вами все хорошо?

— Просто небольшое падение, — ответил Пендергаст, помогая Эстерхази подняться на ноги и в то же время стискивая его руку стальной хваткой и упирая ствол пистолета в почку.

— О, как здорово встретить энтузиастов в заброшенных уголках Шотландии! Боже мой, вы на велосипедах! Как здорово! Что привело вас в эти дикие окрестности?

— Иконография могильных камней, — ответил Пендергаст с завидным спокойствием.

Но глаза его отнюдь не выражали спокойствие.

Эстерхази чудовищным усилием воли постарался взять себя в руки. Пендергаст пока не свободен в действиях, но сомневаться не приходится: он не упустит ни малейшей возможности завершить начатое.

— А мы, позвольте заметить, любители генеалогии! — объявил толстяк. — Интересуемся именами. — Он протянул руку. — Рори Монктон, Генеалогическое общество Шотландии.

Вот он, шанс! Пендергасту пришлось, хотя и неохотно, выпустить Эстерхази, чтобы пожать протянутую ладошку толстяка.

— Очень приятно познакомиться, — сказал агент, — но, боюсь, нам необходимо срочно отправиться по делам...

Эстерхази изо всех сил ударил по стволу пистолета, яростно крутанулся и упал на четвереньки. Пендергаст выстрелил, но запоздал на долю секунды, и Эстерхази успел выхватить свой пистолет.

— Матерь божья! — охнул Рори Монктон и растянулся на траве.

Любители генеалогии, рассыпавшиеся по двору, растерянно заматались. Одни спрятались за камнями, другие, будто вспугнутые куропатки, кинулись к недалеким горам.

Вторая пуля агента продырявила полу плаща. Эстерхази

мгновенно выстрелил в ответ. Пригнувшись за надгробием, Пендергаст выстрелил — и промахнулся. Очевидно, он был еще не в лучшей форме, не оправился от раны.

Эстерхази выстрелил дважды, загнав Пендергаста назад, за камень, и со всех ног помчался к фургону. Обежал его со стороны, скрытой от погоста, прыгнул внутрь, согнулся.

Ключи — в замке зажигания.

Сквозь боковое окно влетела пуля, осыпала его брызгами стекла. Эстерхази выстрелил в ответ.

Заводя мотор, Эстерхази продолжал палить в выбитое окно. Пули летели над головами любителей генеалогии, не давали Пендергасту прицелиться как следует. Эстерхази резко сдал назад, расшвыривая шинами фургона гальку, летевшую словно дробь. Во дворе закричали. Пули одна за другой со скрежетом врезались в заднюю стенку фургона. Эстерхази вдавил педаль газа до упора. Машина рванулась вперед.

Пока он вылетел на гребень холма, в машину угодила еще пуля. Последняя. Вот и все. Эстерхази не мог поверить в такую удачу. Часовня Сент-Мун находится в двенадцати милях от Лохморэя. Мобильный телефон здесь не работает. А из транспорта у Пендергаста — лишь пара старых велосипедов.

Значит, у Эстерхази примерно два часа, чтобы добраться до аэропорта.

Глава 25

Эдинбург, Шотландия

— Можете одеваться, мистер Пендергаст.

Пожилой доктор аккуратными, точными движениями уложил в потертый саквояж свои инструменты: стетоскоп, тонометр, отоскоп, фонарь, офтальмоскоп, портативный кардиомонитор. Закрыв саквояж, доктор снова обвел взглядом роскошный гостиничный номер и неодобрительно посмотрел на Пендергаста:

— Рана зажила скверно.

— Я знаю. Условия выздоровления были, мягко говоря, не идеальными.

Доктор помялся немного:

— Эта рана... она ведь, несомненно, пулевая.

— Так и есть, — ответил Пендергаст, застегивая белую рубашку и облачаясь в шелковый халат с пастельным цветочным узором. — Несчастный случай на охоте.

— Знаете, о подобных случаях нужно информировать полицию.

— Уверяю вас, властям известно все необходимое.

Доктор нахмурился:

— Вы все еще в очень ослабленном состоянии: брадикардия, отчетливая анемия. Я бы рекомендовал две недели постельного режима, желательно в больнице.

— Доктор, я непременно учту ваш диагноз в дальнейшем и очень вам благодарен. А теперь не будете ли вы так любезны предоставить мне результаты анализа, а также кардиограмму? После чего я с радостью оплачу ваш счет.

Спустя пять минут доктор покинул номер, аккуратно прикрыв за собой дверь. Пендергаст умыл руки в ванной, затем подошел к телефону.

— Чем могу служить, мистер Пендергаст?

— Пожалуйста, доставьте в номер джин «Олд радж» и вермут «Нойли прат», а также лимон.

— Будет сделано, сэр.

Пендергаст повесил трубку, вышел в гостиную, раскрыл двустворчатые стеклянные двери и шагнул на террасу. В уши хлынул городской шум. Вечер выдался прохладным. Внизу, на Принс-стрит, у входа в отель ожидали несколько такси, мимо прогудел грузовик. Пешеходы спешили к вокзалу Уэверли. Пендергаст посмотрел на махину Эдинбургского замка, вознесшегося над старым городом. Закат ярко высветил замок, резко выделил его на фоне вечернего пурпура.

В дверь постучали. Коридорный в ливрее доставил серебряный поднос со стаканами, льдом, шейкером, небольшим блюдом с лимонной цедрой и парой бутылок.

— Спасибо. — Пендергаст вернулся с террасы и вложил в руку коридорного купюру.

— Рад служить, сэр!

Коридорный удалился. Пендергаст наполнил шейкер льдом, налил туда джин, добавил немного вермута. Ровно минуту тряс, затем выцедил смесь в стакан, добавил щепотку цедры.

Вынес напиток на веранду, уселся в кресло и глубоко задумался.

Прошел час. Пендергаст снова наполнил стакан, вернулся на веранду и просидел в неподвижности еще час. Наконец он осушил стакан, достал из кармана мобильный телефон и набрал номер.

После нескольких длинных гудков сонный голос ответил:

— Д'Агоста слушает.

— Привет, Винсент.

— Пендергаст?

— Да.

— Где вы? — спросил лейтенант встревоженно.

— В отеле «Балморал» в Эдинбурге.

— Как ваше здоровье?

— Вполне соответствует ожиданиям.

— А Эстерхази? Что с ним случилось?

— Он сумел ускользнуть.

— Господи боже. Как же так?

— Детали сейчас не важны. Достаточно сказать, что даже наилучшие планы бывают жертвами обстоятельств.

— Где он сейчас?

— В воздухе. Летит через океан.

— Вы уверены? Почему?

— Потому что угнанный им фургон обнаружен на дороге, ведущей к задворкам Эдинбургского аэропорта.

— Когда?

— Сегодня после обеда.

— Отлично! Значит, самолет еще не приземлился. Скажите мне, куда этот сукин сын направляется, и я соберу хороший комитет по встрече.

— К сожалению, я не могу этого сообщить.

— Почему? Неужели позволите сукину сыну удрать?

— Дело не в этом. Я уже справился у пограничников и в иммиграционном контроле. Нигде не отмечено, что Джадсон Эстерхази покинул Шотландию. Сотни прочих американцев — но среди них Джадсона нет.

— Ну тогда, наверное, брошенный фургон — просто хитрость. Этот подонок спрятался где-то в стране.

— Нет, Винсент. Я всесторонне обдумал ситуацию. Он действительно покинул Великобританию, и, скорее всего, в направлении Соединенных Штатов.

— Да как же он смог, не проходя паспортный контроль?

— После окончания следствия Эстерхази постарался, чтобы все убедились в его отъезде из Шотландии. Пограничники должным образом зафиксировали дату и номер рейса. Но возвращение его в Шотландию никем не зарегистрировано, хотя мы оба знаем, что он вернулся.

— Но это невозможно! В нынешних аэропортах такая служба безопасности!

— Возможно, если использовать другой паспорт.

— Фальшивый паспорт?

— Полагаю, он сделал этот паспорт дома, когда вернулся после расследования.

Лейтенант ненадолго задумался.

— В наше время почти невозможно достать фальшивый паспорт США. Должно быть другое объяснение.

— Другого нет. У него фальшивый паспорт, и это весьма тревожит меня.

— Куда же ему прятаться? Мы спустим на него всех собак!

— Он знает, что я еще жив и горю желанием его отыскать. Следовательно, он заляжет на дно. То есть искать его сейчас бесполезно. Вне сомнений, ему окажут профессиональную помощь. И потому мое расследование должно идти путем, не связанным с поисками Эстерхази.

— Да? И каким же путем?

— Я должен сам узнать, где сейчас моя жена.

На этот раз лейтенант думал гораздо дольше.

— Послушайте, Пендергаст, я знаю, где ваша жена. На фамильном кладбище.

— Нет, Винсент. Хелен жива. Я уверен в этом так, как никогда ни в чем не был уверен.

В трубке послышался вздох.

— Не поддавайтесь ему! Разве вы не понимаете, что происходит? Он знает, насколько Хелен дорога вам. Знает, что вы отдадите что угодно, без преувеличений, ради ее возвращения. И потому из чистого садизма мучает, тербит старую рану.

Пендергаст не ответил, и полицейский выругался сквозь зубы. Затем спросил:

— Насколько я понимаю, вы больше не скрываетесь?

— Теперь это бессмысленно. Тем не менее в обозримом будущем я планирую действовать скрытно. Неразумно было бы оповещать всех о моих поступках.

— Я чем-нибудь могу помочь отсюда?

— Да. Присмотрите за Констанс в больнице «Маунт-Мёрси». Убедитесь, что она ни в чем не нуждается.

— Будет сделано. А вы? Что вы сейчас собираетесь делать?

— Как я уже говорил, собираюсь найти жену.

И после этих слов Пендергаст оборвал связь.

Глава 26

Бангор, штат Мэн

Он прошел через пограничный контроль и без каких-либо проблем получил багаж. И все-таки Джадсон Эстерхази не мог заставить себя покинуть багажное отделение. Он сидел на последнем в ряду пластиковых кресел, нервно вглядываясь в лица проходящих. Бангор в Мэне — самый захолустный международный аэропорт во всей стране. Эстерхази дважды пересаживался, сперва в Шанноне, затем в Квебеке, стараясь замести следы и сбить Пендергаста с толку.

Рядом уселся странный тип. Эстерхази глянул на него с подозрением. Нет, толстяка в триста фунтов весом даже Пендергасту изобразить не под силу. Такие складки жира на талии! Эстерхази снова принялся вглядываться в лица проходящих мимо. Среди них вполне может оказаться Пендергаст. Или, пользуясь документами агента ФБР, он вполне может сидеть в комнате службы безопасности, наблюдая за жертвой на экране монитора. Или поджидает на парковке у дома в Саванне. Или, еще хуже, внутри его.

Засада в Шотландии напугала Эстерхази до потери рассудка. Снова и снова накатывала слепая паника, замешанная на ярости. Столько лет невыносимой осторожности, заматания следов — и вот Пендергаст все пустил под откос. Агент ФБР и не представляет, какой огромный ящик Пандоры он посмел открыть. Если уж вмешаются *они*... Эстерхази ощутил, как его давят страшные тиски: с одной стороны «Ковенант», с другой — Пендергаст.

Судорожно хватая ртом воздух, дергая за пуговицу на воротнике, он попытался обуздать панику.

Спокойно.

Справиться можно. Рассудок еще служит, и в его распоряжении богатейший опыт. Пендергаст смертен и временами ошибается. Наверняка есть способ переиграть его в одиночку. Нужно спрятаться, залечь глубоко и надолго, обдумать положение как следует.

Но где спрятаться? Какое место окажется далеким и недоступным для розысков, предпринимаемых таким мастером

сыска? Впрочем, если даже залечь в самой глухой глухомани, он не сможет жить в страхе год за годом, подобно Слейду и Броди.

Супруги Броди. Бррр. Эстерхази прочитал в газете об их жуткой смерти. Несомненно, их обнаружил «Ковенант». Жуть... но, право же, этого и следовало ожидать. Джун Броди не знала и половины того, во что попала. Вернее, во что Слейд ее втянул. Если бы знала, вряд ли покинула бы болото. Но поразительно, что Слейд, несмотря на болезнь и умственную немощь, так и не выдал главного, краеугольного секрета.

Среди ужаса и отчаяния Эстерхази наконец понял, что нужно делать. В одиночестве оставаться нельзя. Пендергаст не остановится ни перед чем. Выход один: прибегнуть к последнему, сильнейшему средству. Нужно срочно выйти на связь с «Ковенантом» и приготовить подробный рассказ. Это опасно, но куда опаснее скрывать от них произошедшее. Они ведь могут узнать по своим каналам. Нужно выглядеть активно способствующим. Полезным, достойным доверия — пусть это и значит вновь оказаться целиком в их власти.

Чем больше он размышлял, тем неизбежней казалась встреча с людьми из «Ковенанта». Работая с ними, можно контролировать получаемую ими информацию, утаивать факты, о каких они не должны знать. Если «Ковенант» защитит, Пендергаст не сможет навредить. Более того, если удастся убедить их, что Пендергаст — угроза, то агенту уже не помогут никакие хитрости и способности. Тогда его можно считать мертвым. И тайна умрет с ним.

Принятое решение принесло облегчение. Правда, не слишком большое.

Эстерхази снова огляделся вокруг, изучая лица. Затем поднялся и, подхватив чемоданы, отправился через багажный зал к выходу, к стоянке такси. Там ожидали несколько машин. Неплохо.

Он подошел к четвертой машине, заглянул в открытое окно:

— Долго еще продлится ваша смена?

— Эх, приятель, ночь только началась.

Эстерхази открыл дверцу, швырнул багаж на заднее сиденье и уселся рядом.

— Тогда, пожалуйста, в Бостон.

Водитель посмотрел в зеркало заднего вида и удивленно спросил:

— В Бостон?

— Бэк-Бей, Копли-сквер, — сказал Эстерхази и, выудив из кармана несколько сотенных, высыпал на колени водителю. — Это задаток. За мной не станет.

— Как скажете, мистер.

Переключив передачу, таксист выехал из ряда ожидающих машин и направился в ночь.

Глава 27

Эзервилль, штат Миссисипи

Нед Беттертон посмотрел налево, затем направо и пересек широкую пыльную Мейн-стрит, держа в одной руке белый бумажный пакет, а в другой — две банки диетического лимонада. На углу, на тротуаре близ «Прачечной Деллы», стоял потрепанный «шевроле-импала». Нед обошел объемистый автомобиль и уселся рядом с водителем — низкорослым мускулистым парнем в темных очках и выцветшей кепке.

— Привет, Джек, — сказал Нед.

— И тебе тоже.

Беттертон вручил парню банку с лимонадом, выудил из пакета бутерброд, завернутый в вощеную бумагу.

— Как ты и заказывал: сэндвич с креветками, без латука, соус ремулад.

Затем вытянул из пакета свой ланч: здоровенный сэндвич с пармезаном и фрикадельками.

— Спасибо, — отозвался водитель.

— Без проблем.

Беттертон, изрядно проголодавшийся, откусил немалую часть сэндвича.

— Что там нового у ребятков в голубом? — проямлил он, жуя фрикадельку.

— Поджи сам не свой, все ему нейдет.

— Опять? Что на этот раз так достало шефа?

— Может, «по чуть-чуть» разыгрался?

Беттертон хихикнул, откусил снова. «По чуть-чуть» копы звали нехорошую болезнь геморрой, она же почечуй, — обычное дело среди патрульных, днями просиживающих в машине.

— Ну так что ты мне расскажешь про убийство Броди? — спросил Нед.

— Ничего.

— Брось ты! Я ж тебе ланч купил.

— И за это я тебе сказал спасибо. А получать волчий билет за сэндвич — вот уж надо!

— Джек, этого не будет. Ты же знаешь, я не напишу ничего такого, чтобы тебе потом аукнулось. Но мне нужно знать честную информацию.

Джек усмехнулся:

— Мы были соседями, но это не значит, что ко мне можно подкатывать с каждым твоим сюжетом.

Беттертон попробовал изобразить обиду:

— Да брось! Это неправда. Ты мой друг и хочешь, чтобы я написал хорошую статью.

— А ты мой друг и должен бы соображать, как не затащить меня в болото. К тому же я знаю не больше тебя.

— Гонишь, — заметил Нед и откусил еще кусок.

— Истинная правда. Дело не по нашему размерчику. Наехало ребят из полиции штата, даже отдел по убийствам пригнали из Джексона. Наших и близко не подпускают.

Репортер немного подумал.

— Слушай, я знаю только, что пару, у которой я недавно брал интервью, убили с особой жестокостью. Наверняка ты знаешь больше.

Парень вздохнул:

— Точно известно, что это не ограбление. Ничего не взяли. Еще известно, что это сделали не местные.

— А это откуда узнали? — промычал Беттертон с полным ртом.

— Потому что никто из местных на такое не способен. — Джек достал из папки рядом с сиденьем цветное фото восемь на десять дюймов и протянул журналисту. — Но я тебе этого не показывал, понятно?

Нед побледнел. Двинул челюстями еще раз, другой и замер с фрикаделькой во рту. Затем медленно открыл дверцу и выплюнул недожеванное в кювет.

— Здорово, да? — сказал парень.

Больше не глядя на фото, Беттертон вернул его. Вытер губы рукой и хрипло прошептал:

— Господи боже...

— Понял, о чем я?

— Боже...

Голод испарился начисто, хотя пять минут назад под ложечкой сосало.

— Теперь ты знаешь то же, что и я, — сообщил коп, приканчивая сэндвич и облизывая пальцы. — А, еще забыл: у нас ни малейшего понятия, кто мог бы сотворить эдакое. На месте никаких улик. Чистенько. Профессиональная работа, каких мы здесь и не видывали.

Беттертон не ответил.

Парень жадно взглянул на полусъеденный сэндвич с фрикадельками:

— Доедать будешь?

Глава 28

Нью-Йорк

Кори Свенсон сидела на скамье на Централ-Парк-Уэст, притворяясь, что читает книгу. Рядом с ней стоял пакет со снедью из «Макдоналдса». Утро выдалось приятное, осеннее буйство листвы в парке за спиной лишь начало блекнуть, в небе висели легкие перистые облачка. Горожане наслаждались бабьим летом — все, кроме Кори. Ее внимание целиком занимал фасад особняка «Дакота» на той стороне улицы и вход в него за углом, на 72-й улице.

Наконец она дождалась: на Централ-Парк-Уэст появился серебристый «роллс-ройс». Знакомое авто. Можно сказать, незабываемое. Кори схватила пакет, вскочила, уронив книгу на землю, и помчалась через улицу на красный свет, увертываясь от машин. Остановилась на углу Централ-Парк-Уэст и 72-й улицы, глядя на «роллс-ройс» — повернет ли?

Он приготовился повернуть. Невидимый за стеклом водитель перестроился в левую полосу, включил указатель поворота и притормозил. Кори рысцой понеслась к «Дакоте» и прибыла за пару секунд до «роллс-ройса». Тот медленно повернул к въезду, но завершить маневр не успел — на пути встала Кори. Автомобиль остановился, и она уставилась на водителя сквозь ветровое стекло.

Это оказался не Пендергаст. Но машина точно была его: второго такого лимузина во всей стране не сыщешь.

Кори стояла, ожидая. Окно водителя открылось, оттуда высунулась голова на бычьей шее, с лицом, словно вырубленным из камня.

— Простите, мисс, — тихо и вежливо проговорил громила, — не будете ли вы так любезны... — Конец фразы повис в воздухе.

— Нет, не буду!

— Вы загородили проезд, — сообщила голова.

— Как это неудобно для вас! — Кори шагнула к машине. — Кто вы и почему управляете автомобилем Пендергаста?

Голова воззрилась на девушку, исчезла, затем дверь раскрылась, и водитель явился перед Кори. Он продолжал любезно улыбаться, хотя отчасти кривовато. Мощный тип: плечи пловца, тело штангиста.

— А вы кто?

— Это не ваше дело. Я хочу знать, кто вы и почему управляете его автомобилем.

— Мое имя — Проктор, я работаю на мистера Пендергаста.

— Как приятно! Я заметила, что вы употребили настоящее время.

— Простите?

— Вы сказали «работаю». Как это возможно, если он мертв? Вам известно о нем то, чего не знаю я?

— Слушайте, мисс, я не знаю, кто вы такая, но уверен: мы могли бы обсудить это в более подходящем месте.

— Нет, мы обсудим это здесь, в наименее подходящем из неподходящих мест, прямо среди проезда! Я сыта по уши отговорками!

Консьерж «Дакоты» вышел из своей бронзовой будки.

— У вас проблема? — спросил он, дергая кадыком.

— Угу. И еще какая, — ответила Кори. — Я с места не сдвинусь, пока этот тип не скажет, где хозяин машины, и если вы этого не хотите, так лучше вызывайте полицейских. Скажите, нарушается общественное спокойствие. Потому что оно нарушится, если я не получу ответ.

— Чарльз, звать полицию не нужно, — спокойно произнес Проктор. — Сейчас мы быстро уладим наши разногласия и не будем тебя беспокоить.

На хмуром лице консьержа отобразилось сомнение.

— Ты можешь вернуться на свой пост, — сказал Проктор. — Я разберусь сам.

Голос был спокойный, но ощутимо властный. И слова прозвучали как приказ.

Консьерж подчинился.

— Вы знакомы с мистером Пендергастом? — осведомился Проктор.

— А с чего бы я здесь? Я работала с ним в Канзасе. Дело убийств-натюрмортов.

— Тогда вы — Кори Свенсон.

Она опешила, но скоро пришла в себя:

— Ага, значит, вы меня знаете. Отлично! И что там насчет мнимой смерти Пендергаста?

— К моему глубокому сожалению...

— Кончайте нести чепуху! — крикнула Кори. — Я-то вижу, вся история про несчастный случай на охоте смердит хуже, чем исподнее Брэда Хейзена! Или правда — или общественное спокойствие нарушится, и еще как!

— Мисс Свенсон, злиться нет причин. Скажите, по какой причине вы хотите...

— Хватит! — Кори выдернула из пакета молоток с шаровым бойком и занесла над стеклом.

— Мисс Свенсон, пожалуйста, не спешите, — попросил водитель, шагая к ней.

Она подняла руку:

— Стоп!

— Таким образом, знаете ли, информацию не получают...

Кори хряснула молотком по ветровому стеклу. Там расцвела под солнцем серебристая звезда из расходящихся трещин.

— Господи боже, — выдохнул не верящий глазам Проктор, — да вы хоть представляете, сколько...

— Так он жив или мертв? — вскричала она, занося молоток.

Проктор шевельнулся, и Кори завопила:

— Только притронься! Закричу, что насилуешь!

Чарльз стоял в будке, выпучив глаза. Проктор застыл.

— Потерпите, пожалуйста. Я могу вам ответить, но прошу немного подождать. Еще один акт насилия — и вы не узнаете ничего.

Кори замерла, обдумывая его слова. Затем медленно опустила молоток.

Проктор вынул мобильный телефон, поднял так, чтобы она могла видеть, и начал набирать номер.

— Поторопитесь. Может, Чарльз уже вызвал копов.

— Сомневаюсь, — пробормотал Проктор.

Он с минуту поговорил вполголоса по телефону, потом протянул трубку Кори.

— Кто это?

Он не ответил, просто держал трубку в протянутой руке и, прищурившись, глядел на Кори.

Девушка взяла телефон:

— Да?

— Моя дорогая Кори, — произнес такой знакомый бархатистый голос, — мне очень жаль, что я не смог отобедать с вами в «Ле Бернардин».

— Они сказали, что вы погибли! — выдохнула Кори и всхлипнула. — Они...

— Слухи о моей смерти сильно преувеличены, — пошутил Пендергаст. — Мне нужно было, чтобы некоторое время меня считали мертвым. Устраивать шум по этому поводу, право же, не стоит.

— Господи Иисусе, да мне-то вы могли сообщить, что живы? Я чуть с ума не сошла!

Чувство облегчения быстро превращалось в злость.

— Наверное, надо было вам сообщить. Я успел забыть, насколько вы изобретательны. Бедняга Проктор не представлял, с кем имеет дело. Боюсь, теперь вам будет трудно вернуть его расположение. Вам пришлось разбить стекло моего «ройса», чтобы привлечь его внимание?

— Простите, это был единственный способ. — Кори покраснела. — Но вы заставили меня думать, что мертвы! Как вы могли?

— Кори, я не обязан докладывать вам о своем местонахождении.

— А над чем вы работали?

— К сожалению, не могу рассказать. Это сугубо частное, неофициальное дело. Я бы даже сказал, уж простите за жаргон: доморощенное. Я жив, только что вернулся в Соединенные Штаты, работаю самостоятельно и ни в какой помощи не нуждаюсь. Абсолютно ни в какой. Прошу вас, Кори, успокойтесь и имейте в виду: приглашение на обед остается в силе, хотя пока я не знаю, когда смогу. До тех пор, пожалуйста, посвятите себя учебе. Мое нынешнее дело чрезвычайно опасное, и вы никоим образом не должны его касаться. Вы меня поняли?

— Но...

— Спасибо. Кстати, я весьма тронут тем, что написано на вашем сайте. Весьма проникновенное восхваление. Мне повезло, как Альфреду Нобелю: могу прочитать собственный некролог. Кори, могу я рассчитывать на ваше обещание не вмешиваться никоим образом?

— Да, — ответила она нерешительно. — Но про вас разошлось известие, что вы умерли. Что мне теперь говорить?

— Необходимость в этой маскировке уже отпала. Я снова за работой, но пока предпочитаю не афишировать свое присутствие. Еще раз прошу прощения за причиненные неудобства.

Она не успела попрощаться — Пендергаст отключился. Кори задумчиво посмотрела на телефон, затем вернула его Проктору. Тот, глядя недобро, сунул аппарат в карман.

— Надеюсь, я больше не увижу вас поблизости от этого здания, — проговорил он ледяным тоном.

— Без проблем, — откликнулась Кори, пряча молоток в пакет. — Но я бы на вашем месте активнее двигала задницей. А то она у вас от сиденья в «ройсе» стала такая — Долли Партон позавидует.

Она развернулась на каблуках и зашагала назад, к парку. Подумала: некролог и в самом деле вышел славный. Пусть еще немного повисит на сайте, просто забавы ради.

Глава 29

Планквуд, штат Луизиана

Марцелл Дженнингс, директор Службы общественного здоровья округа Сент-Чарльз, сидел за просторным рабочим столом, погруженный в меланхоличную созерцательность. На столе все размещалось в образцовом порядке, как и должно быть: в ящичке для входящей корреспонденции листок к листку, на глади столешницы ни единой пылинки, ни одной завалящей скрепки. У кожаного коврика, защищающего поверхность от царапанья, лежат рядом четыре заточенных карандаша. Справа — отключенный за ненадобностью компьютер. На стене — три похвальные грамоты, выровненные в линию. Все за образцовое посещение конференций штата Луизиана. В небольшом книжном шкафу за спиной хранилась поддерживаемая в идеальной чистоте коллекция обязательных справочников и сборников инструкций, открываемых крайне редко.

В дверь офиса тихонько постучали.

— Заходите, — разрешил Дженнингс.

В приоткрытую дверь просунулась голова секретарши, Мидж.

— Сэр, вас хочет видеть мистер Пендергаст.

Хотя встреча с мистером Пендергастом была единственным официальным мероприятием, назначенным на это утро, Дженнингс вынул из ящика стола календарь и сверился с ним. Да, визитер весьма пунктуален. Дженнингс обожал пунктуальность.

— Можете его пригласить, — сообщил он секретарше, возвращая календарь на место.

Секундой спустя явился визитер. Дженнингс приподнялся приветствовать его и застыл от удивления. Пришедший выглядел так, будто стоял на пороге смерти. Истощенный, мрачный, бледный как восковая кукла. Одетый исключительно в черное, он напомнил Дженнингсу смерть с дешевых картинок — разве что косы не хватало. Чиновник протянул было руку для пожатия, но проворно изменил жест и указал на ряд стульев перед своим столом.

— Пожалуйста, садитесь.

Гость подошел, мучительно медленно уселся. Пендергаст, Пендергаст... Имя казалось знакомым, непонятно откуда. Дженнингс опустил в кресло, упер локти в стол, сцепил руки и наклонился вперед, изображая готовность выслушать.

— Сегодня прекрасный день, — сообщил он.

Назвавшийся Пендергастом человек на любезность не ответил. Дженнингс прокашлялся:

— Э-э, чем могу быть полезен, мистер Пендергаст?

В ответ мистер Пендергаст вынул из внутреннего кармана пиджака небольшой бумажник, раскрыл и положил на стол.

— ФБР... Хм, это официальное расследование?

— Нет. — Голос прозвучал тихо, но мелодично, с мягким выговором знати Нового Орлеана. — Это личное дело.

И все же значок ФБР остался лежать на столе, как некий амулет или талисман.

— Понимаю, — выжидательно произнес Дженнингс.

— Я здесь по поводу эксгумации.

— Понимаю, — повторил чиновник. — Эксгумации уже проведенной или эксгумации в рамках текущего расследования?

— Это новая эксгумация.

Дженнингс убрал локти со стола, откинулся на спинку стула, снял очки и начал протирать стекла кончиком дешевого синтетического галстука.

— Кого вы хотите эксгумировать?

— Мою жену, Хелен Эстерхази Пендергаст.

Полировка стекол на мгновение прекратилась. Затем возобновилась, но уже медленнее.

— Вы хотите сказать, что это не по решению суда? И не по запросу полиции для установления причин смерти?

Пендергаст покачал головой:

— Как я уже сказал, это личное дело.

Дженнингс кашлянул, вежливо прикрыв ладонью рот:

— Мистер Пендергаст, вы должны понимать, что подобное осуществляется сугубо по официальным каналам. Есть правила, и есть весомые причины, по которым они введены. К извлечению человеческих останков не следует относиться легкомысленно.

Пендергаст не ответил, и Дженнингс продолжил, ободренный звуком собственного голоса:

— Если нет постановления суда либо иного официально санкционированного запроса, например на совершение аутопсии для установления причин смерти, существует только одна причина, по которой можно произвести эксгумацию...

— А именно желание родственников перенести захоронение в другое место, — закончил за него Пендергаст.

— Ну да, — подтвердил чиновник.

Реплика визитера на мгновение выбила его из колеи. Дженнингс замялся, стараясь отыскать нужные слова.

— В этом все и дело? — спросил он наконец.

— Именно в этом.

— Тогда, полагаю, можно начать процедуру.

Он повернулся к шкафу с выдвижными ящиками, стоящему за спиной, выдвинул один ящик, извлек лист бумаги и положил на стол. Пристально посмотрел на извлеченный документ.

— Вы понимаете, есть некоторые, я бы сказал, предварительные формальности... например, нужна копия свидетельства о смерти вашей жены...

Пендергаст вынул из внутреннего кармана пиджака сложенный лист, развернул и положил на стол рядом со своим значком.

Дженнингс наклонился, внимательно изучил бумагу.

— А-а, очень хорошо. Но постойте: она же на кладбище Сен-Севин, а это другой край округа. Боюсь, вам нужно подать запрос в западный офис нашей службы.

Серебристые холодные глаза пригвоздили чиновника к стулу.

— С формальной точки зрения вы тоже имеете право разрешить

эксгумацию.

— Да, но по устоявшейся традиции дела Сен-Севин решаются через западный офис.

— Мистер Дженнингс, я выбрал вас по особой причине. Только вы можете сделать это ради меня — и никто другой.

— О, я польщен. — Дженнингс не скрывал удовольствия от такой декларации доверия. — Думаю, в данном случае мы сделаем исключение. Так, теперь можно перейти в вопросу оплаты...

Вновь бледная тонкая рука нырнула за лацкан пиджака и вернулась с подписанным чеком, заполненным на нужную сумму.

— Отлично, — пробормотал Дженнингс, посмотрев на чек. — Еще нужно разрешение администрации кладбища, где останки погребены в настоящее время...

На столе появился еще один документ.

— А также разрешение администрации кладбища, куда останки будут перевезены.

И еще документ, осторожно, с нарочитой аккуратностью уложенный на полированное дерево стола.

Дженнингс уставился на ряд бумаг перед собою и воскликнул:

— Мы сегодня блестяще организованы, не правда ли? — Он попробовал улыбнуться, но угрюмое лицо визитера не располагало к добродушию. — Э-э, кажется, все необходимое в наличии. Хотя нет... где же документ от транспортной компании, которая перевезет останки на другое кладбище?

— Мистер Дженнингс, он не понадобится.

Чиновник моргнул и удивленно взглянул на бледного как смерть человека по другую сторону стола.

— Я не совсем вас понимаю.

— Полагаю, если вы внимательно посмотрите на оба разрешения от кладбищенских администраций, все станет ясно.

Дженнингс водрузил очки на нос и посмотрел. Спустя пару секунд он уставился на гостя:

— Но кладбище одно и то же!

— Это верно. Как видите, нужды в перевозке останков нет. Администрация кладбища позаботится о переносе.

— Что-то не так с нынешним местом захоронения?

— Место вполне удовлетворительное. Я сам его выбрал.

— Дело в строительных работах? Кладбище перестраивается и потому тело следует переместить?

— Я выбрал кладбище в Сен-Севин, в частности, потому, что там никогда ничего не меняется и хоронят лишь членов определенных родов.

— Тогда, простите за любопытство, зачем вы хотите переместить останки? — спросил чиновник, слегка подавшись вперед.

— Потому что это единственный способ получить к ним доступ.

— Доступ? — Дженнингс облизал губы.

— Во время эксгумации будет присутствовать эксперт-медик, чья квалификация и право производить обследования такого рода признаны штатом Луизиана. Исследование останков будет проведено в передвижной криминалистической лаборатории, припаркованной на кладбище. Затем останки будут захоронены в новой могиле, находящей рядом со старой, на территории, где хоронят членов семьи Пендергаст. В заявлении это все указано.

— Исследование? Это связано с... э-э, проблемами с наследством?

— Нет. Это сугубо мое личное дело.

— Мистер Пендергаст, это крайне необычно, да, крайне. Полагаю, раньше я с подобным не сталкивался. Простите, но я не могу этого позволить. Вам следует добиваться разрешения через суд.

Пендергаст пристально посмотрел на чиновника.

— Это ваше окончательное решение?

— Правила проведения эксгумации ясны и недвусмысленны. Увы, ничем не могу помочь, — развел руками Дженнингс.

— Понятно.

Пендергаст взял со стола свой значок и спрятал в карман. Но

документы оставил на столе.

— Не могли бы вы выйти со мной на минуту?

— Куда?

— Не беспокойтесь, всего на минуту.

Дженнингс неохотно встал.

— Я хочу показать вам, почему выбрал именно вас, — объяснил Пендергаст.

Они прошли сквозь офис службы, вышли в коридор здания, затем наружу через главный вход. Пендергаст остановился на широких ступеньках крыльца.

Дженнингс посмотрел на оживленную улицу.

— Как я и говорил, день прекрасный, — сказал он с натужным задором, пытаясь разрядить обстановку.

На что последовал ответ:

— В самом деле. Чудесный день.

— За это я и люблю здешние места. Нигде в Луизиане солнце не светит так ярко.

— Да. Оно любопытным образом придает золотистый оттенок всему, чего касается. Посмотрите, например, на эту мемориальную доску.

Пендергаст указал на старую бронзовую пластину, вмурованную в стену рядом с входом.

Дженнингс уставился на пластину. Конечно, он проходил мимо нее каждый день по пути в офис, но уже много лет не обращал на нее внимания.

На пластине значилось:

Здание мэрии города Планквуд, штат Луизиана,

построено на средства, щедро пожертвованные

Комстоком Эразмом Пендергастом

— Комсток Пендергаст, — пробормотал чиновник чуть слышно.

Неудивительно, что фамилия показалась знакомой.

— Да, это брат моего прадеда. Знаете, у семьи Пендергаст есть давняя традиция поддерживать некоторые города в округах Новый Орлеан и Сент-Чарльз, где столетиями обитали различные ветви нашего семейства. И хотя во многих из этих городов представители семейства больше не живут, традиция еще жива.

— Конечно, — поддакнул Дженнингс, не отрывая глаз от мемориальной доски.

У него родилось нехорошее подозрение насчет того, почему Пендергаст выбрал именно его отделение.

— Мы не предаем этот факт широкой огласке, но различные контролируемые нами фонды продолжают финансировать некоторые города, включая Планквуд.

Дженнингс наконец оторвал взгляд от бронзовой пластины и посмотрел на Пендергаста:

— Планквуд?

Тот кивнул:

— Мы выделяем гранты на обучение в колледже выпускникам средних школ, поддерживаем полицию, покупаем книги для библиотеки — и финансируем работу вашего отделения Службы общественного здоровья. Жаль будет, если эта поддержка сократится... или прекратится совсем.

— Прекратится?

— Программы финансирования могут измениться. — Худое лицо Пендергаста приобрело скорбное выражение. — Зарплаты могут быть урезаны. Рабочие места — потеряны.

Последнюю фразу он выделил особо, глядя на чиновника в упор.

Тот задумчиво поскреб подбородок.

— Мистер Пендергаст, если подумать как следует, вашу просьбу определенно можно будет удовлетворить. Если, конечно, вы можете

заверить меня, что ее предмет исключительно важен.

— Заверяю вас, мистер Дженнингс.

— В таком случае я немедленно начну официальную процедуру. — Чиновник опять посмотрел на доску. — Я могу даже пойти вам навстречу и организовать ускоренную обработку документов. Через десять дней либо даже через неделю мы сможем получить одобрение...

— Спасибо большое, я зайду за готовыми бумагами завтра после обеда.

— Что? — ошарашенно спросил Дженнингс. Снял очки, моргнул, посмотрел растерянно в небо. — Да, конечно. Завтра все будет готово.

Глава 30

Бостон, штат Массачусетс

Человек с ввалившимися глазами и трехдневной щетиной на щеках брел через Копли-сквер вблизи огромного небоскреба «Башня Джона Хэнкока», уныло втянув голову в плечи и засунув руки глубоко в карманы засаленного плаща. Лишь изредка он бросал взгляд на приближающиеся машины.

Он прошел по Дартмут-стрит и зашел на станцию метро «Копли». Миновал очередь, стоящую за проездными — местными «чарли-кард». Шаркая ногами, спустился по бетонным ступеням, остановился, осмотрелся. Увидел справа ряд сидений у облицованной плиткой стены. Пошел к ним, уселся на самое дальнее. Там и застыл, не вынимая рук из карманов и глядя в никуда.

Спустя несколько минут к сиденьям подошел мужчина, выглядевший полной противоположностью первого: высокий, стройный, в отлично скроенном костюме, в плаще от «Берберри». В одной руке он держал аккуратно сложенную газету «Бостон глоуб», в другой — ровно, без единой морщинки сложенный черный зонт. Лицо оставалось в тени под широкими полями фетровой шляпы. Единственная бросающаяся особенность — странная бородавка под правым глазом. Мужчина уселся рядом с потрепанным бродягой, раскрыл газету и принялся за чтение.

Когда скрежещущий поезд «зеленой линии» прибыл на станцию, мужчина в шляпе заговорил вполголоса, не отрывая взгляда от газеты.

— Опишите сущность проблемы, — приказал он бродяге.

В его голосе слышался иностранный акцент. Бродяга понурился еще сильнее, пробормотал:

— Этот тип, Пендергаст. Мой зять. Он узнал правду.

— Всю?

— Еще нет. Но он обязательно выяснит. Он чрезвычайно способный, знающий и опасный человек.

— Что в точности ему известно?

— То, что происшествие в Африке, случай со львом — это убийство. Ему известно все о проекте «Птицы». Он также знает, — Эстерхази замялся, — о Слейде, «Лонжितюд фармасьютиклз», семье Доан... и об Испанском острове.

— О да, Испанский остров. Мы сами только что узнали о нем, — заметил элегантный мужчина. — Теперь нам известно, что смерть Чарльза Слейда двенадцать лет назад была всего лишь тщательно продуманным обманом. Одиннадцать месяцев назад Слейд еще был жив. Это весьма скверные новости. Почему вы не сообщили их нам ранее?

— Я и сам не имел понятия, — солгал Эстерхази, изо всех сил стараясь изобразить искренность. — Клянусь, совсем ничего не знал!

Нужно во что бы то ни стало запихнуть джинна назад в бутылку, иначе можно считать себя покойником. Внезапно Эстерхази понял, что последняя фраза прозвучала чуть громче прежней, и заговорил тише:

— Это выяснил Пендергаст. Он выяснит и остальное, если ему позволить.

— Пендергаст? Почему вы сами его не убили? — В голосе отчетливо прозвучал скепсис. — Вы же обещали, что покончите с ним.

— Я пытался несколько раз.

Мужчина в шляпе не ответил. Перевернул страницу газеты и углубился в чтение.

Спустя несколько минут он заметил:

— Джадсон, вы нас разочаровали.

— Я прошу прощения. — Он ощутил, как жарко прилила к щекам кровь.

— Никогда не забывайте о своем происхождении. Вы обязаны нам всем. Буквально всем.

Эстерхази молча кивнул, покраснев до ушей от жгучего стыда за свою беспомощность, страх, подчиненность, унижительное положение, неудачи.

— Знает ли Пендергаст о существовании нашей организации?

— Еще нет. Но этот человек похож на бультерьера. Он никогда не отступает от начатого и не сдается. Вам нужно его ликвидировать. Мы не можем позволить ему делать что вздумается. Уверяю вас, мы должны его уничтожить!

— Это вы не можете ему позволить, и вы же должны уладить все проблемы с ним — раз и навсегда.

— Боже мой, я пытался столько раз!

— Плохо пытались. Меня удручает то, что вы хотите спихнуть ваши проблемы на нас. У каждого человека есть слабое место. Найдите его слабое место и нанесите удар.

Эстерхази задрожал от отчаяния и страха:

— Вы хотите невозможного! Пожалуйста, помогите мне!

— Естественно, вы можете рассчитывать на любую возможную помощь. Мы нашли для вас новый паспорт и поможем снова — оружием, деньгами, безопасным убежищем. Мы предоставим вам «Фергельтунг».^[6] Но убить Пендергаста вы должны сами. По сути, ваша способность быстро и эффективно решить эту проблему в значительной мере восстановит вашу репутацию в глазах организации.

Эстерхази ответил не сразу, обдумывая услышанное:

— А где сейчас «Фергельтунг»?

— На Манхэттене, у лодочного причала на Семьдесят девятой улице. — Мужчина сделал паузу. — Нью-Йорк... Это ведь там живет агент Пендергаст?

Эстерхази так удивился, что даже не смог поднять глаза на собеседника. А тот, демонстрируя, что разговор окончен, снова углубился в чтение. Выждав с минуту, Эстерхази встал. Мужчина, не глядя на него, произнес:

— Вы слышали, что случилось с Броди?

— Да, — тихо ответил Эстерхази, думая, в какой мере этот вопрос — угроза.

— Джадсон, не беспокойтесь, мы как следует о вас позаботимся. Как и всегда заботились.

Еще один поезд влетел, скрежеща, на станцию. Мужчина уткнулся в газету и более не обращал внимания на бродягу по соседству.

Глава 31

Мэлфорш

Нед Беттертон вел свой помятый «ниссан» по главной — и единственной — улице Мэлфорша. Хотя официально Мэлфорш был частью его территории, Беттертон старался избегать этого захолустного городка из-за дремучей провинциальности здешнего народа. Но ведь супруги Броди жили здесь. Да уж, жили...

Крэнстон хоть и поворчал, но позволил заниматься их делом. Жуткое двойное убийство — событие для здешних мест необыкновенное. Станным покажется, если «Пчела» проигнорирует.

— Посмотри, и дело с концом, — напутствовал Крэнстон. — Быстро управься, и займемся настоящей работой.

Хотя Беттертон изобразил готовность поскорее взяться за «настоящую работу», дело Броди бросать он не хотел. И занялся тем, что следовало сделать гораздо раньше, — стал проверять рассказанное супругами. А нестыковки в рассказе обнаружились сразу же. Пара телефонных звонков, и Нед выяснил: гостиница «Каса магнолия» в Сан-Мигеле и вправду есть, но Броди ею никогда не управляли и не владели. Лишь останавливались там много лет назад.

Супруги нагло солгали.

И оба приняли страшную смерть. Такого в округе не случалось уже много лет. Беттертон не сомневался: жуткое преступление связано с их непонятным исчезновением и не менее странным появлением. Наркотики, промышленный шпионаж, торговля оружием — да что угодно тут может быть замешано.

Не сомневался Нед и в том, что ключ к разгадке отыщется в Мэлфорше. Туда Броди вернулись — и там погибли. Более того, Нед узнал о странных событиях, якобы произошедших в городке за несколько месяцев до появления Броди. В заведении «Крошка», печально известном местном рыбацком баре, по слухам, случился взрыв. Полиция заключила, что взорвался баллон с пропаном, но кое-кто шептался, что дело далеко не такое простое.

Нед миновал маленький дом Броди, где недавно расспрашивал супругов. Теперь дверь крест-накрест закрывали желтые ленты, у обочины стояла машина шерифа.

Мейн-стрит чуть повернула к западу, и показался берег Черной топи — широкая полоса зеленого и коричневого, словно низкое темное облако среди ясного послеполуденного неба. Нед въехал в унылый деловой район Мэлфорша с угрюмо выглядящими магазинами и облупленными вывесками. Остановился у причалов, заглушил мотор. На месте прежнего «Крошки» уже виднелся среди горелого хлама каркас нового здания. У берега лежала груда обгорелых досок и пропитанных креозотом балок. Ступеньки для нового здания, выходящие на улицу, были готовы, и на них сидело, развалившись, с полдюжины не слишком ухоженных парней, употреблявших пиво из бутылок, спрятанных в бумажные пакеты.

Беттертон выбрался из машины и подошел к ним.

— Добрый день, ребята!

Парни замолчали, глядя на приближающегося незнакомца с подозрением.

— Добрый, — наконец отозвался один ворчливо.

— Я — Нед Беттертон из «Эзервилльской пчелы». Жарковато сегодня. Кто-нибудь хочет банку холодненького?

Парни неловко переглянулись.

— За что такие подарки?

— За сведения, за что же еще. Я ведь репортер.

В ответ — тишина.

— У меня в багажнике ящик со льдом, — сообщил Беттертон, неторопливо возвращаясь к машине.

С народом вроде этих парней лучше не делать резких движений.

Нед открыл багажник, вынул большой пенопластовый ящик, притащил к лестнице и поставил на ступеньку. Открыл, вытащил банку, раскупорил с хлопком и длинно, со вкусом отпил. Тут же со всех сторон к ящику потянулись руки за торчащими среди плавающего льда банками.

Беттертон потянулся и сказал со вздохом:

— Я делаю репортаж про убийство Броди. Как думаете, кто их прикончил?

— Аллигаторы, кому ж еще? — предположил кто-то угрюмо, и парни презрительно зареготали.

— Полиция уже порасспросила нас как следует, — сказал тощий тип в майке, с пятидневной щетиной на щеках. — Мы ничегошеньки не знаем.

— Да этот щегол из ФБР их и прикончил, — выговорил заплетающимся языком старик, почти беззубый и уже здорово наклюкавшийся. — Сукин сын ошалелый...

— Из ФБР? — тут же подхватил Беттертон: повеяло чем-то новым, интригующим.

— Явился сюда вместе с бабой-полицейской из Нью-Йорка.

— И чего они хотели? — жадно спросил Нед и, уловив, что кажется чересчур уж заинтересованным, демонстративно отхлебнул пива.

— Хотели узнать, как попасть на Испанский остров, — ответил беззубый.

— Испанский остров? — Беттертон никогда о таком не слышал.

— Ну да. И так совпало странно... — Старик не договорил.

— Совпало? Что совпало?

В ответ — смущенное переглядывание.

«Святые угодники, — подумал Беттертон. — Кажется, я наткнулся на залежь материала для настоящей сенсации».

— Заткнись! — прошипел тощий, свирепо глядя на старика.

— Ладно, Ларри, я ничего такого не сказал...

Расколоть их оказалось так просто. Понятно же, что все они знают что-то большое и важное и прячут, как могут. А могут не очень, безмозглая банда. Нед Беттертон сейчас раскрутит их на раз-два.

И тут его накрыла тень.

Из сумрачного лабиринта стройки вышел огромный детина. Череп выбрит до розовой кожи, на затылке жирная складка размером

со спасательный круг, на ней — торчащая белесая щетина. Щека вздута — похоже, за нею ком жевательного табака. Руки — окорока.

Детина сложил их на груди и воззрился сперва на парней, потом на репортера.

Беттертон понял: это сам Крошка, местная легенда, вождь шпаны и отребья. Видно, рано он радовался. Как же, расколешь их при таком боссе.

— Тебе какого хрена надо? — вежливо осведомился Крошка.

Повинуясь репортерскому инстинкту, Нед тут же забросил крючок:

— Хочу узнать про агента ФБР.

Выражение лица у Крошки стало не очень вежливым.

— Пендергаста?

Вот, значит, как его зовут. Пендергаст. Знакомо прозвучало. Ну да, семейство богатеньких аристократов из Нового Орлеана, сделавших деньги еще до Гражданской войны.

Крохотные свинячьи глазки Крошки сделались еще меньше.

— Ты что, приятель этого дятла?

— Я репортер из «Пчелы». Делаю материал про убийство Броди.

— Репортер?

Лицо Крошки потемнело. Беттертон вдруг заметил у него на шее скверный опухший шрам, который подергивался в такт пульсирующей под ним артерии.

Крошка окинул взглядом парней:

— Какого черта вы разболтались с репортером? — и выплюнул бурую табачную струю.

Парни один за другим поднялись, кое-кто поспешил убраться восвояси, но банку пива прихватить не забыл никто.

— Репортер, — повторил Крошка.

Беттертон успел понять намерения закипевшего от ярости Крошки, но среагировать опоздал. Толстенная рука метнулась, ухватила его за ворот, грубо скрутила.

— Можешь передать от меня приветик этому ублюдку. И если я еще раз увижу в здешних краях его тощую бесцветную задницу в черном костюме, я ему так накостыляю — своими зубами неделю срать будет.

Он все сильнее скручивал ворот, так что репортер уже идохнуть не мог. А закончив свою тираду, швырнул Беттертона наземь, будто щенка.

Беттертон растянулся в пыли. Выждал немного. Встал.

Громадная туша Крошки возвышалась над ним. Дитина стиснул кулаки — приготовился к драке.

Нед был невелик ростом. В детстве мальчишки повыше любили его колотить. Думали, что с таким недоростком никакого риска, бей — не хочу. Побой начались с детского сада. Но в средней школе закончились.

— Эй, — визгливо, дрожащим голосом проговорил Нед. — Я ухожу, ухожу! Христа ради, не надо меня бить, пожалуйста!

Крошка расслабился.

Беттертон постарался изобразить смирение: жалко скривился, втянул голову в плечи, будто не смея поднять глаз на обидчика, — и шагнул к дитине.

— Я драки не ищу. Честное слово!

— Вот такое мне нравится слышать...

Внезапно Беттертон распрямился и, как выпущенная пружина, снизу вверх хряснул Крошке в челюсть. Жирная туша шлепнулась наземь, словно ком подтаявшего масла.

В средней школе Нед быстро усвоил: какого бы размера обидчик ни был, надо отвечать ударом на удар. Всегда. Иначе побьют снова, и хуже.

Крошка заворочался в пыли, чертыхаясь, но после сильного удара и встать не мог, не то что броситься в драку. Беттертон быстро пошел к машине мимо ошолбенелых парней, стоявших с разинутым ртом.

— Ребятки, допивайте пиво.

Тронулся и поехал. В правой руке пульсировала боль. Внезапно

Беттертон вспомнил, что через полчаса должен быть на Женском благотворительном соревновании по выпечке. Да пошло оно все! Только выпечки ему и не хватало!

Глава 32

Округ Сент-Чарльз, штат Луизиана

Доктор Питер Ли Бофорт проследовал за фургоном криминалистической лаборатории, выкрашенным в неприметный серый цвет, когда тот свернул к боковым воротам кладбища Сен-Севин. Смотритель сразу же прикрыл и замкнул ворота за проехавшими машинами. Машины — фургон и пикап доктора — медленно ехали по усыпанной гравием узкой дороге, обсаженной изящными магнолиями и кизилом. Сен-Севин было одним из старейших кладбищ в Луизиане, находящихся в черте города. Кладбищенские газоны и могилы содержались в образцовом порядке. За последние два века здесь упокоились многие из наиболее выдающихся граждан Нового Орлеана.

Бофорт подумал, что эти граждане весьма удивились бы, прознав о деле, в котором согласился участвовать доктор.

Миновали развилку, и еще одну. Доктор увидел впереди несколько машин: чиновничьи автомобили, антикварный «роллс-ройс», кладбищенский грузовичок. Лаборатория свернула в узкий проулок за ними. Бросив взгляд на часы, Бофорт направился следом.

Было десять минут седьмого. Солнце едва поднялось над горизонтом, разлив золотое сияние над зеленью и мрамором кладбища. Чтобы избежать нежелательного внимания, эксгумации всегда проводились ранним утром, на рассвете.

Бофорт вышел из машины. Приблизившись к семейному участку Пендергастов, он увидел рабочих в защитных комбинезонах, возводивших ограду вокруг могилы. Даже для начала ноября день выдался необычно холодным, и это радовало доктора. Эксгумации в жару были особенно неприятными.

Учитывая долгую историю и богатство семьи Пендергаст, на участке было удивительно мало могил. Бофорт, ведущий дела с Пендергастами уже несколько десятков лет, знал, что большинство членов семьи предпочитали быть похороненными на семейном кладбище у плантации Пенумбра. Но кое-кто питал странное

отвращение к этому заросшему дикой зеленью, постоянно окутанному туманом кладбищу, а может, к склепам под ним, и предпочитал более традиционное захоронение.

Доктор шагнул за воздвигнутую ограду и за низкую чугунную решетку, окружающую участок. Рядом с техниками он увидел землекопов, директора похоронной службы Сен-Севин, управителя кладбища и упитанного нервного типа — должно быть, Дженнингса, чиновника Службы общественного здоровья. У дальнего края стоял сам Алоизий Пендергаст, недвижимый и молчаливый, одетый в черное и белое, будто монохроматический призрак.

Бофорт посмотрел на него с любопытством. Он не видел агента ФБР со времен его юности. Лицо с тех пор изменилось мало, разве что щеки впали еще больше. На черный костюм Пендергаст надел длинное белое пальто, похоже, из верблюжьей шерсти. Но, присмотревшись, Бофорт различил шелковистый блеск и решил: скорее всего, не верблюды, а викунья.

Бофорт впервые встретился с семьей Пендергаст, будучи начинающим врачом-патологоанатомом округа Сент-Чарльз. Его вызвали на плантацию Пенумбра после серии отравлений, учиненных обезумевшей старой тетушкой — кажется, ее звали Корделия. Нет, Корнелия. Доктор поежился, вспоминая. Алоизий был тогда совсем мальчишкой, проводил лето в Пенумбре. Несмотря на печальный повод визита, молодой Алоизий пристал к доктору, будто рыбка-прилипала, и ходил за ним по пятам, увлеченный судебной медициной. Спустя несколько лет он уже не вылезал из лаборатории Бофорта в подвале больницы. Мальчишка схватывал все на лету, отличался необыкновенной, изобретательной и настойчивой любознательностью. Чересчур настойчивой любознательностью, в особенности к вещам жутким и противоестественным. Конечно, мрачные пристрастия мальчика выглядели сущим пустяком по сравнению с причудами его брата... Эта мысль была слишком неприятной, и Бофорт поскорее прогнал ее.

В этот самый момент Пендергаст посмотрел на доктора и поймал его взгляд. Он тут же подошел и пожал Бофорту руку:

— Мой дорогой Бофорт, спасибо огромное, что пришли.

Пендергаст еще с детства упорно звал доктора по фамилии.

— Не стоит благодарности, Алоизий. Так приятно встретить вас

через столько лет... Однако мне жаль, что это происходит при таких грустных обстоятельствах.

— Но если бы не смерть, мы бы с вами так и не встретились, да?

Пронзительный взгляд серебристых глаз пригвоздил доктора к месту, и тот ощутил холодок в спине. Никогда прежде он не видел Алоизия Пендергаста взволнованным, напряженным. Но теперь, несмотря на маску спокойствия, тот едва владел собой.

Рабочие закончили устанавливать изгородь, предназначенную для защиты места эксгумации от посторонних взглядов, и Бофорт стал наблюдать за процедурой. Дженнингс смотрел в нетерпении на часы, поддергивал воротник.

— Давайте же начнем! — выговорил он тонким писклявым голосом. — Пожалуйста, разрешение на эксгумацию.

Пендергаст вынул из кармана пальто бумагу и протянул ему. Чиновник глянул на нее вскользь, отдал обратно и объявил:

— Прошу помнить, что наша первейшая обязанность — заботиться об общественном здоровье, а также об уважительном отношении к усопшим.

Он посмотрел на могильный камень, где значилось лаконичное:

ХЕЛЕН ЭСТЕРХАЗИ ПЕНДЕРГАСТ

— Все ли согласны, что могила определена верно?

Собравшиеся закивали.

— Хорошо. — Дженнингс отступил на шаг. — Начинайте процедуру эксгумации.

Двое могильщиков, в дополнение к толстым защитным комбинезонам надевшие респираторы, вырезали прямоугольник в толстом дерне. С профессиональной сноровкой разрезали его на полосы, подняли, свернули в рулоны и аккуратно уложили обок могилы. Рядом стоял крошечный кладбищенский экскаватор. Могильщики обозначили края ямы, вынули верхний слой грунта. Затем отошли, и крохотный ковш машины врезался в темную почву.

Могильщики и экскаватор работали попеременно. Люди

выравнивали края ямы, пока опорожнялся ковш. Остальные наблюдали в благоговейном молчании. Яма стала глубже, и от нее распространился запах свежей влажной земли, глухого старого леса. От раскрытой могилы шел пар. Дженнингс выудил из кармана респиратор и поспешно нацепил.

Бофорт украдкой посмотрел на агента ФБР. Тот заворожено глядел на углубляющуюся яму, но какие мысли обуревали Пендергаста, доктору было не понять. Агент прямо не ответил ему на вопрос, зачем извлекать останки жены. Но он хотел, чтобы криминалистическая лаборатория была наготове для всех возможных тестов, проверяющих личность покойника. Даже для семьи, знаменитой эксцентричностью, эта выходка Алоизия казалась необычной и весьма тревожила доктора.

Раскопки тянулись с полчаса. Могильщики немного передохнули и снова взялись за работу. Спустя несколько минут после перерыва лопата ударилась о твердое. Лязгнула о большой пустотелый объект.

Окружавшие могилу люди переглянулись — все, кроме Пендергаста, не отрывавшего взгляда от зияющей ямы у ног.

Работая осторожнее, могильщики выровняли стены ямы, затем углубились, медленно обнажая стандартный бетонный контейнер, в котором покоился гроб. Экскаваторщик опустил в могилу тросы, к ним прицепили крышку и подняли, открыв гроб из красного дерева, темнее окружающей почвы, с бронзовыми уголками, окантовкой и ручками. Вокруг разлился новый запах — слабый аромат разложения, телесной гнили.

К могиле подошли четверо, несущие «оболочку» — ящик, куда поместят старый гроб вместе с останками. Уложив ящик наземь, эти четверо поспешили на помощь могильщикам. Остальные молча наблюдали за тем, как в могилу опустили новые тросы и подсунули их под гроб. Шестеро мужчин медленно и осторожно потянули за веревки.

Сначала гроб словно не хотел покидать привычное место. Но затем раздался негромкий скрежет, и короб красного дерева приподнялся, поехал вверх.

Наблюдатели расступились, когда работники кладбища Сен-Севин вынули гроб из могилы и уложили наземь рядом с «оболочкой». Дженнингс подошел к гробу, натягивая резиновые

перчатки. Опустился на колени и прочел имя на табличке.

— Хелен Эстерхази Пендергаст, — произнес он сквозь респиратор. — Отметьте: имя на гробе совпадает с именем, указанным в разрешении на эксгумацию.

Открыли «оболочку», изнутри облицованную листами оцинкованного железа с пластиком поверх, с изолирующей прослойкой изопона. Все как обычно. Дженнингс кивнул и проворно отодвинулся, работники кладбища снова подняли гроб Хелен Пендергаст за тросы, перенесли к «оболочке» и поместили внутрь. Агент смотрел, словно скованный морозом, бледный, полуприкрыв глаза. С начала процесса эксгумации он не шевельнулся, разве что моргнул пару раз.

Гроб уложили внутрь «оболочки», закрыли ее и зафиксировали крышку. Администратор кладбища принес бронзовую табличку с именем. Пока рабочие снимали одноразовые защитные комбинезоны и мыли руки дезинфицирующим средством, администратор приколотил табличку.

Бофорт поежился. Подходило время работы, для которой Пендергаст и вызвал доктора. Рабочие подняли «оболочку», отнесли к припаркованному неподалеку фургону-лаборатории, мирно рокочущему генератором в тени магнолий. Ассистент доктора открыл заднюю дверь, помог рабочим сунуть «оболочку» в машину.

Бофорт подождал, пока двери закроются, затем пошел вслед за рабочими к огороженной разрытой могиле. Все собравшиеся к началу процедуры оставались на месте согласно протоколу. Рабочие принялись закапывать старую могилу, экскаватор начал копать новую рядом. Когда работа над останками завершится, их захоронят в новой яме. Доктор знал: разрешение на эксгумацию Пендергаст мог получить, лишь на самом деле перемещая останки, пусть и на столь малое расстояние. И то наверняка ему пришлось надавить на потеющего, нервничающего Дженнингса. Любопытно, чем Алоизий сумел на него подействовать?

Бофорт подошел к Пендергасту и сказал вполголоса:

— Мы готовы. Какие именно тесты вы хотите провести?

— Анализ ДНК, идентификация волос, рентгенограмма челюстей, если возможно, отпечатки пальцев. Все, что можно.

Бофорт постарался выразить свою мысль как можно тактичнее:

— Думаю, мы бы работали эффективнее, если бы понимали, в чем цель нашей работы.

Пендергаст ответил не сразу:

— В этом гробу лежит не моя жена.

— Что побудило вас сделать заключение о возможности такой, э-э, ошибки? — осторожно осведомился доктор.

— Прошу вас, просто проведите тесты, — ответил Пендергаст спокойно.

Он вытащил из внутреннего кармана щетку для волос в закрывающемся пластиковом пакете.

— Возьмите. Вам необходим образец ее ДНК.

Доктор взял пакет, размышляя, кем надо быть, чтобы хранить расческу жены спустя десять с лишним лет после ее смерти.

— Э-э... а если там — ее тело, что тогда?

Ответа не последовало, и Бофорт задал другой вопрос:

— Вы хотите присутствовать, когда мы вскроем гроб?

От холодной, маниакальной одержимости во взгляде агента доктору захотелось поежиться.

— Для меня это неважно.

Пендергаст повернулся спиной к могиле и больше не промолвил ни слова.

Глава 33

Нью-Йорк

Длинная извилистая очередь за едой у миссии на Бауэри-стрит медленно двигалась мимо переднего ряда длинных столов к стойкам с горячей, выпускающей пар едой.

— Вот дерьмо! — выругался мужчина впереди. — Неужто опять курятина и клетки?

Эстерхази рассеянно взял поднос, положил себе кукурузного хлеба, продвинулся дальше в очереди.

Так вот оно как — залечь низко. Ниже и не бывает. Он уехал из Бостона на автобусе, прекратил пользоваться кредитными картами и банкоматами. Жил под именем, указанным в фальшивом паспорте, и купил телефон на это имя. Ночевал в дешевом отеле на Секонд-стрит, где предпочитали рассчитываться наличными. По возможности питался на благотворительных раздачах пищи. Еще с поездки в Шотландию осталось немало наличных, так что деньги пока проблемой не были, но стоило растянуть запас подольше. Пендергаст — страшный, энергичный, изобретательный враг с воистину неограниченными ресурсами. Хотя, если деньги закончатся, они всегда дадут своему верному Эстерхази еще.

— Чертово зеленое желе! — не унимался мужчина впереди, лет сорока на вид, с жиденькой козлиной бороденкой, одетый в выцветшую клетчатую рубашу из байки. На его грязном бледном лице, казалось, отпечатались все возможные пороки и злоупотребления. — Ну почему никогда не дают красное?

«Обыденная банальность зла», — подумал Эстерхази, машинально двигая поднос по направляющим.

Так жить нельзя. Это недостойно человека. Нужно прекращать с игрой в прятки и переходить в нападение. Пендергаст должен умереть. Эстерхази дважды пытался его убить. Говорят, на третий раз везет.

«У каждого человека есть слабое место. Найдите его слабое

место и нанесите удар», — сказал убийца из «Ковенанта».

С подносом в руках Эстерхази подошел к ближайшему столу и сел на единственное свободное место рядом с «козлиной бородкой». Взял вилку, ткнул рассеянно в еду и положил вилку на стол.

Если задуматься хорошенько, о Пендергасте известно на удивление мало. Он женился на сестре Эстерхази. Но хотя поддерживал дружеские отношения, всегда держался холодно, отстраненно. Загадка.

Скорее всего, он потому не смог убить Пендергаста, что не сумел понять его. Нужно узнать больше о привычках, пристрастиях, излюбленных местах, связях агента. Выяснить, что им движет, о чем он по-настоящему тревожится.

Тут же вспомнилось сказанное напоследок элегантным убийцей: «Джадсон, не беспокойтесь, мы как следует о вас позаботимся. Как и всегда заботились».

От такого воспоминания еда не лезла в глотку. Эстерхази снова отложил вилку и повернулся к бородатому бродяге. Уставился на него и не отводил взгляда до тех пор, пока тот не прекратил есть и не посмотрел в ответ.

— Проблемы? — спросил бродяга.

— Как ни удивительно, да. Проблемы. — Эстерхази одарил его улыбкой. — Можно спросить?

— О чем? — насторожился бродяга.

— Меня преследует один тип. Угрожает прикончить. И никак его не стряхнуть.

— Прикончи ублюдка первым, — посоветовал бродяга и снова принялся чавкать желе.

— В этом и проблема. Не могу подобраться. Что бы ты сделал на моем месте?

Глубоко посаженные глазки бродяги засверкали злой радостью. Он даже выпустил ложку из рук. О, в этих делах он знал толк!

— Возьми кого-нибудь близкого к нему. Слабого. Беззащитного. Сучку его возьми.

— Сучку, — задумчиво повторил Эстерхази.

— Не просто сучку, а его самую близкую сучку. Через бабу всегда можно взять мужика.

— Разумно.

— Твою мать, конечно, а как еще! Я однажды с дилером поцапался, хотел порвать его дерьмовую задницу на газету, но эта скотина всегда был с корешами. Но у него была младшая сестренка, в самом соку...

Бродяга рассказывал долго, со вкусом. Но Эстерхази уже не слушал его, погрузившись в размышления.

Самую близкую сучку...

Глава 34

Саванна, штат Джорджия

Элегантный дом окружала благоуханная прохлада осеннего вечера. На близлежащей Хабершем-стрит и за нею, на Уитфилд-сквер, оживленно болтали прохожие, а туристы фотографировали декоративные башенки и старые кирпичные дома у парка. Но внутри дома царил покой.

Его потревожил легкий скрежет металла о металл. Замок щелкнул, и задняя дверь тихонько приоткрылась.

Специальный агент Пендергаст — едва заметная в вечернем сумраке тень — проскользнул на кухню. Прикрыл и замкнул дверь за собой, затем прильнул к ней, вслушиваясь. Дом пустовал, но агент все равно выждал какое-то время в тишине. Воздух в доме был затхлый, стоялый. Окна закрыты, жалюзи опущены. В доме явно никого не было уже долгое время.

Пендергаст вспомнил, что последний раз посещал этот дом несколько месяцев назад и обстоятельства, мягко говоря, значительно отличались. Теперь Эстерхази залег на дно, причем умело. Но целиком от следов не избавиться. Ключ к разгадке найдется обязательно, и, скорее всего, именно в этом доме. Никто не в силах испариться бесследно.

С возможным исключением в виде Хелен.

Пендергаст внимательно осмотрел кухню. Хозяин содержал ее в идеальной, педантичной чистоте. Выбор мебели изобличал чисто мужской вкус, как и все прочее в доме: тяжеловесный дубовый обеденный стол, чересчур массивная стойка для ножей, откуда торчало множество рукоятей, буфеты темного вишневого дерева, черная гранитная столешница.

Агент покинул кухню, вышел в зал, поднялся по лестнице на третий этаж. Двери на лестничной площадке были закрыты. За первой дверью оказалась лестница, ведущая на чердак — недообустроенное помещение с двускатным потолком, где пахло нафталином и пылью. С потолка свисала лампа без абажура, рядом

болталась веревка. Пендергаст потянул за нее, и чердак залило резким светом. Вдоль стен стояли картонные коробки, чемоданы и сундуки, все аккуратно закрытые. В углу — зеркало в полный рост, тусклое, покрытое пылью.

Пендергаст вынул из кармана пиджака складной нож с перламутровой рукоятью и принялся за дело. Методично и неспешно он разрезал ленту, склеивающую крышки коробок, просматривал содержимое, запаковывал и заклеивал крышки новой лентой. Покончив с коробками, принялся за чемоданы и сундуки: осторожно вскрывал замки, перебирал хранящиеся там предметы, возвращал все на место и закрывал.

Направляясь к лестнице, он остановился перед зеркалом. Рукавом черного пиджака протер участок, посмотрел. Оттуда выглянуло почти неузнаваемое, чужое лицо. Пендергаст поспешно отвернулся.

Выключив свет, он спустился на третий этаж, где находились две ванны, спальня Эстерхази, его кабинет и спальня для гостей. Прежде всего он проверил аптечные шкафчики в ваннах. Перебрал содержимое. Выдавил тюбики с пастой в унитаз, туда же высыпал тальк из коробок, опорожнил баночки с кремом для бритья, проверяя настоящие ли, не содержат ли контейнеров с ценностями. Опорожненное возвращал на место. Затем обследовал спальню для гостей. Ничего интересного.

Его дыхание участилось.

Затем Пендергаст зашел в спальню Эстерхази, столь же педантично ухоженную, как и все прочее в доме. На полках аккуратно рядами стояли книги в твердых обложках, романы и биографии выдающихся людей, в небольших нишах — старый веджвудский фарфор.

Пендергаст стянул с кровати покрывало и простыни, снял матрас и тщательно прощупал его, отодвинул материю, чтобы взглянуть на пружины. Прощупал также подушки, изучил саму кровать и вернул ее в прежнее состояние. Открыл платяной шкаф и методично ощупал каждый предмет одежды. Выдвинул каждый ящик старого бельевого шкафа работы Дункана Файфа, обыскал содержимое, уже не стараясь вернуть все к изначальному виду. Одну за другой проверил книги на полках, но в прежнем порядке их не расставил. Его движения стали

резче, небрежнее, временами казались судорожными.

После настал черед кабинета. Пендергаст подошел к одиноко стоящему шкафу для документов, вставил и резко крутанул лезвие ножа, сломав замок. Он открывал по очереди ящики, вытаскивал папки с бумагами, внимательно просматривал и небрежно впихивал на место. Почти час ушел на то, чтобы просмотреть счета, налоговые формы, квитанции, письма, сметы и прочее. Пендергаст узнал много интересного о шурине. Но ни единой подсказки насчет того, куда он мог подеваться.

Затем настал черед полок со справочниками и книгами по медицине. Потом осмотру подверглось содержимое письменного стола. Вынув отвертку, Пендергаст извлек из стоящего на столе ноутбука жесткий диск и спрятал в карман. На стенах висело множество дипломов и грамот. Все их агент тоже внимательно осмотрел, снимая и небрежно возвращая на место.

Перед тем как спуститься, он остановился в дверях и осмотрел комнату. С первого взгляда кабинет казался прежним, чистым и аккуратным. Никто бы не догадался, что каждый миллиметр здесь был обыскан и проверен. Никто... за исключением хозяина. Джадсон поймет сразу.

Беззвучно сойдя по лестнице, Пендергаст с той же тщательностью, как и комнаты наверху, обследовал столовую, затем нижний кабинет. За висящим на стене дипломом он обнаружил сейф, но решил приняться за него позже. Открыл оружейный шкаф и обследовал содержимое, но ничего полезного не отыскал.

Наконец он перешел в гостиную, самую изысканную комнату в доме, обшитую панелями лакированного красного дерева, с винтажными обоями, с картинами мастеров восемнадцатого и девятнадцатого века на стенах. Главное же сокровище дома — коллекция античных краснофигурных ваз — содержалось в массивном стенном шкафу в стиле Людовика Пятнадцатого.

Обыскав комнату, Пендергаст приблизился к шкафу. Резким движением сломал замок, распахнул дверцы и посмотрел на коллекцию вблизи. Он давно знал о ней, но лишь теперь ощутил в полной мере, насколько она удивительна. Возможно, это была лучшая из небольших любительских коллекций в мире. Всего шесть предметов, но каждый — бесценный, уникальный образец работы

древнегреческих мастеров: Эксекий, мастер Брига, Ефроний, Мидий, Макрон, вазописец Ахилла. Взгляд агента блуждал по вазам, кратерам и чашам. Каждая — несравненный шедевр, свидетельство высочайшего, редкостного художественного гения. Эту коллекцию собрали не ради престижа либо хвастовства. Каждый предмет был с большим трудом отыскан истинным знатоком с безошибочным вкусом и куплен за огромную цену. Только человек искренне любящий и глубоко понимающий искусство мог собрать нечто столь же безукоризненное. Разрушь это — и мир станет ощутимо беднее.

Звук прерывистого, учащенного дыхания заполнил комнату.

Одним резким движением Пендергаст смахнул шедевры на дубовый пол. Хрупкие вазы и чаши раскололись на сотни кусков, разлетевшихся по всей гостиной. Судорожно хватая воздух, дрожа в припадке ярости, Пендергаст плющил и крошил ногами обломки, пока не растер их в пыль.

Наконец он остановился. В доме было тихо. Слышалось лишь отрывистое неровное дыхание. Пендергаст еще не восстановился после ранения. Чтобы отдышаться и успокоиться, требовалось время. Отдыхал он долго. Затем смахнул красную пыль с костюма и направился к двери в подвал. Взломав ее, спустился и внимательно осмотрел помещение.

Там почти ничего не было, кроме отопительного котла и труб. Но в стене обнаружилась ниша, а в ней — дверь. Взломанная, она раскрыла путь в большой винный погреб со стенами, обшитыми пробкой, с пультом контроля температуры и влажности на стене. Пендергаст вошел внутрь и обозрел содержимое. У Эстерхази был исключительно богатый винный погреб, в основном французские вина с явным предпочтением красного бордо «Польяк». Длинными рядами лежали «Лафит Ротшильд», «Линч-Баж», «Пишон Лонгвиль комтесс де Лаланд», «Романи-Конти». Хотя погреба в «Дакоте» и в Пенумбре были намного богаче, Эстерхази обладал великолепной коллекцией «Шато Латур», включая несколько бутылок великолепных редких винтажей, каких не имел и Пендергаст.

Агент нахмурился.

Он выбрал лучшие винтажи: 1892, 1923, 1934, знаменитейшие 1945, 1955, 1961, с полдюжины других. Вынул бутылки из гнезд, расставил на полу. Выбирал вина лишь старше тридцати лет.

Пришлось четырежды курсировать между нижним кабинетом и подвалом, чтобы бережно перенести все избранное.

Там Пендергаст расставил бутылки на столе и пошел на кухню за штопором, декантером и огромным бокалом. Открыл все бутылки и оставил их насыщаться воздухом. Сам же уселся отдохнуть от тяжких трудов. Снаружи уже стемнело, бледная луна висела над карликовыми пальмами Уитфилд-сквер. Пендергаст посмотрел на луну и невольно вспомнил луну первой ночи, проведенной вместе с Хелен. Это случилось спустя всего две недели после знакомства. В эту ночь они открыли, как страстно любят друг друга. Прошло пятнадцать лет, а память об этом так ярка и сильна, будто все произошло лишь вчера.

Воспоминание это — словно драгоценный камень. Пендергаст позволил ему завладеть рассудком, потом отпустил — и оно потускнело, снова ушло в глубины памяти. Он отвернулся, скользнул взглядом по африканским скульптурам, прекрасной мебели красного дерева, нефритовым фигуркам, книжным полкам с томами в тисненых золотом переплетах. Пендергаст не знал, когда Эстерхази вернется домой, но всей душой желал понаблюдать за возвращением.

Он позволил винам аэрироваться полчаса — дольше было бы рискованно со столь почтенными винтажами. Затем принялся дегустировать.

Начал с 1892 года. Налил всего на глоток в декантер, повращал медленно, изучая цвет. Вылил в бокал, принюхался и глотнул. Поставил бутылку на подоконник, не закупоривая, взялся за следующую, с винтажом помоложе.

Процесс дегустации занял больше часа, и в конце его Пендергаст полностью вернул себе самообладание.

Наконец он отставил декантер, встал и направился к сейфу, замеченному ранее за одним из дипломов на стене. Сейф сопротивлялся героически — открылся спустя десять минут напряженной осторожной работы.

Не успел он открыть дверцу, как зазвонил мобильный телефон. Пендергаст посмотрел, кто звонит, и ответил:

— Да, слушаю.

— Алоизий? Это Питер Бофорт. Надеюсь, я не отрываю вас от

важных занятий?

Пендергаст выдержал паузу, прежде чем ответить:

— Я всего лишь наслаждался в покое бокалом-другим вина.

— Результаты тестов готовы.

— И?

— Полагаю, их лучше сообщить лично.

— Я бы хотел узнать прямо сейчас.

— По телефону я не скажу. Приезжайте как можно скорее.

— Я сейчас в Саванне. Прилечу ночным рейсом, буду у вас в офисе завтра утром. В девять.

Пендергаст отключился, сунул телефон в карман и вновь обратился к сейфу. Его содержимое оказалось вполне обычным: драгоценности, ценные бумаги, купчая на дом, завещание, набор разнообразных документов, включая странно выглядящие старые счета из дома престарелых в Камдене, штат Мэн, за содержание пациентки Эммы Гролье. Агент, не читая, сунул бумаги в карман. Затем уселся за стол-бюро, взял из хозяйских запасов чистый лист льняной бумаги и написал:

Мой дорогой Джадсон!

Полагаю, тебя заинтересует результат моей дегустации твоей коллекции «Латур». Увы, винтаж 1918 года утратил вкус, а 1949-й, на мой взгляд, сильно переоценен: послевкусие хуже первого ощущения, слышен сильный оттенок танина. У винтажа 1958-го, увы, пробочный вкус. Но остальное было восхитительным. А 1945-й попросту великолепен: все еще богатый, элегантный, с оттенком черной смородины и грибов и долгим, сладким послевкусием. Жаль, что у тебя лишь одна бутылка.

Прошу прощения за досадную неприятность с коллекцией старых горшков. Оставляю небольшую компенсацию.

П.

Пендергаст положил послание на стол, извлек из бумажника пятидолларовую банкноту и оставил на столе рядом с письмом.

Он уже собрался уходить, но у дверей его осенило. Он вернулся и взял с подоконника бутылку «Шато Латур» урожая 1945 года.

Аккуратно закупорил ее и забрал с собой. Затем вышел из кабинета на кухню, а оттуда — в благоухающую свежую ночь.

Глава 35

«Развилка броненосца», штат Миссури

Беттертон выехал за утренней чашкой кофе, и по пути ему вдруг явилась идея. Не слишком блестящая, но стоящая крюка в десяток миль.

Он развернул «ниссан» и направился в сторону Мэлфорша. Остановился за несколько миль от городка, в неприглядном месте у дорожной развилки, известной под названием «Развилка броненосца». По слухам, там когда-то переехали броненосца и его скелет годами валялся на обочине, приметный всем. Оттуда и пошло название. У развилки стояла хибара, крытая толем, — жилище некоего Билла Б. «Куз» Нечека.

Нед остановился у дома, почти скрытого густыми зарослями пуэрарии. Его рука все еще чертовски болела. Он вытащил из бардачка пачку сигарет и направился к крыльцу. Солнце едва вышло из-за горизонта, а старина Билли Б. уже сидел в излюбленном кресле-качалке и лениво покачивался, сжимая в узловатой морщинистой руке банку «Будвайзера». С тех пор как несколько лет назад ураган снес дорожный знак, указывающий на Мэлфорш, старина Билли, постоянно восседающий в кресле, замечал всех подъезжающих к городу чужаков — они непременно спрашивали, какая дорога ведет к Мэлфоршу.

Беттертон поднялся по древним скрипучим ступеням.

— Привет, Куз!

— И тебе того же, сынок. Как делишки?

— Неплохо. Можно мне примоститься?

— Валяй. — Старик указал на верхнюю ступеньку.

— Спасибо, — ответил Беттертон, осторожно присаживаясь. Он вынул пачку сигарет, вытряхнул одну: — Хочешь еще один гвоздик в гроб?

Билли Б. взял сигарету из пачки. Нед поднес огоньку, затем

сунул пачку назад в карман рубашки. Сам он не курил.

Следующие пять минут разговор шел ленивый и неспешный, все о местных делах. Но в конце концов Нед повернул его в нужное русло:

— Куз, в последнее время чужих здесь не было?

Билли Б. глубоко затянулся в последний раз, вынул окурок из рта, рассмотрел фильтр и расплющил его о ближайшую пуэрарию.

— Парочка была.

— Да? И кто такие?

— Погоди-ка... — Билли Б. сморщился от умственного усилия. — А-а, припоминаю: свидетели Иеговы. Баба спросила у меня дорогу на Мэлфорш и сразу принялась совать их журнальчик. Я и сказал ей ехать направо.

Беттертон выдавил смешок.

— И был еще тип, точно иностранец.

— Иностранец? — повторил Беттертон небрежным тоном.

— Говорил с акцентом.

— Как думаешь, из какой он страны?

— Из Европы откуда-то.

— Ишь ты, из Европы! — Беттертон покачал головой. — И когда проезжал?

— Я точно помню. — Старик посчитал на пальцах. — Восемь деньков назад.

— Ты уверен?

— Разве тут ошибешься? За день до того, как семейку Броди порешили.

На такое Беттертон не надеялся и в самых дерзких мечтах. Вот что значит быть по-настоящему инициативным, умеющим расследовать дела репортером!

— Как он выглядел?

— Высокий, тощий, белобрысый. Под глазом мерзкая такая бородавка. И плащик крутой, вроде тех, что шпионы в фильмах

носят.

— Помнишь, на какой машине он ехал?

— «Форд-фьюжн». Темно-синий.

Беттертон задумчиво поскреб подбородок. Он знал, что машины «форд-фьюжн» часто используют агентства по прокату автомобилей.

— Куз, ты это полиции рассказывал?

Лицо старика перекопилось от злобы.

— Меня никто не спрашивал!

Сочная новость!

Неду захотелось вскочить и стремглав броситься к машине. Но он пересилил себя, заставил остаться, поговорить еще немного.

— Да, с Броди дрянное вышло дело, — заметил он.

Билли Б. великодушно согласился.

— Много в здешних краях всякого беспокойства в последнее время, — продолжил Нед. — Несчастный случай с Крошкой и всякое такое.

— Никакой там не случай. — Билли Б. сплюнул наземь.

— Ты что имеешь в виду?

— Это тип из ФБР разнес заведение.

— Разнес? — недоверчиво повторил Беттертон.

— Засадил пулю в баллон с пропаном. Все к чертям и улетело. А еще покоцал из дробовика кучу лодок.

— Ну вообще... С чего это он?

Да уж, новости сногшибательные.

— Кажись, Крошка и его ребята перешли дорогу фэбээровцу и его леди-партнеру.

— Крошка и его команда много кому тут дорогу перешли, — заметил Нед и добавил, поразмыслив немного: — Интересно, что здесь понадобилось ФБР?

— Без понятия. Теперь ты знаешь не меньше моего.

Старик откупорил новую банку пива. Нед понял, что старику надоело разговаривать, и встал.

— Заглядывай как-нибудь, — пригласил Билли Б. на прощание.

— Обязательно, — пообещал Нед, спускаясь по лестнице.

Внизу остановился, выудил из кармана пачку сигарет.

— Держи! — И аккуратно бросил, так что пачка приземлилась на колени старику.

Затем пошел к «ниссану», стараясь не показывать, что торопится.

Вот оно! Случайная догадка — и вот у него в руках сюжет, за который подерутся «Роллинг стоунз» и «Вэнити фэйр». Семейная пара инсценирует самоубийство — и жестоко убита, когда решает раскрыть обман. Взорванный магазин. Таинственное место, известное как Испанский остров. Парень-иностранец. И вдобавок сумасшедший агент ФБР Пендергаст.

Рука еще ныла, однако Нед больше не замечал боли. День обещал быть чудесным. Очень.

Глава 36

Новый Орлеан, штат Луизиана

Комната для консультаций Питера Бофорта напоминала скорее кабинет состоятельного университетского профессора, чем офис медика. Книжные шкафы были заполнены томами в кожаных переплетах. На стенах висели прекрасные пейзажи, написанные маслом. Вся мебель — старая, заботливо ухоженная, тщательно отполированная. Нигде ни хрома, ни стали, не говоря уже о линолеуме. Ни таблиц для проверки зрения, ни рисунков человеческой анатомии, ни медицинских трактатов, ни висящего на крючке скелета с проволочными связками в суставах. На докторе были со вкусом скроенный костюм и безукоризненно стерильный лабораторный халат. На шее висел стетоскоп.

Пендергаст опустился в кресло для посетителей. В юности он провел в нем много часов, засыпая доктора вопросами по анатомии и физиологии, обсуждая тайны диагностики и терапии.

— Спасибо, что согласились встретиться со мной так рано, Бофорт, — сказал он.

Доктор улыбнулся:

— Вы зовете меня, как в юности, Бофортом. Не кажется ли вам, что вы уже в достаточно зрелом возрасте и можете звать меня Питером?

Пендергаст кивнул. Голос доктора звучал добродушно и приветливо. Но агент давно и хорошо знал Бофорта и тотчас же заметил, что доктор в замешательстве.

На столе лежала закрытая картонная папка. Бофорт открыл ее, нацепил на нос очки, просмотрел бумаги в папке.

— Алоизий, — начал он, но замолк в нерешительности и прокашлялся.

— В этом деле нет нужды быть тактичным, — сказал Пендергаст.

— Хорошо. Скажу прямо: данные тестов неоспоримы. Тело в гробу принадлежало Хелен Пендергаст.

Пендергаст не ответил, и доктор продолжил:

— Совпадения на многих уровнях. Прежде всего, ДНК на расческе совпадает с ДНК останков.

— Совпадает в точности?

— Насколько позволяет математика. Я приказал сделать дюжину тестов на каждом из четырех образцов с расчески и с останков. Но совпадение не только по ДНК. Рентгенограммы челюсти тоже совпали. На обоих единственная небольшая кариозная полость, во втором коренном зубе слева на верхней челюсти. Несмотря на то что прошло столько времени, у вашей жены прекрасно сохранились зубы...

— Отпечатки пальцев?

Бофорт снова прокашлялся:

— В здешних местах весьма жарко и влажно... мы сумели получить лишь несколько частичных отпечатков, но полученное совпадает с имеющимся образцом.

Бофорт перевернул страницу.

— Мой анализ телесных повреждений однозначно указывает: тело было частично съедено львом. Есть прямое физическое свидетельство: отметины зубов на костях и тому подобное. Вдобавок были обнаружены органические следы, содержащие геном «Лео пантера», то есть африканского льва.

— Вы сказали, что отпечатки пальцев частичные. Это не может служить доказательством.

— Алоизий, совпадение ДНК — самое убедительное и окончательное доказательство. В могиле находилось тело вашей жены.

— Этого не может быть, поскольку Хелен жива.

За этой репликой последовала долгая тишина. Наконец Бофорт развел руками:

— Надеюсь, вы не обидитесь на мои слова, Алоизий, но вы на себя не похожи. Наука утверждает: в гробу — останки Хелен

Пендергаст. А вас я считал одним из тех, кто уважает науку.

— В данном случае наука ошибается, — отрезал Пендергаст и оперся о ручки кресла, готовясь встать.

Но, заметив выражение лица доктора, передумал вставать. Очевидно, Бофорт сообщил еще не все.

— Не касаясь ваших убеждений, я хотел бы сообщить о том, что вам, вероятно, будет интересным. Хотя, конечно, это может оказаться пустяком.

Доктор говорил благодушно и непринужденно, как и положено говорить о пустяке, но Пендергаст немедленно уловил, что речь идет о чем-то важном.

— Вы знакомы с анализом митохондриальной ДНК?

— В общих чертах. Это одно из орудий криминалистики.

Бофорт снял очки, тщательно протер, снова водрузил на нос. Ему явно было не по себе.

— Простите, если повторю уже известное. Митохондриальная ДНК и ядерная ДНК — совершенно разные образования. Митохондриальная ДНК находится в митохондриях каждой клетки тела и наследуется неизменной из поколения в поколение по женской линии. Это значит, что все потомки одной женщины, как мужчины, так и женщины, имеют одинаковую митохондриальную ДНК. Потому ее анализ чрезвычайно полезен в работе эксперта-криминалиста. Существуют отдельные базы данных по митохондриальным ДНК.

— И что же?

— Проанализировав оба вида ДНК вашей жены, я запустил поиск сходных ДНК по тридцати пяти связанным медицинским базам данных. Совпадение с ДНК Хелен подтвердилось. Но, кроме того, обнаружилось еще одно совпадение, причем в очень специфической, скажем так, базе данных. Совпадение митохондриальной ДНК.

Пендергаст молчал, ожидая.

Смущение доктора усилилось еще больше.

— Это база данных, поддерживаемая группой ПНВ.

— ПНВ?

— «Процесс над врачами».

— Организация, охотящаяся за нацистскими преступниками?

— Да, верно. Она старается привлечь к ответственности врачей-нацистов Третьего рейха, помогавших осуществить холокост. Образована после процесса над врачами в Нюрнберге. Многие врачи-нацисты после войны сбежали из Германии в Южную Америку, и ПНВ охотится за ними до сих пор. И поддерживает безупречную с научной точки зрения базу данных по ДНК этих людей.

Пендергаст долго молчал, а когда заговорил, его голос прозвучал очень тихо:

— С чем совпала ДНК моей жены?

Бофорт достал очередной лист из папки.

— С ДНК доктора Вольфганга Фауста, родившегося в Равенсбрюке, Германия, в тысяча девятьсот восьмом году.

— И что это значит?

Бофорт сделал глубокий вдох:

— Фауст был эсэсовцем, работал в концлагере Дахау в последние годы Второй мировой войны. После ее окончания исчез. В тысяча девятьсот восемьдесят шестом году ПНВ наконец выследила его, но слишком поздно для суда: Фауст умер естественной смертью в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году. ПНВ нашла его могилу и эксгумировала останки, чтобы идентифицировать. Так ДНК доктора Фауста оказалась в базе данных.

— Дахау, — произнес Пендергаст, сверля взглядом Бофорта. — Какая связь между доктором Фаустом и Хелен?

— Они происходят от одного предка женского пола, не более того. Их может разделять и одно поколение, и сотня.

— Какой еще информацией об этом докторе вы располагаете?

— Как и следует ожидать, ПНВ — не слишком публичная организация, по-видимому связанная с Моссадом. За исключением открытой для всех базы данных, ее документы недоступны. Данных о Фаусте немного, углубленных исследований я не проводил.

— И что из этого следует?

— Лишь генеалогическое исследование может установить степень родства доктора Фауста и Хелен. Следует установить предков Хелен по материнской линии: мать, бабушку с материнской стороны, прабабушку и так далее. Аналогичное исследование необходимо и для Фауста. Учтите: общий предок может быть очень далеким — например, некая женщина, жившая в Средневековье.

— Знала ли моя жена о Фаусте? — неуверенно спросил Пендергаст.

— Думаю, лишь она могла бы сказать это вам.

— В таком случае я сам спрошу ее при встрече, — тихо, словно сам себе, проговорил агент.

В комнате воцарилось молчание.

— Хелен мертва, — сказал наконец доктор Бофорт. — И ваша, хм... странная убежденность меня весьма тревожит.

Пендергаст встал. Его лицо ничего не выражало.

— Спасибо, Бофорт. Вы мне очень помогли.

— Пожалуйста, задумайтесь над моим словами. Вспомните историю вашей семьи...

Пендергаст холодно улыбнулся:

— Более я в вашей помощи не нуждаюсь. Доброго вам дня!

Глава 37

Нью-Йорк

Лора Хейворд взрезала сочное, лишь чуть прожаренное мясо, отделила кусочек от кости, подцепила на вилку и отправила в рот. Блаженствуя, закрыла глаза:

— Винни, это совершенство!

— Я просто бросил его на сковородку, и все.

Д’Агоста небрежно махнул рукой, но поскорее уставился в свою тарелку, чтобы скрыть радость от похвалы, отразившуюся на его лице.

Лейтенант д’Агоста не слишком умел скрывать чувства.

Он всегда любил готовить — по-холостяцки, без претензий. Паштеты, шашлык, жареный цыпленок, иногда — итальянское блюдо, которому его обучила еще бабушка. Но когда он поселился вместе с Лорой Хейворд, то взялся за кулинарию по-настоящему. Началось с чувства вины — хотелось чем-то оправдать свое проживание в ее квартире, ведь денег он за это не платил. Но и позднее, когда Лора согласилась разделить расходы пополам, интерес к кулинарии не угас. Произошло это отчасти из-за Хейворд — она сама отличалась умением готовить разнообразные и нетривиальные блюда. Несомненно, на лейтенанта повлиял и Пендергаст с его изысканным вкусом и гурманскими пристрастиями. Но по большей части причиной кухонного интереса стала именно жизнь с Лорой. Лейтенант полюбил приготовление еды как способ выразить свои чувства, куда более емкий, чем традиционные букеты цветов или драгоценности. От родной южноитальянской кухни он перешел к французской, откуда почерпнул азы приготовления многих изысканных блюд, рецепты пяти основных «материнских» соусов и бесчисленных их вариаций. Стал интересоваться разновидностями американской кухни. Хейворд обычно возвращалась с работы позже лейтенанта, и у него оставалось достаточно времени, чтобы вечером как следует похозяйничать на кухне: похлопотать в свое удовольствие над новым блюдом, поминутно заглядывая в книгу

рецептов, чтобы порадовать явившуюся Лору угощением — своеобразным приношением на семейный алтарь. Чем больше он хлопотал, тем искуснее становился. Лучше стал работать ножом, быстрее и правильнее собирал и соединял ингредиенты, увереннее импровизировал с соусами. И нынешним вечером мог с уверенностью заявить, ничуть не покривив душой: бараньи ребрышки с петрушкой в соусе из бургундского вина с зернами граната получились легко и просто, как у заправского мастера.

Несколько минут они ели в молчании, наслаждаясь обществом друг друга. Затем Лора промокнула губы салфеткой, отпила глоток «Пеллегрино» и спросила с дружелюбной иронией:

— Дорогой, какие новости из офиса?

Винсент рассмеялся:

— Синглтон снова занялся исправлением морали в отделении.

— Ох уж этот Синглтон, — покачала головой Лора. — Всегда у него умствования по поводу психологии копов.

Д'Агоста отправил в рот порцию шпината, проглотил и сообщил:

— Снова заглядывала Кори Свенсон.

— Она уже третий раз является тебя изводить.

— Сперва она меня здорово доставала, но потом мы подружились. Она все расспрашивает о Пендергасте: чем он занимается, когда он вернется.

Хейворд поморщилась. Почти всякое напоминание о специальном агенте раздражало ее, даже после неформального, но вполне успешного партнерства несколько месяцев назад.

— И что ты ей сказал?

— Правду. Что сам бы хотел это знать.

— Больше он с тобой не связывался?

— Последним был тот звонок из Эдинбурга, когда он сказал, что никакой помощи от меня не хочет.

— Пендергаст меня пугает. Знаешь, он всегда производит такое внушительное впечатление: выдержка, железный самоконтроль. А под нею... будто маньяк.

— Маньяк, раскрывающий дела.

— Винни, дело не раскрыто по-настоящему, если подозреваемый стал трупом. Припомни, когда в последний раз Пендергаст закончил дело судом? А теперь он вбил себе в голову, что его жена жива...

Д'Агоста отложил вилку. Аппетит пропал совершенно.

— Я не хотел бы, чтобы ты говорила о нем так. Даже если...

— Даже если я права?

Лейтенант не ответил. Хейворд попала в больное место. А он никогда еще так не тревожился о друге.

За столом повисла тишина. А затем, к немалому удивлению, д'Агоста ощутил, как его руки коснулась рука Лоры.

— Мне нравится твоя преданность другу. И цельность. Хочу, чтобы ты знал: я уважаю Пендергаста гораздо больше, чем раньше, хотя методы его мне отвратительны. Знаешь, он правильно сделал, что не стал втягивать тебя в это дело. Пендергаст не очень полезен для карьеры в полиции. Для твоей карьеры, между прочим. Я рада, что ты последовал совету и оставил нашего агента в покое.

Она улыбнулась, сжала его ладонь.

— А теперь пойдем, поможешь мне вымыть посуду.

Глава 38

Форт-Мид, штат Мэриленд

Алоизий Пендергаст вошел в фойе неприметного здания на территории, занимаемой штаб-квартирой Агентства национальной безопасности. Продемонстрировал оружие и значок солдату у входа, прошел через металлоискатель, подошел к стойке приемной.

— Мое имя — Пендергаст. У меня назначена на десять тридцать встреча с генералом Гэлушей.

— Один момент, пожалуйста...

Секретарша позвонила, заполнила карточку временного пропуска, вставила в значок. Кивнула, и к стойке подошел другой солдат, с кобурой на поясе.

— Следуйте за мной, сэр.

Прикрепив значок пропуска к нагрудному карману пиджака, Пендергаст прошел за солдатом к двери лифта. Они спустились на несколько этажей. Вышли в унылый лабиринт коридоров со стенами из серых шлакоблоков, долго шли и в конце концов оказались перед непримечательной дверью с лаконичной надписью: «Ген. Гэлуша».

Солдат вежливо постучал. Из-за двери послышалось: «Войдите».

Солдат открыл дверь, а когда Пендергаст вошел, тут же прикрыл ее и остался ждать снаружи, ожидая конца беседы.

Гэлуша производил впечатление педантичного старого служаки. Аккуратная полевая форма, на груди единственная примета звания — прикрепленная на липучке черная звездочка.

— Пожалуйста, садитесь, — предложил он холодно.

Пендергаст сел.

— Агент Пендергаст, прежде всего хочу сообщить вам следующее: я не намерен иметь с вами никаких дел до того, как обычное ходатайство от вас и вашего начальства не пройдет по официальным каналам. К тому же я попросту не вижу, каким образом

мог бы оказаться вам полезным.

Пендергаст выдержал паузу, прокашлялся:

— Генерал, как один из, э-э, хранителей «М-ЛОГОС», вы можете быть мне очень полезным.

В комнате повисла тишина. Затем генерал тихо и спокойно спросил:

— Что вам известно об «М-ЛОГОС», агент Пендергаст? Конечно, если предположить, что «М-ЛОГОС» существует.

— Немало. Например, то, что это самый мощный из построенных человечеством компьютеров и находится он в бункере из армированного бетона под этим зданием. Я знаю, что «М-ЛОГОС» — система из огромного числа работающих параллельно процессоров, снабженная уникальной системой искусственного интеллекта, известной как «СтаттерЛоджик». Построена она с единственной целью: определять потенциальные угрозы национальной безопасности любого возможного рода, будь то терроризм, промышленный шпионаж, местные группы экстремистов, рыночные махинации, уклонение от налогов и даже начинающиеся пандемии.

Пендергаст изящно закинул ногу за ногу.

— Чтобы определять угрозы, «М-ЛОГОС» поддерживает весьма обширную базу данных, содержащую разнообразнейшую информацию: от записей переговоров по мобильным телефонам и e-мейлов до сведений о пошлинах на платных автострадах, историй болезни и судебных дел, логов социальных сетей и университетских архивов. В этой базе, по-видимому, содержатся имена и личные данные всех без исключения людей, находящихся на территории США, причем с перекрестными ссылками и связями. Не знаю, какой процент живущих за пределами США представлен в базе данных, но, полагаю, без преувеличения можно утверждать: «М-ЛОГОС» содержит наиболее полную существующую в цифровом виде информацию о большинстве людей индустриального мира.

Все это время генерал сидел молча. Выслушав, заговорил не сразу:

— У вас богатая фантазия, агент Пендергаст. Любопытно, на чем она зиждется?

Тот пожал плечами:

— По роду занятий в ФБР мне пришлось, скажем так, заниматься весьма экзотическими расследованиями. Но позвольте мне ответить вопросом на вопрос: если бы граждане США знали, насколько полна, всеобъемлюща и организована база данных «М-ЛОГОС», сколько информации правительство США собирает о добропорядочных, ничем не запятнавших себя людях, — как вы думаете, какой была бы реакция этих граждан?

— Но ведь они не знают и не узнают, не так ли? Раскрытие подобной тайны — государственная измена.

Пендергаст покачал головой:

— Я не заинтересован в раскрытии тайны. Меня интересует одна-единственная личность.

— Понятно. И вы хотите найти эту личность в базе данных «М-ЛОГОС»?

Пендергаст не ответил, лишь пристально посмотрел на генерала.

— Раз уж вы полагаете, что столько знаете о «М-ЛОГОС», могли бы и догадаться, что доступ к таким системам чрезвычайно избирателен. Я не могу открыть его первому попавшемуся агенту ФБР, даже столь дерзкому и бесстрашному, каким вы кажетесь.

Пендергаст по-прежнему не отвечал. Его молчание, непонятное после длительного и откровенного монолога, раздражало генерала.

— Я — человек занятой, — сообщил он.

— Генерал, пожалуйста, подтвердите, что у вас есть полномочия открыть доступ — либо не позволить его открыть — без вмешательства иных служащих.

— Да, у меня есть полномочия. Но я не собираюсь играть в ваши игры. Черта с два я вам открою доступ!

И снова Пендергаст замолчал. Генерал разозлился до такой степени, что, нахмурившись, процедил:

— Не хочу показаться грубым, но мне с вами больше не о чем разговаривать.

— Это не так, — ответил Пендергаст просто.

— Вы о чем? — спросил удивленный Гэлуша.

Рассчитанным движением Пендергаст вынул из кармана пиджака какой-то документ и положил на стол.

— Что за черт? Это же мое резюме! — воскликнул генерал.

— Да. Оно весьма впечатляет.

Гэлуша посмотрел на агента, сощурившись.

— Генерал, я вижу, что вы по большому счету хороший офицер, верный своей стране и несущий службу самым выдающимся образом. Потому предстоящее мне дело крайне для меня неприятно.

— Вы угрожаете мне?

— Не могли бы вы ответить на простой вопрос: что побудило вас лгать?

Генерал не ответил.

— Вы служили во Вьетнаме. Заслужили Серебряную звезду, Бронзовую, два «Пурпурных сердца». Вы сделали карьеру благодаря личным талантам — никто не помогал вам. Но все ваши достижения построены на лжи. Вы не являетесь выпускником Университета Техаса, хотя это и значится в резюме. У вас нет высшего образования. Вы покинули колледж в последнем семестре последнего года обучения. А значит, вы не могли поступить в школу офицеров. Удивительно, что никто этого раньше не проверил. Как же вы смогли?... Я имею в виду, поступить в школу офицеров.

Гэлуша встал. Лицо его сделалось багровым до синевы.

— Подлый ублюдок!

— Я не ублюдок, но человек, находящийся в отчаянном положении и потому прибегающий ко всем возможным средствам.

— Чего вы хотите?

— Честно говоря, боюсь говорить. Видя вас, я понимаю: человек вашей цельности и духовной силы может и не поддаться предпринимаемому мною шантажу. Полагаю, вы предпочтете уничтожить свою жизнь и карьеру, но не допустить меня к базе данных.

Генерал долго молчал. Затем буркнул:

— И вы трижды правы, черт вас подери!

Агент видел, что Гэлуша уже собрался с силами, принял ужасную новость и приготовился ко всему, что за нею последует. Увы, не повезло. С таким человеком сладить трудно.

— Хорошо. Но прежде чем уйти, все же скажу вам, отчего я здесь. Десять лет назад моя жена умерла страшной смертью. По крайней мере, я так считал эти десять лет. Но теперь я узнал, что она жива. Не представляю, отчего она не сообщила о себе. Возможно, ее похитили, удерживают против ее воли либо иным образом не позволяют действовать свободно. В чем бы ни была причина, я должен отыскать и освободить ее. «М-ЛОГОС» — лучший способ это сделать.

— Мистер Пендергаст, делайте что хотите, но я вам доступ не открою!

— Я и не прошу вас о доступе. Проверьте, пожалуйста, сами. Если отыщете — дайте мне знать, вот и все. Конфиденциальной информации мне не нужно — лишь имя и адрес.

— Если я не соглашусь, вы обнародуете свою «находку»?

— Обнародую.

— Я не соглашаюсь.

— Генерал, прошу вас, обдумайте свое решение как следует. Я уже узнал, чем вам грозит обнародование. Вас уволят отсюда, понизят в звании и, скорее всего, уволят из армии вообще. Ваша выдающаяся карьера сведется ко лжи, станет запретной темой для разговоров в семье и вечным поводом для стыда и смущения. Вы уже слишком стары, чтобы сделать карьеру в гражданской жизни, многие профессии, доступные бывшим офицерам, для вас окажутся закрыты. Вашу жизнь целиком и до конца определит единственная ложь. Это ужасная несправедливость: все люди лгут, а вы лучше и значительно больше большинства. Но этот мир — отвратительное место. Я давно перестал бороться с этим и стал частью отвратительности. Жизнь стала намного проще. Если вы не сделаете то, о чем я вас прошу — а это не повредит решительно никому, но может очень помочь, — то быстро обнаружите, насколько мир отвратителен по отношению к вам.

В глазах генерала было столько боли и вины, что Пендергасту захотелось отвернуться. Гэлуша уже видел изнанку жизни, смотрел

на самую ее мерзость.

Он снова заговорил едва слышным шепотом:

— Мне нужны данные о вашей жене для поиска.

— Я принес их более чем достаточное количество. — Пендергаст вынул из пиджака папку. — Здесь анализ ДНК, образцы почерка, больничные карточки, рентгенограммы челюстей, описание особых примет, общие характеристики и тому подобное. Моя жена существует где-то в этом мире. Помогите мне найти ее.

Гэлуша нерешительно, с очевидным отвращением и неохотой потянулся к папке, его дрожащая рука замерла на полпути.

— Я могу помочь вам принять трудное решение, — сказал Пендергаст. — Один из моих хороших знакомых обладает весьма необычными познаниями в информатике. Он изменит файлы данных в базе Университета Техаса, и вы получите степень бакалавра с отличием, которую получили бы, если бы ваш отец не умер и не вынудил вас оставить колледж в самом последнем семестре.

Гэлуша сгорбился, втянул голову в плечи. Наконец его испещренная венами морщинистая рука легла на папку.

— Сколько вам понадобится времени? — тихо спросил Пендергаст.

— Четыре часа. Может, и меньше. Ждите здесь. Ни с кем не общайтесь. Я все сделаю сам.

Генерал вернулся через три с половиной часа. Лицо его было изможденным, бледным, — казалось, он постарел на много лет. Он положил папку на стол, тяжело уселся в протяжно скрипнувшее кресло.

Пендергаст сидел неподвижно, молча наблюдая за генералом.

— Ваша жена мертва, — сообщил Гэлуша устало. — По всему выходит, что это так. Ее следы теряются десять лет назад, после того как... — Он наконец посмотрел в глаза Пендергасту и договорил: — После того, как ее растерзал в Африке лев.

— Невозможно.

— Боюсь, невозможно как раз обратное. Конечно, если не

допускать, что она живет в Северной Корее, в некоторых странах Африки, в Папуа — Новой Гвинее либо прочих немногих оставшихся изолированными частях этого мира. Теперь я знаю о ней все — как и о вас, мистер Пендергаст. Все относящиеся к ней записи, связи, данные оканчиваются в момент ее гибели. Она мертва.

— Вы ошибаетесь.

— «М-ЛОГОС» не ошибается. — Генерал подтолкнул папку к Пендергасту. — Теперь я знаю о вас достаточно, чтобы увериться: вы свое обещание выполните. — Он сделал глубокий вдох. — И нам остается лишь попрощаться, мистер Пендергаст.

Глава 39

Черная топь, штат Луизиана

Нед Беттертон вынул из кармана платок и вытер лоб — наверное, в сотый раз. Одет он был в свободную тенниску и шорты, но все равно мучился от душливой жары. Кто бы подумал, что поздней осенью здесь такая духота! А ушибленную руку, плотно замотанную бинтом, казалось, медленно поджаривали на гриле, будто чертова цыпленка.

Хирам — тот самый беззубый старик, с которым Нед разговаривал на ступеньках строящейся «Крошки», — стоял за рулем потрепанного аэроглизсера, натянув до ушей бесформенную шапку. Он перегнулся через поручни и выпустил в воду длинную струю бурой от табака слюны, затем выпрямился и снова уставился на узкую протоку, ведущую в зеленые заросли.

Проведя всего час в архиве администрации округа, Нед Беттертон выяснил, что Испанский остров — бывший охотничий домик в глубине Черной топи, принадлежавший семье Броди. Узнав это, Нед тут же принялся выслеживать Хирама. Пришлось попотеть, прежде чем старый босяк согласился доставить его на Испанский остров. В конце концов сто долларовая купюра и бутылка бурбона «Старый дедушка» сделали свое дело. Но и согласившись, Хирам назначил встречу у черта на куличках — у дальнего северо-западного края трясины. Не хотел попасться на глаза своре Крошки.

Когда отплыли, Хирам поначалу угрюмо отмалчивался, нервничал и вид имел до крайности унылый. Но репортер хорошо знал человеческую природу, говорить не заставлял, зато оставил на виду бутылку. И через два с половиной часа плавания и неоднократного прикладывания к горлышку у старины Хирама начал развязываться язык.

— Сколько еще осталось? — спросил Нед, опять вытирая лоб.

— Минут пятнадцать, — ответил тот, задумчиво выплевывая новую бурую струю. — Или двадцать. Мы в самую чащобу залезли.

Беттертон подумал, что старик не шутит. По берегам стояли

плотной чередой кипарисы, зелено-коричневое плетение ветвей заслоняло солнечный свет. Стало совсем душно, жарко и влажно, словно в горячей ванне. Голосили птицы, жужжали насекомые, время от времени слышался тяжкий всплеск — аллигатор соскальзывал в воду.

— Думаешь, агент ФБР добрался до Испанского острова? — спросил Нед.

— Откуда мне знать, — отозвался Хирам. — Он-то не сказал.

Беттертон провел пару весьма занимательных дней, изучая материалы о Пендергасте. Нелегкое это оказалось дело, не хватило бы и недели на полноценное журналистское расследование. Может, и месяца. Парень оказался из нью-орлеанских Пендергастов, странной древней семейки англо-французского происхождения. Семейка поразительная. Эксцентричные — не то слово. Сумасброды, безумцы, ученые, знахари, исследователи, шарлатаны, торговцы, мошенники, колдуны — и убийцы. Да, самые настоящие. Старая тетушка отравила всю семью и попала в сумасшедший дом. Один из отдаленных кузенов был выдающимся фокусником и учил ремеслу самого Гудини. У Алоизия Пендергаста имелся странный братец, про которого достоверных сведений было немного, но ходили жутковатые слухи. Этот братец недавно пропал в Италии.

Но больше всего заинтересовал Неда пожар. Когда агент Пендергаст был еще ребенком, разъяренная толпа в Нью-Орлеане сожгла фамильный особняк Пендергастов на Дофин-стрит. Официальное расследование так и не выяснило, кто за этим стоял. Хотя никто не признался в соучастии, многочисленные допрошенные назвали несколько плохо сочетающихся причин поджога: дескать, в семье практиковали вуду, сын убивал домашних животных у соседей, и вообще Пендергасты хотели отравить всю питьевую воду в городе. Однако, пробираясь сквозь этот бред, Беттертон отчетливо ощутил: распространявшаяся дезинформация была заботливо и умело срежиссирована кем-то оставшимся в тени и желавшим уничтожить Пендергастов.

Похоже, у них есть могущественный тайный враг...

Лодка выехала на илистую топкую мель, и Хирам прибавил оборотов. Стесненная растительностью протока впереди раздваивалась. Глиссер продвигался по-черепаши, с невыносимой

медлительностью. На взгляд Неда, обе протоки выглядели одинаково: темные и унылые, со свисающими, будто колбасы в коптильне, лианами и ветвями кипарисов. Хирам задумчиво почесал подбородок, затем глянул вверх, словно хотел разглядеть солнце в сплетении ветвей над головой.

— Мы ведь не заблудились, правда? — спросил Беттертон, вдруг осознав, что доверяться старому пьянчуге было не самым благоразумным решением.

Если здесь случится нехорошее, сам не выберешься. Все, финиш. Из адского болотного лабиринта назад дороги не найти.

— Не-а, — рассеянно отозвался Хирам и вдруг повернул глиссер в левую протоку.

Чуть дальше она сузилась вконец, ее заполнили водяные гиацинты и ряска. Рядом, скрытые густыми зарослями, ухали и голосили разнообразные твари. Путешественники обогнули обломанный ствол древнего кипариса, торчащий из грязи, словно изломанная статуя. Хирам снова притормозил, чтобы вписаться в резкий поворот протоки, и уставился вперед, стараясь разглядеть путь сквозь занавес свисающего с ветвей мха.

— Да прямо здесь и должно быть, — пробормотал он.

Осторожно сбавил обороты, провел глиссер в узкий, забитый бурой тиной проход. Беттертон пригнулся, чтобы не воткнуться головой в завесу мха, затем распрямился, вглядываясь. Высокая трава впереди расступалась, открывая сумрачную тенистую прогалину.

Беттертон чуть не вскрикнул от удивления.

Над трясиной возвышался небольшой округлый холм в кольце древних кипарисов. И все его пространство, не заросшее зеленью, было выжжено, словно напалмом. В небо торчали, будто гнилые клыки, обгоревшие, пропитанные креозотом балки. Повсюду валялись горелые обломки досок, мусор, изуродованный металлический хлам. В воздухе висела удушливая кислая вонь мокрого пепла.

— Это и есть Испанский остров? — спросил Беттертон.

— Ну да. Верней, его остатки.

Глиссер направился в мелкий заливчик, выскользнул на илистый

берег, и Нед шагнул на сушу. Пошел вперед, брезгливо ступая вверх по склону, расшвыривая мусор ногами. Руины занимали площадь примерно в акр, и хлам оказался разнообразнейший: металлические столешницы, кроватные пружины, ложки с вилками, обгорелые остатки дивана, оленьих рогов, куски оплавившегося стекла, корешки книг и, к полному изумлению Неда, остатки множества непонятных устройств, разбитых, измятых и оплавленных. Он нагнулся и поднял одну штуковину. Она явно подверглась сильному жару, но все равно можно было определить, что это измерительный прибор: циферблат, размеченный в миллиметрах, стрелка. В углу небольшое клеймо: «Высокоточное медицинское оборудование, Фолл-Ривер, Массачусетс».

Что за дьявольщина тут случилась?

За его спиной раздался голос Хирама, писклявый и нервный:

— А не пора нам сматываться отсюда?

Беттертон вдруг понял, насколько вокруг тихо. Когда они подплывали, воздух аж гудел от голосов, жужжания и стрекота. А здесь — ни звука. Жуткая, жадно впитывающая звуки, слушающая тишина. Нед глядел на кучи мусора, странные обожженные куски металла, искореженное оборудование непонятного предназначения. Это место казалось мертвым.

Хуже — населенным призраками.

С ужасающей ясностью определилось: нужно скорее убираться из страшного места. Все остальное — побоку. Скорее прочь!

Беттертон развернулся и поспешил к глиссеру. Наверняка принявший то же решение Хирам уже был на полпути к лодке.

Они забрались в нее, поспешно выплыли из залива, заскользили назад по узким извилистым протокам, торопясь вернуться.

Лишь один раз Нед обернулся посмотреть на плотную зеленую стену позади, тенистую, загадочную, переплетенную сверху донизу корнями и ветвями, лианами пуэрарии. Что за секрет она таила, какая жуть приключилась на Испанском острове — Нед и вообразить не мог. Но не сомневался: так или иначе, скрытный ублюдок Пендергаст в этих тайных делах главный герой.

Глава 40

Ривер-Пойнт, штат Огайо

В умеренно зажиточном пригороде Кливленда колокол на башне протестантской церкви Святого Павла вызвонил полночь. На широких улицах было сонно и тихо. Слабый ночной ветерок теребил пожухлую листву, заполнившую кюветы. Где-то вдали залаял пес.

В белом дощатом доме на углу Чёрч-стрит и Сикамор-террас едва заметно светилось единственное окно на втором этаже. За окном — закрытым, наглухо заколоченным, занавешенным двумя плотными шторами — находилась комната, до краев заполненная оборудованием. Один шкаф от пола до потолка содержал компактные блейд-серверы, многочисленные сорокавосемипортовые гигабитные Этернет-коммуникаторы и несколько массивов сетевой памяти, сконфигурированных как RAID-2. В другом шкафу — всевозможная аппаратура активного и пассивного слежения, анализаторы сетевого трафика, гражданские и полицейские сканеры и детекторы. Всякий участок горизонтальной поверхности был завален клавиатурами, усилителями «вай-фай», цифровыми инфракрасными термометрами, сетевыми тестерами, извлекателями контактов. Высоко на полке стоял древний телефонный модем с трубкой, очевидно в рабочем состоянии и активно используемый. В спертom воздухе сильно пахло пылью и мятой. Свет исходил лишь от многочисленных экранов и мониторов.

Посреди комнаты сидел в инвалидном кресле на колесах скрюченный человек в застиранных пижамных штанах и махровом халате. Человек медленно перемещался от терминала к терминалу, проверял показания, читал с экрана строчки причудливого кода, иногда с пулеметной скоростью набирал несколько команд на беспроводной клавиатуре. Одна рука его ссохлась, пальцы были искривлены, изуродованы, но печатали с удивительным проворством.

Внезапно человек замер: на небольшом приборе над центральным монитором загорелся желтый свет.

Человек быстро подкатил к главному терминалу и в мгновение

ока набрал серию команд. На мониторе тут же явилась сеть из множества заполненных черно-белыми картинками прямоугольничков — видео от двух дюжин камер слежения, размещенных вокруг дома.

Человек быстро просмотрел их.

Ничего.

Всколыхнувшийся было панический страх отступил. Системы безопасности — наилучшего сорта, причем дважды продублированные. О нежеланном госте немедленно оповестили бы полдюжины датчиков движения и сенсоров. Наверняка случайный сигнал. Сбой. Диагностику надо провести утром — сейчас систему на диагностику отключать нельзя. Сейчас...

Внезапно рядом с желтым светом замигал красный, негромко завыл сигнализатор. Страх мгновенно захлестнул человека с головой. Они подобрались вплотную, система безопасности взломана! Невозможно, немыслимо...

Ссохшаяся рука потянулась к металлической коробочке, привинченной к подлокотнику, откинула предохранительную крышку над красной кнопкой. Скрюченный палец завис над ней. Если нажать, одновременно произойдет множество событий: будут сделаны срочные звонки в полицию, «скорую помощь» и пожарным; мощные газоразрядные лампы осветят внутренность дома и окрестности: сирены на чердаке и в подвале душераздирающе завопят; расставленные в нужных местах комнаты мощные генераторы магнитного поля включатся на пятнадцать секунд и сотрут все данные с жестких дисков. И наконец, сработает генератор мощного электромагнитного импульса, начисто выжигающий всю микроэлектронику.

Палец лег на кнопку.

— Добрый вечер, Мим! — раздался из темноты коридора очень знакомый голос.

Палец отдернулся.

— Пендергаст?

Специальный агент кивнул и вошел в комнату.

Человек в кресле не сумел скрыть удивления и раздражения:

— Как вы сюда попали? Моя система безопасности уникальна по эффективности!

— Именно так. Ведь я сам платил за ее разработку и установку.

Мим запахнул плотнее халат, висевший мешком на тощем, хилом теле, и заговорил уже спокойно, сдержанно:

— Мы ведь договорились никогда больше не встречаться лично.

— Я помню о нашем правиле. И весьма сожалею, что пришлось его нарушить. Но у меня срочная просьба, и я полагаю, что в моем присутствии вы лучше поймете ее важность.

Бледные губы Мима растянулись в циничной усмешке.

— А-а, так мистер специальный агент имеет просьбу. Еще одну просьбу к несчастному, многострадальному Миму.

— Замечу, наши отношения всегда зиждились, образно выражаясь, на симбиотической основе. В конце концов, разве не я несколько месяцев назад заказал для этого места проводку особой оптоволоконной линии?

— Да-да, пониматушки. Для роскоши в три сотни мегабит. Больше никаких убогих глоточков через тонюсенькую соломинку.

— К тому же благодаря моему активному участию некие весьма неприятные обвинения так и не превратились в приговор. Если помните, обвинение исходило от Министерства обороны и гласило...

— О'кей, мистер секретный агент, я не забыл. Итак, чем могу служить сегодняшним вечером? Кибер-эмпориум Мима открыт для всех хакерских надобностей! Никакой файрвол не устоит, никакой шифровальный алгоритм не выдержит!

— Мне нужна информация о некой персоне. В идеале, ее адрес. Но подойдут и любые свидетельства о ней: медицинские записи, юридические документы, билеты, данные о пересечении границ — начиная с даты ее предполагаемой смерти.

Странно детское, осунувшееся личико Мима вздрогнуло.

— Ее предполагаемой смерти?

— Да. Я уверен: эта женщина жива. Однако со стопроцентной достоверностью она использует сейчас другое имя.

— Но вы-то знаете ее настоящее имя?

Пендергаст ответил не сразу:

— Да. Хелен Эстерхази Пендергаст.

— Хелен Эстерхази Пендергаст, хм, трясина мою метелку... — На лице Мима отчетливо выразилась заинтересованность. — Натурально, мне потребуется инфа на нее, и как можно больше, чтобы соорудить поисковый шаблон поплотнее да помясистей для вашей... вашей...

— Жены, — сказал Пендергаст, протягивая толстую папку.

Мим нетерпеливо ухватился за нее, полистал ссохшейся рукой.

— Кажется, вы всерьез на меня рассчитываете, а?

Пендергаст не ответил прямо, лишь сказал:

— Поиски по официальным каналам ничего не дали.

— Ага, значит, «М-ЛОГОС» ничегошеньки не выцедил?

Агент не ответил, и Мим хихикнул:

— И вот сейчас мистер секретный агент хочет, чтобы я заглянул с другой обочины кибер-проспекта. Чтобы задрал виртуальный коврик и посмотрел под ним. Потыкал в мягкое подбрюшье информационных магистралей.

— Подбор метафор отчасти неудачен, но общая идея передана верно.

— Ну, понадобится время. Простите, здесь сидеть не на чем, но, если хотите, принесите стул из другой комнаты. Только, пожалуйста, не включайте свет!

Мим махнул в сторону большого теплоизолированного контейнера для еды в углу:

— Батончик «Твинки»?

— Спасибо, не нужно.

— Как хотите.

В течение следующих полутора часов не прозвучало ни слова. Пендергаст сидел в темном углу, неподвижный как Будда, а Мим

катался от терминала к терминалу, временами пулеметно выстукивая серии команд, временами пробегая взглядом по длинным текстам, появляющимся на экранах. Медленно тянулись минуты, и с каждой из них человек в кресле делался все унылей, вздыхал все чаще, то и дело шлепал в раздражении по клавиатуре.

Наконец, скрипнув зубами, Мим откатился от центрального монитора.

— Пардон, мистер агент, — сказал он, почти извиняясь.

Пендергаст посмотрел на хакера — тот не повернулся лицом к агенту.

— Ничего не отыскалось?

— Отыскалось, и много, но все сплошь до той поездки в Африку. Ее работа с «Врачами без границ», данные об учебе в школе, медицинских обследованиях, успеваемости в колледже, книгах, взятых в дюжине разных библиотек... даже стихотворение, написанное, когда она в студенчестве подрабатывала няней.

— «Ребенку, потерявшему первый молочный зуб», — пробормотал Пендергаст.

— Да-да, оно. Но после того случая со львом — ничегошеньки. Как отрезало, — произнес Мим нерешительно. — И обычно это означает только одно...

— Да, Мим. Спасибо, — сказал Пендергаст.

Он ненадолго задумался.

— Вы говорили про данные об учебе в школе и медицинских обследованиях. Обнаружилось ли в них что-либо необычное, из ряда вон выходящее? Хоть что-нибудь, привлечшее ваше внимание?

— Нет. Она была просто образчик здоровья. Ну, вы-то это знаете. Кажется, и училась хорошо. Приличные оценки в школе, отличные — в колледже. Даже в начальной школе оценки неплохие, хотя, если подумать, это удивительно.

— Почему удивительно?

— Потому что она сначала не говорила по-английски.

Пендергаст медленно поднялся со стула.

— Что?

— А вы не знали? Да вот оно, прямо здесь.

Мим подкатился к столу, пробежался по клавиатуре, и на мониторе возник скан документа, набранного на старой пишущей машинке, с пометками от руки внизу листа.

— Несколько лет назад Департамент образования штата Мэн оцифровал старые архивы. Глядите, вот здесь пометка на таблице успеваемости Хелен за второй класс. — Мим нагнулся к экрану и прочитал: — «Принимая во внимание, что Хелен иммигрировала в США в середине прошлого года и, будучи португалоязычной, не знала английского, ее успехи в учебе и все улучшающееся владение английским языком достойны всяческой похвалы».

Пендергаст подошел и нагнулся, чтобы взглянуть на документ. Лицо агента выражало крайнее изумление. Но он тут же выпрямился и придал лицу прежнее бесстрастное выражение.

— И еще кое-что, — сказал он.

— Что угодно мистеру секретному агенту?

— Проникните в базу данных Университета Техаса и слегка измените одну запись. Некий Фредерик Гэлуша числится как оставивший колледж на последнем году обучения, прямо перед выпускными экзаменами. В записи должно значиться, что он окончил колледж с отличием.

— Раз плюнуть! Но почему всего лишь «с отличием»? Я могу и «с высшим отличием», и «Фи-бета-каппа»^[7] вставить — без проблем.

— «С отличием» вполне достаточно. И удостоверьтесь, пожалуйста, чтобы у него появились оценки, достаточные для отметки «с отличием». Запись не должна выглядеть противоречивой.

Когда Пендергаст уже собрался уходить, Мим заговорил снова:

— Эй, мистер агент!

Тот оглянулся.

— И у меня кое-что... Эстерхази — это ведь венгерская фамилия.

— Верно.

Мим почесал шею и буркнул:

— Как же тогда вышло, что ее родной язык — португальский?

Посмотрел — и обнаружил, что говорит в пустоту. Пендергаст уже скрылся за дверью.

Глава 41

Нью-Йорк

Джадсон Эстерхази вышел из такси и на мгновение замер, ощутив себя насекомым под огромными каменными стенами Нижнего Манхэттена. Затем забрал с заднего сиденья кожаный портфель и заплатил таксисту. Разгладив галстук, уверенно зашагал по узкому тротуару, свернул и вошел в обширное, но с низким потолком фойе Департамента здравоохранения Нью-Йорка.

Как хорошо снова надеть костюм, пусть и оставаясь под чужой маской, глубоко законспирированным. А еще лучше перейти в нападение, делать что-то, а не просто спастись бегством. Грызущий страх, неуверенность в будущем исчезли. После краткого периода безотчетной, животной паники Эстерхази выработал ясный и решительный план. Проблема Пендергаста будет разрешена раз и навсегда. И что важнее, план устроил *их*. *Они* помогут — в конце концов.

Как сказал тот мерзавец: «Не просто сучку, а его самую близкую сучку. Через бабу всегда можно взять мужика».

Чудесный совет, пусть и выраженный грубовато. Отыскать «сучку» оказалось гораздо легче, чем предполагал Эстерхази. Осталось найти способ, как ее «взять».

Он подошел к списку подразделений департамента. Отдел психического здоровья оказался на восьмом этаже. Эстерхази двинулся к лифтам, вошел в открытую кабину и нажал кнопку с цифрой «7». Двери сошлись, закрываясь, и лифт начал подъем.

Знание медицинских баз данных оказало неоценимую услугу. Потребовалась всего лишь пара удачных попаданий на интернет-сайты — и вот собрана достаточная информация для блестящего плана. Первое попадание: материалы суда об отправлении пациента в психиатрическую лечебницу, куда Пендергаста призвали как заинтересованное лицо, но он почему-то не явился. Второе попадание: статья некоего доктора Фелдера, еще не опубликованная, но поданная в печать и проходящая рецензирование. В статье

рассказывалось об очень интересном случае психического отклонения у пациентки, которая заключена в женскую тюрьму «Бедфорд-Хиллс», но в скором времени должна быть переведена в больницу «Маунт-Мёрси». Хотя в статье личность пациентки, естественно, не раскрывалась, имея материалы суда, установить ее было элементарно просто.

Выйдя из лифта, Эстерхази спросил, где кабинет доктора Джона Фелдера. Тот оказался на месте, работал, сидя в крошечном, но аккуратном офисе. Доктор встал, приветствуя посетителя. Фелдер был мал и худ, под стать офису. Одет аккуратно, волосы серые, мышинового оттенка, ровная бородка-эспаньолка, усы.

— Доктор Пул? — спросил он, протягивая руку.

— Доктор Фелдер, рад встрече с вами, — сказал в ответ Эстерхази, тряся протянутую руку.

— Я тоже. — Доктор указал гостю на кресло. — Встретить врача, занимавшегося ранее случаем Констанс, для меня настоящий подарок. Уверен, это очень поможет моей работе.

«Поможет моей работе». Именно так Эстерхази и думал. Он окинул взглядом аккуратный, без следа личности доктора Фелдера офис, учебники на полках, невыразительные картины на стенах. Из личного опыта Эстерхази знал: судебный психиатр — работа, мягко говоря, неблагодарная. Половина пациентов — свихнувшиеся социопаты, вторая половина — симулянты, надеющиеся обмануть правосудие. Эстерхази понял намерения и цели доктора, едва прочитав ту статью. Вот он, нетривиальный, уникальный случай болезни, на котором можно развернуться вовсю, сделать имя и карьеру. Без сомнения, доктор Фелдер — человек доверчивый, прямодушный энтузиаст, откровенный и, как многие умные люди, отчасти наивный. Идеальная кандидатура.

Тем не менее следует быть крайне осторожным. Если Фелдер хоть на секунду усомнится в том, что пациентка на самом деле незнакома визитеру, план не удастся. Хитрость в том, чтобы обратить это обстоятельство в преимущество.

— Да-да, — махнул рукой Эстерхази. — Случай уникальный, по крайней мере, насколько известно мне. Я очень обрадовался, обнаружив вашу статью. Ведь случай не только крайне любопытный, но еще, как мне кажется, очень важный. Возможно, он станет вехой в

изучении заболеваний такого рода. Хотя лично я не заинтересован в публикациях на эту тему. Мои исследовательские интересы лежат в другой области.

Фелдер кивнул в знак понимания. Конечно, профессиональная этика превыше всего. Но Эстерхази показалось, что в глазах доктора промелькнуло облегчение. И это было хорошо. Важно, чтобы он понял: гость — не помеха его исследовательским амбициям.

— Сколько раз вы говорили с Констанс? — спросил Эстерхази.

— На данный момент я провел четыре консультации с ней.

— Она обнаруживала признаки амнезии?

— Нет, вовсе нет... — Фелдер нахмурился.

— Для меня это оказалось главной трудностью терапии. Я проводил консультацию и, казалось, успешно разрабатывал подоплеку ее самых опасных иллюзий. Но когда наступало время следующей консультации, неизменно оказывалось, что Констанс совершенно не помнит предыдущей. И утверждает, что незнакома со мной.

Фелдер хрустнул пальцами:

— Как странно... мне казалось, ее память работает безукоризненно.

— Интересно. Кажется, ее амнезия носит и диссоциативный характер, и локализованный.

Фелдер записал что-то в блокноте.

— Мне показалось наиболее интересным то, что, по имеющимся довольно убедительным признакам, здесь очень редкий случай диссоциативной фуги.

— Что может объяснить и ее путешествие через океан? — спросил Фелдер, записывая.

— Да, равно как и необъяснимую вспышку агрессии. Именно потому я определяю этот случай как уникальный. Полагаю, у нас есть шанс — у вас есть шанс — существенно продвинуть научное понимание диссоциативной фуги.

Фелдер стал записывать быстрее.

Эстерхази поерзал в кресле:

— Я часто задумывался, не послужили ли причиной расстройства ее весьма необычные личные отношения.

— А, вы имеете в виду ее опекуна? Этого Пендергаста?

— М-да... — Эстерхази изобразил нерешительность. — Конечно, Пендергаст называет себя опекуном. Но говорю как врач врачу: наверняка отношения между ними куда интимней, чем подразумевается термином «опекун». Что, возможно, и объясняет, почему Пендергаст не явился на судебное слушание, где решался вопрос о ее дееспособности.

Доктор Фелдер перестал писать и уставился на гостя. Тот кивнул со значительным видом.

— Очень интересно, — заметил доктор Фелдер. — Она особо подчеркивает, что ее отношения с опекуном ни в коей степени не являются... интимными.

— Само собой, — тихо сказал Эстерхази.

— Знаете... — начал Фелдер и замолчал. — Да, конечно, если была сильная эмоциональная травма, понуждение к близости либо даже насилие, это могло бы объяснить не только фугу, но и странные идеи о прошлом пациентки.

— Странные идеи о прошлом? Это для меня ново. Недавно развившаяся мания?

— Буду с вами откровенен, доктор Пул: Констанс утверждает, что ей приблизительно сто сорок лет.

Эстерхази с большим трудом сохранил на лице выражение отстраненного научного интереса.

— Правда? — выдавил он из себя.

— Она утверждает, что родилась в тысяча восемьсот семидесятых годах на Уотер-стрит, в нескольких кварталах от моего офиса. Якобы ее родители умерли, когда она была еще совсем юной, и она долгие годы жила в особняке человека по фамилии Ленг.

Эстерхази тут же подхватил:

— Вот, кажется, и обратная сторона монеты, дополнение к картине диссоциативной амнезии и состояния фуги.

— Любопытно, что ее познания о прошлом, а именно о периоде, на который, по ее утверждению, пришлось ее детство, на удивление точные и живые.

«Что за чушь!» — подумал Эстерхази, а вслух произнес:

— Констанс очень умна, но расстройство ее психики чрезвычайно глубоко и патологично.

Фелдер задумчиво посмотрел на свои записи, затем на Эстерхази:

— Доктор, можно вас попросить об одолжении?

— Конечно.

— Не согласитесь ли вы немного поработать вместе со мной над этим случаем?

— С огромным удовольствием!

— Я буду очень благодарен за возможность узнать ваше мнение. Ваш прошлый опыт общения с пациенткой и суждения о нынешнем ее состоянии, несомненно, будут очень важны для работы.

Эстерхази ощутил острый прилив радости.

— Но должен предупредить, — сказал он, — я в Нью-Йорке ненадолго, на неделю-две. Я с научным визитом в Колумбийском университете. Но буду счастлив оказать любую помощь, какую смогу.

Доктор Фелдер улыбнулся впервые за время беседы.

— Принимая во внимание локальную амнезию, думаю, лучше будет представить меня как незнакомца, — посоветовал Эстерхази. — Любопытно понаблюдать за ее реакцией. Интересно, сохранилась ли локальная амнезия и в состоянии диссоциативной фуги?

— Да, интересный вопрос.

— Как я понимаю, она сейчас находится в «Маунт-Мёрси»?

— Верно.

— И вы можете устроить мне визит для консультации?

— Да, разумеется. Конечно, потребуются ваше резюме, данные института — в общем, обычные формальности... — Доктор Фелдер

смущенно замолчал.

— Ну разумеется! По счастливой случайности у меня с собой необходимые документы. Я их захватил для оформления в Колумбийском университете.

Открыв саквояж, Эстерхази извлек папку, содержащую подборку великолепно сфабрикованных документов — спасибо «Ковенанту». Доктор Пул и в самом деле существовал и работал в институте, значившемся в подделанных документах, — предосторожность на случай не слишком основательной проверки. Но излишняя. Принимая во внимание доверчивость Фелдера, вряд ли бы он стал звонить проверки ради.

— А вот кое-что еще — краткое изложение моей работы с Констанс, — сообщил Эстерхази, извлекая вторую папку, чье содержание предназначено было распалить любопытство Фелдера, а не дать ему сколько-нибудь новую информацию.

— Спасибо, — ответил доктор, рассеянно просматривая документы в первой папке.

Он быстро закрыл ее и протянул Эстерхази. Как и предполагалось, проверка документов обернулась чистой формальностью.

— Полагаю, завтра я смогу проинформировать вас о том, как обстоят дела.

— Вот мой номер телефона. — Эстерхази протянул визитку.

— Доктор Пул, у меня нет слов, чтобы передать, насколько я рад сотрудничеству с вами, — сказал Фелдер, пряча визитку в карман.

— Поверьте, я рад нашему сотрудничеству ничуть не меньше.

Эстерхази встал, сердечно потискал протянутую руку, широко улыбнулся в честное простодушное лицо доктора и покинул офис.

Глава 42

Плантация Пенумбра, округ Сент-Чарльз

— Добро пожаловать домой, мистер Пендергаст, — сказал Морис, увидев открывающего дверь агента, словно тот отлучался всего на несколько минут, а не на два месяца. — Не желаете ли поужинать, сэр?

Пендергаст переступил через порог, и Морис поспешно закрыл дверь, не давая холодному зимнему туману проникнуть в дом.

— Спасибо, не нужно. Но от бокала амонтильядо я бы не отказался. Пожалуйста, если не трудно, принесите его в зал на третьем этаже.

— Камин уже разожжен.

— Великолепно!

Пендергаст поднялся по лестнице в зал, где в небольшом камине пылал огонь, разгоняя всегдашнюю сырость особняка, и уселся в мягкое кресло с высокой спинкой, поставленное у камина. Спустя пару секунд объявился Морис, ловко несущий серебряный подносик с бокалом шерри.

— Спасибо, Морис.

Седовласый слуга повернулся, чтобы удалиться, и тут Пендергаст сказал:

— Я знаю: вы волновались и переживали из-за меня.

Морис замер, но не ответил.

— Когда я впервые обнаружил обстоятельства смерти моей жены, я был слегка не в себе. Полагаю, вы тогда встревожились.

— Я был озабочен, — отозвался наконец Морис.

— Спасибо. Я это знал. Но теперь я пришел в себя, и нет нужды следить за моими действиями, а тем более оповещать о них моего шурина. Полагаю, вы поддерживали контакт с Эстерхази, сообщая обо мне?

Морис покраснел:

— Но ведь он врач и просил меня о помощи, в особенности касательно ваших действий. Он так боялся, что вы сделаете что-нибудь поспешное, необдуманное. Если вспомнить семейную историю...

Он растерянно умолк, не договорив.

— Это вполне резонно, вполне. Однако обнаружилось, что Джадсон не всегда действовал в моих интересах. Боюсь, у нас с ним размолвка. Как я уже говорил, теперь я целиком пришел в себя. Поэтому нет надобности сообщать ему обо мне что бы то ни было.

— Конечно. Надеюсь, мои сообщения доктору Эстерхази не причинили вам неудобств?

— Ни в коей мере.

— Желаете чего-либо еще?

— Нет, спасибо. Спокойной ночи, Морис.

— Спокойной ночи, сэр.

Часом позже Пендергаст неподвижно сидел в небольшой комнате без окон, бывшей гардеробной его матери. Дверь комнаты была заперта на замок. Теперь комната лишилась тяжелой старомодной мебели, остались лишь высокое мягкое кресло и столик красного дерева перед ним. Элегантные обои от Уильяма Морриса заменило темно-синее звукоизолирующее покрытие. Ничто в комнате не привлекало внимания. Освещалась она одной свечой из пчелиного воска, стоящей на столе. Мерцающий свет ложился на ровные, монотонной окраски стены. Прежняя гардеробная стала самой изолированной и спокойной комнатой особняка.

В полной тишине Пендергаст устремил взгляд на пламя свечи, усилием воли постепенно замедляя пульс и дыхание. Посредством эзотерической медитативной техники чонгг ран, изученной много лет назад в Гималаях, он готовился перевести разум в «стонг па нийд» — состояние чистой пустоты. Пендергаст соединил древние буддистские медитативные практики и описанную Джордано Бруно в трактате «Искусство памяти» идею «дворца памяти», чтобы создать свою уникальную систему умственной концентрации.

Он глядел на пламя, и взгляд его медленно, очень медленно проникал в мерцающее сердце огня. Сидя недвижно, он позволил разуму войти в пламя, раствориться в нем, слиться с его естеством, а затем постепенно соединиться с ним на куда более глубинном уровне, где самые его молекулы не смешаются с молекулами огня.

В душе Пендергаста мерцающий огонек разросся, заполнил мир, представился вечным, неугасимым, бескрайним — и вдруг угас. Его место заняла бескрайняя крошечная чернота.

В полной неподвижности и спокойствии Пендергаст ожидал, пока явится его «дворец памяти» — собрание знаний и опыта, откуда можно почерпнуть важное и нужное во времена испытаний. Но знакомые мраморные стены не поднялись из темноты. Вместо этого Пендергаст увидел себя в тесной, похожей на чулан комнате с низким косым потолком. Впереди оказалась решетчатая дверь, за нею неприглядный коридор. За спиной была стена, покрытая карикатурно выглядящими, запутанными диаграммами и картами с отметками кладов. Диаграммы и карты казались нацарапанными детской рукой.

Эту комнату под задней лестницей старого дома на Дофин-стрит Диоген и Алоизий Пендергасты в детстве звали Пещерой Платона. Она была их тайным убежищем. Там братья строили детские планы и мечтали... до рокового случая, навсегда разорвавшего их дружбу.

Уже второй раз погружение в память неожиданно уводило Пендергаста в эту комнату. Сраженный внезапным подозрением, он взгляделся в сумрачную глубину комнаты. Так и есть: там сидел его брат. Пендергаст увидел его мальчишкой лет девяти-десяти, в блейзере и шортах — униформе Лушера, школы, где учились братья. Диоген рассматривал репродукции в альбоме Караваджо. Он посмотрел на Алоизия, сардонически улыбнулся и снова уставился в книгу.

— Снова ты, — произнес Диоген странно взрослым голосом. — Как раз вовремя. Морис только что заметил бешеного пса, бегущего по улице близ дома Ле Претра. Давай-ка попробуем загнать собачку в монастырь Святой Марии, а? Сейчас полдень, монахини, наверное, все на мессе.

Пендергаст не ответил. Диоген перевернул страницу:

— Это моя любимая картина — «Усекновение головы Иоанна Крестителя». Заметь, как женщина слева опускает блюдо, чтобы

палач положил на него голову Иоанна. Насколько все продумано! А дворянин, который стоит над Иоанном и руководит процедурой, — от него прямо веет спокойной властью! Так и я хотел бы выглядеть, когда...

Он внезапно умолк и перевернул страницу.

Алоизий все молчал.

— Давай угадаю, — предложил Диоген. — Ты по поводу дорогой безвременно усопшей жены.

Алоизий кивнул.

— Знаешь, я видел ее однажды, — сказал Диоген, не отрывая взгляда от книги. — Вы двое сидели в беседке на задворках сада, играли в карты. А я наблюдал из-за кустов глицинии. М-да, возбужденный эротоман, подсматривающий за влюбленными, и все прочее в том же духе... Но сцена была идиллическая. Хелен такая элегантная, грациозная. Напомнила мне мадонну в «Непорочном зачатии» Мурильо. Frater, [\[8\]](#) ты думаешь, она еще жива?

— Джадсон сказал мне это. Мотивов лгать у него не было, — ответил Алоизий.

Диоген по-прежнему не смотрел на брата.

— Не было мотивов лгать? Едва ли. Он хотел причинить тебе наибольшую возможную боль перед смертью. Такое воздействие ты оказываешь на людей. — Он перевернул страницу. — Полагаю, ты ее выкопал.

— Да.

— И?

— ДНК совпала.

— И ты по-прежнему считаешь ее живой? — Диоген хохотнул.

— Рентгенограмма челюсти тоже показала совпадение.

— И у трупа не хватало руки?

Алоизий долго молчал.

— Да, — выговорил он наконец. — Но анализ отпечатков пальцев не дал убедительного совпадения.

— Да уж, представляю себе состояние тела. Как ужасно для тебя

запечатлеть именно такой ее последний образ... Ты уже нашел ее свидетельство о рождении?

Пендергаст был захвачен врасплох. В самом деле, он ни разу не видел ее свидетельство о рождении. Это казалось неважным. Он всегда считал, что она родилась в Мэне. Но ведь это очевидная неправда.

Диоген постучал ногтем по репродукции «Распятия святого Петра» и произнес задумчиво:

— Интересно бы знать, как распятие вниз головой влияет на умственные процессы... — Он посмотрел на брата: — Frater, ты был, выражаясь вычурно, обладателем ее чресел. Ты был родной для нее душой, да?

— Я так считал.

— Прислушайся к своим чувствам. Что они говорят тебе?

— Она жива.

Диоген расхохотался, качаясь на стуле, сверкая здоровыми детскими зубами и розовым нёбом. Взрослый смех, исходящий из детского рта, казался гротескным извращением. Алоизий терпеливо ожидал, пока брат успокоится. Наконец тот замолк, пригладил волосы и отложил книгу.

— Как это показательно! Словно опять нахлынул зловонный прилив. Старые гнусные гены Пендергастов проснулись в тебе. Это твоя личная маниакальная иллюзия. Здравствуйте, и добро пожаловать в семью!

— Это не иллюзия. Это правда.

— Ха-ха!

— Ты мертв. Что ты можешь знать?

— Неужели я по-настоящему мертв? Et in Arcadia ego!^[9] Настанет день, когда все Пендергасты дружно возьмутся за руки, воссоединившись в самом нижнем из кругов ада. Что за чудесная семейная вечеринка получится, ха-ха-ха!

Яростным усилием воли Пендергаст разорвал поток воспоминаний — и снова оказался в старой гардеробной, в высоком кожаном кресле, с одинокой свечой на столе перед собою.

Глава 43

Вернувшись в зал на третьем этаже, Пендергаст рассеянно отпил немного шерри. Сказав Морису, что целиком оправился, он по сути солгал — и это стало особенно ясным, когда он осознал свою ошибку, такую простую, но серьезную.

Разыскивая документы о Хелен, он пренебрег важнейшим — свидетельством о рождении. Все остальное отыскал. Новость о том, что во второй класс начальной школы она поступила, владея лишь португальским языком, так изумила Пендергаста, что он совершенно упустил из виду вопрос о том, где ее свидетельство о рождении и почему его нет среди документов. Наверняка она спрятала его в месте легкодоступном, но хорошо скрытом. А значит, логично искать свидетельство в доме, в котором она жила перед смертью.

Агент глотнул еще шерри и поднял бокал на свет, чтобы оценить насыщенный янтарно-золотистый цвет напитка. Пенумбра велика, там масса комнат, коридоров — и мест, где можно спрятать клочок бумаги. Хелен умна. Нужно хорошенько все обдумать.

Пендергаст стал медленно перебирать в памяти возможные тайники — и отвергать их.

Несомненно, тайник должен быть в месте, где Хелен проводила много времени, где ее присутствие не показалось бы необычным. Место, где она ощущала комфорт, безопасность. Документ должен находиться там, откуда его вряд ли переместят, в предмете, который не заберут на починку либо чистку, который не вызывает подозрений и особого интереса.

Пендергаст просидел в зале несколько часов, глубоко задумавшись, обыскивая в воображении каждый уголок особняка. Сузив область поиска до единственной комнаты, он наконец поднялся и, бесшумно спустившись по лестнице, проследовал в библиотеку. Встал на пороге, обшаривая взглядом комнату, изучая охотничьи трофеи на стенах, большой удлиненный стол, книжные полки, статуэтки и картины, предполагая — и последовательно отбрасывая — дюжину за дюжиной возможных тайников.

Поразмыслив еще полчаса, он сузил поле розысков до единственного предмета мебели — стоящего у стены слева

массивного шкафа, в котором хранился четырехтомник «Птиц Америки» Одюбона — оригинальное, безумно дорогое, огромного формата издание. Любимая книга Хелен.

Пендергаст вошел в библиотеку, закрыл за собой скользящую дверь и подошел к шкафу. Какое-то время он смотрел на него, затем выдвинул нижний ящик и извлек два массивных тома «Птиц Америки». Отнес их к столу посреди комнаты, осторожно уложил рядом друг с другом. Вернулся к шкафу, вытащил ящик целиком и перевернул.

Ничего.

Он позволил себе слегка улыбнуться. В шкафу было лишь два места, подходящих для тайника. Первое — пусто. А значит, свидетельство, вне всяких сомнений, спрятано во втором.

Пендергаст протянул руку в пустоту, оставленную вынутым ящиком, и тщательно ощупал деревянную панель сверху, заднюю стенку, дотянулся до самых отдаленных уголков.

И снова ничего.

Пендергаст шатнулся от шкафа, словно обжегшись. Встал, тяжело глядя на него, поднес руку к губам. Кончики пальцев слегка подрагивали. Затем он медленно отвернулся и посмотрел на библиотеку. Лицо его казалось застывшей маской.

Морис обычно вставал рано. По заведенному издавна обычаю поднимался не позже шести, занимался уборкой, осматривал дом, готовил завтрак. Но этим утром он и в восемь еще оставался в постели.

Всю ночь он не сомкнул глаз. Слушал, лежа в постели, как возится Пендергаст: снует вниз и вверх по лестнице, передвигает мебель, роняет вещи, перетаскивает предметы с одного места на другое. С нарастающей тревогой Морис внимал звукам ударов, толчков, царапанью, скрежету, лязгу. Звуки не утихали часами, доносились из самых разных мест: от чердака до гостиной, от зала до столовой, от спален до подвалов. И вот, хотя солнце поднялось уже высоко и утро было в разгаре, Морис побаивался выйти из комнаты и увидеть, что стало с домом. Наверняка особняк в ужасном беспорядке.

Тем не менее нельзя надолго откладывать неизбежное. Потому Морис вздохнул, откинул одеяло и заставил себя подняться.

Он осторожно подошел к двери. Прислушался: в доме было очень тихо. Морис положил ладонь на ручку двери, повернул. Дверь с легким скрипом открылась. Он нерешительно высунул голову наружу.

Коридор сиял безукоризненной чистотой.

Тихо ступая, Морис обошел комнаты. Все оказалось на месте. Пенумбра была в образцовом порядке.

Пендергаста же нигде не было.

Глава 44

Тридцать пять тысяч футов над Западной Виргинией

— Еще томатного сока, сэр?

— Спасибо, не нужно. Ничего больше не нужно.

— Как хотите.

Стюардесса проследовала дальше по коридору между креслами.

Сидя в салоне бизнес-класса, Пендергаст изучал пожелтевший лист бумаги, извлеченный после многочасового изнурительного и тотального обыска из удивительного и совершенно невероятного места — ствола старого ружья. Новое доказательство того, как плохо он знал свою жену. Он еще раз перечитал написанный по-португальски документ:

Федеративная Республика Бразилия

Агентство Гражданского Регистра

Свидетельство о рождении

Имя: Хелен фон Фукс Эстерхази

Место рождения: Нова-Годой, Риу-Гранди-ду-Сул

Имя отца: Андраш Ференц Эстерхази

Имя матери: Лени Фауст Шмид

То есть Хелен родилась в Бразилии, в месте под названием Нова-Годой. Теперь понятна аббревиатура «Нова-Г.» на обгорелом клочке бумаги, найденном на Испанском острове, когда Пендергаст и Лора Хейворд обследовали руины фармацевтической лаборатории корпорации «Лонжитьюд».

Мим сказал: родной язык Хелен — португальский. Само собой.

Бразилия... Пендергаст задумался. Хелен сказала, что провела там пять месяцев, работая с «Врачами без границ». Насколько ее словам можно доверять, он уже узнал. И очень неприятным образом.

Он снова взглянул на свидетельство о рождении. В самом низу была строчка «Наблюдения/Замечания». Пендергаст всмотрелся в нее, затем достал из кармана лупу.

Записанное прежде в этой строке было не просто стерто — участок бумаги был вырезан и тщательнейшим образом заменен чистым с аналогичным узором водяных знаков. С поразительным искусством соединен с остальной бумагой. Чрезвычайно тонкая, профессиональная работа.

В этот момент Пендергаст наконец понял и принял целиком то, что по-настоящему не знал любимую жену. Как и множество людей, он пал жертвой простого человеческого чувства. Любовь ослепила его. И вот он стоит на пороге тайны и не может понять, как же раскрыть ее, разгадать, кем была спутница его жизни.

С тщательностью, граничащей с благоговением, он сложил свидетельство о рождении и сунул поглубже во внутренний карман.

Глава 45

Нью-Йорк

Доктор Джон Фелдер медленно поднялся по ступенькам отделения Нью-Йоркской публичной библиотеки на Сорок второй улице. День клонился к вечеру, у входа кишели студенты и туристы с фотокамерами. Не обращая на них внимания, доктор прошел между мраморных львов, охранявших фасад в стиле боз-ар, и, лавируя между зеваками, ступил в обширный холл с высоким потолком.

Уже многие годы Фелдер использовал библиотеку как убежище от хлопот и тревог. Ему нравилась ее атмосфера: роскошь, изысканность — и дух науки, исследований, поисков знания. Родители Фелдера, торговец одеждой и школьная учительница, были небогаты. Сын их был робким, с головой ушедшим в книги пареньком, и библиотека стала для него прибежищем от суеты Джевел-авеню. И сейчас, когда все необходимые материалы для исследований были доступны в Департаменте общественного здоровья, доктора неизменно тянуло в библиотеку. Находясь под ее сводами, вдыхая запах старых книг, Фелдер ощущал себя безмерно далеким от суеты и грязи земного мира.

Так было всегда. Но не сегодня.

Он поднялся по двум лестничным пролетам в Главный читальный зал, прошел мимо дюжин длинных столов в дальний угол. Поставил портфель на исцарапанную поверхность стола, подтянул к себе ближайшую клавиатуру и замер, задумавшись.

Минуло почти полгода с тех пор, как он занялся случаем Констанс Грин. Поначалу все было как обычно: очередное назначенное судом собеседование с преступницей, страдающей душевным расстройством. Но нетривиальность обнаружилась очень скоро. Случай оказался уникальным, а Констанс — поразительным, необычным человеком. Фелдер был озадачен, сконфужен, заинтригован — и чрезвычайно возбужден открывшейся исследовательской перспективой.

Возбужден. Да, пожалуй, это слово уместно. И дело не только в

удивительной красоте Констанс, но и в ее необычности, отчужденности от мира. В Констанс Грин виделось нечто несводимое к ее очевидному безумию. И это «нечто» подталкивало Фелдера, заставляло искать понимание. Сам не зная почему, Фелдер ощущал глубинное, мощное желание помочь ей, излечить ее. И желание это лишь обострялось отсутствием у Констанс интереса в какой-либо помощи.

Вот такую странную горючую смесь чувств и побуждений разворошил только что доктор Эрнест Пул. И доктор Фелдер испытывал к нему неоднозначные чувства. Фелдер считал случай Констанс своим полем исследований. И мысль о том, что другой психиатр уже приложил к нему руку, раздражала и злила, причем на удивление сильно. Вместе с тем опыт Пула, наверняка подходившего к общению с Констанс иначе, чем Фелдер, мог оказаться решающим в разгадке. Пул пришел к настолько иным суждениям о ее заболевании, что это озадачивало — но и внушало надежду. Взгляды и подходы Пула могли помочь в составлении всесторонней картины того, что, по ощущению Фелдера, станет главным результатом его врачебной и исследовательской карьеры.

Фелдер коснулся пальцами клавиатуры — и снова замер. Констанс искренне считала, что родилась в 1870-х годах в Нью-Йорке, на Уотер-стрит. Забавно: сила ее убежденности плюс фотографически точное, необъяснимое пока знание старого Нью-Йорка почти заставило и доктора поверить в это. Подумать только, он едва ли не стал считать всерьез, что ей сто сорок лет. Но здравые мысли Пула об избирательной амнезии и диссоциативной фуге вернули его к реальности. И все же он считал себя обязанным разыскать решающее, убедительное доказательство.

Он быстро ввел нужные команды и вошел в базу данных по газетам. Следует поискать газеты начиная с девятнадцатого столетия и более поздние, до времени, когда Констанс родилась в действительности, а также, на всякий случай, современные — и открыть источник ее познаний.

Фелдер передвинул курсор к графе «Параметры поиска» и заглянул в свои заметки. «Когда умерли родители и сестра, я осталась бездомной сиротой. Нынешний дом мистера Пендергаста на Риверсайд-драйв тогда принадлежал человеку по имени Ленг. В конце концов он опустел. Я жила там». Значит, искать нужно по трем

ключевым словам: Грин, Уотер-стрит и Ленг. Но по опыту прежних поисков доктор знал: лучше ключевые слова оставить как можно более неопределенными, поскольку сканы газет изобилуют опечатками. Поэтому он составил команду поиска, используя логический оператор «И» и не записывая название улицы целиком:

```
SELECT WHERE (match) = = 'Грин*' && 'Уот* ст*' && 'Ленг*'
```

Поиск немедленно выдал единственный результат: статья трехлетней давности, и не где-нибудь, а в «Нью-Йорк таймс». Надо же...

Пара нажатий на клавиши — и статья появилась на экране. Фелдер вчитался, и у него перехватило дыхание.

Недавно обнаруженное письмо проливает свет на убийства XIX века

Уильям Смитбек-младший

НЬЮ-ЙОРК, 8 октября. В архивах Американского музея естественной истории обнаружено письмо, способное пролить свет на загадку ужасающего захоронения, найденного в начале прошлой недели в Нижнем Манхэттене.

Рабочие, ведущие строительство высотного жилого дома на углу Кэтрин-стрит и Генри-стрит, откопали подземный тоннель, в котором оказались останки тридцати шести юношей и девушек. Останки были замурованы в двенадцати нишах угольного тоннеля, сооруженного, видимо, в середине девятнадцатого века. Предварительный судебно-медицинский анализ показал, что жертвы были препарированы, а затем расчленены. По заключению доктора Норы Келли, археолога Американского музея естественной истории, убийства произошли в период между 1872 и 1881 годами. В то время на углу стояло трехэтажное здание, в котором размещался частный музей «Кабинет природных диковин и редкостей Шоттама». Музей сгорел в 1881 году, а Шоттам погиб при пожаре.

В ходе дальнейших исследований доктор Келли обнаружила письмо, написанное незадолго до смерти самим Шоттамом. В письме он рассказывает о том, как узнал о характере медицинских опытов, проводившихся его жильцом Енохом Ленгом, таксидермистом и химиком. Шоттам утверждает, что Ленг проводил эксперименты на людях с целью продления собственной жизни. <...>

Останки были направлены в Бюро судебно-медицинской экспертизы и стали недоступны для независимого обследования. Подземный тоннель уничтожен в ходе строительных работ фирмой «Моген – Фэрхейвен». <...>

Из захоронения удалось спасти лишь один предмет одежды – платье. Платье было доставлено в музей, и доктор Келли, внимательно его исследовав, обнаружила под подкладкой листок бумаги. На листке имеется короткая записка, сделанная молодой женщиной, которая, по всей видимости, считала, что жить ей осталось совсем немного. «(Ме)ня завут (sic) Мэри Грин, возраст (sic) 19 № 16 Уоттер(sic) – стрит», – написала девушка кровью, скорее всего собственной.

К делу проявило интерес Федеральное бюро расследований, о чем свидетельствует появление специального агента ФБР Пендергаста. Агент Пендергаст постоянно работает в Новом Орлеане, но представители ФБР Нового Орлеана, как и их коллеги из Нью-Йорка, воздержались от комментариев по поводу его деятельности.

Дом 16 по Уотер-стрит. Мэри Грин неправильно записала название улицы, и потому Фелдер не смог отыскать статью раньше.

Доктор перечитал статью раз, другой, третий. Затем очень медленно откинулся на спинку кресла, стиснув подлокотники с такой силой, что заболели пальцы.

Глава 46

Девятью этажами и в точности ста шестьюдесятью футами ниже места, где сидел в библиотеке доктор Фелдер, специальный агент Алоизий Пендергаст внимательно слушал престарелого библиофила, известного как Рен. Все звали его только так. Если у Рена и было имя, никто посторонний, включая Пендергаста, его не знал. Жизнь его тоже была загадочной. Где он жил, откуда явился, зачем проводил каждую ночь и большинство дней на самых нижних подвальных этажах библиотеки — оставалось тайной. Годы без солнца обесцветили его кожу, сделали похожей на пергамент. От Рена слегка пахло переплетным клеем и пылью. Седые волосы торчали во все стороны, словно нимб, глаза были пронзительной птичьей черноты. Но, несмотря на странности, Рен обладал парой весьма ценных Пендергастом качеств: уникальной способностью к архивным исследованиям и глубочайшими познаниями необъятных фондов Нью-Йоркской публичной библиотеки.

И вот, усевшись на огромную стопку бумаг подобно отощавшему Будде, Рен заговорил быстро и оживленно, акцентируя речь внезапными резкими жестами:

— Я выяснил ее родословную. Изучил со всем тщанием, я ведь образчик *hypocrite lecteur*.^[10] И непросто, да, непросто: семья очень постаралась, скрывая свою родословную. Слава богу, есть «Хайлигенштадтский компендиум».

— «Хайлигенштадтский компендиум»?

— Ну да. Объемистая коллекция родословных со всего мира. Подарена библиотеке чрезвычайно эксцентричным исследователем генеалогии из немецкого города Хайлигенштадт. Библиотека не слишком хотела принимать коллекцию, но исследователь пожертвовал миллионы на «обустройство» своего творения, и «Хайлигенштадтский компендиум» приняли в фонд. Само собой, опус немедленно запихнули в самый дальний темный угол. Но вы же знаете, как я отношусь к дальним темным углам.

Он хихикнул и похлопал ладонью по четырехфутовой высоты стопке распечаток.

— Компендиум особенно подробно описывает семейства

немецкие, австрийские и эстонские. И это оказалось весьма кстати.

— Очень интересно, — заметил Пендергаст, не скрывая нетерпения. — Быть может, вы все же прольете свет на ваши удивительные открытия?

— Конечно, но... — Рен замялся. — Боюсь, вам они не понравятся.

Пендергаст чуть сощурился — едва заметная гримаска разрастающейся злости.

— Моя реакция, право же, не важна. Прошу, расскажите.

— Конечно, обязательно! — Явно наслаждаясь ситуацией, Рен потер ладони. — Я ведь живу ради раскрытия тайн!

Он по-хозяйски, бережно погладил стопку распечаток.

— Матерью Вольфганга Фауста была прапрабабушка Хелен. Такая вот родословная. Мать Хелен, Лени, вышла замуж за Андраша Эстерхази, который, кстати, тоже был врачом. Родители Хелен в настоящее время мертвы. — Рен помедлил. — Кстати, вы знаете, что Эстерхази — древняя и благородная венгерская фамилия? Во времена правления Габсбургов...

— Нельзя ли про Габсбургов в другой раз?

— Хорошо, разумеется. — Оставив Габсбургов, Рен принялся загибать пальцы: — Бабушка Хелен — Матильда Шмид, в девичестве фон Фукс. Вольфганг Фауст — сын сестры Матильды. Общий родственник — прапрабабушка Хелен, Клара фон Фукс. Обратите внимание на женскую линию!

— Продолжайте! — нетерпеливо потребовал Пендергаст.

— Иными словами, — человек горестно развел руками, — военный преступник доктор Вольфганг Фауст, врач концлагеря Дахау, удравший в Южную Америку, был двоюродным дедом вашей жены.

Пендергаст никак не отреагировал на это.

— Я тут нарисовал небольшое родословное древо...

Пендергаст взял протянутый клочок бумаги, покрытый закорючками, и, не взглянув на него, сложил и сунул в карман пиджака.

— Знаете, Алоизий... — Рен замялся, смутившись.

— Что такое?

— Единственный раз я захотел, чтобы мне ничего не удалось отыскать...

Глава 47

Корал-Крик, штат Миссисипи

Нед Беттертон заехал на парковку агентства по прокату автомобилей и чуть ли не выпрыгнул из машины. Он энергично зашагал к зданию, улыбаясь во весь рот. Последние пару дней открытия и находки сыпались как из рога изобилия. И одним из этих открытий оказалось то, что, оказывается, Нед Беттертон — чертовски хороший репортер. Годы унылых отчетов о благотворительных аукционах, обедах в Ротари-клубе, родительских собраниях, похоронах и парадах на День поминовения научили делу гораздо лучше, чем каких-нибудь два года в Высшей школе журналистики Колумбийского университета. Правда, старикашка Крэнстон принимается истошно вопить всякий раз, когда Нед отправляется работать над будущей сенсацией... но теперь от занозы в боку временно избавились. Нед взял отпуск. Тут уж Крэнстон ничего не поделает. Древнему ублюдку следовало уже давным-давно нанять второго репортера. Теперь сам пусть отдувается: и о похоронах пишет, и о благотворительности.

Беттертон взялся за ручку стеклянной двери, резко потянул на себя. Настало время проверить еще кое-что, а заодно и свою удачу.

Внутри, сидя за одним из конторских столов офиса, Хью Фурье заканчивал дела с поздним клиентом. В первый год учебы в Университете штата Миссисипи в Джексоне Нед жил в одной комнате с Хью. А теперь Хью управлял единственным на семьдесят миль от Мэлфорша прокатом автомобилей. Еще одно приятное совпадение, убеждающее, что полоса везения продолжается.

Беттертон выждал, пока Хью вручит клиенту ключи и документы, и подошел к столу.

— Приветик, Нед! — сказал Хью, узнав старого приятеля, и его улыбка сделалась куда теплее и искренней стандартной благодушной гримаски, уготованной для клиентов. — Как дела?

— Да потихоньку, — ответил Беттертон, тряся протянутую руку.

— Хочешь поделиться сногшибательной сенсацией?

Душераздирающие новости с чемпионата по правописанию в местной средней школе?

Фурье хихикнул, довольный своей остротой. Беттертон натужно рассмеялся:

— А как дела в опасном бизнесе проката?

— Дел по уши. И даже больше. Кэрол сегодня заболела, и я тут бегаю, как одноногий калека на чемпионате по пинкам в задницу.

Беттертон опять принужденно рассмеялся, припомнив, что Хью считал себя первостатейным остряком. Обилию клиентов у Хью он не удивился: в международном аэропорту Галфорд-Билокси проводился крупный ремонт, немало линий перенаправили в местный аэропорт.

— Встречал кого-нибудь из старой университетской компашки? — спросил Фурье, складывая и выравнивая стопку бумаг.

Беттертон ответил, и завязалась обыкновенная болтовня старых приятелей о прежних временах. Спустя несколько минут Нед решил, что настала пора перейти к делу.

— Хью, старина, — сказал он заговорщицки, наклонившись над столом, — не сделаешь ли небольшое одолжение?

— Не вопрос! Сделаю! Отличная недельная такса на крошку с откидным верхом! — Фурье снова хихикнул.

— Мне бы узнать, не брал ли у тебя авто напрокат один тип...

— Один тип? — Улыбка Хью поблекла. — Зачем тебе это знать?

— Я же репортер.

— Так это для статьи? Боже правый, с каких это пор ты переключился на крутые новости, а?

Беттертон беспечно пожал плечами:

— Я всего лишь разнюхиваю немного для сюжета.

— Нед, знаешь, я ведь не имею права выдавать информацию о клиентах.

— Да мне нужно всего ничего. — Беттертон наклонился чуть сильнее. — Послушай, я тебе опишу этого парня, скажу, какую машину он взял. Мне нужно только его имя и откуда он прилетел.

— Ну не знаю... — нахмурился Хью.

— Клянусь, твой прокат никаким боком в моем сюжете не всплывет, я нигде и никому про тебя не скажу!

— Старина, это ж не пустяк... В нашем деле конфиденциальность — чуть ли не главное...

— Парень — иностранец. Говорит с европейским акцентом. Длинный, тощий. Под глазом бородавка. Носит дорожный плащ. Взял он темно-синий «форд-фьюжн», скорее всего, двадцать восьмого октября.

Хью вздрогнул, и Нед отметил: попадание в десятку!

— Ты его вспомнил, правда?

— Нед, ну...

— Хью, ладно тебе.

— Не могу я!

— Сам видишь, сколько я уже знаю про этого типа. И нужно мне совсем немного. Чуть-чуть. Ну пожалуйста!

Фурье помялся, вздохнул:

— Вроде помню я его, да. В точности как ты описал. Акцент сильный, немецкий.

— И как раз двадцать восьмого?

— Кажется. Пару недель назад.

— А можешь проверить? — спросил Беттертон, надеясь, что Хью полезет в компьютер проверять, а там можно и на экран ненароком глянуть...

Но Фурье наживку не заглотал.

— Не могу, — отрезал он.

Эх, не везет...

— А имя?

Фурье замялся снова:

— Э-э, хм... да, Фальконер. Кажется, Конрад Фальконер. Нет, Клаус.

— И откуда прилетел?

— Из Майами. «Дикси эрлайнз».

— А откуда ты знаешь? Видел его билет?

— Мы просим клиентов указывать их рейс, чтобы сохранять зарезервированную машину в случае опоздания.

На лице Хью обозначилось раздражение, и Нед понял: больше ничего не выжмешь.

— Ладно, Хью, спасибо. С меня причитается!

— Это точно.

В офис зашел очередной клиент, и Фурье с очевидным облегчением поспешил к нему навстречу.

Сидя в своем «ниссане» на парковке проката, Беттертон включил ноутбук, проверил, хороша ли связь с Интернетом, а затем быстренько пошарил по сайту «Дикси эрлайнз». Так, у нее всего два рейса в местный аэропорт. Один — из Нью-Йорка, второй — из Майами. Прибывают с интервалом в один час.

«Плащик крутой, вроде тех, что шпионы в фильмах носят», — так сказал Билли Б.

Ага, еще одна небольшая проверка. 28 октября в Майами было солнечно и жарко. А в Нью-Йорке — дождливо и холодно.

Наверняка этот тип и убил супругов Броди. И солгал насчет рейса. Неудивительно. Конечно, может быть, он и насчет авиакомпании солгал, а имя придумал. Но это уж слишком параноидально.

Нед задумчиво выключил ноутбук, закрыл его. Фальконер прибыл из Нью-Йорка, Пендергаст живет в Нью-Йорке. Связаны ли они друг с другом? Пендергаст был в Мэлфорше по официальному делу, это как пить дать. Вряд ли это дело предусматривало взрыв бара и проделывание дыр в лодках. А еще и капитан из полиции Нью-Йорка. За тамошними копами тянулась дурная слава: и продажные они, и в торговлю наркотиками замешаны. Вот и складывается глобальная картинка: река Миссисипи, сожженная лаборатория среди болот, связи с Нью-Йорком, жестокое, похожее на казнь убийство Броди, продажные полицейские...

Да тут пахнет крупной аферой наркодельцов!

Вот что: надо лететь в Нью-Йорк. Нед достал из кармана сотовый, набрал номер.

— «Эзервилльская пчела», — пропищало в трубке пронзительно. — Говорит Жанин.

— Жанин, это я, Нед.

— О, Нед! Как твои каникулы?

— Спасибо, неплохо. Расширил кругозор.

— Вернешься завтра на работу? Мистеру Крэнстону нужно, чтобы ты написал репортаж про конкурс поедания ребрышек в...

— Извини, Жанин, мне нужно продлить каникулы на пару дней.

— И когда же ты вернешься?

— Не знаю. Может, через три дня. Или через четыре. Я тебе сообщу. Вообще, по закону, мне еще неделя полагается.

— Да, но я не уверена, что мистеру Крэнстону это понравится... — сказала Жанин смущенно.

— До встречи! — попрощался Нед и отключился прежде, чем она успела ответить.

Глава 48

Нью-Йорк

Доктор Джадсон Эстерхази, играющий роль доктора Эрнеста Пула, вышагивал рядом с Фелдером по коридору больницы «Маунт-Мёрси» вслед за доктором Остромом, директором больницы. Директор был вежлив, тактичен и в высшей степени профессионален — наилучшие качества для человека его положения.

— Полагаю, вам покажутся чрезвычайно интересными результаты сегодняшней консультации, — поведал Эстерхази Оstromу. — Как я уже объяснял доктору Фелдеру, весьма высоки шансы на то, что пациентка продемонстрирует избирательную амнезию по отношению ко мне.

— С нетерпением этого ожидаю, — ответил Остром.

— Надеюсь, вы ничего не говорили ей обо мне, не сообщали о нашем визите?

— Ей ничего не говорили.

— Отлично! По-моему, разумно сократить время визита до минимума. Ведь как бы она себя ни проявила, эмоциональный стресс, пусть и не осознаваемый пациенткой, будет весьма велик.

— Разумная предосторожность, — согласился Фелдер.

Они завернули за угол, подождали, пока служащий откроет металлическую дверь.

— Несомненно, ей будет неловко в моем присутствии, — заметил Эстерхази. — Дискомфорт вызовут ее подавленные воспоминания о моих с ней консультациях.

Остром кивнул.

— И еще: в завершение консультации я был бы благодарен за возможность пару минут поговорить с ней наедине.

Остром обернулся с озадаченным видом.

— Мне хочется узнать, — пояснил «доктор Пул», — изменится

ли ее поведение, когда я останусь с нею один на один. Продолжит ли она делать вид, что не узнает меня.

— Не вижу к тому никаких препятствий, — согласился Остром.

Он остановился перед дверью, различающейся от соседних лишь номером, и легонько постучал.

— Можете войти, — раздалось из-за двери.

Остром открыл, затем предложил гостям войти в маленькую комнатку без окон. Из мебели здесь были только кровать, стол, книжный шкаф и пластиковое кресло. Молодая женщина сидела в кресле и читала книгу. Она подняла голову и посмотрела на вошедших.

Эстерхази глядел на нее с любопытством. Давно гадал, как выглядит подопечная Пендергаста, и был сторицей вознагражден за ожидание. Констанс Грин была привлекательна. Нет, по-настоящему красива. Стройная, гибкая, маленькая, с короткими темно-каштановыми волосами, с идеально гладкой, как фарфор, кожей, с фиалковыми глазами, умными, внимательными и поражающими странной глубиной.

Констанс обвела гостей взглядом. На Эстерхази задержалась, но выражение ее лица осталось прежним.

Он не боялся, что Констанс узнает шурина своего опекуна. Пендергаст был не из тех, кто держит в доме семейные портреты.

— Доктор Остром, доктор Фелдер, очень рада видеть вас снова, — сказала она, откладывая книгу и вставая.

Эстерхази взглянул на обложку: она читала Сартра, «Бытие и ничто».

Поразительно: движения, манера речи, самое ее существо казались отголоском давнего времени учтивости, изысканных манер, благородства. Казалось, она сейчас пригласит нанесших визит джентльменов на чай из розовых лепестков и сэндвичи с огурцом.^[11] Констанс вовсе не походила на безумную мать-детоубийцу из закрытой психиатрической лечебницы.

— Констанс, пожалуйста, садитесь, — попросил Остром. — Мы всего на несколько минут. Доктор Пул посетил ненадолго Нью-Йорк, и мы подумали, что вы, возможно, захотите его увидеть.

— Доктор Пул, — задумчиво повторила Констанс, садясь.

Она посмотрела на Эстерхази, и в ее странных глазах зажегся огонек любопытства.

— Да, верно, — подтвердил Фелдер.

— Помните ли вы меня? — спросил Эстерхази, выражая голосом благожелательную заботу.

— К сожалению, я не имела удовольствия быть знакомой с вами, сэр, — ответила Констанс, слегка нахмурившись.

— В самом деле, Констанс? — Эстерхази добавил в голос легчайшие нотки разочарования и жалости.

Она покачала головой.

Краем глаза Эстерхази приметил, что Остром и Фелдер многозначительно переглянулись. Отлично! Все идет по плану.

Констанс посмотрела на него с любопытством, затем обратилась к Фелдеру:

— Отчего же вы сочли, что я могу пожелать встречи с этим джентльменом?

Остром слегка покраснел, кивнул Эстерхази.

— Видите ли, Констанс, несколько лет назад я уже консультировал вас по просьбе вашего, э-э, опекуна, — сообщил тот.

— Вы лжете! — отрезала Констанс, поднимаясь. Она снова обратилась к доктору Остроуму, и на ее лице теперь отчетливо отразились тревога и замешательство. — Доктор Остром, я никогда прежде не видела этого человека! И я бы очень хотела, чтобы вы увели его из моей комнаты.

— Констанс, мне очень жаль за причиненное неудобство, — сказал доктор и вопросительно взглянул на Эстерхази.

Тот слегка кивнул: время уходить.

— Констанс, мы уходим, — сказал Фелдер. — Доктор Пул попросил нас позволить ему говорить с вами наедине, всего минут-другую. Мы будем ожидать за дверью.

— Но... — произнесла Констанс и умолкла.

Она посмотрела на Эстерхази, и он был ошеломлен откровенной

враждебностью в ее взгляде.

— Доктор, прошу вас, поскорее, — попросил Остром, открывая дверь, и покинул комнату вместе с Фелдером.

Дверь закрылась.

Эстерхази отступил на шаг, опустил руки и принял вид как можно более мирный и дружелюбный. В этой женщине ощущалось нечто, заставляющее рассудок тревожно сигналить: опасность! Следовало быть чрезвычайно осмотрительным.

— Мисс Грин, вы правы, — сказал он тихо. — Вы никогда в жизни меня не встречали. Я никогда вас не консультировал. Я солгал.

Лицо Констанс выразило крайнюю подозрительность.

— Мое имя — Джадсон Эстерхази. Я — шурин Алоизия Пендергаста.

— Я вам не верю, — ответила Констанс. — Он никогда не упоминал ваше имя.

Голос ее звучал тихо и бесстрастно.

— Это так на него похоже, не правда ли? Послушайте, Констанс: Хелен Эстерхази — моя сестра. Ее смерть в лапах льва была самым жутким, что случилось с Алоизием, — кроме, разве что, смерти его родителей во время пожара в Нью-Орлеане. Вы наверняка хорошо его знаете. Он не из тех, кто распространяется о прошлом, в особенности столь болезненном. Но он попросил меня о помощи, поскольку я — один из немногих, кому он может доверять.

Констанс не ответила, пытливо глядя на визитера.

— Если сомневаетесь, вот мой паспорт. — Он извлек документ, раскрыл, показал ей. — Эстерхази — имя редкое. Я знал тетю Корнелию, отравительницу, жившую в этой самой комнате. Я был на фамильной плантации Пенумбра. Летал в Шотландию поохотиться вместе с Алоизием. Какие еще доказательства вам нужны?

— Почему вы здесь?

— Алоизий послал меня, чтобы помочь вам покинуть это место.

— Это нелепо. Он сам устроил так, чтобы я сюда попала. Он знает, что я вполне довольна здесь.

— Вы не понимаете. Он послал меня не для того, чтобы помочь вам, — он хочет, чтобы вы помогли ему!

— Чтобы я помогла ему?

— Понимаете, он наткнулся на ужасающее открытие. Похоже, его жена — моя сестра — умерла не случайно.

Констанс нахмурилась.

Эстерхази понимал: единственный шанс на ее доверие в том, чтобы держаться как можно ближе к правде.

— В день той охоты ружье Хелен оказалось заряжено холостыми патронами. Пендергаст решил выяснить, кто в этом виновен. Но события вышли из-под контроля. Ему нужна помощь тех, кому он доверяет более всего. А значит, моя и ваша помощь.

— А лейтенант д'Агоста?

— Лейтенант помогал — и получил в награду пулю в сердце. Его спасли, но ранение очень тяжелое.

Констанс вздрогнула.

— Я же сказал вам: события вышли из-под контроля. Пендергаст не успевает и не может в одиночку справиться со всем. Он в страшной опасности. Поэтому мне пришлось прибегнуть к единственно возможному способу, позволяющему связаться с вами. Я представился врачом, прежде консультировавшим вас, занимавшимся вашей... болезнью. Это всего лишь необходимая хитрость.

Констанс глядела на него в упор. Враждебность ушла из ее взгляда, остались нерешительность, смятение.

— Я найду способ вызволить вас отсюда. А пока, прошу вас, отрицайте, что знаете меня. Или можете изобразить, что постепенно вспоминаете, узнаете. Выберите такой образ действия, какой вам удобнее. Но прошу, подыгрывайте мне. Помогите вытянуть вас отсюда. Время на исходе. Пендергасту нужны ваш быстрый разум, чутье, умение искать и находить. Каждый час теперь на счету. Вы и представить не можете — а у меня нет времени объяснять, — какие силы действуют против Алоизия.

Констанс не ответила, оцепеневшая от сомнений, растерянности, тревоги. Самое время оставить ее наедине с мыслями и тревогами. Пусть все взвесит сама.

Эстерхази постучал легонько в дверь:

— Доктор Остром? Доктор Фелдер? Мы уже можем идти.

Глава 49

Миртл-Бич, штат Южная Калифорния

Восемнадцатая лунка на поле для гольфа Пальметто-Спрей была одним из худших кошмаров для игроков на всем Восточном побережье. Пятьсот шестьдесят ярдов, пар-пять,^[12] да еще хитро искривленного, плюс полдюжины песчаных ловушек вплотную к фэйрвею.^[13]

Меир Вайс подкатил на инвалидной коляске к ти,^[14] снял одеяло со своих искалеченных ног, подхватил костыли, висевшие рядом с сумкой для клюшек, выпрямился и закрепил себя в стоячем положении, застопорив коленные шарниры на ножных фиксаторах.

— Вы не против, если я посоветую вам кое-что еще?

Алоизий Пендергаст опустил взятую взаймы сумку для клюшек наземь.

— Пожалуйста, я с удовольствием выслушаю.

— Лунка длинная, но ветер нам в спину. В таких случаях я обычно пробую хорошо размеренный фейд.^[15] При небольшом везении мяч ляжет на середину фэйрвея и даст возможность достичь грина^[16] на втором ударе.

— Увы, я весьма скептически отношусь к понятию «везение».

Старик почесал загорелый лоб и рассмеялся:

— Лично я всегда предпочитаю сыграть раунд перед любым делом. Это столько говорит о возможном партнере. Кстати, на последних лунках я заметил: вы стали лучше играть. только следите за своим свингом, делайте, как я показал.

Взяв драйвер,^[17] старик заковылял к ти. Опершись как следует на костыли, занес клюшку и махнул, описав идеальную дугу. Сухо щелкнув, мяч взмыл, в полете чуть уклонился вправо и скрылся за растущими у фэйрвея деревьями.

Наблюдавший за полетом Пендергаст сказал Вайсу:

— В этом ударе я не заметил никакого везения.

Вайс хлопнул по костылям:

— У меня было много лет, чтобы натренироваться с этими штуками.

Пендергаст подошел к ти, прицелился и занес драйвер. Ключка ударила по мячу слишком плоско, и задуманное как фейд вышло чем-то вроде слайса.^[18]

Старик покачал головой и сочувственно зацокал языком, почти не скрывая удовольствия:

— Ох, вам придется повозиться с этим мячом.

Пендергаст задумался на секунду и спросил:

— Полагаю, вы едва ли позволите мне маллиган?^[19]

Ответ он знал заранее, но любопытно было увидеть реакцию Вайса.

— Мистер Пендергаст, вы меня удивляете. Мне показалось, вы не из тех, кто довольствуется маллиганом.

Пендергаст едва заметно улыбнулся.

Старик отомкнул шарниры и взгромоздился на инвалидное кресло. Мускулистые руки взялись за колеса, и кресло стремительно покатило по гравийной дорожке. Так характерно для Меира Вайса, сурового старого охотника за беглыми наци. Багги для гольфа — ненужная роскошь, лучше своими силами кататься по полю. Восемнадцать лунок, и не самых коротких, но старик не выказывал признаков усталости.

Они увидели мячи за поворотом фейрвея. Мяч Вайса лег идеально для удара к грину. Мяч Пендергаста оказался в песчаной ловушке.

Вайс покачал головой:

— Что ж, надо выбивать.

Пендергаст прошелся вокруг ловушки, затем опустился на колени возле мяча, прикидывая траекторию полета и ожидая рекомендации Вайса.

— На вашем месте я бы взял лоб-ведж,^[20] — посоветовал тот,

немного поразмыслив. — С нею проще, чем с питчинг-ведж.^[21]

Агент перебрал клюшки, торчащие из сумки, выбрал лоб-ведж, осторожно прицелился, взмахнул пару раз для пробы и, вздыбив целый фонтан песка, ударил по мячу. Тот перекатился на два фута к краю ямы.

— Эх-эх, вы не волнуйтесь так. Попробуйте представить удар клюшки по мячу перед тем, как на самом деле ударите.

Пендергаст снова прицелился — и на этот раз удар получился. Мяч взлетел высоко — кажется, вот-вот улетит за фейрвей, — но из-за вращения приземлился точно у грина, почти не прокатившись.

— Мазел тов!^[22] — вскричал Вайс, с восхищением глядя на соперника.

— Боюсь, это чистое везение, — скромно признался агент.

— Да, но вы же сказали, что не верите ни в какое везение! Впрочем, последовали моему совету, и вот он, прекрасный результат!

Выбрав седьмой айрон,^[23] Вайс ударил, и мяч лег в десяти футах от лунки. Пендергаст, чей мяч оказался в двадцати футах, первых два пата^[24] промахивался, но затем закатил на богги.^[25] Вайс же закатил на игл.^[26]

Пендергаст отметил результат в учетной карточке и протянул ее Вайсу:

— Шестьдесят девять ударов. Мои поздравления!

— Это же мое родное поле. Уверен, если вы последуете моим советам, ваша игра быстро улучшится. У вас сложение прирожденного гольфиста. А теперь давайте побеседуем.

Завершив игровые формальности, они направились к дому Вайса, находившемуся прямо у пятнадцатой лунки. Уселись на веранде, и Хайди, жена старика, принесла кувшин мятного джулепа.

— Давайте перейдем к делу, — объявил Вайс, пришедший в замечательное настроение.

Он разлил джулеп по бокалам, поднял свой:

— Вы пришли ко мне по поводу Вольфганга Фауста.

Пендергаст кивнул.

— Мистер Пендергаст, вы пришли к самому лучшему специалисту по этому типу. Дело всей моей жизни — выследить треклятого «Доктора из Дахау». Остановило меня только это!

Он указал на укрытые одеялом ноги. Поставил бокал на стол. Потянулся к лежащей на нем толстой папке.

— Здесь результаты трудов целой жизни, мистер Пендергаст, — сказал он, похлопывая по папке. — Все тут, переплетено воедино. И я знаю все написанное там наизусть.

Он отпил из бокала.

— Итак, приступим. Вольфганг Фауст родился в Равенсбрюке, Германия, в тысяча девятьсот восьмом году. Учился в Мюнхенском университете, где повстречал Йозефа Менгеле, старше его на три года, и стал его протеже. Вольфганг Фауст работал ассистентом Менгеле в Институте наследственной биологии и расовой гигиены. В тысяча девятьсот сороковом году он защитил диссертацию, а также вступил в ряды «Ваффен-СС». Позднее по рекомендации Менгеле был устроен на работу под его началом в медицинском блоке Освенцима. Вы ведь знаете, какой именно «работой» занимался Менгеле?

— Имею представление.

— Грубейше проведенные, жестокие, бесчеловечные операции, часто совершаемые без анестезии.

Добродушие и замечательное настроение улетучились разом, лицо Вайса стало каменно-суровым.

— Ненужные ампутации. Чудовищно болезненные, уродующие медицинские «эксперименты», проводимые на маленьких детях. Шоковая терапия. Стерилизация. Операции на мозге, чтобы изменить восприятие времени. Впрыскивание ядов, заражение болезнями. Замораживание до смерти. Менгеле маниакально привлекала любая необычность, отклонение от нормы: гетерохромия, карликовость, идентичные близнецы, полидактилия. Любимая мишень — цыгане. Он заразил сотню цыган проказой в попытке создать биологическое оружие. Закончив бесчеловечный эксперимент, Менгеле убивал мучающуюся жертву — часто посредством укола хлороформа в сердце, чтобы сделать аутопсию и описать развившуюся патологию. Для него люди были лабораторными крысами.

Вайс вылил в рот полбокала джулепа.

— Фауст так проявил себя в Освенциме, что был откомандирован в Дахау, чтобы создать лабораторию для экспериментов над людьми. Об этих экспериментах известно немного. Фауст гораздо успешнее, чем Менгеле, скрывал следы своих преступлений. Он уничтожил записи, умертвил свидетелей. Но похоже, жесткостью и зверством он не уступил Менгеле. Возможно, и превзошел его. О его «работе» я говорить не буду. Если вам захочется узнать, до каких низостей может пасть человеческая душа, читайте сами. Все в этой папке. Лучше перейдем к случившемуся после войны. После сдачи Берлина и капитуляции Фауст ушел в подполье, благо желающих помочь беглому эсэсовскому врачу хватало. Он прятался на чердаке — по иронии судьбы, как несчастная Анна Франк. У этих желающих помочь оказались то ли неплохие связи, то ли большие деньги. А возможно, и то и другое.

— Почему вы так думаете?

— Они сумели изготовить либо достать фальшивые документы очень высокого качества: паспорта, свидетельства о браке и тому подобное. Вольфгангу Фаусту дали фальшивый паспорт на имя Вольфганга Лансера. Ближе к концу сороковых — в точности неизвестно, когда именно, — его вывезли из страны и переправили в Южную Америку. Сначала в Уругвай. Мне потребовалось десять лет, чтобы вызнать, куда делся Вольфганг Фауст после войны. Он селился в далеких захолустных городках, зарабатывал лечением крестьян, но долго на одном месте не засиживался. Вернее, ему не позволяли засиживаться. Цены он заламывал непомерные и временами не удерживался от искушения попробовать свои фирменные, так сказать, средства, отчего пациенты нередко умирали.

— Закоренелый экспериментатор, — пробормотал Пендергаст.

— В тысяча девятьсот пятьдесят восьмом я выследил его в Уругвае. Но Фауст как-то пронюхал, что я взял след, и сменил паспорт. Стал Вилли Линденом, сделал пластическую операцию и перебрался в Бразилию. Там примерно в тысяча девятьсот шестидесятом году его след оборвался. Как в воду канул. Мне не известно ничего, подчеркиваю, абсолютно ничего о том, где он жил и чем занимался. И лишь четверть века спустя, в тысяча девятьсот восемьдесят пятом, скорее по счастливой случайности, чем как результат расследования, я натолкнулся на его могилу. Останки

опознали по рентгенограмме челюсти, а позднее и по анализам ДНК.

— Когда он умер?

— Насколько я смог установить, в конце семидесятых. Тысяча девятьсот семьдесят восьмой или девятый.

— И вы ничего не знаете о том, чем он занимался двадцать лет?

— Я пытался. — Вайс пожал плечами. — Видит бог, я пытался изо всех сил.

Он одним глотком прикончил напиток. Руки старика заметно дрожали.

Несколько минут оба молчали. Затем Вайс пристально взглянул на агента.

— Мистер Пендергаст, скажите мне: отчего вы интересуетесь Вольфгангом Фаустом?

— У меня есть основания полагать, что он, возможно, связан с гибелью одного из членов моей семьи.

— Да, само собой... Так он «связан» с тысячами семей... Впрочем, после того как я обнаружил могилу, его дело, по сути, закрыли. Другим охотникам за нацистами было неинтересно заполнять лакуны в биографии Фауста. Преступник мертв, к чему лишние хлопоты? Но по-моему, найти мертвое тело или передать еще живого нациста правосудию недостаточно. Мы должны выяснить все возможное об этих монстрах. Понять и узнать — наша задача и долг. А в деле Фауста столько вопросов, оставшихся без ответа... Почему его похоронили в простом сосновом гробу? Отчего никто в окрестностях не имел понятия, кто это? Ни один человек в радиусе двадцати пяти миль от могилы и слыхом не слыхивал о человеке по имени Вилли Линден. А после несчастного случая со мной продолжить дело некому. Мне говорят: брось это, Меир, злодей давно умер. Могилу его ты нашел — что еще надо?.. Я не жалею, но правда в том, что никому это оказалось не нужно.

Вайс со звоном поставил пустой стакан на стол, резко подтолкнул папку к Пендергасту.

— Хотите узнать больше о том, чем занимался Вольфганг Фауст в последние двадцать лет своей жизни? Выясните это. Продолжите мою работу!

Он схватил агента за запястье. Этот калека, прикованный к инвалидному креслу, добродушный и общительный, яростью и упорством мог поспорить со львом.

Пендергаст шевельнул рукой, стараясь высвободиться, но Вайс не отпускал.

— Продолжите мою работу! — повторил он. — Выясните, где был этот демон, чем занимался. Тогда мы наконец поставим точку в деле «Доктора из Дахау». — Он посмотрел прямо в глаза гостю. — Вы сделаете это?

— Сделаю, что смогу, — ответил Пендергаст.

Вайс ослабил хватку и, чуть помедлив, выпустил запястье Пендергаста.

— Но будьте осторожны! Даже сейчас у демонов, подобных Фаусту, хватает приверженцев и последователей. Они хранят жуткие секреты нацистов, иногда даже из-за могильной черты.

Он с силой ударил по ручке кресла.

— Я буду осторожен, — пообещал Пендергаст.

Приступ гнева миновал, и лицо Вайса опять стало добродушным и спокойным.

— Значит, нам осталось только выпить еще по одной — если вы не против, конечно.

— Очень даже не против. Пожалуйста, скажите жене, что она готовит великолепный джулеп.

— О, из уст джентльмена с самого настоящего Юга это трижды комплимент!

Старик взялся за кувшин и снова наполнил бокалы.

Глава 50

Нью-Йорк

Кабинет доктора Острома в «Маунт-Мёрси» некогда был приемной работавшего при больнице «специалиста по душевным болезням». Эстерхази подумал, что подобного рода преемственности стоило ожидать. Кабинет еще носил следы тех времен, когда «Маунт-Мёрси» была больницей для весьма обеспеченных людей: большой мраморный камин в стиле рококо, причудливая лепнина, хрусталь в окнах, теперь забранных стальными решетками. Того и гляди, войдет дворецкий в белом галстуке, с бокалом шерри на серебряном подносе.

— Итак, доктор Пул, — произнес Фелдер, подавшись вперед и упершись ладонями в колени, — что вы думаете о сегодняшней консультации?

Умный, простодушный, нетерпеливый энтузиаст. Эстерхази смотрел на него с откровенным удовольствием. Мысли Фелдера настолько захватила странная болезнь Констанс и ее удивительная личность, что доктор начисто утратил профессиональную объективность и необходимое исследователю сдержанное благоразумие. Эстерхази же интересовался Констанс всего лишь как пешкой в его игре. Это давало ему огромное преимущество перед простофилями, зачарованными ее ненормальностью.

— Полагаю, доктор, вы обращались с нею в высшей степени тактично и осторожно. Адресоваться к ее ложным представлениям не прямо, а только в контексте общей картины, стоящей за ними, — несомненно, выигрышная стратегия. Должен признаться: когда я решил обратиться к вам, у меня было весьма пессимистичное мнение о перспективах лечения. Думаю, вы не хуже меня, а возможно, и лучше знаете о долгосрочном прогнозе развития параноидальной шизофрении. Результаты моей прежней работы с нею были, как я уже говорил, менее чем удовлетворительными. Но теперь должен с удовольствием констатировать: неудавшееся мне, очевидно, удастся вам, и в такой степени, какая мне не представлялась возможной.

Фелдер кивнул, слегка покраснев.

— Вы заметили, что ее избирательная амнезия слегка ослабла?

— Да, я заметил, — согласился Фелдер и смущенно кашлянул.

— Не сомневаюсь, что пребывание в «Маунт-Мёрси» сыграло немалую роль в улучшении состояния Констанс, — сказал Эстерхази с легкой улыбкой. — Доброжелательная, интеллектуально стимулирующая атмосфера — это очень важно. По-моему, благодаря «Маунт-Мёрси» можно смело утверждать, что терапия даст положительный результат.

Сидящий в кресле по соседству Остром кивнул, принимая комплимент. В отличие от Фелдера он, хотя и явно заинтересованный в случае Констанс, голову от энтузиазма не потерял. В общении с ним требовалась большая осторожность. Однако лесть — оружие универсальное и эффективное.

Эстерхази скользнул взглядом по переданным Остромом документам, пытаясь определить полезное для себя.

— Я вижу, Констанс в особенности приятны два рода занятий: посещение библиотеки и отдых на свежем воздухе.

— У нее пристрастие к прогулкам на свежем воздухе, свойственное скорее веку девятнадцатому, чем нынешнему времени, — подтвердил доктор Остром.

— Это благоприятный знак, и, полагаю, нужно двигаться в этом направлении, — заявил Эстерхази, откладывая папку. — Вы не думали о том, чтобы организовать ей дневную экскурсию за пределы «Маунт-Мёрси»? Возможно, прогулку в Ботаническом саду?

Остром пристально взглянул на Эстерхази.

— Признаюсь, не думал. Выход за пределы больницы, как правило, требует судебного разрешения.

— Я понимаю. Как правило. Но мне кажется, если администрация больницы решит, что Констанс не представляет угрозы для себя и окружающих и, более того, по медицинским показаниям нуждается в выходе за пределы больницы, решение суда не требуется.

— Мы редко прибегаем к подобному. Слишком велика ответственность.

— Но подумайте о больной. О благе больной.

И тут, как и надеялся Эстерхази, вмешался доктор Фелдер:

— Я целиком и полностью согласен с доктором Пулом! Констанс ни в малейшей степени не проявила наклонностей к суициду либо к агрессии. И риска ее побега нет, скорее наоборот. Экскурсия не только усилит ее интерес к активности на свежем воздухе, но и продемонстрирует наше доверие. Надеюсь, вы не станете возражать против того, что подобное выражение доверия полезно для терапии и подтолкнет пациентку к большей открытости?

Остром задумался.

— Полагаю, доктор Фелдер прав, — подхватил Эстерхази. — И по-моему, разумнее всего выбрать в качестве места экскурсии зоопарк в Центральном парке.

— Хотя постановления суда не требуется, пациентка признана виновной в уголовном преступлении. Я считаю, что необходимо получить одобрение.

— Не думаю, что это серьезное препятствие, — возразил Фелдер. — Поскольку я состою в правлении Департамента общественного здоровья, я могу получить санкцию без особого труда.

— Великолепно! — воскликнул Эстерхази. — Сколько потребуется времени?

— День или два.

Остром раздумывал с минуту, затем решил:

— Вы оба будете ее сопровождать. Экскурсия ограничится временем до полудня.

— Весьма разумно, — согласился Эстерхази. — Доктор Фелдер, вы позвоните мне на мобильный, когда уладите формальности?

— Конечно же!

— Спасибо, джентльмены. А теперь прошу меня извинить: дела!

Пожав обоим докторам руки, Эстерхази улыбнулся и отправился восвояси.

Глава 51

Человек, называвший себя Клаусом Фальконером, отдыхал на верхней палубе яхты «Фергельтунг». День опять выдался приятный и теплый, в гавани на Семьдесят девятой улице было спокойно, тихо и сонно под нежарким солнцем поздней осени. На столике рядом с Фальконером лежала пачка «Голуаз», стояли коньячный бокал на высокой ножке и неоткупоренная бутылка «Коньяк Рой де Франс Фин Шампань».

Вытащив сигарету из пачки, Фальконер прикурил от золотой зажигалки «Данхилл», глубоко затянулся, затем нежно посмотрел на бутылку. С безмерной осторожностью снял старый, еще девятнадцатого века, воск с горлышка, смял в шарик и бросил в оловянную пепельницу. В лучах послеполуденного солнца коньяк, необычно темный, отсвечивал густым насыщенным багрянцем и казался выточенным из красного дерева. В чреве «Фергельтунга», в заботливо обустроенном винном погребе лежала еще дюжина таких бутылок — крошечная часть награбленного предшественниками Фальконера во время оккупации Франции.

Фальконер выдохнул струю дыма, с удовольствием посмотрел вокруг. Еще одна крохотная часть награбленного шестьдесят с лишним лет назад — золота, драгоценностей, денег со счетов, предметов искусства, древностей — пошла в уплату за «Фергельтунг». Это была весьма специфическая трехпалубная моторная яхта: длиной сто тридцать футов, шириной двадцать шесть, а в ней — шесть роскошных кают. В баках — пятьдесят четыре тысячи галлонов дизельного топлива. При полной заправке два дизеля «Катерпиллар» мощностью в тысяча восемьсот лошадиных сил каждый позволяли пересечь любой океан, кроме Тихого. Такая автономность, способность перемещаться вне зоны действия радаров и вне зоны действия закона, была жизненно важна и для работы, которой занимался Фальконер, и для организации, членом которой он состоял.

Затянувшись еще раз, он раздавил недокуренную сигарету в пепельнице — не терпелось попробовать коньяк. Очень осторожно налил немного в бокал в форме тюльпана. Возраст и уникальный аромат коньяка требовали бокала, концентрирующего запах, а не

обычного, пузатого и приземистого.

Фальконер аккуратно поворачивал бокал, затем медленно, растягивая удовольствие, поднес к губам и сделал крошечный глоток. Во рту расцвел пышный, невероятно сложный, на удивление крепкий для такого старого коньяка букет вкусов. Да, это легендарный урожай «года кометы». Фальконер закрыл глаза, отпил еще.

Кто-то подошел, осторожно ступая по тиковому настилу палубы, и вежливо кашлянул за спиной. Фальконер глянул искоса: в тени мостика стоял матрос Ругер с телефонной трубкой в руке.

— Сэр, вам звонят.

Фальконер поставил бокал на столик:

— Если это не герр Фишер, меня лучше не беспокоить.

Да, с герром Фишером лучше не медлить. Воистину страшный человек.

— Сэр, это джентльмен из Саванны, — ответил Ругер, держа трубку в безопасном отдалении.

— Verflücht!^[27] — вполголоса выругался Фальконер, принимая трубку. — Да? — холодно произнес он.

Раздражение от необходимости прервать ритуал, отвлечься от дегустации придало его голосу нехарактерную жесткость. Этот никчемный тип на удивление быстро превращался из досадной мелочи в крупную проблему.

— Вы приказали мне решить дело с Пендергастом раз и навсегда, — слышалось из трубки. — Так вот, я все для этого приготовил.

— Мне неинтересно, что вы собираетесь делать. Я хочу знать, что вы сделали.

— Но вы обещали помощь. «Фергелтунг».

— И?

— Я планирую привезти на борт гостью.

— Кого??

— Невольную гостью. Особу, близкую к Пендергасту.

— Как я понимаю, в качестве наживки?

— Да. Пендергаст явится на яхту, и с ним будет покончено раз и навсегда.

— Звучит рискованно.

— Я проработал все до малейших деталей.

Фальконер протяжно выдохнул:

— Я готов обсудить с вами детали. Но не по телефону.

— Отлично. Мне понадобятся пластиковые наручники, кляп, веревка, изоляционная лента и прочее.

— Это хранится в безопасном месте. Мне потребуется время, чтобы переместить нужное вам на борт. Приходите вечером, обсудим.

Фальконер оборвал связь, передал трубку ожидающему матросу и проводил его взглядом. Затем взял бокал, и вскоре его лицо приняло прежнее выражение умиротворенного довольства.

Глава 52

Нед Беттертон ехал по Франклин-Рузвельт-драйв на взятом напрокат «шевроле-аэро». Настроение у репортера было хуже некуда. Через час следовало вернуть автомобиль в прокат у аэропорта, а вечером улететь домой в Миссисипи.

Все, маленькое репортерское приключение завершилось.

Сейчас трудно поверить в то, что несколько дней назад везение шло сплошной полосой. Он так здорово раскусил «парня-иностранца в плаще»! Используя метод социальной инженерии, известный как «претекстинг», позвонил в «Дикси эрлайнз», выдал себя за копа и выведал адрес Фальконера, прилетевшего в Миссисипи двумя неделями раньше: Нью-Йорк, Ист-Энд-авеню, 702.

Легко, да. Но тут-то он и уперся в стену. Во-первых, дома 702 по Ист-Энд-авеню не существовало в природе. Улица была всего в десяток кварталов длиной, шла прямо у берега Ист-Ривер, номера домов кончались задолго до 702-го.

Затем Нед выследил специального агента Пендергаста. Проводил до особняка под названием «Дакота». Но домище оказался натуральной крепостью, пролезть невозможно. В будке у входа всегда торчал портье, внутри постоянно околачивались привратники и лифтеры, на попытки разговорить отвечали вежливо, но твердо, делая бесполезными все уловки и увертки. Не удалось ни проникнуть в здание, ни получить какие-либо полезные сведения.

Беттертон попытался вызнать что-нибудь про капитана нью-йоркской полиции. Но женщин-капитанов оказалось несколько, и кого бы и как он ни спрашивал, но так и не смог вывести, кто сотрудничал с Пендергастом и летал в Нью-Орлеан. Наверняка это было неофициально, не по служебному заданию.

А главной проблемой был сам чертов огромный дурацкий Нью-Йорк. Никого не разговорить, все как параноики: «частная жизнь», «личная информация» и прочее. Это не Дальний Юг...

Оказалось совершенно непонятно, как здесь говорить с людьми, какие шестеренки вертеть, как втираться в доверие, задавать вопросы. Даже акцент стал проблемой — люди сразустораживались.

После неудачи с Пендергастом Беттертон вернулся к поискам Фальконера и почти преуспел. Исследуя возможность того, что объект использовал фальшивый номер на настоящей улице — ведь Ист-Энд-авеню не самый лучший выбор для фальшивого адреса, — Беттертон прошел ее от начала до конца, стуча в двери, останавливая прохожих на улице, спрашивая, знает ли кто живущего неподалеку высокого блондина с уродливой бородавкой на лице, говорящего с немецким акцентом. Большинство — типичные ведь ньюйоркцы — либо отказывались разговаривать, либо советовали убраться подальше. Но некоторые из людей постарше оказались вежливее и разговорчивей. От них Беттертон узнал: этот район, известный теперь как Йорквилль, раньше был центром немецкой эмиграции. Старики с тоской вспоминали рестораны «Ди Лорелай» и «Кафе Моцарт», чудесные пирожные в «Кляйне кондиторай», яркие красивые танцзалы, где каждую ночь танцевали польку. Теперь все исчезло, сменилось безликими закуточными, супермаркетами и бутиками.

Несколько человек подтвердили, что да, видели такого типа. Дружелюбный старичок даже сказал где: у заброшенного, разваливающегося здания на Ист-Энд-авеню между Девяносто первой и Девяносто второй улицами, у северной оконечности парка Карла Шютца.

Беттертон начал «пасти» здание и вскоре выяснил, что тут невозможно слоняться без дела и притом оставаться незамеченным и не вызывать подозрений. Пришлось взять напрокат машину и наблюдать из нее. Он провел три изнурительных дня, наблюдая. Часы с невыносимой медлительностью сменяли друг друга, а в дом никто не входил и никто из него не выходил. Деньги были потрачены, время отпуска заканчивалось. Хуже того, Крэнстон названивал каждый день, интересуясь, где черти носят подчиненного. Намекал, что незаменимых нет.

Так и подошло к концу время, отведенное для розысков в Нью-Йорке. Билет на самолет сдать нельзя, сменить рейс стоит четыреста долларов. А денег таких уже нет.

И потому в пять часов вечера Беттертон ехал по Франклин-Рузвельт-драйв к аэропорту, собираясь сесть на самолет и улететь домой. Но когда увидел знак, указывающий на выезд с Ист-Энд-авеню, в нем вдруг всколыхнулась надежда, странная, неразумная — и необоримая. Захотелось на минутку свернуть, глянуть напоследок

еще раз. И смириться с разочарованием.

Места припарковаться не было, и Беттертон начал делать круги по кварталу. Безумство. Точно ведь на рейс опоздаешь! Но, проезжая в четвертый раз, он увидел, что перед руинами остановилось такси. Заинтригованный, он подъехал, дерзко припарковался прямо перед ожидающей машиной, вытащил карту и, притворившись, что разглядывает ее, стал наблюдать за видимым в зеркале заднего вида входом в полуразрушенное здание.

Прошло пять минут, дверь открылась. На улицу вышел человек с парой увесистых сумок в руках. У Беттертона перехватило дыхание. Высокий худой блондин. Даже издали заметна бородавка под правым глазом.

— Да провалиться мне, — прошептал Нед.

Блондин швырнул сумки в такси, забрался внутрь и захлопнул дверь. Машина немедленно тронулась, проехала мимо «шевроле». Беттертон глубоко вдохнул, отер ладони о рубашку, отложил карту. Затем, вдохновенно и цепко взявшись за руль, покатыл за такси, которое свернуло на Девяносто первую улицу и направилось на запад.

Глава 53

Доктор Фелдер ощущал себя третьим лишним. Доктор Пул и Констанс жизнерадостно гуляли под руку по зоопарку Центрального парка. Уже зашли к котикам, поглядели на полярных медведей, Констанс попросила показать японских снежных макак. Она казалась гораздо оживленнее, раскрепощеннее, чем когда-либо. Конечно, обычная сдержанность осталась. Странно было бы полагать, что особа настолько флегматичная может запрыгать от радости. Но всегдашняя настороженность определенно понизилась на градус-другой. Правда, Фелдеру не доставляло особого удовольствия, что его пациентка раскрепостилась с посторонним доктором.

Вышагивая рядом, Фелдер думал, что она уж слишком подобрела к Пулу. Это раздражало.

Еще на подходе к вольеру они слышали вопли и визг животных, играющих друг с дружкой, носящихся сломя голову по площадке, огороженной скалами и каналом.

Фелдер украдкой глянул на Констанс. Ветер трепал ее темные волосы, на обычно бледных щеках разгорелся румянец. Она улыбалась, наблюдая за проказами самого шаловливого детеныша. Тот, визжа от восторга, спрыгнул с камней, шлепнулся в воду, выбрался, вскарабкался наверх и тут же спрыгнул опять. Точь-в-точь как человеческий малыш.

— Поразительно: им вовсе не холодно! — воскликнула Констанс.

— Потому их и называют «снежными обезьянами», — ответил Пул, смеясь. — На их родине бывает холодновато.

Понаблюдали за ними немного, и доктор Фелдер демонстративно посмотрел на часы. Оставалось еще полчаса, но доктору хотелось как можно скорее вернуть Констанс в «Маунт-Мёрси». В зоопарке трудно обеспечить надлежащий контроль, случиться может всякое, а доктор Пул слишком уж приблизился к границе допустимого в отношениях с пациенткой. Возможно, уже и ступил за грань — с остротами, заливистым смехом, с гулянием взявшись за руки.

Констанс сказала что-то Пулу вполголоса. Тот повернулся к Фелдеру и сообщил:

— Прошу прощения, но нам следует вымыть руки. Кажется, это близко, в здании тропических видов.

— Хорошо, — согласился Фелдер.

Они прошли по дорожке до нужного здания. Внутренность его была имитацией влажного тропического леса, где животные и птицы находились в естественной среде обитания. Туалеты были в конце длинного коридора. Фелдер ожидал у его начала, Пул же проводил Констанс до двери и остался караулить снаружи.

Прошло несколько минут. Фелдер снова посмотрел на часы: одиннадцать сорок. Прогулка запланирована до полудня. Он заглянул в коридор: Пул стоял у двери, скрестив руки и задумавшись.

Прошло еще несколько минут, и Фелдер забеспокоился. Подошел к Пулу, шепотом спросил:

— Может, нам стоит проверить?

— Кажется, да...

Пул наклонился к двери и спросил:

— Констанс? С вами все в порядке?

Ответа не последовало. Во взгляде Пула появилась тревога.

— Лучше нам зайти и проверить!

подавив внезапно нахлынувший страх, Фелдер кивнул. Пул зашел в туалет, громко объявляя о себе, чтобы предупредить возможных посетительниц. Дверь за ним захлопнулась. Фелдер услышал, как он зовет, открывает двери кабинок.

Через минуту он появился в дверях с пепельно-серым лицом:

— Она исчезла! Окно распахнуто, и ее нет!

— О боже! — выдохнул Фелдер.

— Она не могла уйти далеко! — зачастил Пул. — Скорее, нужно ее найти! Наружу! Вы — налево, я — направо! И ради бога, смотрите в оба!

Фелдер помчался, выскочил наружу, едва не вышибив дверь, обежал здание, вертя головой, высматривая беглянку.

Напрасно.

Добежал до задней стены, куда выходили окна туалетов. Вот то окно, в самом деле распахнутое. Но... оно ведь забрано решеткой...

Решеткой?!?

Фелдер беспомощно завертел головой, высматривая Пула, который должен был прибежать с другой стороны. Но не прибежал. Чертыхаясь, Фелдер понесся вокруг здания и через шестьдесят секунд оказался у двери.

Но Пула не встретил.

Фелдер заставил себя успокоиться, рассуждать логично. Разве могла Констанс вылезти через окно, забранное решеткой? И где, черт побери, Пул? Погнался за нею? Наверное...

Зоопарк обнесен стеной. Выхода два: первый — на Шестьдесят четвертую улицу и Пятую авеню, второй — у южного края зоопарка. Фелдер кинулся к южному выходу, повернул турникет, выходя, посмотрел на Центральный парк: потерявшие листву деревья, длинные аллеи, людей немного. Хотя время обеда, парк на удивление пустынен.

Приметного силуэта Констанс нигде не видно. Доктора Пула — тоже.

Ясно, что она не покидала зоопарк. А может, выбежала через другой выход? Фелдер внезапно осознал весь ужас ситуации. Констанс — признанная безумной убийца. Разрешение на вывод ее за пределы больницы получил он, Фелдер, используя личные связи. Если Констанс убежит, с карьерой будет покончено раз и навсегда.

Звонить в полицию? Нет... Сразу представился заголовок в «Таймс».

Голова идет кругом. Так, спокойно! Нужно сосредоточиться. Пул наверняка отыскал Констанс. Потому и не подошел. Сейчас нужно связаться с ним, только и всего.

Фелдер двинулся назад, зашел в зоопарк, вернулся к зданию тропических видов. Тщательно проверил и внутренность здания, и окрестности. Напомнил себе: Пул наверняка отыскал ее, ситуация под контролем. Доктор Пул изловил беглянку и удерживает где-то неподалеку. Вероятно, ему нужна помощь.

Лихорадочно порывшись в карманах, Фелдер вытащил мобильный телефон, набрал номер, но услышал лишь сообщение о недоступности абонента.

Он вернулся в здание и ворвался в женский туалет. Окно по-прежнему было открыто. Но решетка на нем очевидна, не ошибешься. Фелдер замер, и наконец к нему пришло понимание случившегося.

Он сам слышал, как Пул звал Констанс, как открывал и закрывал двери кабинок. Но зачем же делать это, если на окне решетка и нет возможности убежать?

Фелдер осмотрел небольшое помещение туалета — прятаться негде...

И тут с кошмарной, ужасающей ясностью он осознал: объяснение возможно лишь одно.

Доктор Пул — соучастник побега.

Глава 54

Кори Свенсон валялась на кровати в своей спальне, слушая через наушники «Nine Inch Nails», и вдруг сквозь рок-грохот прорвался телефонный звонок. Она нехотя встала, вытащила из ушей наушники, раскопала лежащую в два слоя на полу одежду и вытащила телефон.

Хм, незнакомый номер.

— Да?

— Алло? Это Коринна Свенсон?

— Коринна?

У говорившего был акцент Дальнего Юга. Выговор не такой изящный и мелодичный, как у Пендергаста, но и не настолько уж непохожий. Потому Кори оживилась и встревожилась.

— Да, это Коринна.

— Меня зовут Нед Беттертон.

Она молчала, выжидая.

— Я репортер.

— Какого издания?

Собеседник помялся немного:

— «Эзервилльской пчелы».

Кори рассмеялась. Надо же!

— Ладно, я оценила шутку. Кто вы на самом деле? Друг Пендергаста?

На этот раз собеседник, похоже, был серьезно сконфужен.

— Э-э, я не шучу. Я и в самом деле звоню из-за Пендергаста.

Кори ничего не сказала.

— Извините, пожалуйста, что связываюсь с вами вот так, но, насколько я понимаю, именно вы поддерживаете интернет-страничку о специальном агенте Пендергасте.

— Верно, — подтвердила Кори настороженно.

— Так я и нашел ваше имя. Только вчера узнал, что вы в городе. Я работаю над сюжетом о двойном убийстве в Миссисипи. Мне хотелось бы поговорить с вами.

— Ладно, говорите.

— Не по телефону. С глазу на глаз.

Кори задумалась. Чутье говорило: пошли его подальше. Но ведь любопытно, при чем здесь Пендергаст.

— Где встретимся?

— Я не слишком хорошо знаю Нью-Йорк. Как насчет ресторана «Карнеги Дели»?

— Мне бастурма не идет.

— Я слышал, у них отличные пироги с сыром. Может, через час? На мне будет красный шарф.

— Ладно.

В ресторане оказалось с десяток типов, обмотанных красными шарфами, и когда Кори все-таки отыскала Беттертона, настроение уже скатилось ниже точки замерзания.

Он встал, здороваясь, и выдвинул для нее кресло.

— Спасибо, я и сама могу сесть, я не обморочная южная красотка, — съязвила Кори, выдергивая кресло из его рук и усаживаясь.

Она критически оглядела собеседника: парень мелкий, но выглядит крепким, ни капли жира, лицо симпатичное, разве что оспины портят. Блейзер на нем скверный, безвкусный, шевелюра темно-рыжая, жесткая, нос, похоже, когда-то был сломан. Любопытный парень.

Беттертон заказал кусок сырного пирога, Кори же ограничилась сэндвичем с беконом и помидорами. Когда официантка ушла с заказом, Кори сложила руки на груди и уставилась на Беттертона:

— Ну, и в чем дело?

— Около двух недель назад супруги Карлтон и Джун Броди были жестоко убиты. Произошло это в городе Мэлфорш, штат

Миссисипи. Супругов ужасно пытали перед смертью.

Голос его заглушили лязг посуды и крики официанток.

— Продолжайте, — подбодрила Кори.

— Преступление не раскрыто. Но я обнаружил пару ниточек и выуживаю информацию по мере сил. Ничего определенного, конечно, но заставляет задуматься.

— При чем здесь Пендергаст?

— Сейчас расскажу. Начну по порядку. Десять лет назад супруги Броди вдруг исчезли. Жена инсценировала самоубийство, затем пропал и муж. А несколько месяцев назад оба вдруг появились как ни в чем не бывало, снова поселились в Мэлфорше и зажили обычной жизнью. Жена сказала, что инсценировала самоубийство из-за неудач на работе и в семейной жизни. Мол, оба уехали и заправляли пансионом в Мексике. Но и то и другое оказалось враньем.

Кори даже подалась вперед, слушая. Ведь как интересно оказалось, а?

— Незадолго до возвращения супругов в Мэлфорш там побывал Пендергаст вместе с женщиной, капитаном нью-йоркской полиции.

Кори кивнула — не иначе, Пендергаст явился с Хейворд.

— Никто мне так и не сказал, чем они занимались и почему. Кажется, Пендергаста заинтересовало место в глубине близлежащих болот — Испанский остров.

Затем Беттертон рассказал обо всем узnanном, о своих подозрениях насчет крупномасштабного производства наркотиков и контрабанды.

Кори снова кивнула. Хм, наверное, над этим Пендергаст и работал в такой секретности.

— Чуть меньше двух недель назад в Мэлфорше объявился тип с немецким акцентом. Супругов Броди жестоко убили. Я проследил этого типа до Нью-Йорка. Он пользовался фальшивым адресом, но я сумел вызнать, где этот тип бывает: в старом заброшенном доме. Номер четыреста двадцать восемь по Ист-Энд-авеню. Я кое-что вынюхал: здание стоит в сердце старого немецкого квартала Йорквилль, им владеет с тысяча девятьсот сорокового года компания по торговле недвижимостью. А у этого типа есть огромная яхта,

пришвартованная там же в гавани. Я проследил за ним от дома до яхты.

Кори опять кивнула, думая, когда же он попросит сведения в обмен на сообщенные ей.

— И что?

— И потому я считаю, что Пендергаст, о котором вы столько всего знаете, — ключ ко всей этой истории.

— Несомненно, он это дело расследует, и оно немаленькое.

Повисла неловкая тишина. Затем Беттертон выговорил смущенно:

— Мне кажется, это не так.

— Вы о чем?

— Когда агент ФБР расследует дело, он не взрывает бары и магазины, не топит кучу лодок и не выжигает дотла нарколабораторию на острове среди болот. Вряд ли такое допускается ФБР.

— Отчего же нет? Пендергаст часто расследует... по собственному почину.

— Но это не расследование! Это месть, сведение счетов! Этот Пендергаст — это все его рук дело.

— Что именно? — спросила Кори холодно.

— Убийство Броди. Контрабанда наркотиков, если там действительно наркотики. Но уж точно там делается что-то большое и незаконное, сомнений нет.

— Ну-ка, постойте-ка. Вы только что назвали Пендергаста наркобароном и убийцей, я не ослышалась?

— Скажем так: я очень подозреваю, что он сильно замешан в таких делах. А там, по-моему, все пахнет наркотиками, и ничем другим. Этот агент ФБР уже по уши...

Кори встала. Грохнул отшвырнутый стул.

— Парень, ты свихнулся? — спросила она громко.

— Пожалуйста, сядьте!

— Я рядом с тобой не сяду! Подумать только, Пендергаст — торговец наркотиками!

В ее голосе было столько изумления и отвращения, что люди в ресторане начали поворачиваться, интересуясь, в чем дело. Но Кори было наплевать.

Беттертон, захваченный врасплох, съежился:

— Нельзя ли потише...

— Да Пендергаст — самый честный человек из всех, кого я знаю! Ты ему и в подметки не годишься!

Беттертон аж покраснел от смущения. Теперь уж точно на них смотрел весь ресторан. К столику заспешили официанты, и такое завершение встречи почти казалось наилучшим.

Долгая тревога и отчаяние, порожденные отсутствием Пендергаста, злость на обман — ведь столько времени она считала его мертвым! — сгустились и выплеснулись на беднягу Неда.

— И ты зовешь себя репортером? Ты расследуешь? Да ты свою задницу при свете дня обеими руками не отыщешь! Пендергаст мне жизнь спас! Чтоб ты знал, благодаря ему я в колледже учусь. И притом ничего между нами нет, потому что он — самый достойный человек из всех живущих. Понял, ты, засранец?

— Мисс, простите, что происходит, мисс?

Официант в панике махал руками, будто колдовал, желая, чтобы буйную Кори волшебным образом унесло прочь.

— Ты мне своей «мисс» не тыкай! Я уже ухожу.

Кори повернулась, окинула взглядом замершее в ужасе ресторанное сборище:

— Что, не нравится крепкое словцо? Катитесь в свои захолустья!

И гордо зашагала прочь из ресторана, вырвалась на Седьмую авеню и там, среди торопящихся на обед людей, наконец перевела дыхание.

Да, дела серьезные. Кажется, Пендергаст угодил в беду, а может, и завяз по уши. Но ведь он всегда умел выпутаться. Справиться со всем. Кори пообещала ему не вмешиваться — и твердо решила сдержать обещание.

Глава 55

Констанс сидела на заднем сиденье автомобиля, несущегося по Мэдисон-авеню. Она слегка удивилась тому, что доктор Пул разговаривал с водителем по-немецки, но ведь Пул не объяснил, когда и как намерен доставить ее к Пендергасту. Ее мучило нетерпение. Так хотелось поскорее оказаться в особняке на Риверсайд-драйв, снова увидеть Алоизия.

Джадсон Эстерхази, он же доктор Пул, сидел рядом — высокий, стройный, с тонко очерченным лицом аристократа, высвеченным полуденным солнцем. Как и планировалось, побег осуществился безукоризненно. Конечно, жаль доктора Фелдера — наверняка это погубит его карьеру. Но безопасность Алоизия превыше всего.

Констанс искоса посмотрела на Эстерхази. Пусть он и родственник Алоизия, но есть в нем что-то неприятное. Жесты, движения, высокомерная гримаса торжества. По правде говоря, Эстерхази не понравился ей с самого начала. Его манеры, речь, самое его существо будили инстинктивное подозрение.

Но это не важно. Главное, чтобы он доставил ее к Пендергасту, так нуждающемуся в ее помощи.

Машина притормозила. Сквозь затемненное окно Констанс заметила: сворачивают на восток по Девяносто второй улице.

— Куда мы едем? — спросила она.

— В место, где временно остановимся, чтобы подготовиться и отбыть, э-э, к вашему финальному пункту назначения.

Констанс эта фигура речи совсем не понравилась.

— К моему финальному пункту?

— Да. — Высокомерная улыбка на лице Эстерхази стала глумливой ухмылкой. — Туда, где все придет к возмездию.

— Простите?

— Да, мне нравится, как это звучит, — мечтательно произнес Эстерхази. — Все придет к возмездию. Так!

— А Пендергаст? — спросила она резко.

— Это уже неважно.

Его брезгливость, высокомерие и злоба, с какой он отреагировал на имя агента, заставили Констанс вздрогнуть от страха.

— О чем вы?

Эстерхази грубо расхохотался:

— Ты еще не поняла? Тебя не спасли, а похитили!

Он повернулся к ней, проворный и ловкий, и, прежде чем Констанс успела двинуться, она ощутила у рта его руку и резкую, сладковатую вонь хлороформа.

Сознание возвращалось медленно, словно выплывало из густого, липкого тумана. Констанс выждала, пока мысли придут в порядок. Она обнаружила, что привязана к стулу, а во рту у нее кляп. Ноги тоже привязаны за щиколотки. Констанс осмотрелась: небольшая комната, пахнет сыростью и плесенью, издали доносятся негромкие звуки. Из мебели, кроме стула, только пыльный стол, пустая книжная полка, кухонный шкаф, скелет кровати, лишенный матраса. За дверью слышались шаги. Наверняка Эстерхази. Снаружи доносился шум уличного движения.

Констанс захлестнуло чувство вины. Она позволила себя обмануть, и так нелепо, глупо, грубо. Непростительно! Сама помогла похитителю.

Осторожно, контролируя дыхание, она попыталась выяснить, как можно высвободиться. Поняла: руки не привязаны, но прикручены клейкой лентой. Пошевелила ими — не слишком туго. И непрочны. Связали ее кое-как, второпях. Эстерхази, впрочем, и сам сказал: «... временно остановимся, чтобы подготовиться и отбыть к вашему финальному пункту назначения».

К финальному пункту назначения...

Констанс принялась напрягать и расслаблять руки, растягивать и дергать ленту. Та постепенно ослабевала. Внизу, этажом ниже, ходил Эстерхази. В любое время он может подняться, чтобы забрать ее и увезти.

Она дернула изо всех сил — и лента подалась. Констанс высвободила руки, содрала повязку со рта, выплюнула кляп.

Освободила щиколотки. Встала и тихо подкралась к двери. Попробовала открыть. Увы, как и следовало ожидать, дверь была заперта. И очень прочна.

Констанс подошла к единственному в комнате окну, выходящему в заброшенный садик на заднем дворе. Окно было закрыто и забрано решеткой. Констанс выглянула наружу сквозь грязное стекло: типичный дворик Ист-Энда, общий сад для нескольких старых кирпичных домов, отделенных друг от друга высокими кирпичными стенами. Заросший сад, пустынный. Но в следующем, за изгородью, сидела рыжая женщина в желтом свитере и читала книгу.

Констанс замахала руками, затем тихонько постучала в окно. Женщина не обращала внимания, уставившись в книгу.

Констанс торопливо обыскала комнату, выдвинула ящики стола и шкафа. Обнаружила столярный карандаш. Обшарила полку и на самом верху обнаружила старую запыленную книгу. Выдрав ее форзац, девушка спешно нацарапала записку. Сложила ее и снаружи написала:

Пожалуйста, немедленно передайте эту записку доктору Фелдеру в больницу «Маунт-Мёрси», Малый Губернаторский остров. Пожалуйста!

ЭТО ВОПРОС ЖИЗНИ И СМЕРТИ!!

Подумав немного, добавила:

Фелдер даст вам денег.

Она подошла к окну. Женщина все еще читала. Констанс поскребла стекло, постучала — женщина ее не замечала. В конце концов, захлестнутая отчаянием, Констанс схватила книгу и ударила углом в стекло. То со звоном расселось, посыпались осколки. Женщина наконец оторвалась от книги и посмотрела в сторону шума.

И тут же с лестницы донесся топот Эстерхази.

Констанс сунула записку в книгу и швырнула ее в соседский сад и крикнула:

— Возьмите записку! Пожалуйста, поезжайте скорее!

Книга шлепнулась у ног женщины, и та удивленно посмотрела на нее.

Констанс еще успела заметить, как женщина, опираясь на трость, нагнулась и подняла книгу...

Эстерхази ворвался в комнату, изумился, выругался и бросился на жертву. Она протянула навстречу руки, скрючила пальцы, пытаясь выцарапать ему глаза. Эстерхази не успел отклониться, отбить выпад, и ногти оставили две глубокие борозды на щеке. Он охнул от боли, отшатнулся, но мгновенно оправился и схватил Констанс. Навалился на нее, швырнул на пол, налег. Несколько секунд они яростно боролись. Затем Эстерхази придавил ее руку к полу и прижал к носу и рту пропитанную хлороформом тряпку.

Сознание Констанс померкло, затем утонуло в кромешной тьме.

Глава 56

Камден, штат Мэн

Дом престарелых давно снесли, а на его месте выстроили унылый квартал жилых малоэтажных домов. Здания еще пустовали, у входов ветер трепал рекламные плакатики, обещающие снижение цены, льготы и бонусы.

Пендергаст зашел в небольшой офис торговцев недвижимостью у нового квартала, никого там не обнаружил и нажал кнопку звонка, обнаруженную на стойке. На звук явилась молодая женщина, выглядящая крайне истощенной. Она явно испугалась, обнаружив клиента. Но быстро оправилась и встретила гостя профессиональной улыбкой.

Пендергаст сбросил объемистое тяжелое пальто, провел ладонью по костюму, приведя его в обычное образцово гладкое состояние.

— Доброе утро! — приветствовал он женщину.

— Что вам угодно? — отозвалась та.

— Мне угодно найти недвижимость в этом районе.

Очевидно, идея продажи дома показалась женщине новой и пугающей. Она подняла удивленно брови, спросила:

— Вы интересуетесь нашим кондоминиумом?

— Да, — подтвердил Пендергаст, водружая громоздкое пальто на кресло и усаживаясь. — Я, знаете ли, с юга, но ищу климат попрохладнее, чтобы поселиться, выйдя досрочно на пенсию. Жара утомила.

— Ох, как там эту жару выносят? — изумилась женщина.

— Да, в самом деле. Скажите мне, пожалуйста, что здесь доступно для покупки?

Она открыла толстую папку, полистала, достала брошюры, разложила на столе и начала рекламную кампанию:

— У нас есть жилые комплексы с одной, двумя, тремя

спальнями, все с мраморными ванными, с оборудованием наилучшего качества: холодильники «Саб-зеро», посудомойки «Бош», плиты «Вольф»...

Женщина бубнила, Пендергаст подбадривал ее кивками и невнятным, но радостным бормотанием. Когда она договорила, он вознаградил ее душевной улыбкой:

— Чудесно! Всего двести тысяч за дом с двумя спальнями? А как насчет вида на море?

Снова завязался рекламно-торговый разговор, и снова Пендергаст терпеливо ждал, пока женщина выговорится. Затем откинулся на спинку кресла, сцепил руки.

— У меня такое чувство, что жить нужно именно здесь. В конце концов, моя мать жила здесь в свое время.

Женщина пришла в замешательство:

— Как мило... но, знаете ли, мы только что открылись...

— Я имел в виду дом престарелых, стоявший ранее на этом месте. «Бэй-Манор».

— О да, конечно, «Бэй-Манор».

— Вы помните его?

— Как не помнить? Я же выросла здесь. Его закрыли, когда мне было... в общем, семь-восемь лет назад.

— За моей мамой ухаживала очень добрая, опытная, хорошая нянечка. — Пендергаст изобразил растроганность. — Вы знаете кого-либо из работавших там людей?

— Простите, нет.

— Жаль. Такая чудесная нянечка... Я надеялся отыскать ее до отъезда. — Пендергаст глянул на женщину весьма настойчиво и пытливо. — Если бы я увидел ее имя, не сомневаюсь, узнал бы его. Вы можете мне в этом поспособствовать?

Женщина чуть не подпрыгнула от энтузиазма: хоть кому-то сможет помочь, сидя в офисе.

— Я попробую. Сделаю пару звонков.

— Как мило с вашей стороны! А я пока просмотрю брошюры.

Он принялся листать книжонки, кивая время от времени. Женщина же взялась за телефон.

Пендергаст заметил: первым делом она позвонила своей матери, потом старой учительнице, затем матери приятеля.

— Получилось! — торжествующе объявила успешная бизнес-леди, решительно кладя телефонную трубку. — Я нашла кое-что про «Бэй-Манор». Его снесли несколько лет назад, но мне назвали имена трех людей, работавших там.

Победно улыбаясь, она положила на стол перед агентом листок с именами.

— Кто-нибудь из них еще живет поблизости?

— Первая в списке, Мейбел Пейсон. Остальные двое уже умерли.

— Хм, Мейбел Пейсон... мне кажется, именно она и была так добра к моей матери! — Пендергаст ликующе посмотрел на женщину и спрятал листок в карман.

— А сейчас, если вы не против, я покажу вам наши современнейшие дома...

— С удовольствием! Я вскоре приеду вместе с женой, и мы с удовольствием осмотрим недвижимость. Благодарю, вы очень любезны!

Пендергаст собрал брошюры, сунул в карман, быстро надел объемистое пальто и вышел наружу, в лютый варварский холод.

Глава 57

Мейбел Пейсон жила в захудалом четырехквартирном домишке чуть поодаль от берега, среди бедных рабочих кварталов. Жили там почти сплошь ловцы омаров, на их газонах громоздились уставленные на козлы, подпертые, принайтованные и укрытые пластиковыми чехлами катера для ловли — некоторые больше трейлеров, в которых жили их хозяева.

Пендергаст прошел по дорожке, ступил на скрипучее крыльцо, позвонил в звонок и замер, ожидая.

Позвонил еще раз и наконец услышал за дверью шаги. Терпеливо выждал. За стеклянной панелью в двери показалось округлое морщинистое личико, окаймленное ореолом тонких, седых до синевы волос. На агента уставились большие, почти детские, безмятежно-голубые глаза.

— Миссис Пейсон?

— Кто?

— Миссис Пейсон? Могу я зайти?

— Я вас не слышу.

— Я — Пендергаст. Хочу поговорить с вами!

— О чем? — В старушечьем водянистом взгляде появилось подозрение.

— О «Бэй-Манор»! — крикнул Пендергаст. — Там побывала моя родственница. Миссис Пейсон, она хорошо отзывалась о вас!

Залязгали, забренчали многочисленные засовы, щеколды, задвижки и замки. Дверь открылась, и агент вслед за миниатюрной хозяйкой вошел в крошечную гостиную. Там царил беспорядок, пахло кошками. Миссис Пейсон сбросила кота со стула, сама уселась на софу.

— Пожалуйста, садитесь!

Пендергаст опустился на стул, густо обсыпанный белой кошачьей шерстью. Та, словно намагниченная, мгновенно пристала к черному костюму.

— Не хотите ли чая?

— Нет-нет, спасибо, — поспешно отказался Пендергаст, вынимая блокнот. — Я захотел выяснить и написать историю моей семьи. У вас я хочу узнать о моей родственнице, побывавшей в «Бэй-Манор» несколько лет назад.

— Как ее звали?

— Эмма Гролье.

Старушка не ответила.

— Вы ее помните?

Снова тишина. На кухне засвистел чайник, но старуха, казалось, не слышала.

— Позвольте мне, — предложил агент, вставая, чтобы отправиться за чайником. — Миссис Пейсон, какой чай?

— Что?

— Чай. Какой чай вы предпочитаете?

— «Эрл Грей». Черный.

Чай нашелся в коробочке на кухонном столе. Пендергаст выудил пакетик, бросил его в кружку, залил кипятком. Улыбаясь, принес в гостиную и поставил на стол рядом со старухой.

— Как любезно с вашей стороны, — заметила та, глядя куда добрее прежнего. — Хорошо б вы почаще заходили...

Пендергаст снова уселся в кошачью шерсть, закинул ногу за ногу.

— Да, Эмма Гролье... хорошо ее помню. — В водянистых глазах снова всплыло подозрение. — Очень сомневаюсь, чтобы она хорошо отзывалась обо мне или о ком бы то ни было вообще. Что вы хотите узнать?

— Я собираю информацию о родственниках по причинам личного характера и хотел бы разузнать о ней побольше. Какой вы ее запомнили?

— А, вот как. Вы уж простите, но трудная она была особа. Ершистая, вздорная. Капризная. Простите, но я прямо скажу: моей любимой пациенткой она уж точно не была. Всегда жаловалась,

плакала, швырялась едой. Дралась даже. У нее было тяжелое когнитивное нарушение.

— Говорите, дралась?

— Да. А ведь была сильная. Била людей, ломала в ярости мебель. Однажды укусила меня. Пару раз ее и в смирительную рубашку одевали.

— Ее посещали родственники?

— Никто и никогда. Хотя семья у нее точно была: содержание самое лучшее, особый доктор, оплаченные экскурсии, красивые платья, подарки ей присылали на Рождество. Так оно с ней было.

— Особый доктор?

— Да.

— Как его звали?

Старуха долго молчала.

— Боюсь, и не вспомню сейчас. Иностранное имя. Дважды в год являлся, важный такой, вышагивал, словно сам Зигмунд Фрейд. И такой придиричивый! По нему, ну все неправильно. Столько было хлопот, когда он приезжал. Мы все с таким облегчением вздохнули, когда Эмму забрал и увез другой доктор.

— Когда это случилось?

Снова долгая пауза.

— Не могу вспомнить, столько пациентов прибывало, убывало... Давно это было. Но день тот помню. Доктор явился без предупреждения, выписал ее и забрал. И вещей никаких ее не взял. Очень странно. Больше мы ее и не видели. Тогда у «Бэй-Манор» уже начались денежные проблемы. Спустя несколько лет из-за них он и закрылся.

— Как выглядел доктор?

— Почти не помню. Высокий, да. Симпатичный, хорошо одетый. Вот и все, что в памяти удержалось.

— Я могу поговорить еще с кем-нибудь, кто работал в приюте?

— Да я никого не знаю, кто бы здесь остался. Зимы тут, сами понимаете...

— А где сейчас архив?

— Архив «Бэй-Манор»? — Старая медсестра нахмурилась. — Обычно такое отсылают в архив штата, в Огасту.

— Вы сказали, у нее было когнитивное расстройство? Какого именно рода? — спросил Пендергаст, вставая.

— Умственная отсталость.

— Не возрастная деменция?

— Да что вы? Конечно нет! Эмма Гролье была совсем молодой, вряд ли старше двадцати семи или двадцати восьми лет. Постойте, вы же сказали, что она ваша родственница?

Пендергаст на мгновение растерялся. Несомненно, информация очень важная, но пока ее значение неясно.

Он постарался загладить конфуз непринужденной улыбкой и поклоном:

— Спасибо огромное за беседу!

И опять вышел в морозный воздух, раздраженный и недовольный собой. Надо же, агента ФБР уличила во лжи полуглухая восьмидесятилетняя старуха!

Впрочем, это неважно. Медицинские архивы в Огасте помогут восстановить недостающие детали.

Глава 58

Огаста, штат Мэн

Алоизий Пендергаст сидел в подвале здания, занимаемого архивом штата Мэн, окруженный папками с документами несуществующего ныне дома престарелых «Бэй-Манор». Агент хмурился, глядя на выбеленную стену из шлакоблоков, и с очевидным раздражением постукивал ухоженными ногтями по столу.

Тщательнейший поиск выдал одну-единственную карточку с именем Эммы Гролье. Надпись гласила, что полный комплект документов о пациентке Эмме Гролье был по надлежащему запросу передан в ведение доктора Джадсона Эстерхази, в его клинику в Саванне, штат Джорджия. Дата передачи: шесть месяцев со дня смерти Хелен в Африке. На карточке — настоящая подпись Эстерхази.

Что же он делал с этими бумагами? В сейфе его дома в Саванне их не оказалось. Скорее всего, он их попросту уничтожил. Если теория, уже почти сформировавшаяся в уме Пендергаста, верна, то уничтожил непременно. Возможно, счета за дом престарелых оказались досадным упущением, вовремя не уничтоженными свидетельствами.

Эмма Гролье... Возможно ли, что это...

Пендергаст медленно встал. Затем очень аккуратно и осторожно поставил стул на место.

Когда он поднялся из подвала и снова шагнул на крепкий предвечерний морозец, в кармане зазвонил телефон. Оказалось — д'Агоста.

— Констанс убежала, — сообщил он без обиняков.

Пендергаст застыл, словно оглушенный. Пару секунд молчал. Потом быстро открыл дверцу взятого напрокат автомобиля, уселся внутрь.

— Невозможно. У нее не было повода и смысла убегать.

— Тем не менее она убежала, — сказал лейтенант. — А теперь, фигурально выражаясь, приготовьте непромокаемый плащ, поскольку самое дерьмо вот-вот упадет на вентилятор...

— Когда это случилось? Как? — нетерпеливо перебил его Пендергаст.

— Странное дело: в обед. Она была на экскурсии.

— За пределами больницы?

— В зоопарке Центрального парка. Кажется, ей помог сбежать доктор.

— Доктор Остром? Доктор Фелдер? Невозможно!

— Не они. Некто по имени Пул. Эрнест Пул.

— Что за Пул? Какого черта? — осведомился Пендергаст, заводя мотор. — Святые угодники, да как же может сознавшаяся детоубийца оказаться за пределами «Маунт-Мёрси» на экскурсии?

— Вопрос на миллион долларов. Держу пари: пресса устроит сладкий разнос, если обнаружит это дело, — а она ведь обнаружит.

— Нужно предотвратить такой поворот событий любой ценой.

— Я стараюсь. Само собою, отдел убийств уже весь на коне.

— Отзовите их. Их вмешательство не слишком полезно. К тому же они путаются под ногами.

— Не получится. Расследование тут обязательно.

Секунд десять Пендергаст сидел молча, раздумывая. Наконец заговорил снова:

— Вы проверили доктора Пула?

— Еще нет.

— Если отделу убийств необходимо чем-то заняться, пусть займется этим. Они без труда выяснят, что доктор Пул — фальшивка.

— Вы знаете, кто он?

— Я предпочел бы пока не гадать понапрасну. С моей стороны было так глупо не предположить чего-нибудь в этом роде. Я полагал, что в «Маунт-Мёрси» Констанс в идеальной безопасности. Глупейший просчет, причем уже не первый.

— Может, она вовсе и не в опасности. Скажем, влюбилась в доктора, голову потеряла да и сбежала с ним... — Д'Агоста смущенно замолчал, не договорив.

— Винсент, я уже говорил вам: она не убежала. Ее похитили.

— Похитили?

— Да. Несомненно, это работа эрзац-доктора Пула. Пожалуйста, сохраните это в тайне от прессы и не дайте отделу убийств замутить воду.

— Сделаю, что смогу.

— Спасибо.

Пендергаст надавил на газ. Взбивая фонтаны снежной пыли, машина помчалась по обледенелой улице, направляясь в аэропорт.

Пендергаст спешил в Нью-Йорк.

Глава 59

Нью-Йорк

Нед Беттертон стоял у входа в гавань на Семьдесят девятой улице, глядя на сборище яхт, ботов, катеров и баркасов, слегка покачивающихся на зыби в спокойных водах Гудзона. Нед был одет в единственный привезенный с собою пиджак — синий блейзер, на шею повязал кричаще яркий платок, на голову нахлобучил белую шапку с козырьком. Еще не было шести часов, но солнце уже садилось за частокол домов Нью-Джерси.

Сунув руки в карманы, Нед глядел на пришвартованную чуть поодаль от пирса яхту, к которой подъехал вчера выслеженный немец. Впечатляющая посудина: трехпалубная, сверкающая белизной, с тремя рядами иллюминаторов тонированного стекла. Длинной — сотня футов с лишним. На борту никого не видать.

Отпуск Беттертона кончился, звонки с «Эзервилльской пчелы» делались все настойчивей и грознее. Старик пришел в ярость. Ну да, самому пришлось писать о церковных сборищах и прочей ерунде. И черт с ним, старым брюзгой. Вот оно, горячее, свежее, — эта яхта. Она — пропуск Неда Беттертона в большую журналистику.

М-да, а эта Коринна Свенсон отчехвостила его на славу. «И ты зовешь себя репортером? Ты расследуешь? Да ты свою задницу при свете дня обеими руками не отыщешь!»

Нед покраснел, вспоминая. Отчасти из-за головомойки он и вернулся к гавани. Знал: так или иначе, Пендергаст круто замешан в деле с убийством, и не как официально расследующий.

На эту идею Беттертона натолкнул синий блейзер. Нед знал: для яхтсменов с пришвартованных рядом яхт нормально заходить друг к другу в гости, выпить по рюмочке, а то и просто нанести визит вежливости. Всего-то нужно изобразить яхтсмана, проникнуть на борт, присмотреться как следует ко всему заслуживающему внимания. Но осторожность нужно соблюдать крайнюю: эти наркоторговцы очень скверный народ.

Быстро обнаружилось, что даже зайти на территорию гавани

непросто. Ее окружала сетчатая изгородь, у закрытых ворот стояла сторожка охраны, и отнюдь не пустующая. На воротах висела здоровенный знак: «Вход посторонним только по приглашению». Да уж, из гавани прямо веяло большими деньгами. Богатеи закрылись от племса.

Беттертон осмотрел изгородь, тянущуюся вдоль берега. Она уходила в кусты. Беттертон огляделся — не наблюдает ли кто? — и шмыгнул в заросли. Протолкался сквозь ветки, и вот оно, долгожданное: небольшая дыра у земли.

Он протиснулся за изгородь, встал, отряхнулся, поправил кепку, расправил блейзер и пошел вдоль берега, держась вблизи кустов. Пройдя ярдов пятьдесят, увидел ангар для яхт, пирсы и причалы. Осмотрел себя придирчиво, поправил костюм и, набравшись духу, покинул прикрытие.

Проворно спустившись к дорожке над пирсом, Беттертон лениво, вальяжно зашагал по ней — прогуливающийся скучающий яхтсмен. Местный докер возился на причале рядом с ангаром.

У размеченных мест причала были пришвартованы несколько дюжин шлюпок, ялов и катеров.

— Добрый вечер! — поздоровался Беттертон.

Докер глянул, поздоровался в ответ и снова занялся работой.

— Я интересуюсь, не отвезете ли меня на вон ту яхту? — спросил Беттертон, вытягивая двадцатку из кармана и кивая в сторону белой яхты, пришвартованной в полукилометре.

Докер встал. Посмотрел на купюру, затем на Беттертона.

— На «Фергельтунг»?

— Да. И пожалуйста, подождите там, чтобы отвезти меня обратно. Я пробуду на борту минут пять, максимум десять.

— По какому делу?

— Визит вежливости одного яхтсмена к другому. Удивительная яхта этот «Фергельтунг». Хочу свою сделать чем-то похожим. Моя вон там стоит, — он неопределенно махнул в сторону причалов.

— Ну раз так...

Из сумрака в ангаре выступил другой докер, лет тридцати пяти, с

темно-рыжими блеклыми волосами и, вопреки ноябрю, густым загаром.

— Брэд, я его отвезу, — сказал он, окинув Неда пытливым взглядом.

— Ладно, Вик. Он твой.

— Вы подождете, пока я буду на борту? — спросил Беттертон.

Докер кивнул и указал на моторную лодку:

— Запрыгивайте!

Глава 60

Доктор Фелдер расхаживал у хрустальных окон офиса доктора Острома в больнице «Маунт-Мёрси». Он судорожно, мучительно вдохнул и посмотрел наружу, на бурые топи у воды, на гусиный клин, летящий на юг.

Что за день выдался! Страшный, кошмарный день. Явилась нью-йоркская полиция, перевернула все вверх дном, расспрашивала, переполошила пациентов, разграбила комнату Констанс. Ушли не все — оставили в больнице одного следить за обстановкой. Теперь он стоял у дверей в офис и вполголоса переговаривался с Остромом. Тот глянул искоса, заметил, что Фелдер на него смотрит, нахмурился, поджав губы, и отвернулся.

Одно хорошо: удалось пока скрыть произошедшее от прессы. Но лично Фелдеру это поможет не слишком. Гроза невдалеке. Уже звонил сам мэр, заявивший откровенно: если Констанс Грин не вернется в «Маунт-Мёрси» без шума и проблем для сопричастных организаций и лиц, доктору Фелдеру придется искать работу.

То, что побегу пособничал — а может, и устроил его — доктор Пул, не помогло. На бумагах о разрешении на выход за пределы больницы стояла подпись Фелдера.

Но зачем этому доктору Пулу Констанс? Зачем идти на такой риск, чтобы умыкнуть ее из «Маунт-Мёрси»? Может, Пул работает на кого-то? И здесь вовлечен сам Пендергаст?

При мысли о Пендергасте доктор Фелдер содрогнулся.

Из холла, от двери, где стоял охранник, послышался шум. Затем к Острому с полицейским подошел одетый в белое служащий. Фелдер остановился, наблюдая, как служащий что-то говорит Острому.

Директор «Маунт-Мёрси» обратился к Фелдеру:

— Пришла женщина и хочет вас видеть.

— Женщина? — Фелдер нахмурился.

Откуда ей известно, что он здесь? Об этом знают лишь Остром и персонал больницы. Тем не менее он пошел вслед за служащим по

коридору, к вахте у входа.

Там и в самом деле ожидала женщина: за пятьдесят, с огненно-рыжей шевелюрой, низкорослая, тонкая как хворостина, с ярко-красной помадой на губах. На плече — поддельная сумка от «Берберри». В руке — трость.

— Я — доктор Фелдер, — представился доктор, выйдя за вахту. — Вы хотели меня видеть?

— Нет, не хотела! — ответила рыжая тонким сварливым голоском.

— Нет? — повторил Фелдер от изумления.

— Я вас не знаю и знать не хочу. И выяснять, где эта чертова больница, для меня вовсе не самое лучшее времяпрепровождение! У меня машины нет. Вы только представьте, чего стоило сюда добраться! Не говоря уже о том, чего стоило выяснить, где эта клятая «Маунт-Мёрси». Малый Губернаторский остров — ну что за дыра! Я уже два раза совсем решала плюнуть и бросить это дело.

Женщина подалась вперед и значительно стукнула тростью о мраморный пол:

— Но мне обещали деньги. Понимаете, деньги!

— Деньги? Кто вам обещал? — растерянно спросил Фелдер. — И какое это имеет отношение ко мне?

— Девушка.

— Какая, простите, девушка?

— Та, которая записку мне дала. Сказала принести доктору Фелдеру в «Маунт-Мёрси». Сказала, мне заплатят!

Снова удар тростью о пол.

— Девушка? — повторил Фелдер. «Господи, это, наверное, Констанс!» — Где вы ее встретили?

— Увидела, когда читала в своем саду. Но это не важно. А важно мне, будете вы платить или нет.

— Записка с вами? — спросил Фелдер, краснея от смущения — так хотелось поскорее увидеть.

Женщина кивнула, но глянула с подозрением, боязливо, словно

подумала, что доктор тут же крикнет охрану и прикажет ее обыскать.

Трясущимися руками Фелдер выудил из кармана пиджака бумажник, вытянул оттуда полсотни и подал женщине.

— Я два раза на такси садилась, — сварливо пожаловалась та, пряча купюру в сумку.

Фелдер вытащил ее двадцать.

— А мне ж еще и назад ехать. Такси-то снаружи ожидает.

Из бумажника явилась еще одна двадцатка — последняя. Исчезла она с той же скоростью, что и предыдущие.

Женщина достала из сумки сложенный пополам листок бумаги с неровным краем, словно вырванный из книги. Подала доктору. Он увидел мелкий, каллиграфически ровный и четкий почерк Констанс:

Пожалуйста, немедленно передайте эту записку доктору Фелдеру в больницу «Маунт-Мёрси», Малый Губернаторский остров. Пожалуйста!

ЭТО ВОПРОС ЖИЗНИ И СМЕРТИ!!

Фелдер даст вам денег.

Трясущимися еще сильнее руками Фелдер развернул листок. К удивлению доктора, написанное там адресовалось не ему, а Пендергасту:

Алоизий, меня похитил человек, называющий себя вашим шурином, Джадсоном Эстерхази. Он действовал под именем Пул. Меня держат в доме где-то в верхнем Ист-Энде. Но вскоре перевезут, я не знаю куда. Боюсь, Пул хочет сделать со мной дурное. Он сказал мне, повторил несколько раз: «Все придет к возмездию». Пожалуйста, простите мне глупость и легкоеверие. Что бы ни случилось, помните: я вверяю вам будущее моего ребенка.

Констанс

Фелдер, переполненный вопросами, оторвался от записки, но женщина уже исчезла. Тогда он вернулся к ожидающим его Острому и полицейскому из отдела убийств.

— Где женщина? — резко спросил Остром.

— Ушла.

— Господи боже! — Остром шагнул к телефону на стене, снял трубку. — Это Остром. Соедините с вахтой у ворот.

После краткого обмена репликами выяснилось: такси уже покинуло территорию больницы. Остром скопировал записку, оригинал передал детективу:

— Эту женщину надо отыскать. Поднимайте своих людей. Догоните ее! Вы поняли?

Полицейский заспешил к выходу, на ходу вынимая рацию и говоря в нее.

Когда директор повесил трубку, Фелдер спросил:

— Она утверждает, что ее ребенок жив. Что бы это значило?

Остром пожал плечами.

Глава 61

При виде приближающейся лодки на палубе «Фергелтунга» началась суеда. Что за неожиданный гость из гавани?

Эстерхази рассматривал лодку в бинокль сквозь тонированное стекло главного салона. Сначала подумал: а может, все-таки Пендергаст? Нелепая лобовая атака с его стороны невероятна, но все же...

Нет, это незнакомец, сидит неловко на носу лодки. Подошел Фальконер:

— Это он?

— Нет. Не знаю, кто бы это мог быть, — покачал головой Эстерхази.

— Мы выясним, — пообещал Фальконер и ушел на ют.

— Эй, на яхте! — закричал нежданный визитер, одетый чересчур уж по-яхтсменски: синий блейзер, платок, кепка.

— Привет! — дружелюбно откликнулся Фальконер.

— Я ваш сосед. Восхищаюсь яхтой. Я вам не слишком помешал?

— Вовсе нет. Не хотите ли подняться на борт?

— С удовольствием! — Гость обернулся к докеру, сидевшему у мотора: — Непременно подождите!

Докер кивнул.

Яхтсмен ступил на транцевую площадку, Фальконер откинул транец, чтобы гость поднялся на борт. Взойдя на палубу, яхтсмен расправил блейзер и протянул руку:

— Я — Беттертон. Нед Беттертон.

— Я — Фальконер.

Эстерхази пожал протянутую руку, улыбаясь, но имени своего не назвал. От улыбки заныли царапины на лице. Подобное не повторится: Констанс заперта в трюме, в наручниках, с кляпом во рту. Но когда он вспоминал выражение ее лица в тот момент в доме в Ист-Энде, по спине бежал холодок. Ошибки быть не может. В ее

взгляде он увидел холодную ясную ненависть — и глубокий спокойный ум. А ведь поначалу он принял эту женщину за душевнобольную, неполноценную психопатку. Какое заблуждение! Так ненавидят давнего смертельного врага, высчитывая, как и когда его умертвить. Жутко.

— Мое судно неподалеку, там... — Беттертон неопределенно махнул рукой. — Я вот подумал: не заглянуть ли мне в гости, не пожелать ли хорошего вечера и доброй ночи. Честно признаюсь, я восхищен вашей яхтой!

— Я польщен. Мне очень приятно, что вам так понравился «Фергельтунг», — заметил Фальконер, искоса глянув на Эстерхази. — Не хотите ли пройтись по нему?

— Конечно! — ответил Беттертон с энтузиазмом.

Эстерхази заметил, что гость так и стреляет глазами по сторонам, стараясь увидеть и запомнить побольше. Странно, что Фальконер предложил ему экскурсию: в прищельце смутно ощущалась фальшь. Не походил он на яхтсмена. Синий блейзер слишком дешевый, туфли — рассчитанная на городское использование имитация топсайдеров.

Они вошли в элегантный, изысканно отделанный салон. Фальконер пустился в описание характеристик и замечательных качеств яхты. Беттертон слушал по-детски жадно и замороженно, продолжая стрелять во все стороны глазами.

— Сколько у вас в команде? — спросил он.

— В команде у нас восемь. Еще я и мой друг, заехавший в гости на несколько дней. — Фальконер улыбнулся. — А как на вашей яхте?

— А, у меня трое, — махнул рукой Беттертон. — Вы недавно ходили в плавание?

— Нет. Мы тут уже несколько недель пришвартованы.

— И вы постоянно на борту? Жаль, пусть даже и на таком прекрасном судне! Весь Нью-Йорк у ваших ног и к вашим услугам.

— К сожалению, у меня нет времени на прогулки по городу.

Они прошли сквозь кают-компанию, заглянули на камбуз. Там Фальконер предъявил гостю вечернее меню, попутно расхваливая яхтенного кока. Эстерхази сопровождал неожиданно подобревшего

Фальконера молча, раздумывая, к чему все это клонится.

— Камбала в трюфельном соусе и мусс из корнеплодов, — прочитал вслух Беттертон. — Прилично кушаете!

— Не хотите ли разделить с нами обед?

— Спасибо, но вечер у меня уже распланирован...

Прошли по коридору, отделанному маньчжурским ясенем.

— Не желаете ли взойти на мостик?

— Конечно!

Поднялись по трапу на верхнюю палубу, ступили в рулевую рубку.

— Знакомьтесь: капитан Иоахим, — представил Фальконер.

— Рад встрече, — ответил Беттертон, крутя головой. — Весьма впечатляет!

— Я более чем доволен, — отозвался Фальконер. — Чувство независимости, которое ощущаешь на такой яхте, ни с чем не сравнить, да вы и сами знаете. Радионавигационная система дальнего действия у нас превосходнейшая, лучшая из лучших.

— Я меньшего и не ожидал.

— У вас есть такая?

— Конечно же.

— Чудесное изобретение, не правда ли?

Эстерхази удивленно посмотрел на Фальконера. Радионавигационная система? Да это старье уже давно превзойдено системами джи-пи-эс...

Внезапно он понял, к чему ведет дело Фальконер.

— Какая у вас яхта? — спросил тот.

— А, у меня восьмидесятифутовый «Крис-крафт».

— «Крис-крафт», восемьдесят футов... у него приличная автономность?

— Да, конечно.

— А точнее?

— Восемьсот морских миль.

Фальконер задумался. Потом взял Беттертона за руку:

— Пойдемте, я покажу вам наши отдельные каюты.

Они спустились с мостика на жилую палубу. Но Фальконер там не остановился, спустился еще ниже, к моторному отсеку. Прошел по коридору к ничем не отмеченной двери.

— Интересно, — сказал он, открывая дверь, — какие двигатели на вашей яхте? И какой порт приписки?

За дверью оказалась не каюта, а вовсе не выглядящий роскошным складской отсек.

— О, я сам не слишком-то силен в морских делах, — хохотнул Беттертон. — В этом пусть капитан разбирается и команда.

— Забавно, — сказал Фальконер, поднимая крышку ящика. — Я предпочитаю во всем разбираться сам. Это ведь моя яхта.

Он вынул из ящика большой рулон парусины, развернул и расстелил на полу.

— Это и есть ваша отдельная каюта? — встревоженно спросил Беттертон.

— Нет, — ответил Фальконер, закрывая дверь.

Он посмотрел на Эстерхази, и тот заметил на лице немца жутковатую радость.

Беттертон глянул на часы:

— Увы, мне пора. Спасибо за экскурсию. Мне лучше...

И умолк, заметив в руках Фальконера обоюдоострый боевой нож.

— Кто ты? — спросил Фальконер тихо. — Чего хочешь?

Беттертон сглотнул. Растерянно посмотрел на нож, потом на Фальконера и снова на нож.

— Я же говорил. Моя яхта пришвартована...

Двигаясь с быстротой атакующей змеи, Фальконер схватил руку мнимого яхтсмена и воткнул острие в перепонку между большим и указательным пальцем. Беттертон завопил, дернул руку, пытаясь

высвободиться. Но Фальконер держал крепко. Он подтолкнул гостя, чтобы тот встал на расстеленную парусину.

— Мы зря теряем время, — сказал немец. — Не заставляй меня повторять. Джадсон, прикрой.

Эстерхази вынул пистолет и отступил на шаг. Боже, какая мерзость! Зачем? Можно ведь обойтись и без этого. А Фальконер рад — видно, ему хочется резать и мучить.

Эстерхази ощутил подкатывающую тошноту.

— Вы совершаете серьезную ошибку... — угрожающе произнес Беттертон.

Но снова не успел договорить, поскольку Фальконер вонзил острое глубоко между пальцами.

— Я тебя убью! — заорал Беттертон.

Эстерхази смотрел, леденя от ужаса, как Фальконер, держа железной хваткой кисть незваного гостя, ковыряет и крутит в ней ножом.

Беттертон зашатался, зашипел сквозь стиснутые зубы, но ничего не сказал.

— Скажи, зачем ты сюда явился! — приказал Фальконер, втыкая нож глубже.

— Я вор! Вор! — выдохнул гость.

— Интересная версия. Но я в нее не верю.

— Я...

Не слушая, Фальконер ударил Беттертона коленом в пах, а когда бедняга согнулся от боли, хряснул лбом в переносицу. Гость, скуля, рухнул на парусину, из сломанного носа хлынула кровь.

Фальконер завернул угол полотнища, уложил на несчастного, опустил на парусину коленями, придавив грудь. Провел острием по мягкой коже под подбородком. Не могущий встать, растерянный и оглушенный Беттертон лишь крутил головой, мыча.

Фальконер вздохнул, то ли от сожаления, то ли от нетерпения, и воткнул острое на дюйм в подбородок, у самой шеи.

Наконец Беттертон заорал во всю мочь, забарахтался. Выждав

немного, Фальконер вынул лезвие.

Несчастный закашлялся, выплюнул кровь.

— Я репортер.

Голос казался бульканьем, слова различались с трудом.

— Репортер? И что расследуешь?

— Убийство... Джун и Карлтона Броди.

— Как ты меня нашел?

— Местные подсказали... прокат машин... авиакомпания...

— Этому больше верится. Ты рассказал кому-нибудь обо мне?

— Нет!

— Отлично.

— Вы должны меня отпустить! Меня ожидают... докер в лодке...

Фальконер резко и точно полоснул по глотке репортера и мгновенно отскочил, чтобы не попасть под струю крови.

— О боже! — воскликнул Эстерхази в ярости и негодовании, инстинктивно отступив на шаг.

Беттертон схватился руками за рану. Кровь хлынула меж пальцев. Фальконер прикрыл парусиной судорожно дергающееся тело.

Эстерхази глядел, оцепенев от шока. Фальконер же спокойно выпрямился, вытер руки, расправил одежду и посмотрел на умирающего репортера с очевидным удовольствием. Затем повернулся к Эстерхази и спросил:

— Что, Джадсон, чересчур сильно для тебя?

Тот не ответил.

Они снова поднялись на верхнюю палубу. Эстерхази был совершенно выбит из колеи жестокостью Фальконера, его очевидным наслаждением пыткой. Прошел за немцем через салон на ют. Внизу еще ожидала моторная лодка.

Фальконер перегнулся через фальшборт и заговорил с блондинистым докером, сидевшим в ней:

— Вик, тело в переднем грузовом отсеке. Когда стемнеет, заберешь и выкинешь, но чтобы надежно.

— Да, сэр, — ответил докер.

— Тебе понадобится подходящая легенда насчет того, почему ты не вернулся с гостем. В общем, он оказался парнем что надо и мы пригласили его в короткий круиз.

— Так точно, сэр.

— Я бы предложил оставить тело в начале Риверсайд-парка — там глухие заросли и часто промышляют воры. Пусть думают, что его ограбили и прирезали. Можно и в море бросить, но потом в случае чего труднее будет объяснить.

— Да, мистер Фальконер, — ответил докер, завел мотор и отчалил в сторону гавани.

Фальконер проводил взглядом удаляющуюся лодку и, хмурясь, повернулся к Эстерхази:

— Меня отыскал чертов тупой репортер! Одно объяснение: он тебя выследил!

— Меня он выследить не мог. Я был очень осторожен. К тому же я в жизни не бывал поблизости от Мэлфорша.

Фальконер долго смотрел на него, сощурившись, затем расслабился:

— Ну раз так, будем считать, что разделались с проблемой всухую, герр Эстерхази?

Тот не ответил.

— Теперь в полной готовности ждем Пендергаста. Ты уверен, что надежно закинул крючок и твой агент непременно явится?

— С Пендергастом ни в чем нельзя быть уверенным, — ответил наконец Эстерхази.

Глава 62

Фелдер стоял в дальнем углу комнаты Констанс Грин в больнице «Маунт-Мёрси». Там же присутствовали доктор Остром, агент Пендергаст и лейтенант нью-йоркской полиции д'Агоста. Вчера полиция забрала все книги Констанс, ее личные записи, вещи и даже висевшие на стенах рисунки. Утром выяснилось, что доктор Пул — мошенник, выдавший себя за другого. Фелдеру пришлось вытерпеть разнос от настоящего доктора Пула, который растер Фелдера в порошок за неосмотрительность. Разве трудно было основательно проверить документы, позвонить в университет?

Пендергаст не трудился скрыть холодное презрение к ученым докторам, с такой легкостью выпустившим осужденную за убийство пациентку за пределы больницы. Отчасти его гнев пал и на Острома, но большую часть выплеснувшейся холодной ярости пришлось терпеть Фелдеру.

— Джентльмены, — говорил Пендергаст, — позвольте поздравить вас с первым побегом из «Маунт-Мёрси» за последние сто двадцать лет. Где нам прикрепить памятную табличку?

Джентльмены молчали.

Агент вынул фотографию из кармана, показал сперва Острому, затем Фелдеру:

— Вы узнаете этого человека?

Фелдер присмотрелся: размытый снимок симпатичного мужчины средних лет.

— Да, похож на Пула... однако я уверен: это не он. Возможно, брат?

— Доктор Остром, что скажете?

— Не знаю.

Пендергаст выудил из кармана тонкую капиллярную ручку, склонился над фотографией. Затем довершил работу белым фломастером. Закончив, повернулся к докторам и молча продемонстрировал результат.

Теперь Фелдер узнал. Вне сомнений, это он. Пендергаст лишь добавил короткую, в испанском стиле бородку с проседью.

— Господи боже, это же Пул!

Остром кивнул, жалко и беспомощно.

— Настоящее его имя — Эстерхази.

Пендергаст с отвращением швырнул фотографию на стол. Сел у стола, сомкнув пальцы, посмотрел отстраненно.

— Винсент, я оказался последним глупцом. Я думал, что загнал его в самый дальний угол. Не ожидал, что он сделает петлю и зайдет со спины, будто африканский буйвол.

Лейтенант не ответил. В комнате повисла неловкая тишина.

— В записке Констанс утверждает, что ее ребенок жив, — осторожно проговорил доктор Фелдер. — Как это возможно? Единственная причина, по какой она здесь, — это ее признание в убийстве.

Пендергаст взглянул на него с пренебрежением:

— Доктор, прежде чем воскрешать младенца, не лучше ли сначала позаботиться о матери?

Снова тишина.

Затем Пендергаст обратился к Острому:

— Так называемый Пул обсуждал с вами состояние Констанс, используя профессиональную терминологию?

— Да.

— Его суждения казались логичными и разумными?

— Принимая во внимание известное мне о мисс Грин, его суждения удивляли. Но разумность и состоятельность их не вызвала сомнений. Оттого я посчитал их верными. Он утверждал, что мисс Грин была его пациенткой. Причин сомневаться в этом я не видел.

Тонкие пальцы Пендергаста забарабанили по деревянному подлокотнику.

— По вашим словам, договариваясь о первом визите к мисс Грин, Пул попросил вас позволить ему побыть с нею наедине?

— Да.

Пендергаст перевел взгляд на лейтенанта:

— Думаю, ситуация теперь ясна. Кристально ясна.

Фелдер по-прежнему ничего не понимал, но решил смолчать.

— Это ведь Пул предложил, чтобы для Констанс устроили выход за пределы больницы? — спросил Пендергаст, обращаясь к Острому.

— Да, это так.

— Кто оформлял необходимые бумаги?

— Доктор Фелдер.

Под взглядом Пендергаста Фелдер вздрогнул и поежился.

Агент ФБР обвел комнату внимательным пытливым взглядом. Затем обратился к лейтенанту:

— Винсент, эта комната — и больница в целом — более не представляют для нас интереса. Необходимо сосредоточиться на записке. Не могли бы вы показать ее еще раз?

Д'Агоста вынул из кармана пиджака фотокопию записки, сделанную ранее Остромом.

Пендергаст взял ее, прочитал раз, другой.

— Женщину, принесшую записку, выследили? — спросил он.

— Нет. И в записке не слишком-то много написано, — заметил лейтенант.

— Не слишком много, но, возможно, вполне достаточно, — ответил Пендергаст.

— Не понимаю, — сказал д'Агоста.

— В записке отчетливо видно, что похитивший Констанс знает, куда ее отвезут и зачем. Сама же Констанс об этом не догадывается.

— То есть Пул, он же Эстерхази, фактически все ей рассказал?

— Именно. Обратите внимание на повторенную им фразу: «Все придет к возмездию». Он постарался обратить на нее внимание Констанс.

— И что?

— Эстерхази всегда чрезвычайно высоко ценил свое остроумие. «Придет к возмездию». Вам это выражение не кажется странным?

— Не уверен. Ведь смысл похищения как раз в том, чтобы отомстить. Совершить возмездие.

Пендергаст нетерпеливо махнул рукой:

— А если Эстерхази говорил не о действии, а об объекте?

Повисла долгая тишина.

— Эстерхази увозит Констанс в некое место, называемое «Возмездие». Возможно, старый фамильный особняк. Землевладение. Некая фирма либо фабрика. Подобную игру словами Эстерхази обожает и непременно употребит в тот момент, который считает моментом своего наивысшего триумфа.

Д'Агоста покачал головой:

— Как-то сомнительно. Кому придет в голову назвать что-то «Возмездием»?

Холодные серебристые глаза впились в полицейского.

— У нас есть другой след?

— Кажется, нет. — Лейтенант развел руками.

— А разве сотня нью-йоркских полицейских, разыскивая наугад, тычась куда попало и ломая дрова, имеет больший шанс на успех, чем я, идущий пусть и по сомнительному следу?

— Оно так, но как отыскать подобное место? Это хуже, чем иголку в стоге сена.

— Я знаю того, кто чрезвычайно искусен в таких розысках. Винсент, полагаю, нам пора идти. У нас мало времени. Джентльмены, мы готовы покинуть больницу, — сообщил Пендергаст докторам.

По коридору он шел так быстро, что Остроуму с Фелдером пришлось едва ли не бежать трусцой. На ходу агент достал мобильный телефон, набрал номер.

— Мим? — сказал он в трубку. — Это Пендергаст. У меня новая работа для вас. Боюсь, снова весьма трудная.

Пока шли к выходу, Пендергаст торопливо говорил вполголоса по телефону, а у выхода захлопнул его со звучным щелчком.

Затем повернулся к докторам и произнес с холодной иронией:

— Почтенные доктора, благодарю вас. Полагаю, дальнейший путь отсюда мы отыщем сами.

Глава 63

Сознание возвращалось медленно. Вокруг была кромешная тьма. Голова раскалывалась от боли. Тошнило.

Констанс замерла, обмякнув, прислушиваясь к себе и к окружающему, не понимая, где она и что произошло. Но рассудок прояснился, и она все вспомнила с ужасающей отчетливостью.

Захотела пошевелиться и обнаружила: руки скованы наручниками, соединенными с идущей вокруг талии цепью, ноги связаны и привязаны к чему-то позади, на сей раз очень прочно. Рот заклеен липкой лентой. Ощущалась сырость, пахло мазутом, смазочным маслом и плесенью. Слегка покачивало, слышался легкий плеск воды. Констанс поняла: она на корабле.

Прислушалась снова: сверху доносились приглушенные голоса. На корабле несколько человек. Она застыла, собираясь с мыслями. Сердце застучало спокойно, ровно. Руки, ноги затекли и болели. Должно быть, Констанс находилась в неподвижности несколько часов.

Спустя некоторое время послышались приближающиеся шаги. В стене образовалась расщелина, сквозь нее хлынул свет. Вспыхнула лампа на потолке. Когда глаза приспособились к свету, Констанс увидела стоящего в дверях человека, называвшего себя Эстерхази и доктором Пулом. Его правильное, красивое лицо портили нервозность и оставленные ногтями Констанс шрамы на щеке. За его спиной в тесном коридоре угадывался человеческий силуэт.

Эстерхази подошел и сказал:

— Мы тебя переместим. Ради твоей же безопасности. Не вздумай создавать проблемы.

Констанс не могла ни ответить, ни двинуться, лишь беспомощно глядела на похитителя.

Вынув из кармана нож, Эстерхази рассек слои липкой ленты, прикреплявшие ноги Констанс к вертикальной балке. Еще пара секунд — и женщина смогла двигать ими.

— Пойдем! — приказал он, беря ее под руку.

Констанс шагнула. Ноги не слушались, оцепенелые, неловкие. С каждым движением их пронизывала жгучая боль. Эстерхази поддержал ее, толкнул вперед, пропихнул сквозь крохотную дверь. Пришлось нагнуться.

Снаружи стояла рыжеволосая женщина. Констанс узнала ее: читательница из сада за стеной, которой она доверила записку. Рыжая посмотрела с вызовом, презрительно усмехаясь.

Значит, Пендергаст ничего не получил. Старания оказались напрасными. Очевидно, все это было лишь обманом. Но с какой целью?

— Держите вторую руку! — приказал Эстерхази женщине. — Эта особа непредсказуема.

Женщина уцепилась за вторую руку Констанс. Ее отвели по коридору к еще меньшей двери. Констанс не сопротивлялась, шла, повесив голову, расслабившись. Когда же Эстерхази нагнулся, чтобы потянуть за ручку, Констанс мгновенно напряглась, развернулась и ударила обманщицу головой в живот. Шумно выдохнув, рыжая опрокинулась на спину, врезалась в переборку. Констанс мгновенно развернулась к Эстерхази, пытаясь ударить головой и его, но тот успел отреагировать, обхватил ее, прижал ее руки к бокам. Рыжая, шатаясь, поднялась на ноги, схватила пленницу за волосы, отвесила с размаху пощечину, за ней вторую, третью...

— Хватит! — рявкнул Эстерхази, притянул Констанс к себе и процедил: — Ты делаешь, что скажут, а иначе будет очень больно. Поняла?

Та лишь посмотрела в ответ, тяжело дыша.

Эстерхази пихнул ее в сумрак за дверь, прошел следом вместе с рыжей. Там оказался еще один трюмный отсек с переборкой впереди и дверь в ней. Эстерхази открыл дверь — за нею обнаружилось сумрачное затхлое помещение. Сквозь сумрак Констанс различила сходящиеся клином стены и поняла: пришли в самую нижнюю часть трюма, наверное у самого форштевня.

Эстерхази молча указал на дверь.

Констанс замешкалась.

И тут же у нее в голове зазвенело от увесистой затрешины.

— А ну пошла! — процедила женщина.

— Я сам справлюсь! — сердито рыкнул Эстерхази.

Констанс, низко пригнувшись и согнув ноги в коленях, шагнула за комингс, медленно выпрямилась. Отсек был больше, чем показалось на первый взгляд. Она оглянулась и увидела, что рыжая занесла кулак. Но Эстерхази грубо перехватил ее руку.

— В этом нет нужды! — процедил он яростно. — И повторять я больше не стану, понятно?

Констанс почувствовала на щеке слезу и сердито тряхнула головой. Она уже давно забыла, когда плакала в последний раз, и не собиралась плакать перед этими людьми. Наверное, так подействовал на нее вид женщины. Лишь увидев ее, Констанс поняла, насколько сильно цеплялась за слабую ниточку надежды — свою записку Пендергасту.

Она села, прислонившись к переборке. Люк закрылся, визгливо скрежетнул закрывающийся замок.

Воцарилась крошечная темень — плотнее и чернее, чем было в первом трюме, где она очнулась. Слышался лишь плеск волн о борт, и казалось, что трюм находится глубоко под водой.

Констанс сделалось дурно, к горлу подкатила тошнота. Но она понимала: рвота окажется губельной. Рот заклеен лентой, рвотные массы попадут в дыхательное горло и приведут к удушью. Этого нельзя допустить.

Она передвинулась, чтобы устроиться поудобнее, постаралась отвлечься, не думать о скверном. В конце концов, ведь она привыкла к темным, тесным закуткам. И теперь для нее в этом нет ничего нового. Все это уже было.

Было и прошло.

Глава 64

В два тридцать пополудни — то есть едва выбравшись из постели — Кори Свенсон покинула свою комнату, выскочила на улицу и направилась к излюбленному уютному столику в Библиотеке Ллойда Сили на Десятой авеню. По пути заглянула в местную греческую кофейню. Казалось, на город внезапно обвалилась зима, холодный ветер тащил мусор по тротуарам. Но кофейня оставалась теплым оазисом, наполненным звоном тарелок и криками официанток. Кори положила на прилавок деньги, вытащила из середины стопки номер «Таймс», взяла чашку черного кофе и уже собралась уходить, когда ее внимание привлек заголовок в «Пост»: «Жуткое обезглавливание в Риверсайд-парке».

Немного смутившись, взяла и «Пост». Кори всегда считала ее газетой для кретинов, но там частенько бывали репортажи о леденящих кровь злодействах, о которых высоколобая «Таймс» предпочитала упоминать лишь мимоходом. А читать о злодеяниях было тайной страстью Кори.

Усевшись за библиотечным столом и удостоверившись, что никто не интересуется мисс Кори Свенсон, она, ощущая смутный стыд, открыла «Пост».

И тут же вздрогнула, пораженная, испуганная по-настоящему. Жертвой оказался Эдвард Беттертон, прибывший из Миссисипи в отпуск. Тело его нашли в глухой части парка, за статуей Жанны д'Арк. Ему перерезали горло, причем с такой силой, что почти отделили голову от туловища. «Пост» сообщала, что на теле обнаружились и другие увечья, правда, не упоминала, какие именно. По мнению автора статьи, это указывало на разборки гангстерских шаяк. Хотя имелись признаки ограбления: карманы вывернуты наизнанку, нет часов, бумажника и прочих ценностей.

Кори медленно, внимательно перечитала статью. Кошмар. Он же вовсе не был скверным, просто влез не в свое дело. Жаль, что она так свирепо его отшила.

Но столь жестокое убийство не может быть случайностью. Наверное, он и в самом деле раскопал что-то серьезное, хоть и навоображал про Пендергаста неведь что. Говорил, наркотрафик.

Надо вспомнить, про какой дом он рассказывал...

Кори сосредоточилась, отогнала всколыхнувшийся страх — а вдруг забыла? — и адрес выплыл из памяти: Ист-Энд-авеню, 428.

Задумавшись, она отложила в сторону таблоид. Любопытно, причем здесь Пендергаст? Знает ли он о Беттертоне? В самом ли деле взялся работать в одиночку, без прикрытия? И действительно ли взорвал бар?

Кори пообещала не вмешиваться. Но проверку фактов — простую проверку — даже Пендергаст не назовет вмешательством.

Глава 65

Специальный агент Пендергаст сидел во взятом напрокат автомобиле, остановившемся на проезде на гаванью у Семьдесят девятой улицы на Верхнем Вест-Сайде Манхэттена, изучая в бинокль яхту, пришвартованную в нескольких сотнях футов от берега. Яхта — самая большая из пришвартованных в гавани, почти сто тридцать футов, узкая, с изящными очертаниями скоростного судна. К вечеру ветер сменился, и яхта развернулась, открыв название и порт приписки на корме:

Фергельтунг

Орхид-Айленд, Флорида

С воды прилетел порыв холодного ветра, ударил в лобовое стекло, взбил барашки на волнах, испещрив широкий Гудзон.

Зазвонил лежащий на переднем сиденье мобильный. Пендергаст отвлекся от наблюдения, поднял трубку:

— Да?

— Это мой мистер секретный агент? — тихо и вкрадчиво произнес голос в трубке.

— Мим, как успехи?

— Вы отыскиали яхту?

— Прямо сейчас наблюдаю за ней.

Послышался хриплый довольный смешок.

— Идеально! Великолечно! И как вы полагаете, мы, хм, попали в точку?

— Думаю, именно так. Огромное спасибо, Мим.

— Хи, «Фергельтунг». «Возмездие» по-немецки. Да, непросто было отыскать. Но сеть взломанных компьютеров, какую я собрал по всему Кливленду, в последнее время простаивала без дела. Как раз вовремя я их хоть к чему-то приставил.

— Я предпочитаю не знать таких подробностей. Еще раз

спасибо.

— Рад, что сумел пригодиться. До связи, и удачи, мистер секретный агент!

В трубке щелкнуло, и связь оборвалась.

Пендергаст сунул телефон в карман и тронул машину с места. Он подъехал к гавани, к воротам, ведущим к главному пирсу. Пожилой мужчина в идеальной, с иголки, униформе — без сомнения, бывший полицейский — выглянул из сторожки:

— Чем могу помочь?

— Я хочу встретиться с менеджером, мистером Лоуэ.

— Кто вы?

Пендергаст открыл бумажник, выставил напоказ значок:

— Специальный агент Пендергаст.

— Вы назначили с ним встречу?

— Нет.

— По какому поводу вы его ищете?

Пендергаст не ответил, глядя в упор на бывшего копа. Затем неожиданно улыбнулся:

— Нет ли у меня возможности неофициально повстречаться с мистером Лоуэ? Если нет, лучше подтвердите это сразу.

Бывший коп замялся.

— Пожалуйста, подождите минутку...

Отступил внутрь сторожки, поговорил по телефону. Затем открыл ворота.

— Пожалуйста, заезжайте и паркуйтесь! Мистер Лоуэ сейчас подойдет.

«Сейчас» продлилась немало. Наконец из здания администрации вышел подтянутый высокий мужчина в черной фуражке, похожий на морского офицера, и уверенно зашагал к машине агента. Похолодало, дыхание вырывалось изо рта клубами пара. Пендергаст вышел из машины и остановился подле, ожидая.

— Мм, кого я вижу? ФБР? — сказал голубоглазый добродушный

мистер Лоуэ, протягивая руку и дружелюбно улыбаясь.

Агент кивнул в сторону «Фергелтунга»:

— Я хотел бы узнать о вон той яхте.

— Какова причина вашего интереса? — спросил мистер Лоуэ, продолжая весьма убедительно улыбаться.

— Причина официальная, — улыбнулся в ответ Пендергаст.

— Официальная? Как интересно! Знаете, я только что позвонил в нью-йоркский офис ФБР и спросил, работает ли некий специальный агент Пендергаст над делом, в котором фигурирует гавань...

— Пендергаст.

— А, простите. Да, Пендергаст. Мне сказали, что вы взяли отпуск по личным причинам, и заверили, что сейчас вы официально не расследуете никаких дел. Отсюда я вынужден сделать вывод, что вы просто используете служебное положение в личных целях, показывая значок кому вздумается. А это, как мне кажется, противоречит правилам ФБР. Я прав?

Улыбка Пендергаста ничуть не померкла.

— Несомненно, вы правы во всем.

— Отлично! Значит, я возвращаюсь в свой офис, а вы убираетесь восвояси. Если я еще раз обнаружу вас рядом, то позвоню в ФБР и сообщу: их специальный агент шныряет по городу, используя значок, чтобы запугивать законопослушных граждан.

— Запугивать? Уверяю, я и не пытался вас запугивать. Пока.

— Это угроза?

— Это предсказание. — Пендергаст махнул рукой в сторону берега. — Полагаю, вы можете видеть пришвартованную вдалеке белую яхту. У меня есть основания считать, что на ее борту вскоре совершится тяжкое преступление. Если оно совершится, я буду его расследовать, причем в высшей степени официально, и вы, само собой, будете проходить как соучастник.

— Пустая угроза. Я не сообщник, и вам это известно. Если вы предвидите тяжкое преступление, мистер Пендергаст, так позвоните в полицию.

— Пендергаст, — поправил агент благодушно и терпеливо. — Мистер Лоуэ, от вас я хочу всего лишь информацию о яхте и ее команде, об их действиях и привычках. Разумеется, все рассказанное вами останется нашей обоюдной тайной. Я же вижу: вы — добропорядочный дружелюбный человек, готовый помочь отправлению правосудия.

— Если вы это называете «запугиванием», то оно не действует. Моя работа — защищать частную жизнь клиентов, благодаря которым существует эта гавань. И я намерен хорошо исполнять свою работу. Если хотите вернуться с ордером — пожалуйста. Явится полиция — пожалуйста. Я охотно стану сотрудничать. Но не буду иметь дел с агентом ФБР, машущим непонятной побрякушкой в свободное от службы время. А теперь проваливайте.

— Когда мы станем расследовать преступление, я и мои коллеги из отдела убийств нью-йоркской полиции захотим узнать, почему вы брали деньги у экипажа той яхты.

На лице мистера Лоуэ промелькнула тревога.

— Вознаграждение в благодарность за услуги — обычная часть бизнеса. Я как таксист — чаевые у нас приняты. В этом нет преступления.

— Конечно, пока «чаевые» не перейдут некую грань. И тогда они становятся платежом. А возможно, и взяткой. Когда означенная взятка дана за обеспечение нужных ответов пришедшим с вопросами блюстителям закона, то это, мистер Лоуэ, делает вас сообщником. Вне всяких сомнений. А в особенности когда станет известно, что вы не только угрожали мне убийством, если я не покину территорию гавани, но и оскорбили блюстителей закона грубым, вульгарным и вызывающим образом.

— Что за чертовщина? Я в жизни не оскорблял ни вас, ни полицейских!

— Ваши слова звучали так: «У меня есть друзья, которые всадят тебе пулю в башку, если не уберешься к отсюда чертям! Это касается и свиней из полиции!»

— Лживый подонок, я ничего такого не говорил!

— Верно. Но об этом знаем лишь мы с вами. Все прочие посчитают, что я говорю правду.

— Вам это не сойдет с рук! Вы блефуете!

— Мистер Лоуэ, я человек отчаянный и действую вопреки правилам. Я прибегну к чему угодно — лжи, запугиванию, подлогу, чтобы принудить вас к сотрудничеству.

Пендергаст вынул телефон.

— Сейчас я позвоню по экстренной линии в ФБР, доложу о ваших угрозах и попрошу подкрепление. Если я это сделаю, ваша жизнь изменится навсегда. Вы еще не передумали?

Лоуэ задрожал от ярости.

— Сукин сын!

— Кажется, это значит, что вы согласились с доводами благоразумия. В таком случае не подняться ли нам в ваш офис? Холодный ветер с Гудзона, знаете ли, мне очень неприятен.

Глава 66

Дом на Ист-Энд-авеню выделялся невероятной убогостью. Старый, но сложенный не из тесаного камня, а из бурого кирпича, узкий, всего лишь трехэтажный. Строения более ущербного и жалкого в этой части Ист-Сайда было не сыскать.

Так заключила Кори, прислонившись к дереву гинкго на другой стороне улицы, наблюдая исподтишка, попивая кофе и прикидываясь читающей книгу.

На окнах — плотно прикрытые жалюзи, пожелтевшие от старости. Должно быть, их не открывали уже несколько десятилетий. Окна грязные донельзя, крыльцо растрескалось, на лестнице в подвал громоздится мусор. Но, несмотря на впечатление полуразваленности, закупорен дом был весьма плотно. На входной двери — сверкающий новенький замок. По периметру стекол — сигнализационные ленты. И решетка на окнах отнюдь не выглядит древней.

Кори допила кофе, сунула книгу в сумку и неторопливо пошла вдоль по авеню. Район, бывший когда-то прибежищем немецких эмигрантов, теперь шутливо звали «девичьим гетто». Его облюбовали бывшие студенты, преимущественно женского пола, недавно приехавшие в Манхэттен и озабоченные безопасностью. Район и в самом деле отличался упорядоченностью, спокойствием и несомненной безопасностью. Улицы изобиловали симпатичными, со вкусом и шиком одетыми молодыми женщинами, в большинстве своем выглядящими как служащие с Уолл-стрит либо из юридических фирм с Парк-авеню.

Кори поморщилась, но упрямо дошла до конца квартала. Беттертон говорил, что видел кого-то покидающим здание. Однако, похоже, его не посещали уже вечность.

Разочарованная Кори развернулась и пошла в обратную сторону. Зброшенный дом торчал в ряду старомодных городских строений. Каждое, несомненно, с садиком или патио на заднем дворе. Если подобраться сзади, можно рассмотреть получше. Конечно, вполне может быть и так, что таинственные гости в заброшенном доме — плод нездоровой фантазии Беттертона. Но в его историю про Пендергаста, взорвавшего бар, выжегшего нарколабораторию и

потопившего флотилию лодок, можно поверить без особого труда. И хотя Беттертон ошибался, он выглядел вовсе неглупым и довольно крепким. Не похожим на того, кого запросто можно прикончить в закоулке. Но ведь несчастного репортера прикончили.

Приблизившись к центру квартала, Кори присмотрелась к домам, соседним с номером 428. Оба — типичные, с налетом вычурности, ист-сайдские дома в несколько этажей. Наверное, с полудюжиной квартир на этаж. Из одного вышла молодая женщина в отличном костюме и с дипломатом в руке. Прошла мимо, почти и не заметив, оставив за собой легкий запах дорогих духов. Прочие обитательницы окрестностей принадлежали к тому же типу: молодые бизнес-леди в деловых либо спортивных костюмах (эти последние явно занимались пробежкой). Кори поняла, что ее обличье «готки»: торчащие сосульками волосы, болтающиеся металлические побрякушки, множество серег и пирсингов, татуировки — здесь как нарыв на гладкой коже, раздражающий беспорядок.

И что же делать?

Она зашла в торгующее выпечкой кафе, заказала пирожок с копченой лососиной и сыром и уселась близ окна, где открывался хороший вид на улицу. Если подружиться с кем-нибудь из жилищ нижнего этажа домов с той или другой стороны, может, и удастся договориться. Милая подружка покажет задний двор... Но тут не подойдешь с просьбой запросто, едва поздоровавшись. Нью-Йорк не Канзас.

И вдруг она увидела: из дома справа от номера 428 выходит девушка с длинными черными волосами, в кожаной мини-юбке и сапогах до колен.

Бросив на стол несколько долларовых банкнот, Кори опрометью выскочила наружу и с деланой неторопливостью пошла, помахивая сумочкой и глядя в небо — курсом на столкновение с сестрой-«готкой».

Все оказалось так просто! За окном заходило солнце, Кори сидела, расслабившись, в миниатюрной кухоньке квартиры нижнего этажа, пила зеленый чай и слушала новую подругу, взхлеб жалующуюся на окрестных «яппи» женского пола. Подругу звали Мэгги, она работала официанткой в джаз-клубе, пытаясь пробиться

на работу в театр. Мэгги оказалась умной, забавной и очень нуждалась в собеседнице.

— Я бы лучше переехала на Лонг-Айленд или в Бруклин, — сообщила она, обхватив чашку ладонями, — но мой папочка считает: любое место Нью-Йорка, кроме Верхнего Ист-Сайда, — пристанище убийц и насильников.

— Может, он и прав! — Кори рассмеялась. — Здание по соседству выглядит жутковато, честное слово!

Ее мучила совесть: манипулировать девчонкой, с какой охотно подружилась бы на самом деле...

— А оно, наверное, заброшенное. Никогда не видела, чтобы туда заходил кто или выходил оттуда. Странно, оно ж стоит миллионов пять, самое малое. Первоклассная недвижимость пропадает.

Кори потягивала чай и размышляла, как теперь попасть во двор, перелезть через восьмифутовую стену, забраться во двор номера 428 и вломиться туда.

Вломиться...

Боже правый, неужели она и в самом деле собралась лезть в чужой дом? Впервые за долгое время она перестала по-настоящему соображать, зачем сюда явилась. А ведь хотела не более чем проверить, одним глазком заглянуть, что и как. Ничего себе «одним глазком» — проникнуть в частное владение со взломом! Сверхразумно для студентки колледжа уголовного права имени Джона Джея, собирающейся сделаться блюстителем закона.

И это лишь цветочки. Конечно, опыт взлома у Кори был изрядный — дома, в Медсин-Крике. Но если Беттертон прав и в номере 428 притон торговцев наркотиками... Это публика донельзя опасная. Беттертон сейчас — труп. К тому же Кори обещала Пендергасту...

Конечно, никакого взлома. Но проверить надо основательно. Осторожно и безопасно: заглянуть в окна, держаться поодаль. При первых же признаках опасности, непонятности и вообще чего угодно — наутек.

Кори посмотрела на Мэгги и вздохнула:

— Чудесно здесь. Хорошо бы найти такое место. Меня

послезавтра из квартиры выкидывают, а сняла я только с первого. Придется в отеле жить или вроде того.

— А, так тебе нужно где-то перекантоваться пару дней? — спросила Мэгги, сияя.

— Ну да! — улыбнулась Кори.

— Слушай, как здорово тут жить с кем-нибудь! Мне одной иногда так жутко... Знаешь, когда я пришла вчера вечером с работы, странное дело: мне показалось, кто-то был в квартире в мое отсутствие, честное слово!

Глава 67

К десяти вечера поднялся ветер, взбив легкие гребешки на темной поверхности Гудзона. Температура упала до двух градусов выше нуля. Был отлив, огромная масса холодной воды без помех струилась на юг, к порту Нью-Йорка. На другом берегу холодно сияли огни Нью-Джерси.

Десятью кварталами северней гавани на Семьдесят девятой улице, на загаженном изуродованном берегу близ Вест-Сайд-хайвей, к воде двигался одетый в темное человек. Он тащил по камням кучу мусора: искореженный обломок понтона и несколько изломанных досок, еще не отделившихся от большого куска пенопласта. Человек спустил мусор на воду, сам пристроился сверху, прикрывшись куском гнилого брезента. Импровизированный плот не хотел удаляться от берега, поэтому человек вытащил обструганную палку с плоской оконечностью, опустил ее в воду, где она оказалась совершенно незаметной, и с ее помощью стал управлять плавсредством, неотличимом на расстоянии от обычного скопления речного мусора.

Слегка оттолкнувшись палкой, человек отпихнул плот подальше от берега. Течение подхватило его, принесло к прочему мусору. Двигаясь бесконтрольно, плот удалился на несколько сотен футов от берега, а там стал медленно поворачиваться, крутиться, потихоньку приближаясь к группе пришвартованных яхт, чьи стояночные огни ярко сияли во мгле. Куча мусора лениво проплыла меж яхт, якобы случайно тыкаясь то в одну, то в другую. Постепенно она приблизилась к самой большой яхте, чуть стукнулась о корпус и неторопливо поплыла дальше. Когда миновала ахтерштевень, часть мусора едва заметно сдвинулась, слегка прошелестело, плеснуло — и лишенный пассажира мусор поплыл дальше, удалился, скрылся в темноте.

Облаченный в гладкий неопреновый костюм Пендергаст выбрался на транцевую площадку и присел, напряженно вслушиваясь. Тишина. Он осторожно поднялся и выглянул за транец. Различил в сумраке двоих. Один сидел на юте, расслабившись, и курил, беззаботно светя огоньком сигареты. Второй, едва различимый, прохаживался по баку.

Сидящий на юте приложил к губам пивную бутылку, отпил изрядно. Спустя несколько минут встал, пошатываясь, и отправился обходить палубу. Остановился футах в пяти от Пендергаста, глянул на реку, затем вернулся к облюбованному месту, уселся и снова отпил. Раздавил окурок, закурил новую сигарету.

Из небольшого непромокаемого мешка, взятого с собой, Пендергаст достал свой «лес-баер» сорок пятого калибра и быстро проверил его. Сунул назад в мешок, извлек короткий отрезок резинового шланга.

Снова замер, выжидая, вслушиваясь. Матрос на юте долго пил и курил, но потом все-таки поднялся. Скрылся за дверью и исчез в недрах яхты, чьи многочисленные иллюминаторы светились тускло и приглушенно.

В мгновение ока Пендергаст перемахнул через транец, метнулся через палубу и притаился за парой шлюпок.

Благодаря новоиспеченному другу мистеру Лоуэ агент узнал: на борту, скорее всего, осталась лишь небольшая часть команды. Большинство сошло на берег после обеда, оставив, как полагал менеджер, только четверых. Но следовало проверить, насколько правдива эта информация.

Судя по описанию, один из четверых, несомненно, Эстерхази. Недавно на яхту загрузили припасы, и среди привезенного был длинный контейнер из нержавеющей стали, достаточной величины, чтобы спрятать лежащего без сознания человека. Либо, само собою, труп.

Пендергаст поразмыслил немного над тем, что сделает с Эстерхази, если тот уже убил Констанс.

Эстерхази сидел в моторном отсеке рядом с Фалькonerом, рыжей женщиной, чьего имени не знал, и четырьмя матросами, вооруженными автоматическими пистолетами «Беретта 93R», рассчитанными на стрельбу очередями по три патрона. Фалькoner настоял, чтобы для операции они сосредоточились в моторном отсеке, самом безопасном помещении на яхте. Все ожидали молча.

За дверью слышались осторожные шаги. Затем слегка постучали трижды, выждали и уже громче постучали дважды.

Фальконер встал и открыл дверь. Вошел мужчина с сигаретой во рту.

— Загасить! — зло приказал Фальконер.

Вошедший торопливо исполнил приказ и отрапортовал:

— Он на борту!

— Когда? — спросил Фальконер.

— Несколько минут назад. Он крут: подплыл на куче мусора, какой река несет. Я почти и не заметил. Он вскарабкался на транцевую площадку и сейчас прячется на юте. Вик на мостике присматривает за ним в очки ночного видения.

— Он заподозрил что-нибудь?

— Нет. Как вы и приказали, я прикинулся нетрезвым.

— Отлично!

— Черт побери! — Эстерхази встал, злясь. — Если уж была возможность его прикончить, почему вы ее не использовали? Не задирайте носы, этот человек стоит полдюжины вас! Стреляйте при первой же возможности!

— Нет, — кратко ответил Фальконер.

— Что значит «нет»? — изумился Эстерхази. — Мы ведь уже обсудили...

— Брать живьем! — приказал Фальконер команде. — Мне нужно задать пару вопросов, перед тем как я его прикончу.

— Вы совершаете огромную ошибку! Даже если сможете захватить его живым, он ничего не расскажет!

Фальконер ухмыльнулся, отчего отвратительно шевельнулась и без того мерзкая бородавка под глазом.

— Разговорить людей для меня не проблема. Но, Джадсон, мне интересно, отчего это вы так волнуетесь? Боитесь, что я узнаю ваши маленькие тайны?

— Да вы понятия не имеете, с кем связались! — быстро проговорил Эстерхази, ощутив укол знакомого страха и оттого занервничав. — Вы просто глупцы, если не убили его на месте, прежде чем он разобрался в происходящем!

— Нас дюжина, и мы отлично вооружены, — ответил немец,

сощурившись. — И прекрасно подготовлены. Многие годы мы безукоризненно заботились о вас, и теперь вдруг вы не доверяете нам? Я удивлен и оскорблен.

В голосе Фальконера звучал откровенный сарказм. А у Эстерхази скрутило желудок от страха. Неужели «Ковенант» знает?

— Мы выйдем в открытое море, — продолжил немец. — У нас преимущество внезапности — цель не предполагает, что угодила в засаду. Женщина связана и сидит в трюме. Ваш Пендергаст целиком в нашей власти.

Эстерхази судорожно сглотнул, подумав: «И я тоже».

— Выходим в море! — скомандовал Фальконер в микрофон. Затем осмотрел собравшихся в моторном отсеке. — Позволим остальным разобраться с гостем. Если случится непредвиденное, вступим в дело и мы.

Пендергаст, все еще сидящий на корточках за шлюпками, вдруг услышал донесшийся из недр судна рокот. Заработали моторы.

На баке послышались голоса, плеснул о воду сброшенный швартовный конец, яхта развернулась носом к западу, к навигационному фарватеру на реке. Моторы заработали на полных оборотах.

Пендергаст сопоставил факт своего прибытия на борт и внезапность отплытия и решил: совпадение это отнюдь не случайно.

Глава 68

На борту «Фергельтунг»

Сидя рядом с Фалькonerом в моторном отсеке, Эстерхази терпеливо ждал. Небольшое помещение заполнял тяжелый рокот дизелей, разогнавших яхту до крейсерской скорости.

Эстерхази проверил часы: Пендергаст проник на борт десять минут назад. Ожидание давило на нервы. Ему совсем не нравился такой поворот событий. Фалькoner солгал. И это было очень дурным признаком.

Столько труда и нервов стоило заманить Пендергаста! Констанс сделала в точности то, чего от нее ожидали: будучи кое-как привязанной, вырвалась, написала записку и перебросила во двор соседнего дома, где ожидала забравшаяся в пустую квартиру рыжая баба. Надо думать, раз Пендергаст оказался здесь, он заглотал столь аккуратно, изысканно приготовленную наживку — «возмездие», что по-немецки и значит «фергельтунг». Ловушка потребовала большого искусства, ведь следовало обеспечить достаточно данных, чтобы вычислить яхту, и одновременно сделать их как можно более скудными, чтобы не родить подозрение.

А теперь Фалькoner может испортить все дело, желая взять агента живым. К горлу подступила тошнота. Эстерхази понимал, зачем немцу живой враг. Фалькoner любил пытки. Чертов психопат! Его высокомерие и садизм могут все пустить насмарку.

Эстерхази ощущал, как его охватывает давно знакомый страх, как стучит в рассудок паранойя. Он вынул пистолет, проверил, взвел. Если Фалькoner не прикончит агента при первой же возможности, придется заняться этим самому. Закончить начатое на шотландских болотах. Навсегда закрыть рот Пендергасту до того, как он, случайно или нарочно, не откроет секрет, хранимый от «Ковенанта» уже целое десятилетие. Господи, если бы только Пендергаст не вздумал проверить то старое ружье, если бы не стал ворошить прошлое...

Он не имеет ни малейшего понятия, какое безумие затронул и разбудил. Может, стоило раскрыть жуткую тайну еще много лет

назад, когда Пендергаст женился на Хелен.

Теперь уже слишком поздно.

Из рации Фальконера послышался треск.

— Это Вик, — пробился голос сквозь помехи. — Не понимаю как, но мы его потеряли. За шлюпками его больше нет.

— Verdammt Mist!^[28] — буркнул Фальконер в рацию. — Как мы умудрились потерять его?

— Не знаю. Он спрятался там, где мы не могли его видеть. Мы подождали, ничего не происходило, потому я оставил Бергера наблюдать из кают-компания, а сам поднялся на верхнюю палубу посмотреть за шлюпками. Клиента там не оказалось. Не понимаю, как он исчез: куда бы он ни двинулся, мы бы заметили.

— Он прячется где-то поблизости. Все люки задраены, двери закрыты. Пошли Бергера на ют, сам прикрывай его с мостика.

— Закрытые двери не препятствие для Пендергаста, — сообщил Эстерхази по рации.

— Он не смог бы прошмыгнуть мимо двери в кают-компанию, мы бы обязательно заметили, — ответил Вик.

— Найдите его, выгоните наружу!.. Капитан, где мы?

— Заходим в акваторию порта.

— Держать крейсерскую скорость! Курс в открытое море!

Виктор сидел на корточках на мостике «Фергельтунга», в трех этажах над водой. Яхта миновала место, где быстро рос строящийся Всемирный торговый центр, и уже огибала южную оконечность Манхэттена, оставив по левому борту освещенный прожекторами район Бэттери. Небоскребы бизнес-центра вонзались в небо светящимися фантастическими сталагмитами, расцвечивая разноцветьем воду, окутывая яхту призрачным сиянием.

За спиной Виктора городские огни освещали ют. У левого борта на таях были подвешены рядом две укрытые брезентом небольшие моторные шлюпки, предназначенные для сообщения с берегом. Пендергаст не мог выбраться из-за них, не оказавшись на открытой наблюдению палубе. А уж наблюдали неотрывно, не спуская глаз. Пендергаст должен оставаться на корме, вблизи них.

Сквозь очки ночного видения Вик увидел Бергера, вышедшего из кают-компания с оружием на изготовку. Он снял очки и изготовился к стрельбе, чтобы прикрыть напарника.

Бергер задержался на пару секунд в тени, затем прокрался к первой шлюпке и застыл, пригнувшись, у носа.

Виктор ожидал, нацелив «беретту». Пусть только клиент высунется хоть на мгновение — получит дозу свинца! Вик был когда-то военным и трижды плевал на приказ брать живым. Нельзя рисковать ребятами за возможность взять ублюдка живьем.

Бергер медленно пробирался вдоль шлюпки к борту.

В наушнике затрещало, и Бергер сообщил:

— За шлюпками его нет!

— Проверь и будь осторожен вдвойне! Скорее всего, он шмыгнул назад за транец и ждет, пока кто-нибудь приблизится!

Не опуская пистолета, Вик наблюдал, как Бергер осторожно перебрался ко второй шлюпке.

— И тут его нет, — прошептала рация.

— Значит, он спрятался за транец.

Бергер, пригнувшись, подобрался к транцу, сжался, затем распрямился будто пружина, нацелив оружие на транцевую площадку. Тут же пригнулся снова.

— Там никого!

Виктор задумался. Черт, безумие какое-то! И сделал вывод:

— Он внутри! Прячется в шлюпке, под тентом.

Виктор снова повернул ствол оружия в сторону шлюпок. Бергер взялся за кормовой трап первой шлюпки, опустил, ступил на него, затем оперся о подвесной мотор, чтобы приподнять тент и заглянуть внутрь.

Рация принесла слабый щелчок, а за ним — звук электронного зуммера.

О боже!

Холодея, Виктор узнал этот звук.

— Бергер!

От шлюпки вдруг донесся душераздирающий рев. Бергер взвизгнул и отлетел в облаке темных брызг, шлепнулся на палубу, изувеченный, со вспоротым боком.

На мгновение Виктор застыл от ужаса, но тут же опомнился и располосовал борт шлюпки очередями от носа до кормы, пока магазин не опустел. Пули рвали брезент, дырявили борта, делая решето из того, кто вздумал спрятаться внутри. С кормы взметнулись языки огня.

Бергер лежал, не шевелясь, и вокруг него расплзалась темная лужа.

Трясущимися руками Вик извлек пустой магазин, вбил на место новый.

— Что вы такое творите? — заорал в наушнике Фальконер. — Что там происходит?

— Он убил Бергера! — заорал Вик. — Он...

— Прекрати стрелять! Идиот, мы же на судне! Устроишь пожар!

Виктор посмотрел на вырывающееся из-под брезента пламя. Глухо бухнуло, и огонь взметнулся выше, питаясь бензином из пробитого бака.

— Вот дерьмо, уже горит...

— Где?

— На шлюпке.

— Спусти ее! Убери с яхты! Скорее!!

— Так точно!

Виктор слез на нижнюю палубу и кинулся к шлюпке. Клиента не видно — наверняка лежит мертвый внутри, под тентом. Виктор быстро отщелкнул замки у носа и кормы, откинул транец, снял фиксатор лебедки. Шлюпка качнулась назад, заскользила по полозьям. Виктор ухватился за форштевень и подтолкнул, придавая ускорение.

Когда горящая корма шлюпки попала в бурлящую струю от винтов, шлюпка дернулась и цепи лопнули. Виктор едва не улетел

вслед за нею, но сумел ухватиться за поручни на корме яхты. Шлюпка села на корму, сразу набрала воды и закрутилась, погружаясь.

Пожар улетел за борт, а с ним, скорее всего, и труп клиента. Виктор улыбнулся: гора с плеч, честное слово!

Но радовался он недолго.

Внезапно его сильно толкнули сзади, чья-то рука сорвала с него наушник и рацию, и Виктор улетел в ледяную воду вслед за шлюпкой.

Глава 69

Пригнувшись, укрывшись за правым бортом оставшейся шлюпки, Пендергаст смотрел, как горящая шлюпка исчезает в ночи, как над ней смыкается темная вода. Крики сброшенного за борт человека делались все тише и вскоре затерялись среди плеска воды, рокота моторов и шума ветра в снастях. Пендергаст надел наушники, подогнал и, отрегулировав прием, принялся слушать по рации переговоры встревоженной команды.

Из них он определил количество людей на борту, их расположение и настроение.

Информация оказалась весьма полезной.

Слушая, он сбросил гидрокостюм, изрядно стеснявший движения, и швырнул его за борт. Вынул из водонепроницаемого мешка одежду и быстро переоделся. Мешок тоже бросил в воду. Спустя несколько минут передвинулся к носу шлюпки.

Мостик на самом верху казался пустым. Верхнюю палубу патрулировал лишь один матрос. С обеих крайних точек его маршрута отлично просматривался ют.

Пендергаст заметил, что человек наверху смотрит в сторону тонущей горячей шлюпки, переговариваясь при этом по рации. Через минуту патрульный переместился к рубке и зашагал туда-сюда перед нею, охраняя. Пендергаст подсчитал, сколько секунд занимает переход из стороны в сторону, в нужный момент выпрыгнул из-за шлюпки, кинулся через палубу к входу в кают-компанию. Присел у дверей, защищенный навесом от взгляда сверху. Попробовал дверь — закрыта. В кают-компании было темно, сквозь тонированное стекло не разобрать, что делается внутри.

Замок оказался простейший и поддался сразу. Шума вокруг хватало с избытком, чтобы замаскировать движения. Однако, открыв дверь, Пендергаст не спешил заходить. Из услышанного по рации стало ясно: на борту гораздо больше людей, чем он предполагал ранее. Несомненно, мистера Лоуэ сознательно дезинформировали. Яхта направляется к проливу Нэрроуз и, несомненно, к простирающейся за ним Атлантике. Как скверно вышло!

То есть скверно для перспектив выживания команды «Фергелтунга».

Пендергаст снова прислушался к переговорам по радиии, точнее представив ситуацию на борту. Но ничего о том, где держат Констанс, так и не услышал. Явный главарь устроивших засаду говорил на смеси английского с немецким, причем находился в месте с сильным шумом, наверняка в моторном отсеке. Остальные рассредоточились по яхте, ожидая приказов. Эстерхази слышно не было.

Судя по услышанному, кают-компания пустовала. С чрезвычайно осторожностью Пендергаст приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Несмотря на сумрак, отчетливо различалась элегантность, изысканность каюты. Стены отделаны красным деревом, кресла белой кожи, бар с гранитной стойкой, мягкий ковер, едва различимый в тусклом свете. Пендергаст быстро осмотрел каюту — пусто.

По радиии вдруг затараторили разноголосом, из коридора послышался топот. Кажется, на бак выскочили сразу несколько и сейчас достигнут кают-компании. Пендергаст выскользнул наружу, закрыл дверь. Пригнулся в сумраке дверной ниши, прижав ухо к стеклопластику стены. Шаги уже в кают-компании! Вошедших двое, они переговариваются шепотом по радиии. Хотят попасть на ют и проверить, что случилось с Виктором: он не выходил на связь с тех пор, как спустил на воду горящую шлюпку.

Отлично!

Пендергаст выскользнул из дверной ниши, прижался к стене, скрытый навесом от взглядов сверху. В каюте стало тихо — очевидно, вошедшие испугались и решили выждать, тоже прислушиваясь.

Двигаясь с чрезвычайной осторожностью, Пендергаст подкрался к трапу, ведущему на следующую палубу, затем шагнул с него на небольшой выступ — участок крыши салона. Выход вентиляционной трубы заслонял его от взглядов с верхней палубы. Растянувшись на гладком стеклопластике, Пендергаст выглянул за навес и, вытянув руку с пистолетом, провел стволом по двери. Легкое касание, слабый шум — но, вне сомнений, хорошо слышный в каюте.

Ни звука в ответ. Конечно, люди внутри напряглись еще больше. Они сомневаются, не могут решить, случайный ли это шорох либо за

дверью враг. А значит, пока они не двинутся с места.

Вернувшись на крышу и по-прежнему укрываясь за вентиляционной трубой, Пендергаст прижал ствол пистолета к крыше и нажал на спуск. В каюте оглушительно грохнуло: экспансивная пуля патрона «.45 ACP Black Talon» проделала немалую дыру в крыше, наполнив каюту клочками стеклопластика и пылью. Агент в мгновение ока прыгнул на лестницу и метнулся к дверной нише, а перепуганные матросы ударили очередями по крыше, изрешетив место, где он только что был. Заодно и раскрыли, где находятся. Один совершил ожидаемое: кинулся опрометью наружу, стреляя на ходу. Пендергаст, стоявший за дверью, подсек его щиколотки, одновременно ударив по шее. Сбитый матрас со всего маху грохнулся лицом о палубу и замер, лишившись чувств.

— Хаммар! — заорали из каюты.

Не теряя ни секунды, Пендергаст кинулся в распахнутую дверь. Оставшийся в каюте матрос развернулся, выпустил очередь, но Пендергаст, ожидавший этого, бросился на застланный ковром пол, перекатился и выстрелил один раз, попав точно в грудь. Матрос ударился спиной в плазменный экран и рухнул наземь, осыпаемый дождем стеклянных осколков.

Вскочив, Пендергаст выбежал из двери по правому борту, затем прижался к стене рядом с дверной нишей. Прикрытый навесом сверху, замер, прислушиваясь к суматошным переговорам по рации, совершенствуя свое представление об устройстве корабля и положении команды.

— Сцелл, ты где? — вопил в рацию главарь.

Линию забило множество голосов, расспрашивавших друг друга о выстрелах. В конце концов главарь-немец приказал всем заткнуться.

— Сцелл! — хрипло заревел он снова. — Ты на связи? Отвечай!

Пендергаст отметил с удовлетворением, что Сцелл уже не выйдет на связь.

Никогда.

Глава 70

Эстерхази, тревожась все больше, наблюдал, как Фальконер кричит в микрофон:

— Сцелл! Хаммар! Отзовитесь!

В ответ — лишь треск статики.

— Черт побери! — не выдержал Эстерхази. — Я же повторял столько раз: вы его недооценили! — Он в отчаянии грохнул кулаком по переборке. — Вы понятия не имеете, кто ваш противник! Он перебьет всех ваших людей! А потом придет за вами!

— У нас дюжина тяжеловооруженных профессионалов против одного!

— Уже не дюжина! — огрызнулся Эстерхази.

Фальконер сплюнул, затем проговорил по рации:

— Капитан, доложите обстановку!

— Капитан докладывает, — послышался спокойный голос капитана. — Из кают-компания слышалась стрельба. Было возгорание на шлюпке.

— Это мне известно. Обстановка в рубке?

— Здесь все нормально. Со мной Грубер, мы оба тяжело вооружены, рубка наглухо закрыта изнутри. Что за чертовщина происходит на судне?

— Пендергаст вывел из строя Вика Клемпера и Бергера. Я послал Сцелла с Хаммаром проверить кают-компанию, и теперь с ними нет связи. Будь настороже!

— Есть, сэр!

— Держись на курсе, ожидай приказа.

Эстерхази пристально посмотрел на Фальконера. Тонкое, с резкими чертами лицо немца оставалось совершенно спокойным.

— Ваш хороший знакомец, похоже, предугадывает каждый наш шаг. Как ему удается?

— Он — дьявол, — кратко ответил Эстерхази.

Фальконер прищурился. Казалось, сейчас он скажет, что-то злое и презрительное, но вместо этого он отвернулся и сказал в микрофон:

— Бауман?

— Бауман на связи!

— Где находишься?

— Верхний ВИП-салон. С Эберштарком.

— Клемпер выбыл. Командуешь теперь ты. Идите к Насту на верхнюю палубу. Ты поднимайся по трапу на юте, Эберштарк — по главному трапу. Если цель наверху, накройте перекрестным огнем. Передвигайтесь с максимальной осторожностью! Если его не обнаружите, прочешите верхнюю и прочие палубы с носа до кормы. Забудьте о приказе взять живым. Стреляйте на поражение!

— Да, сэр! Стрелять на поражение.

— Циммерман и Шульц, займите позиции на главной палубе, чтобы перехватить спускающихся по обоим трапам. Если клиента не подстрелят на верхней палубе, он вынужден будет спуститься, а там его достанете вы.

— Так точно, сэр!

Эстерхази мерял шагами моторный отсек, лихорадочно соображая. План Фальконера казался отличным. Как может Пендергаст — даже Пендергаст! — избежать пяти вооруженных автоматическим оружием людей, заходящих с двух сторон, на тесном судне?

Он посмотрел на немца, спокойно разговаривающего по рации. С ужасом вспомнил возбуждение и наслаждение в его глазах, удовольствие от мучений несчастного журналиста. Впервые Эстерхази видел, чтобы Фальконер по-настоящему радовался. Он вспомнил, какими стали глаза немца, говорившего о поимке Пендергаста живьем, — в них сверкало хищное, жадное предчувствие запретного наслаждения. Взгляд проснувшейся жажды.

Несмотря на исходящее от дизеля тепло, Эстерхази пробрало холодом. А ведь даже после смерти Пендергаста проблемы с «Ковенантом» не разрешатся. Напротив, они начнутся всерьез.

Какая же это огромная ошибка — запланировать ловушку на «Фергелтунге»! Теперь и сам Эстерхази целиком во власти «Ковенанта».

Глава 71

Пендергаст взобрался наверх по борту яхты, цепляясь, словно рыба-прилипала, ко всем неровностям, используя в качестве опор выступы иллюминаторов. Поднялся к нижнему краю иллюминаторов рубки. В кают-компании иллюминаторы были тонированные, внутрь заглянуть невозможно. Но стекла в иллюминаторах рубки были прозрачные. В свете приборных индикаторов агент различил внутри двоих: капитана и вооруженного старшего помощника, исполнявшего заодно функции штурмана. В салоне на верхней палубе, сразу за рубкой, шагал туда-сюда охранник с автоматом. Иногда он выходил на палубу, обходил ее по кругу и возвращался назад. За пределами салона палуба пустовала — лишь порожний, не прикрытый тентом подогреваемый бассейн и пара шезлонгов.

Рубка была надежно закрыта изнутри. Конечно же, на подобной яхте безопасность — забота первостепенная. Стекла наверняка ударопрочные. Судя по толщине, и пуленепробиваемые. Внутрь никак не попасть.

Пендергаст пробрался вдоль наклонной стены, пока не оказался на уровне фальшборта, у места, где раздвижные стеклянные двери вели из салона на палубу.

Выудил из кармана монету и швырнул так, чтобы она звякнула о стекло двери.

Охранник всполошился, пригнулся, осматриваясь.

— Наст на связи, — прошептал в рацию. — Я услышал подозрительный звук.

— Где?

— Здесь, на верхней палубе.

— Проверь. Но крайне осторожно! Бауман, Эберштарк, прикройте его.

Пендергаст различил в сумраке силуэт охранника, пригнувшегося у двери, затем выглянувшего наружу. Удостоверившись, что на палубе никого нет, охранник выпрямился, раздвинул дверь и осторожно шагнул наружу, держа оружие на

изготовку. Пендергаст опустился за край палубы и зашептал в рацию хрипло, тихо и неразборчиво:

— Наст, левый борт, за поручнями, — проверь там.

И замолк, выжидая. Спустя пару секунд наверху явилась темным пятном голова Наста. Он посмотрел вниз — и получил пулю в лицо.

Сдавленно вскрикнув, охранник шатнулся назад, затем тело обмякло, упало на поручни. Пендергаст помог ему перевалиться. Тело ударилось о фальшборт на главной палубе и повисло на нем, лежа поперек прохода.

Ухватившись за балку. Пендергаст рывком перекинул себя на верхнюю палубу. В рации затараторили несколько голосов. Агент прыгнул в пустой бассейн и замер, сидя на корточках. Он знал, что двое уже торопятся на верхнюю палубу.

Они с громким топотом ворвались одновременно: первый — с кормового трапа, второй — с носового. Пендергаст выждал, пока оба окажутся в нужных местах, выскочил из бассейна и выстрелил один раз, чтобы напугать. Как он и ожидал, оба одновременно принялись палить очередями. Первый рухнул на палубу, убитый наповал, второй успел упасть и стал палить наугад.

Пендергаст обездвижил его одним выстрелом и прыгнул через поручни верхней палубы на главную. Тело Наста обеспечило вполне мягкое приземление. Затем он прыгнул за поручни и схватился за стойки руками, стараясь нащупать ногами опору. Борт внизу шел под углом, и ноги Пендергаста повисли над водой, но вскоре он отыскал надежный упор — выступ у нижнего иллюминатора.

Он опустился ниже уровня палубы, прислушиваясь. И снова рация сообщила все необходимое.

Глава 72

Эстерхази продолжал мерить шагами моторный отсек, наблюдая за растущими среди команды «Фергельтунга» паникой и отчаянием, вполне отражавшими его личные смятение и растерянность.

Ну как Пендергасту удастся такое? Словно мысли читает...

Вдруг он понял. Ну конечно же! Так просто...

Понимание тут же породило идею.

Впервые за долгое время он заговорил по рации:

— Говорит Эстерхази! Выведите девку на бак! Нужно быстрее от нее избавиться — она теперь лишь помеха!

Отключился и знаком показал Фальконеру, чтобы не пользовался рацией.

— Какого черта? — хрипло прошептал немец. — Кому ты приказываешь? От нее нельзя избавляться, мы же потеряем все средства воздействия на этого...

Эстерхази приложил палец к губам и прошептал:

— У него рация, вот он и предугадывает все наши шаги. У сукина сына наша рация!

Фальконер мгновенно обдумал ситуацию.

— Сейчас мы поднимемся вверх. Подстережем его, когда явится за ней. Быстрее, соберем всех, кого сможем!

Они покинули моторный отсек и с оружием наготове поднялись по трапу, прошли через камбуз и сквозь люк в дальнем его конце попали на верхнюю палубу. Там их ожидал Шульц.

— На верхней палубе слышалась пальба, — сообщил он.

Фальконер знаком приказал молчать. Затем прошептал:

— Иди с нами!

Все трое быстро и бесшумно прокрались к баку, пригнулись, спрятавшись за контейнерами со спасательными кругами и жилетами. И минуты не прошло, как из-за поручней по правому борту

выпрыгнул черный силуэт,двигающийся проворно и бесшумно, словно летучая мышь. Он прильнул к передней стене салона.

Шульц прицелился.

— Пусть подойдет ближе! — прошептал Фальконер. — Бить надо наверняка.

Все замерли в ожидании, но Пендергаст и не думал выглядывать из-за стены.

— Снова обвел нас, — прошептал Фальконер.

— Нет, ждите! — ответил Эстерхази.

Минута тянулась за минутой. И вдруг из-за стены метнулась черная тень, пронеслась через палубу.

Шульц выпустил очередь, вспоров стену каюты, а Пендергаст нырнул за переднюю шлюпбалку и спрятался за низкой стальной расчалкой.

Игра началась!

Фальконер выстрелил. Пуля отрикошетила с громким звоном, выбив фонтан искр.

— Мы его загнали! — объявил Фальконер, снова стреляя. — Оттуда не выберется! Стреляйте осторожнее: рикошет!

Из-за шлюпбалки выстрелили в ответ, охотники инстинктивно пригнулись, и в это мгновение черная фигура вылетела из-за расчалки, буквально пролетела по воздуху над фальшбортом и рухнула за него головой вниз.

Все трое выстрелили — и опоздали. Фальконер и Шульц кинулись к борту, выстрелили вниз, но цель уже исчезла.

— Он покойник! — выдохнул Шульц. — При такой температуре воды не протянет и четверти часа!

— Ты так уверен? — заметил Эстерхази, подходя к ним и глядя в сторону кормы, где колыхались холодные темные воды и уходила в сумрак взбитая винтами пенная дорожка. — Он заберется на яхту, используя нижние поручни на корме.

Фальконер глянул на бак, потом на ют. Впервые его поразительное спокойствие и уверенность дали трещину. Несмотря

на холод, на его лбу проступили капли пота.

— Атакуем ют! Возьмем его, когда вскарабкается на борт.

— Слишком поздно! — отрезал Эстерхази. — Пока мы собирались, он уже вернулся на борт и, несомненно, ждет, что мы кинемся навстречу.

Пендергаст сидел за транцем, ожидая желающих его прикончить. Краткое погружение в воду испортило рацию. Жаль, но недавние события показали, что она, скорее всего, уже бесполезна. Он швырнул ее за борт.

Яхта шла на прежней скорости, пересекая Нэрроуз. Миновали сияющую огненную полосу моста Верразано-Нэрроуз, расчертившего небо колоссальной, но изящной дугой. Впереди расстился океан.

Пендергаст по-прежнему сидел, выжидая.

Глава 73

— Мы еще можем его взять, — сказал Фальконер, глядя на Эстерхази. — У нас полдюжины вооруженных до зубов профессионалов. Соберем всех и атакуем разом...

— Да у вас уже не наберется полдюжины! — воскликнул Эстерхази. — Вы что, не понимаете? Он убивает нас одного за другим. Грубая сила не поможет. Мы должны его перехитрить.

Фальконер не ответил. Он молча глядел, тяжело дыша.

По правде говоря, с тех пор как покинули моторный отсек, Эстерхази отчаянно пытался придумать надежный план. Но все менялось так быстро, времени на обдумывание не хватало. Пендергаст и Констанс...

Стоп!

Констанс. С нею может и сработать. Определенно.

— Он пришел сюда за женщиной. Она — его слабое место, — сказал Эстерхази немцу.

— Второй раз это не сработает.

— Нет, сработает. Теперь мы используем ее по-настоящему.

— И как же? — нахмурился Фальконер.

— Поверьте мне, это сработает. Я знаю Пендергаста.

Фальконер отер пот со лба:

— Ладно. Приведите женщину. Я подожду здесь вместе с Шульцем.

От моторного отсека к носовому трюму вел недлинный коридор. Спустившись по трапу, Эстерхази кинулся к двери, распахнул ее, прыгнул внутрь и торопливо задраил дверь. Хорошо, тут никакая отмычка не поможет.

После убийства репортера днем раньше не осталось и следов. Запятнанный кровью тент исчез. Эстерхази подошел к двери крайнего носового отсека, отомкнул и распахнул ее. Из сумрака

выглянуло женское лицо: спутанные волосы, пятна от машинного масла. А в глазах — откровенная, раскаленная добела ненависть. Эстерхази даже растерялся на мгновение. Жутко: такая ярость в глазах, а лицо остается спокойным, будто стянутое ледяной маской. Рот заткнут кляпом и заклеен липкой лентой. Хорошо, что эта женщина не может ничего сказать.

— Я выведу тебя наружу. Пожалуйста, не делай резких движений.

Сунув пистолет за пояс, Эстерхази схватил Констанс за волосы, второй рукой обхватил за плечи. Хотя руки ее были надежно связаны, женщина попыталась сопротивляться. Все же он сумел вытащить ее наружу. Она не сводила с Эстерхази полного ненависти взгляда. Он пихнул ее к двери, сам замер, прислушиваясь. Ведя Констанс перед собой, как живой щит на случай появления Пендергаста, раздвинул дверь, распахнул и толкнул женщину вперед, нацелив пистолет в основание черепа.

Коридор оказался пустым.

— Иди! — Эстерхази подтолкнул ее к трапу.

В конце концов оба благополучно выбрались на верхнюю палубу. Яхта двигалась навстречу несильному холодному ветру, рассекая волны. Огни Манхэттена превратились в далекое сияние на горизонте, яркая изящная арка моста Верразано делалась все тоньше, погружалась в сумрак. Яхту ощутимо качало. Уже вышли в открытый океан.

Фальконер побледнел еще сильнее.

— Никто не может связаться с Эберштарком и Бауманом, — сообщил он. — Посмотрите, что стало с Настом.

Он указал вниз, где лежало у борта изломанное тело, подтекавшее кровью.

— Действуем быстро! — ответил Эстерхази. — Слушайте меня.

Фальконер кивнул.

— Вы с Шульцем — держите ее крепко. Будьте очень осторожны! Я ее развяжу.

Двое схватили Констанс. Она прекратила сопротивляться. Эстерхази разрезал ленту, снял наручники. Содрал со рта липкую

ленту.

— Я тебя убью за все твои подлости, — пообещала она немедленно.

— Мы выбросим ее за борт, — сказал Эстерхази Фальконеру.

— Если так, мы потеряем... — пробормотал тот.

— Наоборот.

— Но она же просто сумасшедшая. Он не обменяет свою жизнь на ее. Позволит утонуть, и все.

— Я ошибался, — признался Эстерхази. — Она не безумна. Скорее, наоборот. Пендергасту она очень дорога. Прикажите капитану, чтобы отметил место, где мы ее сбросим, на джи-пи-эс.

Они подтащили ее к поручням. Внезапно Констанс испустила яростный пронзительный крик и принялась извиваться.

— Нет! — крикнула она. — Не делайте этого! Я не умею...

— Не умеешь чего? — спросил Эстерхази.

— Плавать!

— Принесите спасательный жилет! — приказал Эстерхази, чертыхнувшись.

Фальконер вытащил жилет из палубного контейнера. Эстерхази подхватил, приказал:

— Надевай!

Констанс напаялила его. К ней вернулось прежнее ледяное спокойствие, но руки, застегивающие жилет, тряслись и никак не могли управиться с замком.

— Я не могу... — пожаловалась она тихо.

Подошедший Эстерхази застегнул жилет спереди, нагнулся, затягивая ремень.

Констанс внезапно ударила его снизу вверх кулаком в подбородок. Эстерхази зашатался, но успел заметить несущиеся к его глазам ногти. Зарывав от боли, он отшвырнул Констанс. Женщина упала. Фальконер пнул ее в бок, схватил за волосы, рывком поставил на ноги, а Шульц обхватил и придавил к поручням, обездвижив руки. Она закричала, мотая головой и пытаясь укусить.

— Полегче! — предупредил Эстерхази. — Не покалечьте ее, а то план пойдет насмарку.

— Поднимайте! — скомандовал немец, хватая Констанс за плечо. — Ну же!

Она вдруг забилась с неожиданной, пугающей силой.

— Вира! — скомандовал Фалькoner.

Трое мужчин подняли Констанс над поручнями и швырнули в океан. Упала она тяжело, скрылась под водой, но через секунду вынырнула, махая руками.

Шум ветра и волн быстро заглушил ее отчаянный крик. Выброшенная за борт осталась позади, растворилась в темноте.

Глава 74

Едва заслышав ее крики, Пендергаст кинулся на бак. На бегу заметил белый силуэт, летящий сверху.

Констанс!

Она ушла под воду, вынырнула — и осталась далеко за кормой. На мгновение Пендергаст застыл, словно парализованный. Затем все понял.

Из салона наверху раздался голос Эстерхази:

— Алоизий, ты меня слышишь? Выходи с поднятыми руками. Сдавайся! Если сдашься, мы развернем яхту. Иначе пойдем дальше в море. Скорее!

Пендергаст, сжимавший в ладони пистолет сорок пятого калибра, не шелохнулся.

— Если хочешь, чтобы мы развернулись, выходи с поднятыми руками. Сейчас ноябрь, и уж тебе-то известно, насколько холодна вода. У Констанс пятнадцать минут, самое большее — двадцать.

И снова Пендергаст не двинулся. Не мог двинуться.

— Ее положение отмечено на джи-пи-эс! Найдем ее за минуты!

Еще одно невыносимое, болезненное мгновение сомнений.

Пендергаст почти восхищался замечательной выдумкой Эстерхази.

Он поднял руки, сцепив пальцы на затылке, и медленно пошел вперед. Обошел салон и увидел за ним Эстерхази и двух его сообщников, в их руках — нацеленное оружие.

— Медленно подойди к нам, руки за головой!

Агент подчинился.

Эстерхази шагнул навстречу, забрал его пистолет и сунул себе за пояс. Обыскал с ног до головы, обстоятельно и профессионально. Извлек ножи, «вальтер» тридцать второго калибра, пакеты с реактивами, проволоку, различные инструменты. Ощупал подкладку пиджака и обнаружил множество подшитых там предметов.

— Сними пиджак!

Пендергаст снял пиджак и бросил на палубу.

— Наденьте наручники, зафиксируйте его как следует с ног до головы! Я хочу, чтобы его запеленали как мумию, без малейшей возможности двигаться.

Сообщник стянул руки агента за спиной пластиковой лентой, заклеил рот изолентой.

— Лежать! — приказал второй сообщник, в чьей речи слышался отчетливый немецкий акцент.

Пендергаст подчинился. Его щиколотки стянули, липкой лентой окрутили запястья, предплечья и ноги, совершенно лишив возможности двигаться.

— Отлично! — подытожил Эстерхази, обращаясь к немцу. — Теперь прикажите капитану развернуться и подобрать девушку.

— Зачем? — спросил тот. — Мы достигли цели, кому какое дело до нее?

— Вы ведь хотели, чтобы он заговорил, верно? Не потому ли он еще жив?

Поразмыслив немного, немец связался с капитаном по радиации. Спустя несколько секунд яхта замедлила ход и начала разворачиваться.

Эстерхази посмотрел на часы и сообщил Пендергасту:

— Двенадцать минут. Надеюсь, ты не слишком долго колебался.

Глава 75

Эстерхази взялся за швартовочный линь.

— Помоги привязать его к утке! — приказал он Шульцу.

А сам в это время лихорадочно размышлял. Изображал уверенность и бесстрашие, спокойно командовал, а сам чуть из кожи вон не лез от страха. Следовало как можно быстрее отыскать путь к спасению. Но в голову ничего не шло. Чертов немец сказал: «Многие годы мы безукоризненно заботились о вас, и теперь вдруг вы не доверяете нам? Я удивлен и оскорблен».

Кажется, при таком раскладе проживешь ненамного дольше Пендергаста.

Развернувшаяся яхта замедлялась, достигнув отмеченных на джи-пи-эс координат. Эстерхази перешел на нос, отыскивая выброшенную за борт девушку. Полверхность моря освещали два мощных прожектора с рубки.

— Там! — воскликнул Эстерхази, когда в луче прожектора засверкала светоотражающая полоска на спасательном жилете.

Яхта поравнялась с девушкой и замедлилась еще более, поворачивая. Эстерхази побежал на ют, багром подцепил спасательный жилет, подтянул Констанс ближе. Подоспел Фальконер. Вдвоем они вытащили девушку на площадку. Затем вынесли на палубу и направились в салон. Там уложили Констанс на ковер.

Та была в глубоком шоке, но еще дышала. Эстерхази нащупал пульс: медленный и прерывистый.

— Гипотермия, — сказал он Фальконеру. — Нужно согреть ее как следует. Где рыжая баба?

— Герта? Заперлась в кубрике.

— Пусть готовит теплую ванну!

Фальконер исчез, Эстерхази же снял с Констанс спасательный жилет, расстегнул и стянул промокшие платье и белье, завернул девушку в теплый шерстяной плед, лежавший на ближнем шезлонге.

Пластиковыми наручниками стянул кисти. Связал и щиколотки, но свободно, чтобы жертва могла ходить.

Явилась Герта в компании Фальконера, с лицом, побелевшим от страха, но внешне сохраняя спокойствие.

— Ванна готова!

Констанс пронесли через салон в отдельную каюту-люкс на баке и там опустили в ванну, наполненную теплой водой. Девушка уже приходила в себя, бормотала невнятно.

— Пойду присмотрю за Пендергастом, — сказал Эстерхази.

Фальконер посмотрел оценивающе, прикидывая, что будет и чего ожидать, и криво ухмыльнулся:

— Когда оживет, я ее приведу и использую, чтобы развязать Пендергасту язык.

Эстерхази инстинктивно вздрогнул.

Агент оставался на прежнем месте. Шульц стоял рядом, сторожа. Эстерхази подтянул ближе шезлонг и уселся, не выпуская пистолета из рук. Впервые он смотрел так близко на врага с тех пор, как оставил его, тяжело раненного, тонуть в трясине Фоулмайра. Как обычно, выражение серебристых глаз Пендергаста, едва различимых сквозь сумрак, истолковать было невозможно.

Прошло десять минут. Эстерхази перебрал в уме множество планов спасения, череду сценариев того, как выбраться с «Фергельтунга». Но выхода не нашел. Ведь убьют, сомнений нет. Во взгляде Фальконера это читалось отчетливо. Из-за Пендергаста он причинил слишком много хлопот и потерь «Ковенанту». Расплата неминуема.

Раздались раздраженные голоса. Рыжая Герта толкала Констанс по пандусу у левого борта, сзади плелся Фальконер, бормоча что-то угрожающее. Спустя пару секунд они ступили на верхнюю палубу. С ними пришел и Циммерман. Констанс одели в длинный махровый белый халат, поверх его — мужской пиджак. Фальконер пихнул ее напоследок, и она рухнула на палубу перед Пендергастом.

— Наглая сука, — пробормотал немец, промакивая платком окровавленный нос. — Стоило хлопотать! Она и так ожила, да еще и задержалась. Привяжите ее к пиллерсу.

Герта и Шульц подняли ее, толкнули к пиллерсу со спасательным леером, привязали. Она не сопротивлялась, оставаясь на удивление спокойной и молчаливой.

Когда закончили привязывать, Фальконер выпрямился, отер лоб и бросил высокомерный торжествующий взгляд на Эстерхази.

— Разговорами займусь я, — объявил он сухо. — В конце концов, это моя первейшая специальность — разговаривать с людьми.

Он содрал ленту со рта Пендергаста.

— Мы ведь не хотим упустить ни слова, которое обронит этот джентльмен, не правда ли?

Эстерхази равнодушно оглядел мостик, ряд светящихся иллюминаторов салона на верхней палубе. Виден был капитан у штурвала, рядом — помощник Грубер. Оба были поглощены работой, не обращая внимания на драму, происходящую на баке внизу. Яхта шла теперь на северо-восток, параллельно южному берегу Лонг-Айленда. Эстерхази задумался над тем, куда они плывут: Фальконер ограничился лишь весьма туманными пояснениями на этот счет.

— Отлично! — объявил Фальконер, вальяжно подойдя к агенту.

Он спрятал пистолет в кобуру и вынул из ножен боевой нож. Стоя перед агентом, задумчиво рассмотрел оружие, погладил, проверил остроту. Затем опустился на колени и вонзил кончик лезвия в щеку Пендергасту. Провел вниз, оставив тонкую красную линию. Та заблестела сочащейся кровью.

— Теперь у вас гейдельбергский дуэльный шрам — как у моего дедушки. Не чудесно ли?

Рыжая смотрела жадно и радостно, предвкушая жестокую забаву.

— Видите, какое острое лезвие? — осведомился Фальконер. — Но это не для вас — для нее.

Он подошел к девушке и встал над нею, играя ножом.

— Если он не будет отвечать на мои вопросы быстро и подробно, я начну резать тебя. Причем весьма болезненно.

— Он не скажет, — ответила Констанс тихо и спокойно.

— Когда начнем кормить рыб твоим мясом — скажет.

Она взглянула на немца, и Эстерхази поразился: в ее глазах не виделось ни капли страха. Жуткое существо!

Фальконер попросту хохотнул в ответ и снова обратился к Пендергасту:

— Ваши любопытные розыски, о которых мы узнали лишь недавно, оказались для нас весьма информативными. К примеру, мы узнали, что Хелен жива, а не умерла много лет назад.

У Эстерхази застыла в жилах кровь.

— Верно, Джадсон?

— Это неправда, — выговорил тот вяло.

Фальконер махнул рукой — мол, какие пустяки!

— Так или иначе, вот наш первый вопрос: что вы знаете о нашей организации и как вы узнали о ней?

Но Пендергаст не ответил. Его странные серебристые глаза уставились на Эстерхази, и в них отчетливо читалось сочувствие.

— Ты же понимаешь, кто следующий, — произнес агент.

Фальконер подошел к Констанс, схватил за руку. Вынул нож и медленно, с удовольствием взрезал большой палец. Девушка подавила крик, лишь мотнула резко головой.

— В следующий раз обращайтесь ко мне и отвечайте на вопрос, — предупредил немец Пендергаста.

— Не отвечай! — выдохнула Констанс, даже не взглянув на мучителя. — Ничего не говори! Они все равно убьют нас обоих!

— Неверно, — поправил ее Фальконер. — Если он заговорит, мы высадим тебя на берег — живой. Свою жизнь он уже не спасет, но может спасти твою. Отвечайте на вопрос! — приказал он Пендергасту.

Специальный агент заговорил. Рассказал вкратце о найденных в ружье жены холостых патронах и о том, как понял, что двенадцать лет назад в Африке Хелен погибла не случайно. Говорил он медленно, отчетливо, совершенно ровным, спокойным голосом.

— И оттого вы отправились в Африку и обнаружили наш маленький заговор, — подытожил Фальконер.

— Ваш заговор? — повторил Пендергаст задумчиво.

— Зачем ты рассказываешь ему? — спросила вдруг Констанс. — Думаешь, он выпустит меня живой? Конечно же нет! Алоизий, замолчи! Мы оба уже мертвецы.

Ее лицо светилось яростью. Фальконер схватил ее руку, вынул нож и снова медленно взрезал, куда глубже, чем в первый раз. Девушка скривилась, вздрогнула от боли, но не закричала.

Краем глаза Эстерхази заметил: Шульц и Циммерман сунули оружие в кобуру и наслаждаются зрелищем.

— Не делайте этого, — предупредил Эстерхази. — Будете так поступать, он замолчит.

— Черт побери, я лучше вас знаю, что делать! Я занимаюсь этим много лет.

— Вы не знаете его.

Фальконер задумался. Поднял окровавленный нож, покачал перед лицом агента, провел лезвием по его губам, вытирая кровь.

— В следующий раз она лишится большого пальца, — предупредил немец и ухмыльнулся. — Любите ее? Наверное, любите. Она молода, крепка духом, прекрасна, — как не любить?

Он выпрямился, зашагал лениво по палубе.

— Пендергаст, я жду. Продолжайте!

Но тот не заговорил, лишь пристально посмотрел на Эстерхази.

Фальконер приостановился, склонил голову, глядя лукаво. Затем произнес с сожалением:

— Как хотите. Я всегда исполняю обещанное. Шульц, держи ее руку.

Шульц схватил девушку за руку, Фальконер взмахнул ножом. Эстерхази понял: он и в самом деле сейчас отрежет палец. А когда отрежет, обратного пути уже не будет ни для него, ни для Пендергаста.

Глава 76

— Пойдите-ка! — вмешался Эстерхази.

— Что такое? — недовольно спросил Фалькoner.

Эстерхази шагнул к нему и быстро зашептал на ухо:

— Я кое-что не сказал вам, очень важное. Вам обязательно следует это знать.

— Черт побери, я только начал дело как следует!

— Пойдемте к борту. Они не должны слышать. Говорю вам, это информация первостепенной, жизненной важности!

— Лучше ей такой и оказаться! Прервать мою работу...

Садистская улыбка на лице немца сменилась злобной гримасой.

Эстерхази подвел его к перилам по левому борту, прошел еще пару шагов к юту. Проверил, не увидят ли сверху. Надстройка заслоняла их и от глаз тех, кто остался с Пендергастом и Констанс.

— В чем дело? Объясни! — потребовал Фалькoner свирепо.

Эстерхази наклонился к нему как бы для того, чтобы прошептать на ухо, положил руку ему на плечо — и вынул пистолет из кармана.

Пуля пробила Фалькonerу череп. С другой стороны брызнул фонтан крови, обрывков мозга и обломков кости. Из входного отверстия хлестнуло прямо в лицо Эстерхази.

Глядя с недоумением, немец упал на руки бывшего союзника. Тот схватил его за плечи и, приподняв резким движением, перекинул труп через поручни.

На звук выстрела кинулся Циммерман. Выскочил из-за угла — и получил кусок свинца между глаз.

— Шульц! — завопил Эстерхази. — На помощь!

Спустя мгновение из-за угла показался Шульц с пистолетом в руке — и тоже схватил пулю.

Эстерхази попятился, бормоча и отплевываясь, вытирая лицо платком. Вернулся к оставшимся на палубе. Герта смотрела на него,

окаменев от ужаса.

— Подойди сюда! — приказал он. — Медленно и без глупостей, или пристрелю!

Она повиновалась и подошла к каюте. Эстерхази схватил ее и той же лентой, какой связывал Пендергаста, скрутил щиколотки, кисти и заклеил рот. Оставил в проходе сбоку, где ее не было видно из рубки, затем пошел на ют. Там Хаммар медленно приходил в себя, стонал и невнятно бормотал. Эстерхази надежно связал и его. Потом быстро обошел верхние палубы, нашел и связал раненого Эберштарка.

После этого вернулся к привязанным Пендергасту и Констанс.

Он посмотрел на них внимательно и понял: оба видели то, что он сделал. Констанс молчала. Кровь текла из ее порезанного пальца. Эстерхази подошел, опустился на колени, изучил рану. Покопался в кармане, извлек чистый платок и сделал перевязку.

Затем встал. Серебристые глаза Пендергаста глядели на него с едва заметным, но отчетливым удивлением.

— Ты однажды спросил меня, как я мог убить свою сестру, — сказал Эстерхази. — Я ответил правду. И снова повторяю ее. Я не убивал. Хелен жива.

Глава 77

Лицо Пендергаста приняло странное, доселе невиданное выражение. Но он ничего не сказал.

— Думаешь, только я твой враг? Только со мной ты борешься? — зачастил Эстерхази. — Ошибаешься! Это не только я, не только яхта и ее команда. Ты не имеешь ни малейшего понятия, с чем связался!

Пендергаст по-прежнему молчал.

— Послушай, Фальконер собирался убить и меня. Убив тебя, он немедленно приступил бы ко мне. Я это понял сегодня, на борту яхты.

— И потому убили его, чтобы спастись, — заметила Констанс. — И вы считаете, что этого хватит для нашего доверия?

Эстерхази притворился, что не расслышал, — впрочем, не слишком удачно.

— Черт побери, Алоизий, послушай: Хелен жива, и я нужен, чтобы привести тебя к ней! У нас нет времени стоять и болтать. Позднее я все объясню. Ты будешь помогать мне или нет?

Констанс холодно рассмеялась.

Эстерхази долго смотрел в ледяные, непроницаемые глаза агента. Глубоко вдохнул и сказал:

— Думаю, стоит рискнуть. Быть может, в твоей странной голове зародилось нечто побудившее тебя поверить мне хотя бы в одном этом.

Вынув нож, он склонился, чтобы разрезать путы, но застыл в нерешительности.

— Знаешь, Алоизий, — произнес он тихо, — я стал тем, кем был предназначен стать с рождения. Для этого я и был рожден, и это от меня не зависит. Если бы ты только знал, через какие ужасы пришлось пройти нам с Хелен, ты бы понял.

Он разрезал лить, привязывавший агента к пиллерсу, рассек липкую ленту.

Пендергаст медленно встал, потирая запястья. На его лице по-прежнему сохранялось непроницаемое выражение. После секундного колебания Эстерхази вынул пистолет агента из-за пояса, протянул рукоятку вперед. Пендергаст принял оружие и сунул в карман. Не говоря ни слова, подошел к девушке и освободил ее.

— Пойдем, — предложил Эстерхази.

Секунду никто не двигался.

— Констанс, подожди нас у шлюпки на корме, — приказал Пендергаст.

— Постой! Неужели ты не видишь, что он...

— Пожалуйста, иди к шлюпке! Мы вскоре туда придем.

Девушка внимательно посмотрела на Пендергаста, повернулась и ушла на ют, растворилась в сумраке, окутывающем палубы.

— На мостике двое, — сообщил Эстерхази. — Нужно нейтрализовать их и покинуть яхту.

Пендергаст не ответил. Эстерхази пожал плечами и решил приступить к делу. Открыл дверь салона, переступил через неподвижное тело. Вдвоем они пересекли салон, поднялись на верхнюю палубу, раздвинули скользящие стеклянные двери и подошли к дверям рубки. Агент встал рядом с оружием наготове. Эстерхази постучал.

— Кто там? Что случилось? — донесся из интеркома капитанский голос. — Почему стреляли?

— Это Джадсон, — ответил Эстерхази, изо всех сил пытаясь казаться спокойным. — Все кончено. Мы с Фалькonerом изловили и связали их. Они в салоне.

— Остальная команда?

— Вышла из строя. Тяжело ранены либо убиты. Некоторые отправились за борт. Но теперь все под контролем.

— Боже правый...

— Фалькonerу нужен Грубер — на несколько минут.

— Мы никак не можем связаться с Фалькonerом по рации.

— Рацию он выбросил. Этот Пендергаст завладел рацией и

слушал наши переговоры. Капитан, послушайте, у нас мало времени. Фальконеру нужен Грубер, прямо сейчас.

— Надолго? Мне он тоже нужен.

— Пять минут, самое большее.

Щелкнул отмыкаемый замок, лязгнула, отодвигаясь, задвижка. Дверь открылась. В тот же миг Пендергаст ударом ноги распахнул дверь, кинулся вперед и сшиб помощника рукояткой пистолета. Грубер рухнул на палубу, лишившись сознания. Эстерхази прыгнул к капитану и сунул пистолетный ствол ему в ухо.

— Ложись! На пол, кому сказал!!

— Что за черт...

Эстерхази выстрелил в стену и снова приставил оружие к уху капитана:

— Слышишь меня? Лицом на пол, руки в стороны!

Капитан рухнул на колени, затем улегся, как приказано. Эстерхази обернулся и увидел, что Пендергаст связывает помощника.

Не отводя пистолетного ствола от капитана, он подошел к приборной доске и поставил дизели на холостой ход. Яхта сбавила ход, тихо заскользила по воде, замедляясь.

— Какого черта ты делаешь? — заорал капитан. — Где Фальконер?

— Свяжи и этого, — попросил Эстерхази.

Пендергаст быстро связал капитана.

— Ты мертвец! — прошипел тот, глядя на Эстерхази. — Они тебя прикончат. Уж тебе-то известно, как они поступают с предателями!

Пендергаст подошел к пульту управления, осмотрелся, поднял стеклянную крышку над красным рычагом и потянул его. Зазвучал сигнал тревоги.

— Что это? — встревожился Эстерхази.

— Я включил аварийный радиомаяк. Теперь, пожалуйста, иди к шлюпке, спусти ее на воду и ожидай меня.

— Зачем? — спросил Эстерхази, обескураженный тем, как

обыденно и внезапно Пендергаст принялся командовать.

— Мы покидаем судно. Делай, как сказано.

Равнодушие и спокойствие его голоса действовали на нервы. Отдав приказ, агент спустился вниз. Эстерхази же проследовал к кают-компании и на бак. Там стояла в ожидании Констанс.

— Мы покидаем яхту, — сообщил Эстерхази.

Он стянул тент со шлюпки — жестко-надувного катера «Вэлиант» длиной 5,2 метра с четырехтактным подвесным мотором «Хонда». Открыл транец, задействовал лебедку, и шлюпка соскользнула на воду. Эстерхази зачалил ее, забрался внутрь, завел мотор.

— Залезайте! — сказал он Констанс.

— Пока не вернется Алоизий, я останусь тут, — ответила она.

Ее фиалковые глаза смотрели пытливо и спокойно. Спустя пару минут она произнесла в своей забавной старомодной манере:

— Доктор Эстерхази, не изволите ли припомнить, что я пообещала вам ранее? Позволю себе повториться: в свое время, когда созреет для этого возможность, я вас убью.

— Не тратьте усилий на пустые угрозы, — пренебрежительно фыркнул Эстерхази.

— Пустые угрозы? — Она любезно улыбнулась. — Это всего лишь констатация будущего события, столь же неизбежного, как смена дня и ночи.

Глава 78

Эстерхази стало любопытно, чем же занимается Пендергаст.

Ответ пришел незамедлительно в виде приглушенного взрыва где-то в нижних отсеках. Вскоре явился и агент. Он помог девушке перебраться в шлюпку, перебрался сам. Яхту сотряс новый взрыв, резко запахло дымом.

— Что ты сделал? — спросил Эстерхази.

— Устроил пожар в моторном отсеке. Но аварийный радиомаяк даст оставшимся на борту неплохие шансы на спасение. Садись за руль и увози нас отсюда.

Эстерхази отогнал шлюпку. Погрохотал третий взрыв, выбросивший в небо шар огня. Вокруг задождило горячей щепой, лоскутами брезента, клочками стеклопластика. Эстерхази развернул суденышко и, дав столько оборотов, на сколько отважился при таком волнении, погнал прочь. Катер нырлял в ложбины меж волн, задираясь носом к небу, но шел ходко.

— Держи на северо-восток, — приказал Пендергаст.

— Куда мы направляемся? — спросил Эстерхази, подавленный необходимостью слушать приказы агента.

— К южной оконечности Файр-Айленда. В это время года там пустынно. Идеальное место для незаметной высадки.

— А потом?

Шлюпка прилежно бороздила океан, подлетала, опускалась на волнах, переваливала через гребни. Пендергаст молчал, будто не услышав вопроса. Яхта скрылась во тьме за спиной, даже огонь и дым, вырывающиеся из нее, растворились в темноте. Вокруг царила беспросветная ночь, лишь отблеск далеких огней Нью-Йорка лежал на воде стелющимся туманом.

— Переключись на холостой ход, — приказал Пендергаст.

— Зачем?

— Просто переключись!

Эстерхази исполнил приказание. Следующая волна заставила его

пошатнуться, и тогда Пендергаст внезапно схватил его, швырнул на пол шлюпки и придавил. Дежавю — не то ли самое произошло во дворе разваливающейся шотландской часовни? Ствол пистолета так же уткнулся в висок.

— Что ты делаешь? Я спас тебе жизнь!!

— Увы, я не сентиментален, — ответил агент тихо и угрожающе. — Мне нужны ответы, и прямо сейчас. Первый: зачем ты это сделал? Зачем пожертвовал ею?

— Но я не жертвовал Хелен! Она жива! Никогда бы не убил ее, ведь я ее люблю!

— Я говорю не про Хелен, а про ее сестру-близнеца. Ту, которую ты звал Эммой Гролье.

Изумление на секунду победило страх.

— Как же... да как ты узнал?

— Простая логика. Я заподозрил это, как только выяснил возраст женщины, содержащейся в доме престарелых «Бэй-Манор». Возможен единственный вывод. У однояйцовых близнецов идентичные ДНК, и потому даже мертвое тело подтвердило твою ложь. У Хелен были чудесные зубы, и у близнеца, очевидно, тоже. Единственная пломба Эммы, в точности повторяющая пломбу Хелен, была шедевром зубоврачебного искусства.

— Да, — смущенно подтвердил опомнившийся Эстерхази.

— Как же ты мог?

— Пришлось выбирать между нею и Хелен. Эмма... в общем, ее разум был искалечен. Тяжелая умственная отсталость. Смерть для нее оказалась практически благом, освобождением. Алоизий, пожалуйста, поверь: я вовсе не такой злодей, каким ты меня считаешь. Боже правый, если бы ты знал, что пришлось пережить нам с Хелен, то смотрел бы на все по-другому. Совершенно!

Ствол вдавился сильнее.

— И что же вам пришлось пережить? Зачем вы устроили безумный обман с охотой на львов?

— Разве ты не понимаешь, что кому-то нужно было умереть! «Ковенант» желал смерти Хелен. Там посчитали, что она погибла в

подстроенной мною ловушке. Теперь «Ковенанту» известно, что Хелен жива, и потому она в смертельной опасности. Нам следует немедленно залечь на дно — нам всем.

— Что такое «Ковенант»?

Эстерхази облизнул пересохшие губы.

— Как же мне заставить тебя понять? Вспомни «Лонжитьюд фармасьютиклз», Чарльза Слейда! Но это лишь начало! Увиденное тобой на Испанском острове — просто провинциальный спектакль, не более чем заметка на полях огромного текста.

Пендергаст молчал.

— «Ковенант» сворачивает операции в Нью-Йорке, стирает следы пребывания в США. Чтобы контролировать дела, в город прибывают большие боссы. Возможно, они уже в городе. Силы небесные, нам просто необходимо двигаться, и поскорее! Только так Хелен может выжить. Все сделанное мною до сих пор было ради Хелен, чтобы она жила, потому что...

Он запнулся.

— Я даже пожертвовал второй сестрой, пусть и тяжелобольной. Ты должен понять! Дело больше не в тебе и даже не в Хелен. Это намного больше! Я объясню все, но теперь нам необходимо спасти Хелен.

Голос его сорвался в рыдания. Впрочем, он тут же снова взял себя в руки. Схватил Пендергаста за лацкан:

— Разве ты не видишь: это единственный выход!

Пендергаст встал, спрятал оружие.

— Алоизий, не доверяй этому человеку, — заметила молчавшая до того Констанс.

— Его чувства неподдельны. Он не лжет, — ответил Пендергаст, садясь за руль.

Он прибавил обороты, держа курс на северо-восток, к южной оконечности Файр-Айленда. Посмотрел на Эстерхази:

— После выхода на берег отвезешь нас прямо к Хелен.

— Так не получится, — ответил тот, немного поколебавшись.

— Почему?

— За много лет я приучил ее к чрезвычайной осторожности. Эта привычка спасла ей жизнь в Африке. По телефону переговорить не получится, внезапно явиться вместе со мной — очень опасно. Мне нужно ехать к ней самому и потом привезти ее к тебе.

— У тебя есть план?

— Нет. Мы должны отыскать способ разоблачить и уничтожить «Ковенант». Или они — или мы. Мы с Хелен знаем о них многое, ты же — мастер стратегии. Вместе мы справимся.

— Сколько времени тебе нужно, чтобы привезти ее? — спросил Пендергаст после недолгого раздумья.

— Шестнадцать часов, возможно, восемнадцать. Встретиться следует в людном месте, где «Ковенант» не осмелится проявить себя, и после сразу залечь на дно.

— Алоизий, он лжет, — тихо произнесла Констанс. — Лжет, чтобы сохранить свое жалкое существо.

Пендергаст коснулся ее руки:

— Ты права в том, что его инстинкт самосохранения доминирует над всем остальным. Но сейчас он говорит правду.

Констанс промолчала.

— В моих апартаментах в «Дакоте» имеется хорошо защищенное помещение, откуда есть потайной выход. В Центральном парке напротив «Дакоты» есть небольшой пруд Консерватории-Уотер — там запускают модели яхт. Тебе он известен?

Эстерхази кивнул.

— Это не так далеко от зоопарка, — едко заметила Констанс.

— Я буду ждать у лодочного домика в шесть часов вечера, завтра. Ты сможешь привезти Хелен к этому времени?

Эстерхази взглянул на часы: начало двенадцатого.

— Да.

— Переход ко мне займет не более пяти минут — «Дакота» у края парка.

Впереди Эстерхази различил слабые отблески маяка у пролива

Моричес и линию дюн Каупсоуге, белых как снег под яркой луной. Пендергаст направил катер к ним.

— Джадсон... — сказал он вдруг.

— Да? — торопливо ответил тот.

— Я верю, что ты говоришь правду. Но поскольку предмет твоих откровений мне близок и дорог, я могу ошибаться насчет тебя. Констанс полагает, что я ошибаюсь. Итак, ты приведешь ко мне Хелен согласно договоренности — либо, перефразируя Томаса Хоббса, обещаю: твое дальнейшее пребывание на этой планете станет очень коротким и болезненным.

Глава 79

Нью-Йорк

Первую половину вечера Кори провела, помогая новой подруге убрать квартиру и приготовить полный противень лазаньи, но с соседнего дома глаз не спускала. Мэгги ушла в восемь вечера на работу в джаз-клуб, вернуться собиралась после двух ночи.

Близились полночь. Кори приканчивала третью чашку кофе, сидя в крошечной кухоньке, похожей на вагонное купе, и рассматривала импровизированный набор «Юный взломщик». Кори внимательно прочитала, а затем перечитала свой затрепанный экземпляр подпольной классики «Неофициальное руководство MIT^[29] по открыванию замков отмычкой». Она боялась, что в новых замках на доме окажутся пильчатые штифты — тогда замок почти невозможно взломать.

А ведь еще и сигнализационная лента на окнах... Значит, даже если она сумеет взломать замок, при открывании двери немедленно сработает сигнализация. Открытие либо взлом окна даст тот же эффект. К тому же, вопреки впечатлению обветшалости, внутри наверняка датчики движения и лазерные сенсоры. А может, и не наверняка... Не узнаешь, пока не залезешь.

Залезешь... Она что, и в самом деле решилась на такое? Ведь хотела же ограничиться наблюдением снаружи. Но один вечерний час сменял другой, и решение непонятным образом изменилось. А почему? Хм... конечно, она пообещала Пендергасту не вмешиваться, но в то же время ощущала глубоко, подспудно и сильно: он не представляет всей грозящей ему опасности. Знает ли он, что учинили наркодилеры с Беттертоном и четой Броуди? Гнусные ребята, эти наркодельцы.

Кори Свенсон не какая-нибудь глупышка. Не станет делать ничегошеньки опасного. Совсем. Дом номер 428 по Ист-Энд-авеню кажется полностью заброшенным, ни одного огонька ни снаружи, ни внутри. Кори наблюдала весь день: никто не вошел и не вышел.

Нет, она не нарушит обещания, данного Пендергасту. Подойдет

близко к черте, но не переступит. Никаких заморочек с торговцами наркотой! Просто аккуратненько шмыгнет в дом, пару минут осмотрится, и все. При первых же признаках неприятностей, пусть и вовсе пустяковых, тут же выбежит наружу. Если найдет хоть что-нибудь интересное, немедленно передаст этому надутому индюку-шоферу Проктору, чтобы тот сообщил Пендергасту.

Кори посмотрела на часы: ровно полночь. Ждать дольше не имеет смысла. Она сложила отмычки в рюкзак, затем упаковала остальное: небольшую дрель с наборами сверл по стеклу, дереву и камню, резак для стекла, вакуумные присоски, набор проволоки, кусачки, набор инструментов для работы с проволокой, зубоорачебные зеркальца, отвертки и щупы, пару небольших светодиодных фонарей, чулок для лица на случай видеокамер, перчатки, маску, масло для замков, ветошь, изоленту, баллончик с краской и пару мобильных телефонов. Один спрятала в сапог.

Как азартно, интересно, клево! Забава получится что надо! У себя в Медсин-Крике она частенько развлекалась подобным образом. Конечно, надо практиковаться время от времени, а то все забудешь, пальцы потеряют ловкость. Не раз ее посещала мысль: может, вместо карьеры блюстителя закона выбрать карьеру нарушителя?.. Правда, так много блюстителей питают удивительное пристрастие к преступлениям... Пендергаст, например...

Кори вышла из кухни в крошечный задний дворик, окруженный со всех сторон восьмифутовой кирпичной стеной. Он зарос травой и кустами, из которых там и сям торчали чугунные садовые кресла и стол. Из окон домов вокруг сочилось достаточно света, чтобы без проблем ориентироваться, но из этих окон ее точно не увидят. Выбрав самый затененный участок стены, ведущей во двор дома 428, Кори подтащила кресло, встала на него, перемахнула через стену и соскользнула во двор, полностью заросший китайской бузиной и сумахом. Она придвинула древний расшатанный стол вплотную к стене, которую ободрала при спуске, затем медленно, осторожно прокралась сквозь заросли к дому.

Прислушалась. Абсолютно никаких признаков движения внутри, ни огонька.

Задняя дверь оказалась металлической, с новым замком. Кори подкралась вплотную, опустилась на колени, раскрыла пенал с отмычками, выбрала подходящую. Вставила, повернула, прощупывая

замок. Быстро выяснила: замок очень трудный. Быть может, Пендергаст справился бы в два счета, но для нее...

Лучше поискать альтернативу.

Прокравшись вдоль дома, Кори заметила окна в подвал, находящиеся в углублениях. Опустилась на колени, посветила в одно фонариком. Стекло покрывал слой грязи, и оно полностью утратило прозрачность. Пришлось достать ветошь и заняться очисткой. Постепенно слой грязи уменьшился настолько, что обнаружилась сигнализационная лента за стеклом.

Но с этим-то можно иметь дело!

Она вынула дрель, поставила полумиллиметровое алмазное сверло и просверлила две дырочки: одну сквозь ленту в верхнем углу окна, вторую сквозь ленту снизу, стараясь не разорвать контур, чтобы не заставить тем самым сработать сигнализацию. Зачистила оконечности медного провода, продела сквозь дыры, зафиксировала тонкими зубными щупами, чтобы обеспечить контакт с фольгой. Целостность контура обеспечена, можно делать что угодно с прочими частями окна.

Кори наделала дрелью дырочек, очертив проем, достаточный, чтобы проскользнуть внутрь. Затем провела резакон, соединив дыры, приставила вакуумную присоску и резко стукнула по стеклу. Оно аккуратно обломилось по линии надреза. Хотя лента и разорвалась, сигнализация не сработала: благодаря проволоке контур остался замкнутым.

Кори отступила, посмотрела на окружающие здания. Никто ее не видел и не слышал, никто не обратил внимания на подозрительное шевеление в саду заброшенного дома. Она глянула на здание перед собой, остававшееся глухим и темным, как могила.

Снова посмотрела на окно. Опасаясь лазерного сенсора, посветила в подвал фонарем, но увидела только шкафы с выдвижными ящиками и стопки книг. Лента — очень грубая и примитивная система сигнализации. Может, и внутри дома все такое же убогое?

Используя зубооечебное зеркальце, Кори направила луч света от фонаря во все углы подвала. Ничего похожего на датчики движения либо сенсоры.

Сунула руку, помахала, готовая броситься наутек при первых же проблесках красного света из темноты.

Ничего.

Значит, пора внутрь. Кори повернулась спиной к дому, сунула ногу в дыру, аккуратно пролезла вся, спрыгнула на пол, затянула рюкзак за собой.

Замерла в темноте, готовая к появлению красных мигающих огоньков или любых других признаков сработавшей сигнализации.

Все спокойно.

Из угла вытянула стул, поставила под окном, на случай необходимости в поспешном бегстве. Осмотрелась. Лунного света хватало, чтобы различить содержимое комнаты. То самое, что она увидела снаружи: много металлических шкафов, стопок пожелтевших бумаг, повсюду груды книг. Комната-склад.

Кори подошла к ближайшей груди, стянула пропыленный лист полиэтилена, ее прикрывающий. Одинаковые толстые старые тома в коленкоровом переплете, на обложках — большая черная свастика в белом круге на красном поле.

Называлась книга «Mein Kampf».^[30] Автор — Адольф Гитлер.

Глава 80

Нацисты.

Кори опустила полиэтилен, стараясь не зашуршать. По спине пробежал холодок. Она застыла, оцепенев, не в силах двинуться. Теперь все сказанное Беттертоном приобрело смысл. Дом построен в первой половине прошлого века, окрестности — немецкий квартал, убийца, про которого рассказывал журналист, говорил с немецким акцентом. И вот — «Майн кампф».

Тут не наркоторговцы. Тут нацисты. Этот дом — их база, наверное, со Второй мировой войны. Здесь они гнездились и после капитуляции Третьего рейха, Нюрнбергского процесса, даже после советской оккупации Восточной Германии и падения Берлинской стены. Невероятно, непостижимо! Все настоящие, того времени нацисты уже мертвы, разве нет? Кто же эти люди? Господи боже, да что они делают здесь столько лет?

Если Пендергаст об этом не знает — а он, скорее всего, не знает, — ей необходимо выведать больше. Обязательно!

Теперь Кори кралась очень осторожно. Сердце стучало лихорадочно, и она постаралась успокоиться. Хотя не видно было никакого движения, никаких признаков присутствия, она понимала: дом может и не пустовать. Так просто не определишь.

В углу — стол с электронным оборудованием, также прикрытый грязным полиэтиленом. Медленно и осторожно Кори приподняла угол — под пластиком оказался набор старой радиоаппаратуры. Она посмотрела на шкафы, на таблички, прикрепленные к выдвижным ящикам. Везде немецкий язык, а Кори его не знала. Выбрала ящик наугад — закрыт. Достала отмычки, в минуту справилась с простейшим замком. Открыла, но ящик оказался пуст. Однако, судя по слою пыли на верхней части стенок, недавно был полон.

Еще несколько ящиков подтвердили предположение: хранимые там бумаги кто-то извлек, причем недавно.

Вынув фонарь и посветив коротко по сторонам, Кори изучила двери в дальних стенах. Кажется, одна вела наверх. Девушка подошла вплотную, взялась за ручку и крайне медленно приоткрыла дверь,

стараясь, чтобы заржавевшие петли скрипели как можно тише.

Луч фонаря осветил комнату, чьи стены, пол и потолок были облицованы белым кафелем. Посередине — привинченный к полу стальной стул, голый металл. Под ним — канализационный сток. К ножкам и подлокотникам приделаны стальные кандалы. В углу — ржавый выход водопроводной трубы, на полу свернутый кольцом шланг.

Кори отступила, ощущая легкую тошноту, и направилась к двери в другом конце подвала. За нею обнаружилась ведущая вверх узкая лестница. В конце — другая дверь. Стоя перед нею, Кори долго вслушивалась. Наконец взялась за ручку, приоткрыла на четверть дюйма. Быстрый осмотр с зубным зеркальцем показал: это давно заброшенная, пыльная кухня. Кори зашла внутрь, осмотрелась, затем тихо прошла в столовую и в вычурно отделанную гостиную за нею. Та была оформлена в стиле баварского охотничьего дома: панели на стенах, оленьи рога, массивная резная мебель, пейзажи в тяжелых рамах, стойки с древними ружьями и карабинами. С каминной полки глядела свирепыми стеклянными глазами лохматая кабанья голова, блестели желтые клыки. Кори быстро осмотрела шкафы, выдвинула пару ящичков. Все документы и книги — на немецком.

Она вышла в зал. Остановилась там, едва дыша и напряженно вслушиваясь.

Тишина.

Тогда она решила подняться по лестнице. Останавливалась на каждой ступеньке, продолжая вслушиваться. На площадке второго этажа снова замерла, вся внимание. Осмотрела закрытые двери, открыла наугад: комната почти без мебели, только кровать без матраса, стол, стул и книжный шкаф. Зарешеченное окно глядит на задний двор. Оно разбито, на подоконнике еще валяются осколки стекла.

Кори проверила остальные двери. За всеми — пустые комнаты, когда-то бывшие спальнями. Лишь последняя — донельзя запыленная, удушливая фотолаборатория, несколько печатных станков и примитивно выглядящих старых ксероксов. Вдоль стены — стойки с медными формными пластинами, на многих — причудливые рисунки, напоминающие гербы и официальные печати. Должно быть, старое оборудование для подделки документов.

Кори вернулась в зал, потом поднялась по лестнице на третий этаж. И оказалась на большом, разделенном на две комнаты чердаке. Первая комната, сразу у лестницы, показалась очень странной: на полу толстые персидские ковры, на высоких подсвечниках, стоящих прямо на полу, дюжины длинных толстых свечей, у их основания — длинные наплывы растопленного воска, словно сталагмиты. На стенах — толстые портьеры, испещренные странными желтыми и золотыми символами, либо вышивки, либо аппликации из толстого войлока: гексаграммы, астрономические знаки, глаза, лишенные век, сомкнутые треугольники, пяти— и шестиконечные звезды. У основания одной портьеры — ярко вышитое слово «АРАРИТА». В углу три мраморные ступени вели к подобию алтаря.

Жуть какая!

Кори невольно подалась назад. Что ж, еще комната — и надо убираться поскорее.

Вздвогнув, девушка зашла через низкий проем в следующую комнату, заполненную книжными шкафами и полками — наверное, когда-то служившую библиотекой либо кабинетом для исследовательской работы. Но теперь все полки и шкафы пустовали, на голой стене одиноко висел пыльный, траченный молью нацистский флаг.

Посреди комнаты стояла большая новая машина для уничтожения бумаг, подключенная к розетке и выглядящая совсем не к месту в комнате, похожей на застывший во времени реликт середины прошлого века. С одной стороны от машины громоздились стопки документов, с другой — черные пластиковые мусорные мешки, полные резаной бумаги. В дальнем конце комнаты виднелась раскрытая дверь в чулан.

Кори подумала о пустых ящиках внизу, о пустых спальнях на втором этаже. Но что бы тут ни происходило, оно стремительно превращалось в историю: похоже, все свидетельства методично и поспешно уничтожались.

Девушка ощутила укол страха. Если уничтожение документов не закончилось, оно ведь может возобновиться в любой момент.

Похоже, все оставшиеся в доме документы уже лежат здесь. Несомненно, Пендергаст захочет их видеть. Кори принялась спокойно и быстро обследовать стопки. Большинство — со времен

Второй мировой, готический шрифт, печати и гербы со свастиками. Проклиная себя за незнание немецкого, Кори аккуратно перебирала документы, пытаясь отыскать что-либо, представляющее особый интерес.

Просматривая один-два документа из каждой огромной пачки, она поняла: самые свежие — внизу. И занялась теми, что снизу. Однако и они оказались на немецком, так что важность их оценить было невозможно. Тем не менее Кори собрала те, которые с виду казались повнушительнее, с большим количеством печатей и виз, и те, на которых красовалось напечатанное красными буквами: «STRENG GEHEIM».^[31] Это показалось ей очень похожим на привычное «Совершенно секретно» на официальных бумагах.

Внезапно она заметила на документе фамилию «Эстерхази» и сразу вспомнила: это же фамилия жены Пендергаста! «Эстерхази» встречалось по всему документу. Кори взялась искать в стопке под ним и немедленно нашла другие, содержащие эту фамилию. Собрала их все, запихала в рюкзак.

Затем отыскиались бумаги на других языках: испанском и, в большом количестве, на португальском. Сквозь испанский Кори смогла кое-как продраться и выяснила, что большинство найденного — скучная финансовая отчетность. Счета, сметы, запросы о компенсации, списки купленного. Попадалось немало историй болезни, где имена пациентов были вымараны либо обозначены инициалами. Тем не менее наиболее интересные с виду она тоже запихала в рюкзак, уже раздувшийся до угрожающих размеров...

Послышался тихий скрип половиц.

Кори застыла, холодея, ощущая, как адреналин мощно выплеснулся в кровь. Прислушалась напряженно.

Ничего.

Медленно закрыла рюкзак, выпрямилась, стараясь двигаться бесшумно. Дверь в комнату была лишь чуть приоткрыта, оттуда сочился тусклый свет. Половицы скрипнули опять. Тихонько, едва различимо, но явственно. Шаги? Кто-то крадется?

Чердак — ловушка. Окон нет, выбраться невозможно, единственный выход — лестница вниз. Не нужно паниковать раньше

времени, быть может, эти скрипы всего лишь игра встревоженного воображения...

Кори ждала среди сумрака, будто заведенная пружина.

Заскрипело снова, тоньше, громче. Нет, не игра воображения. В доме кто-то есть, поднимается по лестнице на чердак.

Увлечшись бумагами, Кори совсем позабыла, что нельзя шуметь. Быть может, ее услышали?

Со всей возможной осторожностью она двинулась через комнату к открытой двери в чулан. Сумела добраться беззвучно, ни единая половица не скрипнула предательски. Шагнула внутрь, прикрыла дверь, оставив небольшую щелку, присела на корточки в темноте. Сердце стучало так громко... а вдруг пришедший услышит?

Снова легкий скрип, потом мучительный скрежеток. Дверь в комнату открылась. Кори выглянула в щель, едва осмеливаясь дышать.

Повисла долгая тишина. Затем в комнату ступил мужчина.

Кори затаила дыхание. Вошедший был одет в черное, на лице — круглые темные очки. Взломщик?

Мужчина вышел на середину комнаты, осмотрелся и наконец вынул пистолет. Повернулся к чулану и прицелился в дверь.

Кори принялась отчаянно копать в рюкзаке.

— Пожалуйста, выходите! — приказал мужчина.

В его голосе слышался иностранный акцент.

Кори встала. Распахнула дверь.

Мужчина улыбнулся. Снял пистолет с предохранителя, тщательно прицелился.

— Auf Wiedersehen!^[32] — произнес он.

Глава 81

Специальный агент Пендергаст сидел на кожаном диване в гостиной своих апартаментов в «Дакоте». Порез на щеке, очищенный и обработанный, теперь казался лишь тонкой красной линией. Констанс Грин, в белом кашемировом свитере и плиссированной юбке кораллового цвета, сидела рядом. Комната была без окон; из агатовых люстр под самым потолком, сделанных в виде ракушек, лился мягкий свет. Три стены были окрашены в темно-розовый цвет. Четвертая — из черного мрамора. По ней струилась тонкая пленка воды, падающая с негромким плеском в бассейн у подножия, где плавали цветки лотоса.

На столе из дерева бразил стоял стальной заварной чайник и пара чашечек, наполненных зеленой жидкостью. Алоизий и Констанс разговаривали тихо, голоса их были едва различимы среди плеска и журчания воды.

— Я по-прежнему не понимаю, зачем ты отпустил его прошлой ночью, — сказала Констанс. — Не сомневаюсь, что ты не доверяешь ему.

— Да, не доверяю, — ответил Пендергаст. — Но в этом случае — верю. Он сказал правду о Хелен тогда, в Фоулмайре, и говорит правду сейчас. Впрочем, — агент заговорил еще тише, — он знает: если не исполнит обещанного, я его выслежу. Обязательно. Не считаясь с затратами.

— Если этого не сделаешь ты, сделаю я.

Пендергаст взглянул на подопечную. В ее глазах мелькнула холодная спокойная ненависть. Он уже видел такое однажды. И потому сразу понял: беда возможна нешуточная.

— Сейчас половина шестого, — сообщила она, взглянув на часы. — Значит, через полчаса... Алоизий, как ты себя чувствуешь?

Он ответил не сразу. Сменил положение, словно никак не мог усесться удобно.

— Признаться, я ощущаю крайне неприятное беспокойство.

Констанс встревожилась:

— Прошло двенадцать лет... Если правда то, что твоя... твоя жена сумела обмануть смерть, почему она не давала о себе знать? Зачем этот — прости меня, Алоизий, — непомерный, чудовищный обман?

— Не знаю. Могу лишь предположить, что это связано с «Ковенантом», о котором говорил Джадсон.

— Если она жива... ты примешь ее как любимую жену? — Констанс слегка покраснела и потупилась.

— Этого я не знаю, — ответил Пендергаст так тихо, что девушка едва расслышала его слова.

Телефон на столе зазвонил, и Пендергаст снял трубку:

— Да?

Выслушал, вернул трубку на место.

— Вскоре здесь будет лейтенант д'Агоста, — сообщил он. — Констанс, если тебе вдруг надоест твое положение, станет невыносимым оставаться в заточении, просто сообщи мне. Я улажу дела с ребенком, и ты покинешь «Маунт-Мёрси». Нам нет острой необходимости... следовать плану.

Лицо ее смягчилось:

— Мы должны следовать плану. Да и в любом случае, я довольна пребыванием в больнице. Как ни странно, там уютно и приятно. Мне нет дела до суеты и тревог внешнего мира. Но скажу еще одно: я ошибалась, рассматривая ребенка лишь как сына твоего брата. Мне следовало думать о нем с самого начала как о племяннике моего... моего дорогого опекуна.

Констанс сжала его руку.

Зазвенел звонок. Пендергаст встал, открыл дверь. За нею стоял хмурый, суровый д'Агоста.

— Винсент, спасибо! Все уже подготовлено?

Тот кивнул:

— Машина ожидает внизу. Я сообщил доктору Острому, что Констанс уже на пути назад. Бедняга чуть в обморок не упал от радости.

Пендергаст вынул из платяного шкафа пальто из викуньей шерсти, надел, затем помог одеться девушке.

— Винсент, пожалуйста, удостоверьтесь, что доктор Остром понял целиком и полностью: Констанс возвращается добровольно, ее уход из больницы был похищением, а не побегом, и вина за это лежит целиком на фальшивом докторе Пуле. Его мы ищем, но вряд ли сумеем отыскать.

— Да, разумеется. Я уж постараюсь.

Они покинули квартиру, вошли в поджидающий лифт.

— Когда прибудете в «Маунт-Мёрси», настаивайте, чтобы ей выделили прежнюю комнату и вернули все ее вещи, книги и записи. В противном случае протестуйте как можно более энергично.

— Вы уж поверьте, я там настоящий ад устрою.

— Дорогой Винсент, отлично!

— Но... черт возьми, вы не хотите, чтобы я пошел с вами в парк, к этому лодочному домику? Ну, на случай проблем...

Пендергаст покачал головой:

— Винсент, в любом другом случае я, несомненно, принял бы вашу помощь. Но безопасность Констанс очень важна. Вы, конечно, вооружены?

— Конечно.

Лифт опустил, двери с тихим шорохом раздвинулись. Констанс, лейтенант и Пендергаст вышли в юго-западный вестибюль и ступили во внутренний двор.

— Возможно, Эстерхази устроил ловушку, — заметил д'Агоста, хмурясь.

— Сомневаюсь. Но я принял меры предосторожности на случай, если нам захотят помешать.

Они прошли под аркой, устроенной на манер замковых ворот с опускающейся решеткой, вышли на Семьдесят вторую улицу. У будки привратника ожидал неприметный автомобиль, за рулем — полицейский в форме. Д'Агоста осмотрелся, затем открыл для Констанс заднюю дверь.

Девушка повернулась к Пендергасту, коснулась его щеки легким поцелуем.

— Береги себя, Алоизий! — прошептала она чуть слышно.

— Я вернусь к тебе, как только смогу, — заверил он.

Она пожала на прощание его руку и села в машину.

Д'Агоста закрыл за Констанс дверь, сам зашел с другой стороны. Пристально посмотрел на Пендергаста:

— Эй, партнер, вы уж на рожон не лезьте, ладно?

— Я приложу все усилия, чтобы последовать вашему совету и в прямом, и в переносном смысле.

Лейтенант уселся, захлопнул дверцу. Машина тронулась и вскоре растворилась в сгущающемся сумраке.

Пендергаст проводил ее взглядом, затем вынул из кармана крошечные наушники с микрофоном, надел и закрепил. Сунув руки в карманы пальто, перешел широкую авеню. Вошел в Центральный парк и скрылся среди зарослей, направляясь по извилистой тропинке к Консерватори-Уотер.

Глава 82

Было без пяти минут шесть вечера. Центральный парк казался дремотным, зачарованным воплощением картины Магритта: ярко освещенное небо, под ним — окутанные сумраком деревья, мрачные дорожки между ними. Ток городской крови замедлился с вечером, такси неторопливо катились по Пятой авеню, ленись даже загудеть клаксоном.

Мемориальный лодочный домик с его рыжей кирпичной кладкой и позеленевшей бронзой казался игрушкой кондитера. Поверхность пруда была идеально гладкой. За ним, за тонкой каймой деревьев, одетых в потускневший осенний багрянец, громоздились мегалиты Пятой авеню. Каменные фасады розовели в лучах уходящего солнца.

Специальный агент Пендергаст прошел сквозь вишневую рощу на Пилигрим-хилл и остановился в длинной тени, отбрасываемой деревьями, чтобы внимательно рассмотреть лодочный домик и окрестности. Вечер выдался для поздней осени необыкновенно теплым. Поверхность овального пруда не тревожил ни единый ветерок, на водной глади пылали карминные, пурпурные, багряные цвета заката. Кафе по соседству с лодочным домиком было закрыто. У берега горстка модельстов, мечтающих о собственных яхтах, возилась с моделями. Рядом сидели и лежали, лениво болтая руками в воде и глядя на кораблики, несколько малышей.

Пендергаст медленно обогнул пруд, прошел мимо статуи, изображающей персонажей «Алисы в Стране чудес», приблизился к лодочному домику. На каменном парапете у пруда стоял скрипач, играющий «Сказки Венского леса», явно злоупотребляя вариациями темпа. На скамейке перед домом сидела влюбленная парочка, шепталась, целовалась тихонько, рядом на скамейке — одинаковые рюкзаки. На соседней скамейке восседал Проктор, одетый в костюм из темного твила и погруженный в чтение «Уолл-стрит джорнал». Торговец жареными каштанами и кренделями уже закрывал свою будку, а в глубокой тени за лодочным домиком, в зарослях рододендронов готовил ложе из картона бездомный бродяга. Там и сям шагали по дорожкам прохожие, направляющиеся к Пятой авеню.

Пендергаст коснулся наушника.

— Проктор?

— Да, сэр?

— Что-нибудь подозрительное?

— Нет, сэр. Все безобидно. Пара влюбленных, не замечающих никого и ничего вокруг, кроме друг друга. Бродяга, только что закончивший собирать ужин из мусорных баков. Теперь укладывается. Добыл себе бутылку пойла, смахивает на чернила «Найт трейн». Студенты упражнялись в рисовании пруда, но ушли четверть часа назад. Последние моделисты уже упаковывают кораблики. Кажется, ничего опасного.

— Отлично.

Пендергаст помимо воли стиснул кулаки. Закончив разговор, он осторожно разогнул, размял пальцы. Небольшим усилием воли заставил сердце биться медленней, вернуться к нормальному ритму. Вдохнул глубоко, медленно, вышел из тени, пошел к парапету, окружающему Консерватори-Уотер.

Проверил часы: ровно шесть. Он огляделся по сторонам — и застыл, не в силах двинуться.

Со стороны фонтана Вифезда приближались двое. Кто — не разобрать в тени под пологом ветвей. Они прошли под Трехлопастной аркой, миновали статую Ханса Кристиана Андерсена.

Пендергаст ждал, опустив руки, стараясь держаться расслабленно, обыденно. За его спиной расхохотался мальчишка, увидевший столкновение игрушечных корабликов, идущих в порт.

Пришедшие, чьи силуэты четко выделялись на фоне тускнеющего неба, остановились на другом берегу пруда, глядя в сторону лодочного домика. Мужчина и женщина. Зашагали вдоль берега, приближаясь. Пендергаст глядел на женщину: как шла и двигалась, на ее осанку, фигуру — и вдруг защемило сердце. Все и все вокруг: скрипач, влюбленные, мальчишки, деревья и памятники — исчезли. Пендергаст смотрел, не отрываясь. Огибая пруд, двое вошли в полосу света, косо брошенного уходящим солнцем, и агент смог разглядеть черты ее лица.

Время застыло. Пендергаст замер среди него, недвижимый. Женщина, немного поколебавшись, оставила мужчину позади и неуверенно пошла навстречу.

В самом ли деле это Хелен? Густая копна роскошных рыжих волос... как и раньше, разве что немного короче. Такая же стройная, как и при первой встрече, быть может, даже стройнее. Длинные, изящные ноги, прежняя грация...

Но когда она приблизилась, Пендергаст заметил перемены: сеточку морщин в уголках голубых с фиалковыми искорками глаз, тех самых, смотревших безжизненно в жуткий день под чужим небом. Ее кожа, прежде всегда загорелая, немного веснушчатая, стала бледной, даже сероватой. Раньше Хелен просто лучилась спокойной уверенностью, а теперь казалась растерянной, робкой — как тот, кого изрядно помяла жизнь.

Она остановилась в нескольких футах от Пендергаста, глядя ему в лицо.

— Это и в самом деле ты? — выговорил он хрипло и тихо.

Женщина попыталась улыбнуться, но улыбка вышла натянутая и жалкая.

— Алоизий, мне жаль. Мне очень, очень жаль.

При звуках ее голоса, уже столько лет слышанного лишь во сне, Пендергаст словно пронизало током. Впервые в жизни он целиком утратил самообладание, мысли начисто вылетели из головы, он хотел говорить — и не мог подобрать ни единого подходящего слова.

Она сделала шаг, коснулась кончиком пальца свежего пореза на его щеке. Посмотрела за его плечо, на восток, указала пальцем.

Он послушно посмотрел туда — за деревья, за Пятую авеню. Там среди каменных громад, словно в раме, красовалась огромная, полная, масляно-желтая луна.

— Посмотри, — прошептала Хелен. — Столько лет прошло, а луна у нас все та же...

Это всегда было их секретом: впервые они встретились при полной луне и все недолгое время, пока оставались вместе, неизменно, во что бы то ни стало, вдвоем, и только вдвоем, раз в месяц глядели на восходящую полную луну.

Это и убедило разум Пендергаста в том, во что и так уже поверило сердце: перед ним — настоящая Хелен.

Глава 83

Эстерхази держался на приличествующем расстоянии от воссоединившейся пары, заняв позицию вблизи лодочного домика. Там он и ждал, сунув руки в карманы, наблюдая за спокойным, благодушным течением жизни вокруг. Скрипач доиграл вальс, принялся за весьма сентиментальную трактовку «Лунной реки».

Страх перед «Ковенантом» немного отступил. Да, они уже знают, что Хелен жива. Они сильны... но Пендергаст теперь союзник, и тоже весьма могущественный. Все будет в порядке.

В дюжине ярдов от него последний судомоделист вынул кораблик из воды, стал разбирать и класть детали в алюминиевый ящик, в пенопластовые гнезда. Эстерхази смотрел, как Хелен с Пендергастом медленно прогуливаются вдоль пруда. Впервые в жизни он ощутил невероятное, бескрайнее облегчение — словно отыскал наконец путь наружу из огромного лабиринта, хитросплетения зла, где блуждал с самого раннего детства. Все произошло так внезапно... невозможно поверить. Будто родился заново.

Однако, несмотря на идиллию вокруг, он не мог избавиться от застарелой, привычной настороженности. Ведь нет абсолютно никакого повода для тревоги, но все же... «Ковенант» никак не мог узнать о месте встречи. Несомненно, тревога эта — всего лишь следствие давней привычки всегда и везде быть настороже...

Он пошел вслед за парой, но держался поодаль, позволяя им побыть наедине. «Дакота» неподалеку, десять минут по извилистым дорожкам парка, где полно прохожих. Но пока они не торопятся. Разговаривают тихо, медленно обходя пруд.

Когда снова подошли к лодочному домику, Пендергаст сунул руку в карман и вынул золотое кольцо с большим звездчатым сапфиром.

— Узнаешь его?

— Даже не представляла, что увижу его снова, — прошептала Хелен, краснея.

— А я не представлял, что вновь смогу надеть его на твой палец — пока Джадсон не сказал, что ты жива. Я знал: он сказал правду, хотя никто другой и не поверил.

Он потянулся к ее левой руке. Пальцы еще чуть подрагивали.

Но, подняв ее руку, Пендергаст застыл в растерянности. Кисти не было — только обрубок с уродливым шрамом на оконечности.

— Но отчего твоя рука? Я думал, сестра...

— Все пошло не как планировалось. Было жутко... Слишком сложно и трудно объяснять все сейчас.

— Хелен, скажи, зачем ты согласилась с этим ужасным планом? Почему скрывала от меня столько всего: «Черную рамку», Одюбона, семейство Доан и остальное? Почему ты...

Она оборвала его жестом:

— Давай не будем об этом сейчас. Потом. У нас хватит времени на все.

— Но как же Эмма, твоя сестра... ты знала, что ею пожертвовали?

Лицо ее стало мертвенно-бледным.

— Я узнала лишь потом... после всего...

— Но ты не давала знать о себе столько лет! Как я могу...

Хелен взмахнула здоровой рукой, прося его замолчать:

— Алоизий, остановись, прошу тебя! Всему есть причины. Это страшная история, по-настоящему страшная. Я расскажу тебе все. Но не здесь и не сейчас. Пожалуйста, давай уйдем отсюда!

Она попыталась улыбнуться, но на побелевшем лице улыбка выглядела жутковато. Подняла правую руку, и Пендергаст молча надел кольцо на безымянный палец. Он быстро посмотрел по сторонам. Кажется, ничего не изменилось. Все спокойно и безмятежно. Двое бегунов трусят со стороны водохранилища. Плачет маленький ребенок, запутавшись в поводке слишком ретивого йоркширского терьера. Скрипач усердно пикирует.

Он взглянул на последнего оставшегося судомоделю — тот все еще убирал модель, трясущимися руками пытался запихнуть

детали на место. Несмотря на прохладу, на лбу мужчины проступили капли пота.

За долю секунды в мозгу Пендергаста промелькнула дюжина мыслей: анализ наблюдаемого, выбор действия, решение.

Двигаясь с нарочитым спокойствием, расслабленно, он повернулся к Эстерхази и подозвал его небрежным жестом.

— Джадсон, — сказал тихо, — уведи Хелен отсюда. Без спешки, но как можно скорее.

— Алоизий, что такое... — растерянно заговорила Хелен.

Пендергаст качнул головой, прося жену замолчать.

— Отведи ее в «Дакоту». Встретимся там. Пожалуйста, скорее! Идите же!

Брат с сестрой пошли прочь, Пендергаст оглянулся на Проктора, по-прежнему сидящего на скамейке в сотне ярдов.

— Тревога, — пробормотал Пендергаст в микрофон.

Он лениво пошел вдоль берега к моделисту, все еще запикивающему яхту в футляр. Проходя мимо, задержался, глядя на удаляющихся Хелен и Джадсоны.

— Чудесная модель! — похвалил он моделиста. — Это шлюп или кеч?

— Ну, я новенький, — ответил тот смущенно. — Разницы пока не знаю.

Плавным движением Пендергаст извлек пистолет и прицелился в моделиста:

— Встаньте! И держите руки так, чтобы я их видел!

Тот посмотрел на агента, изображая полное недоумение:

— Вы с ума сошли?

— Выполняйте!

Тот начал вставать — и вдруг с молниеносной быстротой выдернул из-под куртки пистолет.

Пендергаст сшиб фальшивого яхтолюбца наземь одной пулей. Грохот сорок пятого калибра раскатился в вечерней тишине.

— Бегите! — закричал Пендергаст.

В мгновение ока идиллия превратилась в ад. Влюбленные на скамейке вскочили, выхватили из рюкзаков короткоствольные автоматы ТЕС-9 и начали стрелять в Эстерхази. Тот побежал, волоча Хелен за руку. Очередь сшибла его с ног. Он рухнул, нелепо махая руками и крича.

Хелен остановилась, закричала пронзительно:

— Джадсон!

— Не останавливайся! — выхрипел он, задыхаясь, корчась в траве. — Беги...

Вторая очередь вспорола его тело, перевернула на спину.

Повсюду бежали люди, вопя и визжа. Пендергаст кинулся к Хелен, на бегу свалил «влюбленного». Проктор вскочил, выдернув «Беретту 93R», выстрелил в женщину, но та успела упасть за скамейку, используя тело подстреленного друга как прикрытие. Пендергаст прицелился в нее и краем глаза заметил, как бродяга встает со своей картонной постели, вытаскивая из кустов дробовик.

— Проктор! — закричал Пендергаст. — Бродяга!!

Он не успел договорить: дробовик грохнул, и разворачивающегося Проктора подбросило, швырнуло назад. «Беретта» лязгнула о дорожку. Шофер тяжело упал, вяло дернулся и затих.

Бродяга повернулся к агенту и, получив пулю сорок пятого калибра в грудь, рухнул спиной в кусты.

Пендергаст обернулся и увидел в сотне ярдов Хелен, окруженную бегущими людьми. Она стояла на коленях возле брата, плача от отчаяния и глядя его по голове здоровой рукой.

— Хелен! — закричал Пендергаст, снова кинувшись к ней. — К Пятой авеню! Беги к Пятой...

Из-за скамейки грохнул выстрел, и Пендергаст ощутил страшный удар в спину. Крупнокалиберная пуля швырнула его наземь. Все поплыло перед глазами. Пуленепробиваемый жилет остановил пулю, но от удара вышибло дух. Агент перекатился, судорожно кашляя, и выстрелил из удобной позиции. Хелен наконец поднялась и кинулась бежать к Пятой авеню. Если ее прикрыть

огнем, возможно, она успеет.

Тут из-за скамейки выстрелила «влюбленная». Пуля взбила облачко пыли в нескольких дюймах от лица Пендергаста. Агент выстрелил в ответ и услышал, как пуля срикошетила от металла скамейки. Из-за скамейки выстрелили опять. Пуля просвистела у его щеки и вонзилась в щиколотку. Не обращая внимания на жгучую боль, Пендергаст сконцентрировался, выдохнул и, тщательно прицелившись, выстрелил. На этот раз пуля прошла меж брусьями скамейки и врезалась женщине в лицо. Та дернулась, всплеснула руками, осела наземь и затихла.

Стрельба прекратилась.

Пендергаст обвел взглядом сцену перестрелки. Вокруг лежали шесть бездыханных тел: пара влюбленных, фальшивый судомоделист, бродяга, Проктор и Эстерхази. Живые разбежались, крича и плача. Вдалеке он разглядел бегущую Хелен, направляющуюся к каменным воротам на Пятую авеню. Уже слышались полицейские сирены.

Агент встал и пошел, хромая.

И тут он увидел, как пара бегунов, приостановившихся, а с началом стрельбы изменивших курс, направились напрямик к Хелен. И больше не трусцой — они неслись по-спринтерски, со всех ног.

— Хелен! — закричал он, ковыляя изо всех сил мимо лодочного домика.

Из раненой ноги струилась кровь.

— Посмотри налево! Налево!!

В сумраке под деревьями бегущая Хелен обернулась и увидела, что бегуны перекрывают путь к воротам. Она поменяла направление и побежала к густой роще в стороне от дорожки.

Бегуны бросились следом. Пендергаст понял, что не успеет вовремя. Он опустился на колено, прицелился и выстрелил. Но цель была в двухстах ярдах и быстро двигалась — попасть почти невозможно. Он выстрелил еще раз, и еще — последний патрон в магазине. Не попал. Хелен бежала к роще смоковниц у стены парка. Пендергаст лихорадочно выщелкнул пустой магазин, вогнал на место полный.

Раздался крик. Бегуны нагнали Хелен. Один схватил ее и сбил наземь, второй кинулся ему на помощь. Они подняли ее, барахтающуюся, поставили на ноги.

— Алоизий! — закричала она пронзительно. — Помоги! Я их знаю! «Der Bund...»^[33] «Ковенант»... Они убьют меня! Помоги, ради бога...

Бегуны потащили ее к воротам на Пятую авеню. Зарывав от ярости и боли, Пендергаст заставил себя подняться на ноги, собрав последние силы, заковылял к воротам, лишь силой воли удерживая себя в сознании. Рана обильно кровоточила, но Пендергаст не обращал на это внимания.

Он увидел, куда тащат Хелен бегуны: у тротуара на Пятой авеню ожидало такси.

Не успеть.

Но такси — отличная мишень.

Пендергаст снова опустился на колени. Борясь с головокружением, прицелился и выстрелил. Пуля глухо стукнула о боковое окно, срикошетила.

Броня.

Прицелился ниже, выстрелил дважды, но пули так же бесполезно отскочили от бронированных колесных колпаков.

— Алоизий! — закричала Хелен.

Бегуны подтащили ее к машине, распахнули заднюю дверцу. Швырнули внутрь, сами забрались за нею.

— Los, verschwinden wir hier!^[34] — заорал бегун. — Gib Gas!^[35]

Дверца захлопнулась. Пендергаст нагнулся, тщательно прицеливаясь, чтобы попасть в шину — но такси, взвизгнув покрышками, сорвалось с места, и пуля звякнула о бордюр, срикошетила, скользнула бессильно по низу автомобиля.

— Хелен! — закричал Пендергаст. — Нет!

У него перед глазами за клубился черный туман. Сквозь плену он успел еще увидеть, как такси растворилось в потоке таких же машин, катящих на юг по Пятой авеню. Тьма обрушилась, затемнила разум, и, слыша завывание сирен, он прошептал еще раз:

— Хелен...

Он отыскал Хелен Эстерхази Пендергаст.

Но лишь для того, чтобы потерять ее снова.

COLD VENGEANCE

by Douglas Preston and Lincoln Child

Copyright © 2011 by Splendide Mendax, Inc. and Lincoln Child

This edition published by arrangement with Grand Central Publishing,

New York, New York, USA.

All rights reserved

© Д. Могилевцев, перевод, 2013

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Сноски

Матер, Коттон (1633–1728) — известный пуританский проповедник и писатель, вдохновитель процесса «салемских ведьм». (Здесь и далее прим. пер.)

Эшер, Мауриц Корнелис (1898–1972) — нидерландский художник-график.

Дерьмо! (нем.)

4

Да? (нем.)

Добрый день, сеньор Фишер (*исп.*).

«Возмездие» (нем.).

Старейшее привилегированное студенческое братство в США, основанное в 1776 году. Греческие буквы названия — первые буквы слов девиза «Философия — рулевой жизни».

Брат (*лат.*).

И я в Аркадии (*лат.*). Аркадия — поэтический образ страны безмятежного счастья.

Лицемерного читателя (*фр.*). Выражение из стихотворения Шарля Бодлера «К читателю», служащего предисловием к его сборнику «Цветы зла».

Традиционное светское угощение в викторианской Англии.

Пар — количество ударов, которое гольфист должен совершить на одной лунке или на всем поле при удачной игре. Пар одной лунки определяется так: считается, что если расстояние от ти до грина не больше 200 метров, игрок должен попасть на грин одним ударом; если оно не больше 400 метров — двумя ударами, а если больше — то тремя ударами. Если мяч попал на грин, хорошим результатом считается попадание в лунку с двух ударов. Таким образом, первый тип лунок будет называться «пар 3», второй — «пар 4», а третий — «пар 5».

Участок с травой средней длины, занимающий большую часть игрового поля между ти и грином.

Подставка из дерева или пластмассы, на которую разрешается ставить мяч, чтобы выполнить первый удар на каждой лунке.

Удар, при котором мяч вылетает прямо, но в конце незначительно отклоняется вправо (для игрока с правосторонней стойкой).

Участок с самой короткой травой непосредственно вокруг лунки.

Клюшка для самого дальнего удара, имеющая наименьший угол наклона головки и самую длинную ручку.

Удар, при котором мяч вылетает прямо, но после этого значительно отклоняется вправо (для игрока с правосторонней стойкой).

Возможность повторить удар.

Клюшка для очень высоких ударов.

Клюшка для игры на ближние расстояния, из высокой травы.

Букв.: хорошее везение (*идиш*) — выражение, используемое для поздравления с приятным событием.

Вид клюшки для игры с фэйрвея.

Катящийся удар, выполняемый на грине.

Количество ударов на одной лунке на один больше, чем пар.

Количество ударов на одной лунке на 2 удара ниже, чем пар этой лунки.

Проклятье (нем.).

Проклятое дерьмо (*нем.*).

MIT — Массачусетский технологический институт. Книга переведена на русский и легко обнаруживается в Интернете.

«Моя борьба» (нем.).

Строго секретно (нем.).

До свидания! (нем.)

Союз (нем.).

Давай, сматываемся! (нем.)

Газуй! (нем.)